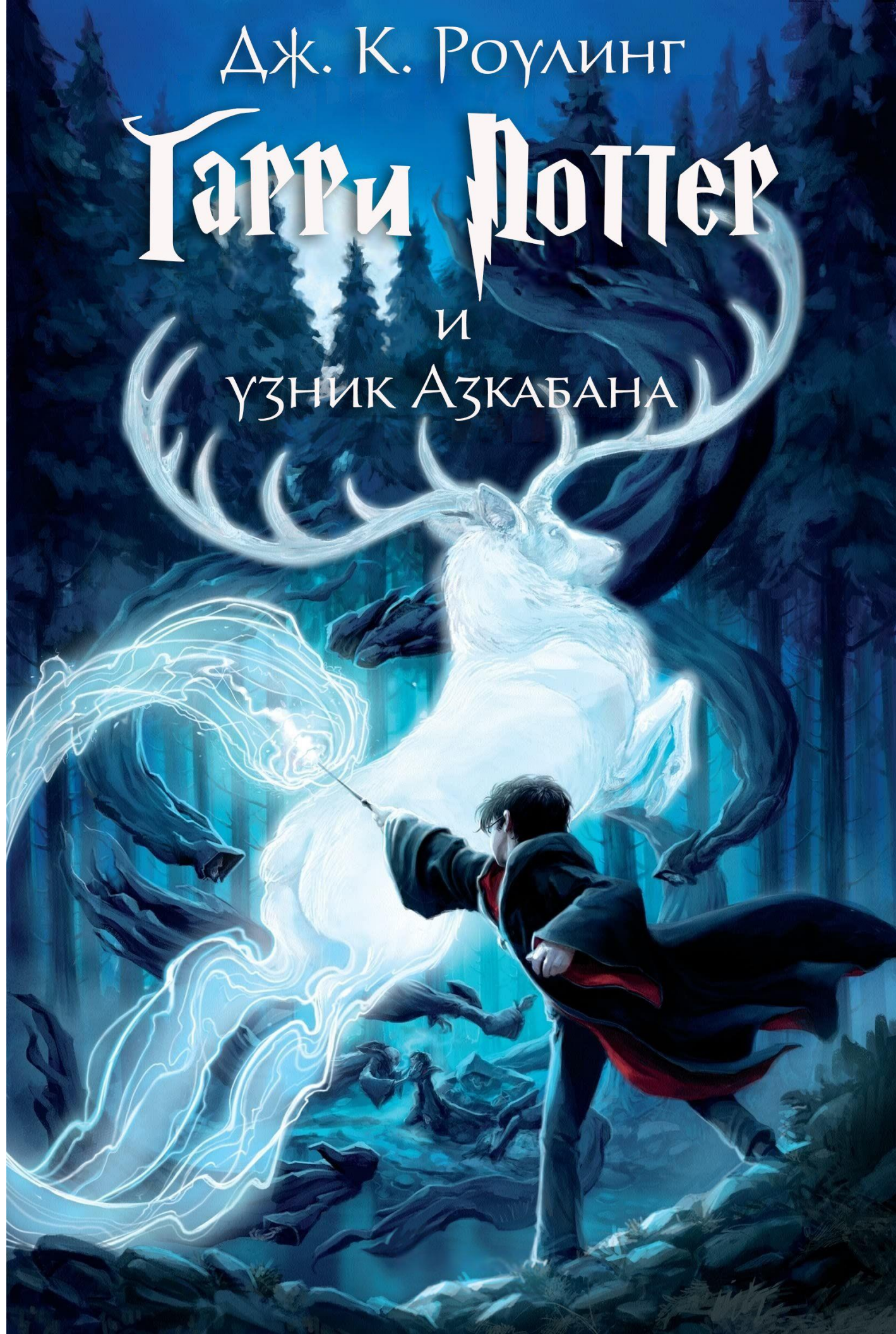

Дж. К. Роулинг

Гарри Поттер

и

УЗНИК АЗКАБАНА

Дж. К. Роулинг

Гарри Поттер

и

УЗНИК АЗКАБАНА

*Посвящается Джилл Прюитт и Анье Килли,
крёстным матерям свинга*

*Text copyright © 1999 J.K.Rowling
Перевод copyright © 2001 Росмэн
Первая редакция Игорь Шенин
Вторая редакция ar13*

Приведение глоссария и оформления к единому виду – ar13.

Версия от 01.04.24

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. Совиная почта	5
Глава 2. Большая ошибка тётушки Мардж	122
Глава 3. Автобус «Ночной рыцарь»	20
Глава 4. Дырявый котёл	29
Глава 5. Дементор	40
Глава 6. Когти и чайники	54
Глава 7. Боггарт в шкафу	68
Глава 8. Побег Полной Леди	77
Глава 9. Зловещее поражение	88
Глава 10. Карта Мародёра	99
Глава 11. «Всполох»	113
Глава 12. Патронус	1244
Глава 13. Гриффиндор против Рэйвенкло	135
Глава 14. Месть Снейпа	144
Глава 15. Финальный матч	156
Глава 16. Пророчество профессора Трелони	169
Глава 17. Крыса, кот и пёс	180
Глава 18. Лунатик, Бродяга, Сохатый и Прихвост	190
Глава 19. Слуга Лорда Волдеморта	195
Глава 20. Поцелуй дементора	206
Глава 21. Секрет Гермионы	211
Глава 22. Снова совиная почта	227
Перечень заклинаний:	238
Аннотация	240

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СОВИНАЯ ПОЧТА

Гарри Поттер во многом был очень необычным мальчиком. Во-первых, он ненавидел летние каникулы больше остального времени в году. Во-вторых, он действительно хотел заниматься домашними заданиями, но был вынужден делать это глубокой ночью тайком. И ещё так случилось, что он колдун.

Была уже почти полночь. Гарри лежал на животе, с головой укрывшись одеялом. В одной руке – фонарик, а на подушке – толстая книга в кожаном переплёте «История магии» Батильды Бэгшот. Насупив брови, Гарри водил по строчкам орлиным пером, искал подходящую цитату для сочинения на тему: «Был ли смысл в XIV веке сжигать ведьм?» Перо задержалось на первой строке вроде бы подходящего параграфа. Гарри поправил очки на носу, поднёс к странице фонарик и прочитал:

«В Средние века немагические жители (более известные как магглы) очень боялись магии, но отличать настоящих ведьм и колдунов не умели. Иногда им всё же удавалось поймать настоящих ведьму или колдуна, но сожжение не приносило эффекта. Пойманные применяли базовые чары для заморозки огня и притворялись, что им очень больно, наслаждаясь мягким ощущением щекотки. Так, Венделине Странной настолько нравилось гореть на костре, что она, меняя свои обличья, позволяла поймать себя не менее сорока семи раз.»

Гарри взял перо в зубы и полез под подушку за чернильницей и пергаментом. Осторожно открыв баночку, обмакнул перо и начал писать. Время от времени он прислушивался: вдруг кому из Дёрзли приспичит в туалет? Если услышат скрип пера, то Гарри наверняка будет заперт в чулане под лестницей до конца лета.

Из-за необходимости жить с семьёй Дёрзли в доме номер 4 на Бирючинном проезде Гарри и не любил летних каникул. Дядя Вернон, тётя Петунья и их сын Дадли были единственными его родственниками. Они – магглы до мозга костей, магии боятся не меньше, чем люди Средневековья. Из-за этого в доме Дёрзли никогда не вспоминали погибших родителей Гарри, которые были настоящими колдунами.

Тётя Петунья и дядя Вернон уже много лет руководствовались принципом: чем хуже они будут относиться к Гарри, тем скорее выбьют у него из головы всё магическое. Однако, к их большому разочарованию, такой подход пока не дал никакого результата. И прошедшие два года Дёрзли жили в постоянном страхе: а ну кто-то узнает, что Гарри учится в школе колдовских и ведьмовских искусств «Хогвартс». Поэтому когда Гарри приехал на каникулы, все его учебники, палочку, котёл и метлу Дёрзли отправили в чулан под лестницей. А ещё запретили ему разговаривать с соседями.

Отсутствие учебников стало серьёзной проблемой, ведь учителя на лето назадавали немало домашних заданий. Особенно сложное сочинение по Уменьшающим зельям Гарри должен был написать для нелюбимого преподавателя – профессора Северуса Снейпа. О, как обрадовался бы Снейп, если бы получил повод наказать Гарри на целый месяц! Поэтому уже в первую неделю каникул Гарри воспользовался подвернувшейся возможностью...

Пока дядя Вернон, тётя Петунья и Дадли вышли в палисадник, чтобы повосхищаться новой служебной машиной дяди Вернона (как можно громче, чтобы её заметила вся улица), Гарри в этот момент спустился вниз, шпилькой открыл в чулане замок, достал из чемодана несколько книг и спрятал их в своей спальне. Если не оставлять на простынях чернильных пятен, Дёрзли и не узнают, что он по ночам изучает магию.

А сейчас на душе у Гарри беспокойно. Он боится рассердить тётю с дядей. Они и так на него очень злы, потому что через неделю после начала каникул ему позвонил школьный друг.

Рон Уизли, лучший друг Гарри, выросший в семье колдунов. Он знает столько всего интересного, о чём Гарри и понятия не имеет, но телефоном никогда не пользовался. Трубку как на грех, снял дядя Вернон.

– Алло. Вернон Дёрзли у телефона.

Гарри, который тоже был в гостиной, замер, когда услышал доносящийся из трубки голос Рона:

– АЛЛО! АЛЛО! СЛЫШИТЕ МЕНЯ?! Я – ХОЧУ – ПОГОВОРИТЬ – С – ГАРРИ – ПОТТЕРОМ!

Рон так громко кричал, что дядя Вернон подскочил и убрал трубку дальше от уха, глядя на неё яростно и беспокойно.

– КТО ЭТО?! – опомнившись, громыхнул дядя в трубку. – КТО ВЫ?!

– ЭТО РОН УИЗЛИ!!! – орал Рон, словно они с дядей Верноном стояли на противоположных концах футбольного поля. – Я – ШКОЛЬНЫЙ – ДРУГ – ГАРРИ!!!

Дядя Вернон покосился своими маленькими глазками на Гарри, который застыл на месте.

– ЗДЕСЬ НЕТ НИКАКОГО ГАРРИ ПОТТЕРА! – завопил дядя не хуже Рона, держа трубку подальше от уха, будто боялся, что та взорвётся. – БЕЗ ПОНЯТИЯ О КАКОЙ ВЫ ШКОЛЕ ГОВОРИТЕ! НИКОГДА МНЕ НЕ ЗВОНИТЕ! НЕ ПРИБЛИЖАЙТЕСЬ К МОЕЙ СЕМЬЕ!

И он швырнул трубку обратно так, словно это был ядовитый паук.

– КАК ТЫ СМЕЕШЬ ДАВАТЬ НАШ НОМЕР ТАКИМ... ТАКИМ КАК ТЫ!!! – брызгал слюной дядя, задыхаясь от ярости.

После этого звонка Гарри стало совсем грустно. Рон больше не звонит – видно, понял, что навлёк беду. И от третьего участника их школьной компании, Гермионы Грэйнджер, также ничего не слышно – наверное, Рон предупредил её, чтобы она не звонила. Жаль, ведь Гермиона сама из семьи маглов, умеет пользоваться телефоном, и к тому же лучшая ученица второго курса. Уж она-то сообразила бы, что в разговоре с Дёрзли не стоит упоминать о Хогвартсе.

Итак, он не общался с друзьями больше месяца, и казалось, что это лето будет таким же плохим, как и прошлогоднее. Но всё-таки крошечное улучшение есть. Дядя Вернон разрешил выпускать по ночам из клетки сову Хэдвиг. Гарри дал честное слово, что не будет слать письма друзьям, и дядя согласился. Дело в том, что, сидя взаперти, Хэдвиг очень шумит.

Гарри закончил писать про Венделину Странную и опять прислушался. Тишина. Лишь издалека доносится похрапывание толстого кузена Дадли. Должно быть, очень поздно, глаза слипаются, пора спать – сочинение можно дописать и завтра ночью.

Гарри закрыл чернильницу, встал с кровати и вытащил из-под неё старую наволочку. Сунул в неё фонарик, «Историю магии», сочинение, перо и пузырёк с чернилами, затем спрятал всё это под отошедшей половицей под кроватью. Выпрямившись, Гарри потянулся и взглянул на светящийся циферблат часов на тумбочке.

Час ночи. У Гарри ёкнуло сердце. Вот уже час, как ему незаметно исполнилось тринадцать лет.

Ещё одной особенностью Гарри было то, что он не так уж сильно ждал свои дни рождения. Поздравительных открыток он никогда в жизни не получал. Два последних его дня рождения Дёрзли полностью проигнорировали, и не было причин полагать, что они вспомнят об этом.

Пройдя мимо большой пустой клетки Хэвиг, Гарри подошёл к открытому окну и облокотился на подоконник. Как же приятно было ощутить прохладу после долгого лежания под одеялом! Хэвиг уже два дня как улетела. Гарри за сову не беспокоился – она часто пропадает где-то на несколько дней, – но надеялся, что она скоро вернётся. Сова была единственным живым существом в этом доме, кого не трясло при встрече с ним.

Гарри выглядит младше своих лет. Он худенький, да и роста невысокого, хотя за год на несколько дюймов всё-таки подрос. Волосы у него чёрные как смоль и всегда растрёпаны, сколько ни причёсывай, глаза изумрудно-зелёные, и ещё он носит круглые очки. На лбу сквозь волосы отчётливо виднеется похожий на молнию шрам.

Среди всего необычного, чем отличался Гарри, шрам был самым удивительным. Нет, он не был памятью об автомобильной катастрофе, убившей родителей Гарри, как гледи Дёрзли в течение десяти лет. Лили и Джеймс Поттеры погибли вовсе не в автомобильной аварии. Их убил величайший за последние сто лет Тёмный колдун Лорд Волдеморт. Гарри спасся, отделавшись лишь шрамом на лбу, в то время как пущенное в него проклятье Волдеморта отрикошетило в своего создателя. Едва оставшись в живых, Волдеморт бежал...

Однако Гарри пришлось снова столкнуться с ним в Хогвартсе. Вглядываясь в ночь за окном и вспоминая их последнюю встречу, Гарри осознал, что ему крайне повезло дожить до тринадцатого дня рождения.

Он смотрел на звёздное небо в поисках Хэвиг, которая, держа в клюве дохлую мышь, наверное, уже спешила к нему, ожидая похвалу. Рассеянно глядя поверх крыш, Гарри только через несколько секунд понял, что он видит.

На фоне золотисто-жёлтого диска луны появилось странное многокрылое существо. Оно на глазах становилось всё больше и больше и летело прямо к нему. Гарри неподвижно стоял, наблюдая, как оно спускается всё ниже и ниже. Долю секунды он колебался, держа руку на затворе окна и размышляя, не захлопнуть ли, но тут крылатое чудище осветил уличный фонарь, и Гарри отскочил в сторону, поняв, что же это.

В окно влетели две совы, поддерживая крыльями третью. Похоже, ей было плохо. Совы осторожно приземлились на кровать и опустили ослабевшую птицу. Большая серая сова повалилась на спину и замерла: к лапам её был привязан объёмистый свёрток.

Это же Эррол – филин семейства Уизли! Гарри подбежал к нему, отвязал свёрток, отнёс филина в клетку Хэдвиг и придвинул ему плошку с водой. Эррол приоткрыл мутный глаз, слабо хнул в знак благодарности и принялся жадно пить.

Гарри вернулся к другим совам.

Большая белоснежная Хэдвиг сидела довольная, она тоже прилетела не с пустыми лапами. Гарри освободил сову от ноши, и Хэдвиг поблагодарила его, ласково клюнув в щёку. Затем взмахнула крыльями и присоединилась к Эрролу.

Третью сову – красавицу-неясыть – Гарри не узнал, но понял, откуда она, ведь кроме посылки у неё было ещё и письмо с печатью Хогвартса. Когда Гарри отвязал свёрток, сова важно распушила перья, взмахнула крыльями и вылетела в окно.

Гарри сел на кровать, взял пакет, принесённый Эрролом, разорвал коричневую обёртку и увидел завернутый в золотую фольгу подарок и первую в жизни открытку ко дню рождения. Дрожащими руками он вскрыл конверт, оттуда выпали письмо и газетная вырезка, на ней чёрно-белый снимок и статья из «Ежедневного пророка»:

«СОТРУДНИК МИНИСТЕРСТВА МАГИИ ВЫИГРАЛ ГЛАВНЫЙ ПРИЗ

Артур Уизли, глава отдела Неправомерного использования маггловских артефактов, выиграл Главный приз, который ежегодно разыгрывает газета «Ежедневный пророк».

– Летом мы поехали к моему старшему сыну в Египет. Билл работает ликвидатором проклятий в местном отделении колдовского банка «Гринготтс», – сообщил нашему корреспонденту счастливый мистер Уизли.

Семья Уизли в течение месяца будет отдыхать в Египте и вернётся к началу учебного года. Пятеро детей Уизли учатся в школе «Хогвартс»»

С улыбкой до ушей, Гарри не отрывал глаз от живого фото: вот они, все девять Уизли стоят на фоне огромной египетской пирамиды и неистово машут ему. Маленькая пухленькая миссис Уизли, высокий с залысинами мистер Уизли и шестеро сыновей с дочкой. У всех (правда, на чёрно-белом снимке не видно) огненно-рыжие волосы. В центре длинный, нескладный Рон обнимает сестрёнку Джинни, на плече у него крысёнок Кориостик.

Гарри и представить не мог хоть кого-то, кто заслуживал бы эту кучу золота больше семейства Уизли, таких добрых, хороших и таких бедных... Он взял и развернул письмо Рона.

«Привет, Гарри!

Поздравляю тебя с днём рождения! Извини, пожалуйста, что так вышло с телефонным звонком. Надеюсь, магглы не устроили тебе проблемы. Папа сказал, что, наверное, не надо было так орать.

В Египте чудесно! Билл повёл нас на экскурсию по всем гробницам. Ты не представляешь, какие проклятия наложили на них древнеегипетские жрецы! Мама даже не пустила Джинни в последнюю пирамиду. Там было полно скелетов-мутантов тех

магглов, которые туда когда-то забрались, а затем у них выросли дополнительные головы и всякое другое.

Я сначала и не поверил, что папа выиграл главный приз «Ежедневного пророка» — целых семьсот галеонов! Конечно, много денег уйдёт на отпуск, но родители всё-таки обещали купить мне новую волшебную палочку.»

Гарри хорошо помнил, как Рон сломал старую. Это случилось, когда автомобиль, на котором они вдвоём летели в Хогвартс, врезался в дерево на территории школы.

«Мы приедем за неделю до начала учебного года и отправимся в Лондон. Надо купить палочку и учебники. Может, встретимся там?

Не давай магглам себя в обиду!

Постарайся приехать в Лондон,

Рон

P.S.

Пёрси стал старостой школы. Он получил письмо на той неделе.»

Гарри ещё раз глянул на фото. Вид у перешедшего на седьмой год обучения Пёрси был очень важный. На аккуратно причёсанной голове — феска, кокетливо сдвинутая набок, а к ней приколот значок старосты школы. Очки в роговой оправе блестят, отражая египетское солнце.

Гарри отложил письмо и развернул золотую фольгу. Внутри было что-то, похожее на маленький стеклянный волчок. И записка от Рона:

«Гарри, это — карманный хитроскоп. Он предупреждает об опасности, вообще о чём-то плохом. Вспыхивает и кружится. Билл говорит, что это просто чушь для туристов и ни о чём не предупреждает. Он так думает, потому что вчера за ужином хитроскоп ни с того ни с сего закружился как сумасшедший. Билл не заметил, как Фред с Джорджем насыпали ему в суп дохлых жуков.

Пока, Рон».

Гарри поставил подарок на тумбочку. Хитроскоп неторопливо покачивался на своём острие, отражая светящиеся стрелки часов. Полюбовавшись на него несколько секунд, Гарри взял посылку, которую принесла Хэдвиг. Внутри неё тоже были обернутый подарок, открытка и письмо, на этот раз от Гермiony.

«Дорогой Гарри!

Рон рассказал мне в письме про звонок твоему дяде Вернону. Надеюсь, у тебя всё в порядке.

Сейчас я во Франции. Я всё думала, как послать тебе подарок, а вдруг его вскроют на таможне? И тут прилетела Хэдвиг! Не сомневаюсь, она хотела убедиться, что в этот раз для разнообразия ты не останешься без подарка на день рождения. Кстати, подарок я заказала по свиной почте, прочла объявление в «Ежедневном пророке» (я подписалась, хорошо быть в курсе событий магического мира). Неделю назад в газете была фотография Рона и его семьи. Ты видел? Мне крайне завидно, он там столько всего узнает. В Древнем Египте жили великие колдуны!

Во Франции тоже есть отдельные интересные события из истории ведьмовства. Я даже переписала своё сочинение по истории и внесла туда часть того, что узнала. Надеюсь, оно получится не слишком большим. Вышло на два свитка длиннее, чем профессор Бинс просил.

Рон сказал, что вернётся в Лондон за неделю до конца каникул. Сможешь обратиться? Дядя с тётей отпустят? Надеюсь, что сможешь. Но если нет, то ничего, встретимся в «Хогвартс-Экспресс» первого сентября!

С любовью, Гермиона

P.S.

Рон написал, что Пёрси стал старостой школы. Представляю, как Пёрси счастлив! А Рон, похоже, не очень.»

Отложив письмо Гермионы в сторону, Гарри снова рассмеялся и взял подарок. Ух ты, какой тяжёлый! Зная Гермиону, Гарри был уверен, что это наверняка большая книга, где полно сложных заклинаний... но нет. Он сорвал бумагу, и сердце у него забилося быстрее. Это был футляр из чёрной, блестящей кожи с серебрянной надписью «Набор по уходу за метлой».

— Ого, Гермиона! — прошептал Гарри, расстёгивая молнию.

Внутри была большая банка «Полироли Флитвуда для рукоятей», мерцающий серебром «Секатор для прутьев», насадка на черенок с маленьким латунным компасом для дальних путешествий и в довершение всего «Пособие по уходу за метлой».

Гарри очень скучал без своих друзей! И почти так же, как и друзей, ему не доставало квиддича, самой популярной игры в магическом мире. Очень опасный и такой увлекательный вид спорта, в который играют на мётлах. Гарри — прекрасный игрок и самый молодой искатель в команде за последние сто лет. У него есть скоростная метла «Нимбус-2000», которую Гарри бережёт как зеницу ока.

Гарри отложил кожаный чемоданчик в сторону и взял последний свёрток. По небрежным каракулям на коричневой бумаге сразу стало понятно: это от Хагрида, школьного лесничего. Гарри снял верхний слой бумаги и успел лишь заметить нечто из зелёной кожи, как пакет вдруг задрожал и внутри него что-то громко щёлкнуло, словно челюсти.

Гарри замер. Опасную вещь Хагрид не пришлёт специально, но... Что опасно, а что нет, у Хагрида на этот счёт свои понятия. Достаточно вспомнить про дружбу с гигантским пауком, покупку злобного трёхглавого пса и тайком пронесённое в хижину драконье яйцо.

Гарри осторожно ткнул в свёрток пальцем.

Щёлк!.. Щёлк!

Гарри взял настольную лампу, крепко сжал и поднял над головой, приготовившись ударить. Другой рукой одним махом стянул обёртку. На кровать упала книга в красивой зелёной обложке, на которой золотыми буквами было вытиснено: «МОНСТРУОЗНАЯ КНИГА МОНСТРОВ».

Только Гарри успел прочесть название, как книга перевернулась и как-то боком, словно краб, двинулась по кровати.

— О! — пробормотал Гарри.

Бах! Книга свалилась на пол и давай шуршать через всю комнату. Гарри прокрался за ней. Книга спряталась под стол. Молясь, только бы Дёрзли не проснулись, Гарри сунул руку под стол.

— Ай!!!

Книга зажала пальцы именинника, но тут же отпустила и запрыгала дальше. Гарри повернулся, ринулся на книгу и прижал её к полу. В соседней комнате дядя Вернон что-то громко проворчал во сне.

Хэдвиг и Эррол с интересом наблюдали за борьбой. Книга так и норовила выскочить из рук. Сжав её из последних сил, Гарри рванулся к шкафу, достал ремень и стянул её. «Монструозная книга» сердито брыкалась, но ремень держал её крепко. Гарри кинул подарок Хагрида на кровать и взял открытку.

«Дорогой Гарри!

С днём рождения! Эта книга тебе очень пригодится в следующем году. Большие ничего писать не буду. Вот свидимся и расскажу. Надеюсь, магглы тебя не обижают.

Всего хорошего,

Хагрид».

У Гарри возникло плохое предчувствие относительно того, почему Хагрид считал, что кусачая книга может ему пригодиться, но он поставил открытку Хагрида рядом с открытками от Рона и Гермионы, улыбаясь при этом всё шире и шире. Ещё осталось письмо из Хогвартса...

Заметив, что оно немного толще, чем обычно, Гарри вскрыл конверт, вынул оттуда первый лист пергамента и прочёл:

«Уважаемый мистер Поттер!

Напоминаю Вам, что первого сентября начинается учебный год. «Хогвартс-Экспресс» отходит от платформы № 9 и 3/4 с вокзала Кингс-Кросс в 11.00. В определённые выходные дни третьекурсникам будет разрешено посещать деревню Хогсмид. Пожалуйста, передайте приложенную форму с разрешением для подписи вашему родителю или опекуну. Список книг для следующего учебного года прилагается.

Искренне Ваша

профессор М. МакГонагалл,

заместитель директора школы».

Гарри достал форму с разрешением, и улыбки как не бывало. Было бы замечательно посещать Хогсмид по выходным. Это единственная деревня, где живут только колдуны, и он ни разу там не был. Но каким же известным на Земле способом можно убедить дядя Вернона или тётю Петунию подписать эту бумагу?

Гарри посмотрел на будильник. Два часа ночи.

«Ладно, подожду до утра». С этими мыслями он лёг на кровать и глянул на висевший на стене календарик. Он составил его, чтобы знать, сколько времени осталось до школы. Вычеркнул прошедший день, улёгся и принялся рассматривать открытки.

Каким бы необыкновенным Гарри ни был, в эту минуту он чувствовал себя как простой мальчишка — впервые в жизни радовался дню рождения.

ГЛАВА ВТОРАЯ

БОЛЬШАЯ ОШИБКА ТЁТУШКИ МАРДЖ

Утром Гарри спустился на кухню. Дёрзли уже сидели за столом и смотрели новенький телевизор, подаренный Дадли по окончании учебного года, ведь сыночек жаловался на слишком долгий путь между холодильником и телевизором в гостиной. И теперь Дадли весь день проводит на кухне; маленькие пороссячьи глазки прилипли к экрану, а пять подбородков работают без остановки.

Гарри сел между Дадли и дядей Верноном – плотным, краснолицым мужчиной с крохотной шеей и пышными усами. С днём рождения Гарри никто не поздравил и даже не подал виду, что заметил его, но Гарри к этому было не привыкать. Он взял гренку и глянул на экран, где говорили о сбежавшем преступнике:

«Блэк вооружён и очень опасен. Увидев его, немедленно сообщите властям по специально созданной горячей линии».

– Без вас понятно, что негодяй! – крикнул дядя Вернон, глядя на преступника из-за газеты. – Вы посмотрите, на кого похож этот грязный бездельник! На патлы его взгляните!

Он метнул злой взгляд на племянника, чьи растрёпанные волосы вечно повергали в гнев прилизанных Дёрзли. Но дядя не прав, у беглеца причёска куда хуже. Волосы такие длинные и спутанные, что худого, бледного лица почти не видно.

Тем временем диктор сменил тему.

«Сегодня Министерство сельского и рыбного хозяйства объявляет...»

– Погоди-ка! – злобно глядя на диктора, рявкнул дядя Вернон. – Ты ж не сказал, откуда сбежал этот маньяк! И какой с этого прок?! А вдруг этот псих сейчас бродит по нашей улице?!

Тётя Петуния, худосочная блондинка с лошадиным лицом, подлетела к окну. Гарри знал, что она будет просто счастлива позвонить на горячую линию. На целом свете не сыщешь столь любопытной дамы, почти всё своё время тратящей на слежку за соседями – такими же благопристойными занудами.

– Когда до них уже *дойдёт*, – дядя обрушил на стол багровый кулачище, – что таким людям дорога одна – на виселицу?

– Что верно, то верно, – кивнула тётя Петуния, не отрывая взора от зарослей вьющейся фасолы на соседнем участке.

Дядя Вернон допил чай и взглянул на часы.

– Ну, я пошёл, Петуния. Поезд Мардж прибывает в десять часов.

Гарри, все мысли которого были наверху – там его ожидал «Набор по уходу за метлой», – был жёстким рывком возвращён с небес на землю.

– Тётушка Мардж? – выпалил он. – Она... *она*... ведь не придет?

Тётушка Мардж – сестра дяди Вернона, и с Гарри родственными узами не связана (мама Гарри была сестрой тёти Петунии). Однако мальчика всю жизнь заставляли звать её тётушкой. Она живёт в пригороде в особняке с большим садом и разводит бульдогов.

Тётушка Мардж не частый гость на Бирючинном проезде – расставание с прелестными собачками для неё невыносимо. Но каждый её визит Гарри вспоминает с ужасом.

На вечеринке в честь пятилетия Дадли тётушка Мардж ударила Гарри по ногам тростью, чтобы он не выиграл у Дадли в «Музыкальных статуях»¹. А года через два тётушка заявила на Рождество. Дадли подарила игрушку – электронного робота, а Гарри – коробку собачьего печенья. В последний визит, за год до поступления в Хогвартс, Гарри нечаянно наступил на лапу её любимой собаке – Злыдню. Бульдог гонял его по саду, пока Гарри не залез на дерево, где и просидел до полуночи: тётушка отказывалась отозвать пса. Вспоминая об этом, Дадли и сейчас хохочет до слёз.

– Мардж погостит у нас неделю, – пробасил дядя Вернон, – и пока мы не ушли от темы, – ткнул он в Гарри толстым пальцем, – нам надо уладить кое-что прямо сейчас, до того, как я за ней поеду.

Дадли ухмыльнулся и оторвал взгляд от телевизора. Наблюдать, как дядя Вернон издевается на Гарри, было его любимым развлечением.

– Первое, – прорычал дядя Вернон, – с Мардж ты будешь предельно вежлив.

– Хорошо, – уныло выдохнул Гарри. – Если и она себя будет вести так же.

Дядя Вернон пропустил его слова мимо ушей.

– Второе. Мардж ничего не знает о твоей *ненормальности*. И покуда она здесь, никаких ... *странностей*. Следи за собой, понял меня?

– Буду. Если и она будет, – стиснув зубы, кивнул Гарри.

На багровом, мясистом лице дяди еле проглядывали маленькие, злые глазки.

– И третье. Мы сказали Мардж, что ты ходишь в Центр Святого Бругуса для неисправимых хулиганов.

– *Что?! –* ахнул Гарри.

– И ты будешь придерживаться этой истории, не то худо будет, – брызнул слюной дядя.

Поблудневший Гарри, едва веря в происходящее, уставился на дядю. Тётушка Мардж приезжает на целую неделю! Да-а, Дёрзли устроили незабываемый день рождения! По сравнению с этим подарок в виде старых носков дяди Вернона – просто мечта!

– Ну, Петуния, я поехал, – сказал дядя, тяжело поднимаясь со стула. – Даддерс, не хочешь прокатиться со мной?

– Не-а, – замотал головой Дадли.

Дядя Вернон перестал поучать Гарри, и толстяк снова уставился в телевизор.

– Дадлик, пойдй принарядись для тётушки. – Тётя ласково погладила сыночка по густым светлым волосам. – Мамочка купила тебе новую красивую бабочку!

Дядя хлопнул Дадли по толстому плечу.

– Я скоро вернусь, – попрощался он и вышел из кухни.

Гарри сидел понуриив голову. Он был вне себя. И вдруг его озарило. Отбросив гренку, Гарри пулей вылетел в холл.

¹ Игра, аналогичная нашему «море волнуется» – дети и взрослые бегают, прыгают и танцуют под музыку, но когда музыка останавливается, каждый должен замереть в какой-нибудь позе и постараться как можно дольше продержаться в таком состоянии. Водящий ходит мимо «статуй» (или «морских фигур») и пытается их рассмешить, чтобы они не удержались и проиграли, или пытается отгадать, что они изображают.

Дядя Вернон уже натягивал куртку.

– Тебя я с собой не звал, – проворчал дядя.

– Как будто я хотел, – холодно ответил Гарри. – Попросить вас хочу кое о чём.

Дядя Вернон прищурился.

– Третьекурсникам в Хог... то есть в моей школе разрешено посещать одну деревню, – произнёс Гарри.

– И? – буркнул дядя, снимая с крючка ключи от машины.

– Нужно, чтобы вы подписали разрешение.

– С какой стати, интересно? – хмыкнул дядя Вернон.

– Понимаете, – начал Гарри, аккуратно подбирая слова, – мне ведь нелегко будет притворяться, что я учусь в этом святом Как-Его...

– Центре Святого Брутуса для неисправимых хулиганов! – заорал дядя Вернон, и Гарри не без удовольствия услышал панические нотки в его голосе.

– Вот именно, – сказал Гарри. Он спокойно смотрел на багровое лицо дяди и продолжал: – Но это трудно запомнить. И чтобы тётушка Мардж поверила, придётся постараться, а то вдруг я скажу чего не так?

– Тогда я из твоей башки выбью всю дурь!! – Сжав кулак, дядя двинулся на Гарри, но тот и не шелохнулся.

– Выбиванием дури вы не заставите тётушку Мардж забыть всего сказанного мной, – мрачно ответил Гарри.

Дядя Вернон оторопел – кулак повис в воздухе, лицо исказила гримаса.

– Но если вы подпишете разрешение, – быстро сказал Гарри, – то, клянусь, я запомню эту школу и буду вести себя как магт... как нормальный и тому подобное.

Дядя стиснул зубы и задумался. Жилка у него на виске запульсировала.

– Ладно, – наконец изрёк он. – Я внимательно буду следить за тобой, пока Мардж у нас. Будешь говорить, что я велел, подпишу эту чёртову бумагу.

Дядя круто развернулся и хлопнул дверью так, что из частого переплёта над ней вылетело цветное стёклышко.

На кухню Гарри не вернулся, отправился к себе в комнату: хочешь вести себя как истинный магт, начинай прямо сейчас.

Медленно и печально Гарри собирал подарки с открытками и спрятал их под половицу к учебникам. Подошёл к клетке: Хэдвиг и Эррол, который уже оправился от перелёта, спали, спрятав под крыло голову. Гарри снова вздохнул и разбудил сов, потыкав пальцем обоих.

– Хэдвиг, – жалобно молвил он, – вам со Эрролом придётся улететь. Только на неделю. Я Рону напишу, он присмотрит за тобой. И не смотри на меня так, – В больших янтарных глазах Хэдвиг читался упрёк. – Я не виноват. Только так я смогу получить разрешение, чтобы с друзьями ходить в Хогсмид.

Гарри написал Рону письмо, привязал к лапе Хэдвиг, и минут через десять совы вылетели из окна. Чувствуя себя совершенно несчастным, Гарри убрал пустую клетку в шкаф.

Однако долго тосковать не пришлось. Уже через секунду завизжала тётя Петунья, требуя, чтобы Гарри спустился и приготовился встречать гостей.

– Пригладь свои патлы! – добавила тётя, когда он появился в коридоре.

Гарри не понимал смысла приводить волосы в порядок. Тётушка Мардж обожает его ругать, к чему лишать её удовольствия?

Слишком скоро снаружи под машиной дяди Вернона зашуршал гравий, а после стукнула автомобильная дверца и послышались шаги по дорожке к дому.

– Открой дверь! – зашипела тётя Петунья.

С тяжёлым сердцем Гарри повиновался. На пороге стояла тётушка Мардж.

Эта краснолицая, внушительной комплекции дама очень походила на дядю Вернона. У неё были даже усы, правда, не такие пышные, как у дяди. В одной руке она держала здоровенный чемодан, второй прижимала к груди старого злобного бульдога.

– А где мой Даддерс? – хрипло гаркнула тётушка. – Где мой медвежонок?

В коридор проковылял Дадли. Соломенные волосы прилизаны, из-под пяти подбородков торчит галстук-бабочка. Швырнув чемодан Гарри, тётушка ринулась навстречу племяннику. Чемодан угодил Гарри в живот, и у него перехватило дыхание. Тётушка Мардж подбежала к Дадли и, потискав его одной рукой, смачно чмокнула в щёку.

Гарри прекрасно знал, что её объятия Дадли терпит лишь потому, что тётушка неплохо ему за это платит. И действительно, когда объятия разжались, в кулаке толстяка хрустнула двадцатифунтовая бумажка.

– Петунья! – воскликнула тётушка и двинулась к ней.

На Гарри она и не взглянула. Он был для неё пустым местом. Тётушки поцеловались, Мардж прижалась массивной челюстью к впалой щеке тёти Петуньи.

Появился дядя Вернон и, весело улыбаясь, закрыл дверь.

– Мардж, не хочешь ли чайку? – предложил он. – А что желает Злыдень?

– Злыдень желает испить чаю из моего блюдечка, – ответила тётушка Мардж.

Семейка отбыла на кухню, а Гарри остался в коридоре с тяжеленным чемоданом. Гарри не жаловался; его устраивал любой предлог, лишь быть подальше от тёти Мардж, поэтому он потащил по ступенькам чемодан в свободную спальню, растягивая процесс, насколько это возможно.

Когда Гарри вернулся в кухню, тётушка уже попивала чай с фруктовым кексом, а в углу Злыдень шумно лакал чай из блюдца. Пол вокруг был забрызган слюной и чаинками. Тётя Петунья была явно не в восторге. Эта блюстительница чистоты терпеть не могла животных.

– Послушай, Мардж, а кто присматривает за другими собаками? – полюбопытствовал дядя Вернон.

– О, я их передала полковнику Фабстеру, – загудела тётушка. – Он вышел на пенсию, и ему всё равно делать нечего. Но моего бедного старичка я оставить не могу. Без меня Злыдень совсем зачахнет.

Гарри сел за стол, и собака зарычала. Тётушка Мардж повернулась и тут как бы впервые заметила Гарри.

– Ага! – рявкнула она. – Ты всё ещё здесь?

– Да, – кивнул Гарри.

– Да? – передразнила тётушка. – Не смей таким неблагодарным тоном тут говорить. Вернон и Петунья по доброте душевной приютили тебя. Я бы не стала. Сразу б отправила в детский дом, окажись ты у меня на пороге.

Гарри не терпелось сообщить, что он предпочёл бы жить в приюте, чем у Дёрзли, но желание посетить Хогсмид останавливало. Он вымученно улыбнулся.

– Не ухмыляйся мне тут! – возмутилась тётушка. – Совсем не исправился с нашей последней встречи. Я-то надеялась, что школа в тебя вобьёт хоть какие-то манеры.

Тётушка одним глотком осушила полчашки чая, вытерла усы и продолжила:

– Напомни, Вернон, это что за школа?

– Имени святого Брутуса, – не замедлил с ответом дядя. – Самое подходящее место для безнадёжных случаев.

– Ясно. – Тётушка повернулась к Гарри: – А в этой школе розгами-то хоть лупят?

– Ну-у...

Дядя Вернон коротко кивнул ему из-за широкой спины тётушки Мардж.

– Ага, – кивнул Гарри. Потом решил, что говорить надо подходчивей, и добавил: – Лупят, всё время лупят.

– Прекрасно, – изрекла тётушка Мардж. – Я и слушать не хочу эти сюси-пуси, что нельзя бить людей, которые этого заслуживают. Хорошая порка – вот что нужно в девяноста девяти случаях из ста! И часто *тебя* бьют?

– Да-да, – кивнул Гарри, – очень часто.

Тётушка Мардж прищурилась.

– Не нравится мне, как ты разговариваешь, – процедила она. – Что-то ты слишком спокойно рассказываешь про наказания. Сдаётся мне, слабовато тебя там лупят. Петунья, на твоём месте, я бы им написала. Дай им понять, что ты одобряешь применение крайних мер к этому мальчику.

Возможно, дядя Вернон заволновался, что Гарри может забыть об их сделке, и потому резко сменил тему.

– Мардж, ты смотрела утренние новости? Что думаешь о сбежавшем преступнике?

* * *

Так вот и поселилась тётушка Мардж на Бирючинном проезде. И Гарри вдруг осознал, что чуть ли не с вожделием вспоминает о жизни без неё. Дяде Вернону и тёте Петунии он старался не попадаться на глаза, и это всех устраивало. С тётушкой Мардж такое не пройдёт – постоянно требует находиться при ней, чтобы досаждать нравоучениями. Она с удовольствием сравнивала его с Дадли. Особенно нравилось ей заваливать толстяка дорогими игрушками. Подарит и смотрит на Гарри – ждёт, что он попросит: «Тётушка Мардж, а мне что?» И всё время нудит, какое Гарри бесполезное, пропащее существо.

– Ты не виноват, Вернон, что мальчишка неисправим, – в третий день пребывания утешала тётушка Мардж брата за обедом. – Что поделать, коль он уже родился с гнильцой.

От негодования у Гарри задрожали руки, к лицу прилила кровь. «Помни об уговоре и молчи, думай о Хогсмиде. Не обращай на неё внимания», – внушал он себе, уставившись в тарелку.

Тётушка налила в бокал вина и провозгласила:

– С собаками тоже всегда так. У дурной суки – дурные щенки!

Едва она произнесла эти слова, как бокал в её руке взорвался. По всей кухне разлетелись осколки. Тётушка заморгала, что-то бормоча, по багровому лицу потекло вино.

– Мардж! – закричала тётя Петуния. – Мардж, ты в порядке?!

– Не беспокойся, – тётушка вытерла лицо салфеткой, – я просто очень сильно сжала бокал. На днях у полковника Фабстера точно так же перестаралась. Да не волнуйся, Петуния, у меня крепкий хват...

Но тётя с дядей не сводили с Гарри подозрительных взглядов. От греха подальше Гарри выскочил в коридор, не дождавшись пудинга.

Тяжело дыша, он прислонился к стене. Уже давно он не выходил из себя так сильно, чтобы что-нибудь взорвалось. Позволить себе такое ещё раз Гарри не мог. На карту поставлено не только разрешение для Хогсмида. Продолжит в том же духе – будут проблемы с Министерством магии.

Гарри – малолетний колдун, и ему законом запрещено заниматься магией за пределами школы. Тем более что досье его чистым уже не было. Прошлым летом он уже получил официальное предупреждение о том, что если Министерство засечёт хоть намёк на магию на Бирючинном проезде, из Хогвартса его точно исключат.

Услышав, как Дёрзли встают из-за стола, Гарри заспешил к себе в комнату.

* * *

Следующие три дня Гарри пережил, мысленно цитируя «Пособие по уходу за метлой» всякий раз, когда тётушка кидалась на него. Это неплохо работало, но, похоже, взгляд его при этом стекленел, потому что тётушка Мардж вдруг высказала догадку, что Гарри, ко всему прочему, ещё и умственно отсталый.

Наконец-то настал последний день пребывания тётушки Мардж на Бирючинном проезде. По такому случаю тётя Петуния накрыла праздничный стол, а дядя Вернон откупорил несколько бутылок вина. Все так увлеклись супом и лососем, что на Гарри никто не обращал внимания. На сладкое был лимонно-меренговый пирог, но удовольствие всем испортил дядя нудным рассказом о дрелях, которые производила его фирма «Граннингс». Потом тётя Петуния подала кофе, а дядя Вернон достал бутылку бренди.

– Мардж, не соблазнишься, а?

Тётушка выпила уже не один бокал вина, и лицо у неё налилось кровью.

– Плесни чуток, – хрипло хихикнула она, протягивая рюмку. – Ну ещё добавь ... и ещё... Ага, вот теперь будет.

Дадли лопал четвёртый кусок пирога; тётя Петуния держала чашку кофе, оттопырив мизинец. Гарри собрался уходить, но дядя Вернон так сердито на него посмотрел – пришлось остаться.

– Уф!.. – Тётушка облизнулась, поставив на стол пустую рюмку. – Потрясающий ужин, Петунья! У меня есть время только быстренько вечером что-нибудь поджарить, с двенадцатью-то собаками...

Смачно рыгнув, она похлопала себя по животу. Под твидовым пиджаком ему было явно тесновато.

– Прошу прощения. Люблю я упитанных мальчиков! – Тётушка подмигнула Дадли. – Ты, Даддерс, вырастешь и будешь такой же большой, как папа! Плесни-ка мне ещё бренди Вернон... Ну а этот...

Тётушка мотнула головой в сторону Гарри, и у того ёкнуло сердце.

«Открываю пособие», – пронеслось у него в голове.

– ...злобный и тщедушный. То же и с собаками. Год назад я велела полковнику Фабстеру утопить такого же недоноска. Слабым был. Беспородным.

Гарри пытался вспомнить двенадцатую страницу... «Чары для исправления заклиннившего реверса...»

– Всё это из-за крови, я уже говорила. Дурная кровь даст о себе знать. Я ничего не хочу сказать плохого о твоей семье, Петунья, – тётушка хлопнула ладонью величиной с лопату по костявой руке тёти Петунии, – но согласись, сестра у тебя была никудышная! Всю семью опозорила! Сбежала с каким-то прохвостом, и вон смотрите, что получилось!

Гарри уставился в тарелку. В ушах зазвенело.

«Крепко держите метлу за рукоять», – твердил он про себя. Что было дальше, он не помнил. Голос тётушки Мардж сверлил голову не хуже дрелей дяди Вернона.

– А этот Поттер. – Тётушка схватила бутылку бренди, плеснула себе ещё и забрызгала скатерть. – Вы так и не говорили, чем он занимался?

Лица у дяди с тётей так сильно напряглись, что Дадли оторвался от пирога и с удивлением глянул на родителей.

– Он не работал. – Тяжело вздохнув, дядя покосился на Гарри. – Он был безработный.

– Так я и думала! – Тётушка опустошила полрюмки вытерла подбородок рукавом пиджака. – Беспольный, ни на что не годный, ленивый попрошайка, который...

– Это не так, – вдруг отчеканил Гарри.

В комнате воцарилась тишина. Гарри сжал кулаки. Никогда ещё он не был так зол.

– ЕЩЁ БРЕНДИ!!! – взревел бледный как мел дядя Вернон. – Ты, – рыкнул он на Гарри, – марш спать, давай...

– Нет, Вернон, – тётушка Мардж икнула, подняв руку. Крошечные, налитые кровью глазки впились в Гарри. – Продолжай, мальчишка. Ты, я вижу, гордишься своими родителями? Угробились в автокатастрофе! Наверняка пьяными были...

Неожиданно для себя самого Гарри вскочил со стула.

– Они погибли не в автокатастрофе! – закричал он.

– Нет, в автокатастрофе, маленький ты лживый гадёныш!!! – От ярости она надулась как индюк. – И взвалили тебя на этих добрых трудолюбивых людей! А ты, неблагодарный, наглый, мелкий...

Но внезапно тётушка Мардж замолчала. Секунду казалось, что слова оставили её. Тётушка словно раздувалась от непередаваемой ярости... и не могла остановиться. Полное красное лицо опухло, крошечные глазки полезли из орбит, а рот растянулся так сильно, что она не могла говорить. Твидовый пиджак лопнул, и пуговицы со свистом разлетелись в стороны. Скоро тётушка превратилась в громадный воздушный шар. Юбка лопнула, живот вывалился наружу, а пальцы растопырились, словно салями...

– МАРДЖ!!! – хором закричали тётя с дядей. Тётушку оторвало от стула, и она поплыла к потолку. Она была совсем круглая, словно огромный живой буёк с поросячьими глазками, руки-ноги безвольно колыхались, из груди рвалось тяжкое пыхтение. В комнату, ошалело гавкая и скользя по полу, вбежал Злыдень.

– НЕЕЕЕЕТ!!! – Дядя схватил тётушку за ногу и едва не взлетел сам. А Злыдень кинулся на дядю и тяпнул его за ногу.

Воспользовавшись суматохой, Гарри выбежал из столовой и помчался в чулан под лестницей. Дверь словно по волшебству открылась, как только он достиг её. Гарри схватил чемодан, бросил его на порог и ринулся наверх к себе в комнату. Вынул половицу под кроватью и схватил наволочку с книгами и подарками. Вылез из-под кровати, не забыв пустую совиную клетку и бросился вниз к входной двери.

В этот миг из столовой выскочил дядя Вернон, одна из его брючин превратилась в кровавые лоскуты.

– ВЕРНИСЬ!!! – возопил он. – СЕЙЧАС И ПРИВЕДИ ЕЁ В ПОРЯДОК!!!

Но Гарри уже было всё равно. Он был готов на любое безрассудство. Пинком открыв чемодан, он вынул волшебную палочку и нацелил на дядю.

– Она получила по заслугам, – сказал он и, отдышавшись, добавил: – Она это заслужила. Не подходите ко мне.

Гарри нашарил за собой дверную ручку.

– Я ухожу. С меня хватит.

Ещё миг, и Гарри очутился на тёмной пустынной улице. Волоча тяжёлый чемодан и неся под мышкой клетку, он запагал прочь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

АВТОБУС «НОЧНОЙ РЫЦАРЬ»

Разъярённый Гарри, несмотря на тяжёлую поклажу, не заметил, как миновал несколько улиц. Но вскоре усталость дала о себе знать. На Магнолия-кресцент он увидел невысокую каменную изгородь и в изнеможении опустился на неё, слушая бешеное постукивание сердца.

После десяти минут сидения на быстро темнеющей улице им овладела новая эмоция: отчаяние. Никогда ещё Гарри, с какой стороны ни глянь, не находился в столь затруднительном положении. Он один в жестоком мире магглов, и ему совсем некуда идти. А самое страшное – Гарри полноценно применил магию и скорее всего будет исключён из Хогвартса. Он нарушил Декрет об ограничении применения колдовства несовершеннолетними так открыто, что диву давался, почему над ним ещё не хлопают крыльями совы из Министерства магии.

Поёжившись, он оглядел Магнолия-кресцент. Что его ждёт? Арест или просто изгнание из магического мира? Гарри подумал о Роне с Гермионой, и на сердце стало ещё тяжелей. Узнай, что он в беде, друзья тут же бросились бы на помощь, невзирая на все его преступления. Но они за границей, и Хэдвиг нет, чтобы дать им знать.

Нет и маггловских денег. В мешочке, на дне чемодана, лежит пригоршня колдовского золота. А все его деньги – наследство от родителей – в Лондоне, в подземелье банка «Гринготс». Увы, пешком чемодан до Лондона не дотащишь. Если только...

Он глянул на зажатую в руке волшебную палочку. Если его уже выгнали из школы (от этой мысли сердце забилось быстрее и заболело), можно ещё немного поколдовать, хуже не будет.

От отца ему достался плащ-невидимка. Надо колдовством сделать чемодан лёгким как перышко, привязать его к метле и надеть эту мантию. Тогда он быстро и незаметно долетит до Лондона, заберёт из банковского сейфа все деньги и будет жить как отшельник. Такое и в кошмарном сне не приснится! Но другого выхода нет. А то дождёшься магглов-полицейских. И объясняй им, чего он тут ночью делает и почему в чемодане метла да книги с заклинаниями!

Открыв чемодан, Гарри принялся искать плащ-невидимку. Вдруг ему показалось, что за ним кто-то наблюдает. Он резко выпрямился и ещё раз огляделся. По спине пробежал холодок. Но улица была пуста. В окнах домов ни огонька – все спят. Гарри снова нагнулся над чемоданом и тут же вскочил на ноги, крепко сжимая палочку, он почувал неладное: в узком пространстве между изгородью и гаражом позади него явно кто-то был... Гарри обернулся, метнул туда взгляд. Ну, шевельнись, пожалуйста! И будет ясно, кто ты, – бродячий кот или...

– *Lumos*, – шепнул Гарри и свет, полыхнувший на конце палочки, почти ослепил его. Он поднял палочку высоко над головой. Каменные стены ближайшего дома засверкали,

замерцала дверь гаража, а между ними Гарри отчётливо увидел очертания чего-то громадного – оно не сводило с него больших блестящих глаз.

Гарри попятился от дома и споткнулся о чемодан, выбросил руку, чтобы смягчить падение, палочка выпала, а сам он упал на обочину дороги, где сточная канава.

Жуткий рёв чуть не оглушил его. Гарри прикрыл глаза от яркого света. Что это? Вскрикнув, перекатился на тротуар, и как раз вовремя: на том месте, где он лежал секунду назад, была пара гигантских колёс. Трёхэтажный ярко-фиолетовый автобус возник не иначе как прямо из воздуха, залив всё вокруг потоками света. По лобовому стеклу тянулась золотая надпись: «Ночной рыцарь».

На долю секунду Гарри подумал, что просто головой стукнулся, но тут из автобуса выскочил кондуктор в красном и молвил в тишину:

– Добро пожаловать в автобус «Ночной рыцарь», неотложный транспорт для ведьм и колдунов, попавших в трудное положение! Просто вытяните вперёд руку с волшебной палочкой и заходите в салон: мы домчим вас куда захотите! Я, Стэн Шанпайк, ваш кондуктор этим вече...

Он осёкся, заметив сидящего на земле Гарри. Подняв палочку, Гарри встал на ноги.

«А этот Стэн Шанпайк всего лет на пять старше меня: восемнадцать-девятнадцать, не больше», – отметил Гарри, глядя на прыщавое, с большими торчащими ушами лицо кондуктора.

– Ты чё делаешь на земле? – отбросил Стэн кондукторский тон.

– Упал.

– Зачем? – ухмыльнулся Стэн.

– Я не специально.

Чего он прицепился? Да потому, что вид у Гарри оставлял желать лучшего! На одном колене порвалась штанина, на руке кровь. Вспомнив из-за чего упал, Гарри мигом обернулся и оглядел освещённое фарами пространство за каменной изгородью. Там было пусто.

– Ты чего туда смотришь? – подал голос Стэн.

– Там было что-то большое, чёрное... – Гарри неуверенно махнул рукой в сторону дома.
– Вроде собаки... но больше.

Он глянул на Стэна, тот же, разинув рот, смотрел на него, вернее, на его лоб. Гарри дрогнул.

– Чего это у тебя такое? – спросил Стэн.

– Ничего, – буркнул Гарри, пальцами начесав на лоб чёлку. Конечно, Министерство магии уже ищет его, и облегчать им работу он не собирается.

– Как тебя звать? – не унимался Стэн.

– Невилл Лонгботтом, – назвал Гарри первое пришедшее в голову имя. – Слушай, – попытался он отвлечь Стэна, – а этот автобус и правда отвезёт меня *куда угодно*?

– Конечно! – гордо ответил Стэн. – В любую точку мира, куда пожелаешь! Только под воду ни-ни... Э-э... – Он опять вперился в Гарри. – А ты и впрямь *голосовал*?

– Да-да, – поспешил заверить Гарри. – Слушай, а сколько стоит до Лондона?

– Одиннадцать сиклей, – произнёс Стэн. – За четырнадцать получишь кружку горячего шоколада, а за пятнадцать – ещё бутылку воды и в придачу зубную щётку любого цвета.

Гарри достал из чемодана мешочек и сунул в руку Стэна несколько серебряных монет. Поставив клетку на чемодан, они втащили багаж внутрь.

Сидений в автобусе не было. Вдоль занавешенных окон стояли кровати с бронзовыми спинками. Над каждой кроватью – подсвечник, освещавший обитые деревянными панелями стены. Спавший в конце автобуса крошечный колдун в ночном колпаке проворчал во сне:

– Спасибо, не сейчас. Я сою слизняков, – и повернулся на другой бок.

– Вот твоя, – шепнул Стэн и запихнул чемодан под кровать за водительским креслом.

– Это наш водитель – Эрни Прэнг. Эрн, это Невилл Лонгботтом.

Эрни, пожилой колдун в очках с толстыми стёклами, кивнул. Гарри снова нервно пригладил чёлку на лбу и сел на постель.

– Трогай, Эрни, – сказал Стэн, садясь рядом с водителем.

Автобус взревел и рванул с такой силой, что Гарри завалился на кровать. Поднявшись, глянул в окно. Они ехали по совершенно другой улице. Стэн пришёл в восторг, заметив удивление на лице Гарри.

– Мы были как раз тут, когда ты махнул палочкой, – сказал он. – Мы, Эрни, никак уже в Уэльсе?

– Угу.

– А почему маглы не слышат автобус? – спросил Гарри.

– Маглы? – презрительно хмыкнул Стэн. – Да они ничего не слышат и не видят!

– Ступай-ка ты, Стэн, разбуди мадам Марш, – подал голос Эрни. – Вот-вот будем в Абергавенни.

Стэн поднялся наверх по узкой деревянной лестнице. Гарри всё ещё смотрел в окно, и его тревога усиливалась. Эрни явно не умел водить автобус, и их постоянно заносило на тротуар. Правда, пока обошлось без аварии: фонарные столбы, почтовые ящики, урны отскакивали перед самым носом автобуса, а когда тот проезжал мимо, прыгали на место.

Вскоре появился Стэн, а за ним – ведьма в дорожной мантии со слегка позеленевшим лицом.

– Приехали, мадам Марш, – радостно оповестил кондуктор.

Эрни резко затормозил. Кровати заходили ходуном. Мадам Марш прижала ко рту носовой платок и пошатываясь сошла по ступенькам вниз. Стэн выкинул её сумку и захлопнул дверь. Автобус взревел и, грохоча, покатил по узкой просёлочной дороге, а окрестные деревья в ужасе шарахались при его приближении.

Сейчас Гарри не уснул бы и в простом автобусе, который без грохота едет себе спокойно, а не сразу на сотню миль. В голове ворочались тяжкие думы: что его ожидает и как там тётушка Мардж, всё ещё висит под потолком?

Высунув язык, Стэн читал свежий номер «Ежедневного пророка». На первой полосе был большой снимок. Человек с фотографии прищурился, глядя на Гарри. Усталое, с длинными спутанными волосами лицо было странно знакомо Гарри.

– Ведь это его магглы показывали в новостях! – воскликнул он, на миг забыв о своих бедах.

Стэн ослабился, глядя на снимок.

– Сириус Блэк, – кивнул он. – Ясное дело, магглы показывали его. Ты что, Невилл, с луны свалился?

Презрительно посмотрев на изумлённого Гарри, он сунул ему газету.

– Газетки-то чаще надо читать.

Гарри поднёс газету к свече.

«БЛЭК ВСЁ ЕЩЁ НА СВОБОДЕ!»

Сегодня Министерство магии сообщило, что Сириус Блэк – наверное, самый опасный преступник за всю историю тюрьмы Азкабан – до сих пор не пойман.

– Мы делаем всё возможное, чтобы найти Блэка, – заверил утром министр магии Корнелиус Фадж. – И призываем магическое сообщество сохранять спокойствие.

Некоторые члены Международной федерации чародеев недовольны тем, что Фадж сообщил о происшедшем премьер-министру магглов.

– Мне ничего другого и не оставалось, – раздражённо ответил Фадж. – Блэк сумасшедший. Он опасен, как для колдунов, так и для магглов. Премьер поклялся, что о магическом происхождении Блэка не узнает ни один маггл. Да и давайте начистоту – кто ему поверит, если он расскажет правду?

Магглам сообщили, что у Блэка есть пистолет (железная трубка, которой магглы убивают друг друга). Магическое сообщество опасается повторения бойни, устроенной Блэком двенадцать лет назад. Напомним, тогда Блэк умертвил одним проклятием сразу тринадцать человек.»

Гарри вгляделся в тёмные глаза Сириуса Блэка, единственные живые точки на исхудалом лице. Ему не доводилось встречаться с вампирами, но на уроках по защите от Тёмных искусств он не раз видел их портреты. Блэк с его мертвенно-восковой кожей очень походил на вампира.

– Жутко выглядит, да? – произнёс Стэн.

Гарри вернул газету и спросил:

– Он что, и вправду одним проклятием убил тринадцать человек?

– Да, – кивнул Стэн. – Средь бела дня и при свидетелях. Вот в чём кошмар, правда, Эрн?

– Ага, – мрачно поддакнул Эрни. Развернувшись в кресле, Стэн заложил руки за голову и перевёл взгляд на Гарри.

– Блэк – один из ближайших соратников Сам-Знаешь-Кого, – важно сообщил он.

– Волдеморта, что ли? – брякнул Гарри.

Прыщи на лице Стэна побелели, Эрни крутанул руль, и фермерский дом в ужасе шарахнулся от автобуса.

– У тебя как с головой?! – завопил Стэн, схватившись за сердце. – Ты чьё имя назвал?!

– Ой, извини, пожалуйста, – поспешно сказал Гарри. – Я... я просто забыл...

– Забыл! – передразнил Стэн. – Чёрт, сердце так колотится...

– Значит, Блэк был соратником Сам-Знаешь-Кого? – виновато произнёс Гарри, возвращаясь к беседе.

– Ну, да. – Стэн всё ещё держался за сердце. – Ближайшим, как говорят... А когда малютка Гарри Поттер победил Сам-Знаешь-Кого...

Гарри в очередной раз нервно пригладил чёлку.

– ...за его соратниками началась охота, так ведь, Эрн? Ну, большинство-то их них поняли, что им крышка, и притихли. Но не Сириус Блэк. Ходит молва, будто он думал, что станет вторым по положению после Сам-Знаешь-Кого, когда тот захватит власть. Знаешь, как всё было? Окружили Блэка на улице, магглы кишмя кишат. А он возьми да и махни палочкой: пол-улицы как не бывало, в придачу дюжина мёртвых магглов да один колдун! Ужас, да? Знаешь, что он сделал дальше? – Голос Стэна опустился до тревожного шёпота.

– Что? – спросил Гарри.

– *Рассмеялся.* Просто стоял и ржал. Вскоре приехало подкрепление из Министерства. А он, представляешь, никакого сопротивления! Идёт себе смирно и ржёт без остановки. Слышь, Эрн? Он ведь совсем придурок?

– Ну до Азкабана, может, был и нормальный, а теперь точно придурок, – протянул Эрн. – Я бы лучше сам себя взорвал, чем попасть в Азкабан! Но ему так и надо. За всё, что натворил...

– Н-да. Небось у Министерства работёнки было по горло, – сказал Стэн. – Пол-улицы тю-тю и куча мёртвых магглов. Как они это объяснили?

– Взрыв газа, – отрезал Эрн.

– И вот теперь побег, – продолжал Стэн, махнув на измождённое лицо в газете. – Раньше ведь никому не удавалось бежать из Азкабана, Эрн? И как он всё это провернул? Пугает всё это, да? Как он с охраной Азкабана сладил, а Эрн?

Эрни передёрнуло.

– Будь другом, Стэн, смени пластинку. Ну не могу я слышать об охранниках Азкабана!

Разочарованный, Стэн отложил газету, а Гарри прильнул к окну. Настроение лучше не стало. Стэн – болтун. Когда узнает, кого подвозил, такое понараскажет пассажирам!

«Слыхали, что Гарри Поттер сделал? Тётку свою раздул! Он был здесь у нас, в «Ночном рыцаре», правда, Эрн? Он удирал от...»

А ведь он, Гарри Поттер, такой же нарушитель закона, как и Сириус Блэк. Может, и ему за тётку Мардж светит Азкабан? Гарри ничего не знал про эту колдовскую тюрьму, но слышал, с каким ужасом о ней говорят. Хагрид, лесничий Хогвартса, в прошлом году отсидел в Азкабана два месяца. Как сейчас перед глазами его искажённое страхом лицо, когда он узнал, что его отправят в эту тюрьму. А ведь Хагрид – храбрец, каких поискать.

Автобус катил в темноте, разгоняя с пути кусты, мусорные баки, телефонные будки и деревья. Гарри с тяжёлым сердцем лежал на мягкой перине. Автобус сделал остановку в Энглси. Стэн наконец вспомнил, что Гарри оплатил горячий шоколад, и принёс кружку. Тут автобус рванул, держа курс на Абердин, и Стэн весь шоколад вылил ему на подушку. С верхних этажей потянулись колдуны и ведьмы. В халатах и плёпанцах они спешили к выходу, радуясь, что поездка завершилась.

Под конец в автобусе остался лишь один пассажир. Стэн потёр руки:

– Так-так, Невилл, где тебя в Лондоне высадить?

– Косой переулок.

– Косой так Косой, – хмыкнул Стэн. – Будет сделано.

Автобус взревел и, грохоча, покатила по Чаринг-Кросс-Роуд. Гарри сидел, наблюдая, как от автобуса прыгают в стороны здания и скамейки. Светало. Придётся Гарри переждать пару часов до открытия «Гринготтса». Потом снова в путь. А куда – неизвестно.

На полном ходу Эрни затормозил, и автобус остановился у маленького невзрачного паба «Дырявый котёл», за которым находился скрытый проход в Косой переулок.

Поблагодарив Эрни, Гарри спрыгнул и помог Стэну вытащить чемодан с клеткой на тротуар.

– Что ж, пока! – сказал Гарри.

Но кондуктор как не слышал. Он стоял на подножке автобуса и во все глаза таращился на темный вход в паб.

– Ну, *наконец-то*, Гарри, – произнёс чей-то голос.

Не успел он повернуться, как на его плечо легла рука.

– Во чёрт! – раздался крик Стэна. – Эрн, двигай сюда!!! Сюда!!!

Повернув голову, Гарри увидел обладателя руки, сжимавшей его плечо, и его словно окатило ледяным душем. Это был сам министр магии – Корнелиус Фадж.

Рядом с ними тут же приземлился взбудораженный Стэн.

– Министр, так выходит, это не Невилл?!

Фадж – полненький невысокий человек в длинной полосатой мантии – выглядел усталым и замёрзшим.

– Невилл? – вскинул он брови. – Нет. Это Гарри Поттер.

– Я так и знал! – радостно завопил Стэн – Эрн! Эрн! Знаешь, кто такой Невилл?! Это Гарри Поттер! Я вижу его шрам!

Фадж без особого восторга промолвил.

– Примите мою благодарность за то, что ваш автобус доставил сюда Гарри. Но нам пора идти.

Фадж ещё крепче сжал плечо Гарри и повёл его в паб. В дверях возник беззубый, сутулый старик-колдун с фонарём в руке. Это был Том, хозяин «Дырявого котла».

– Вы нашли его, министр! – воскликнул Том. – Не желаете ли чего выпить? Пива, бренди?

– Принесите лучше чаю, Том, – сказал Фадж, не выпуская плеча Гарри.

Топая и отдуваясь, Стэн с Эрни внесли в паб чемодан с клеткой. Оба, не скрывая любопытства, вертели головами по сторонам.

– Невилл, чего ж ты скрыл от нас своё имя? – расплылся в улыбке Стэн. Из-за его плеча с любопытством смотрело свиное лицо Эрни.

– Том, *отдельный* кабинет, пожалуйста, – велел Фадж.

Том показал, куда идти.

– Прощайте, – чуть не с отчаянием произнёс Гарри.

– Пока, Невилл! – в свою очередь простился Стэн.

Пошли по узкому коридору: Том впереди с фонарём, за ним – сопровождаемый Фаджем Гарри. Скоро они очутились в небольшой гостиной. Щёлкнув пальцами, Том зажёт в камине огонь и, отвесив поклон, удалился. Фадж указал на стул возле камина:

– Садись, Гарри.

Мальчик сел. Огонь в камине пылал на славу, но по телу Гарри бежали мурашки. Фадж снял полосатую мантию, подтянул бутылочного цвета брюки и уселся напротив.

– Гарри, я министр магии – Корнелиус Фадж.

Гарри знал это. Он уже видел Фаджа, но тогда на нём был отцовский плащ-невидимка, а Фаджу это знать не полагалось.

Том, в переднике поверх ночной рубашки, принёс поднос с чаем и булочками. Поставив его на стол между гостями, вышел и закрыл дверь.

– Признаюсь, Гарри, – начал Фадж, разливая чай, – мы все изрядно поволновались. Сбежать от родственников, да ещё подобным образом! Я уж думал... Но с тобой ничего не случилось, и это главное!

Фадж намазал булочку маслом и протянул тарелку Гарри.

– Ешь, Гарри. Ты еле держишься на ногах. А у меня хорошая новость. Мы вернули мисс Марджори Дёрзли в её обычное состояние. Несколько часов назад на Бирючинный проезд прибыли два специалиста из группы Аннулирования случайных магических действий. Мисс Дёрзли сделали прокол, и воздух из неё вышел, кроме того, изменили структуру её памяти, так что она всё начисто забыла. Словом, ничего страшного не произошло.

Фадж поднял чашку и ласково, как любимому племяннику, улыбнулся Гарри. Гарри же от удивления не мог слова вымолвить.

– Хочешь знать, что думают твои дядя с тётей? – поинтересовался Фадж. – Не скрою, они очень рассердились. Однако следующим летом они готовы тебя принять. А вот Рождество и пасхальные каникулы придётся провести в Хогвартсе.

Гарри обрёл дар речи:

– На Рождество и пасхальные каникулы я *всегда* остаюсь в Хогвартсе. А на Бирючинный проезд я вообще не хочу возвращаться.

– Не говори так, Гарри. Ты просто переволновался, – озадаченно проговорил Фадж. – Они же твои родственники. Не сомневаюсь, в глубине души вы... любите друг друга.

Гарри спорить не стал. Не до того. Сейчас решается его судьба.

– А теперь подумаем, – Фадж намазывал вторую булочку, – где ты поживёшь последние две недели каникул. Я советую тебе остановиться в «Дырявом котле».

– А как... а как же наказание?

Фадж сощурился:

– Наказание? О чём ты, Гарри?

– Я же нарушил закон! Декрет об ограничении применения колдовства несовершеннолетними! – горячо сказал Гарри.

– Ну что ты, мой мальчик! Да неужели мы станем наказывать тебя за такие пустяки?! – воскликнул Фадж, взмахнув булочкой. – Это был несчастный случай. За раздувание тётушек мы в Азкабан не сажаем!

Это у Гарри в голове никак не укладывалось: весь его прошлый опыт общения с Министерством магии говорил о том, что оно очень даже наказывает за подобные проступки.

– В прошлом году я получил от Министерства официальное предупреждение лишь за то, что к Дёрзли в дом проник эльф и разбил блюдо с тортом! Министерство обещало отчислить меня из Хогвартса, если я ещё хоть один раз применю магию у них в доме!

Если глаза не обманывали Гарри, вид у Фаджа был весьма смущённый.

– Обстоятельства изменились, Гарри, и мы учли... в создавшемся положении... Ты же не *хочешь*, чтобы тебя исключили?

– Конечно нет!

– Ну, тогда из-за чего весь этот шум? – рассмеялся Фадж. – Съешь-ка ты лучше булочку, а я пойду спрошу у Тома, есть ли для тебя свободная комната.

Гарри смотрел вслед Фаджу. Невероятно! Почему же тогда министр ждал его в «Дырявом котле», раз никакого наказания не будет? И вообще странно, что сам министр магии *лично* занялся малолетним колдуном.

Фадж вскоре вернулся вместе с хозяином.

– Свободна одиннадцатая комната, Гарри, – сказал министр. – Тебе там понравится. Добавлю только одно. Уверен, ты меня поймёшь. Ни в коем случае не ходи в магловские кварталы. Гуляй по Косому переулку, и как только начнёт темнеть – сейчас же домой. Том будет за тобой присматривать.

– Хорошо, – протянул Гарри. – Но к чему всё это?

– Не хотим, чтобы ты снова потерялся, – весело рассмеялся Фадж. – Шучу, шучу. Просто нам спокойнее, когда мы знаем твоё местонахождение... Ну, в общем...

Фадж вдруг закашлялся и надел полосатую мантию.

– Так я пошёл. Меня ждут дела, сам понимаешь.

– А вы ещё не поймали Блэка? – вдруг спросил Гарри.

Пальцы Фаджа стиснули серебряную застёжку на мантии.

– Что-что? Так ты уже слышал. Увы, ещё нет. Но это лишь вопрос времени. Стражи ранее никогда не подводили... и такими злыми я не видел их никогда. – Фаджа слегка передёрнуло. – До свидания, Гарри.

Они пожали руки. И тут Гарри вспомнил одну вещь.

– Г-господин министр, у меня есть одна просьба.

– Я тебя слушаю, – улыбнулся Фадж.

– Третьекурсники в Хогвартсе будут ходить в Хогсמיד. Но мне тётя с дядей не подписали разрешение. А вы не могли бы подписать?

Фадж замялся.

– Нет, – со вздохом сказал он. – Сожалею, Гарри, но я не твой родственник и не опекун.

– Но вы министр магии, – умолял Гарри. – И ваше разрешение...

– Нельзя, Гарри. Правила есть правила, – твёрдо сказал Фадж. – Вот в будущем году ты наверняка будешь ходить в Хогсмид. Но, честно говоря, мне кажется, тебе бы лучше... вообще... Не будем об этом. Я пошёл. Счастливого оставаться, Гарри.

Улыбнувшись, он пожал Гарри руку и вышел.

– Мистер Поттер, пойдёте. – Том тоже заторопился. – Я уже отнёс ваши вещи.

Они поднялись по красивой деревянной лестнице. Том открыл дверь с бронзовой табличкой №11 и выпустил Гарри. В комнате стояла мягкая, удобная кровать, отполированная до блеска дубовая мебель, в камине потрескивал огонь, а на шкафу...

– Хэдвиг! – ахнул Гарри.

Белоснежная сова щёлкнула клювом и опустилась ему на руку.

– У вас очень умная сова, – улыбнулся Том. – Прилетела через пять минут после вашего появления. Мистер Поттер, если вам что-нибудь понадобится, сразу обращайтесь ко мне.

Хозяин ещё раз поклонился и покинул комнату.

Гарри долго сидел на кровати и поглаживал Хэдвиг. В окно смотрело небо, которое, подобно хамелеону, меняло цвет: из бархатного тёмно-синего стало серо-стальное. Потом медленно заалело, подёрнувшись золотыми прожилками. Гарри не верилось, что ещё несколько часов назад он был на Бирючинном проезде, что его не выгнали из Хогвартса и что две недели он проведёт вдали от Дёрзли.

– Ночка эта, Хэдвиг, была крайне странной, – зевнул Гарри.

Не сняв очков, он повалился на подушку и крепко уснул.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

ДЫРЯВЫЙ КОТЁЛ

Несколько дней Гарри привыкал к неведомой доселе свободе. Когда ещё он просыпался и завтракал не по часам? А теперь даже гулял где хотел, правда только по Косому переулку. Но поскольку на этой длинной, мощённой булыжником улице теснилось множество чудеснейших колдовских магазинчиков, у Гарри не было ни малейшего желания нарушить данное Фаджу слово и отправиться назад, в магловские кварталы.

Завтракал Гарри в «Дырявом котле», с интересом наблюдая за постояльцами. Здесь останавливались забавные ведьмы, приехавшие из провинции за покупками; почтенные колдуны, которые за завтраком обсуждали последнюю статью в «Трансфигурации сегодня»; растрёпанные, диковатые на вид чародеи и шумные гномы; а однажды на завтрак спустилось существо, подозрительно похожее на хагу, и, не снимая чёрного шерстяного шлема с прорезями для глаз, заказало тарелку сырой печёнки.

Поев, Гарри выходил на задний двор, вынимал палочку, стучал по третьему кирпичу слева над мусорным ящиком, и в стене открывался проход в Косой переулок.

Стояли ясные, погожие дни. Гарри бродил по магазинам и подкреплялся в летних кафе под яркими зонтиками.

– Глянть-ка, старина, это луноскоп – теперь не придётся маяться с лунными картами, – хвастались покупками посетители.

Или обсуждали Сириуса Блэка:

– Я не позволю моим детям выходить из дому, пока его не вернут в Азкабан!

Гарри больше не надо было корпеть над домашней работой, лёжа с фонариком под одеялом. Он дописывал свои сочинения, сидя за столиком возле кафе-мороженого Флориана Фортескью. А хозяин, много чего знавший о сожжении ведьм в Средние века, помогал ему. И каждые полчаса угощал мальчика мороженым с той или иной добавкой.

В один из таких дней Гарри пополнил свой кошель для денег золотыми галлеонами, серебряными сиклями и бронзовыми натами из хранилища в «Гринготтсе», и ему стоило огромных усилий не истратить все деньги сразу. Приходилось напоминать себе, что впереди ещё пять лет учёбы в Хогвартсе и каково ему будет, если придётся выпрашивать деньги на учебники у Дёрзли, чтобы не купить набор для игры в плюй-камни² из чистого золота (эта колдовская игра похожа на обычные магловские камушки, только в плюй-камнях шарики брызгали в лицо проигравшему очко вонючей жижей). Ещё его крайне соблазняла совершенная, движущаяся модель галактики в стеклянном шаре, с которой на урок астрономии уже можно было б и не ходить. Но самое серьёзное для Гарри искушение

² Цель игры – выбить и забрать в плен как можно больше плюй-камней противника. Со стартовой линии бросаются камни таким образом, чтобы попасть как можно ближе к линии люк (контуру игрового поля). Посылающее движение стреляющей рукой и переступание через линию люк считается нарушением правил. Плюй-камни, выбитые за круг или за линии квадратов, в зависимости от вида игры, забирает тот игрок, который их выбил. Камень на линии люк считается вне игрового поля. Если камень перелетел за линию люк, то его забирает игрок, который первый выбьет ещё один камень.

появилось в его любимом магазине «Качественные товары для квиддича» через неделю после приезда в «Дырявый котёл».

Магазин был полон народу, и Гарри стало интересно, на что они там глазят. Протиснувшись внутрь и с трудом пробравшись вперёд, он увидел новую витрину, а в ней метлу невиданной красоты.

— Только вышла... прототип, — сообщил колдун с квадратной челюстью своему спутнику.

— Пап, это самая быстрая метла в мире, да? — пропищал парнишка младше Гарри, держа отца за руку.

— Ирландская международная ассоциация только что заказала семь таких красавиц! — вещал хозяин магазина. — А они фавориты Кубка мира!

Толстая колдунья, стоявшая перед Гарри, отошла в сторону, и тот прочёл табличку рядом с метлой.

«ВСПОЛОХ

Новейшая гоночная спортивная метла. Кленовая рукоятка обтекаемой формы отполирована алмазной крошкой. Каждая метла имеет собственный номер, выгравированный вручную. Каждый из берёзовых прутьев был тщательно отобран и идеально подогнан, что придаёт метле совершенные аэродинамические свойства, а также непревзойдённое равновесие и точность. «Всполох» развивает скорость 150 миль в час за 10 секунд. В метлу встроены безотказный магический тормоз.

Цену спрашивайте у продавца.

«Цену спрашивайте у продавца...» И подумать страшно, сколько золотых галлеонов надо выложить за «Всполох». Ничего ещё Гарри не желал так страстно! Но и на «Нимбусе-2000» он пока не проиграл ни одного матча. Так какой прок ухлопать все деньги из гринготтского подземелья, когда у него уже есть отличная метла? Цену Гарри не узнал, но ежедневно заходил полюбоваться на «Всполох».

Кое-что ему всё же надо было купить. Гарри пополнил в аптеке запасы ингредиентов для зелий. Да и школьная мантия маловата, так что пришлось посетить магазин мадам Малкин «Мантии на любой случай» и приобрести новую. А самое главное — покупка учебников, в том числе и для двух новых предметов: ухода за магическими существами и прорицания.

Увидев витрину книжного магазина «Флориш и Блоттс», Гарри удивился. Вместо тиснённых золотом книг с заклинаниями, каждая размером с бетонную плиту, там стояла большая железная клетка, а в ней около сотни «Монструозных книг монстров». По клетке летали рваные листья — книги сцепились в ожесточённой схватке и яростно щёлкали переплётами.

Гарри достал из кармана список книг и впервые просмотрел его. «Монструозная книга» была обязательным учебником по уходу за магическими существами. Теперь стало понятно, почему Хагрид написал, что книга ему понадобится. И это было облегчением; Гарри уж думал, что Хагриду нужна помощь с новым ужасающим питомцем.

Лишь Гарри вошёл во «Флориш и Блоттс», и к нему тут же подлетел продавец.

— Хогвартс? — выпалил он. — Новые учебники?

– Да, мне нужно...

– С дороги. – Продавец оттолкнул Гарри. Натянув толстые перчатки, он взял большую узловатую трость и направился к клетке с «Монструозными книгами».

– Подождите, – заторопился Гарри. – У меня уже есть такая книга.

– Уже есть? – Продавец несказанно обрадовался. – Слава небесам, а то меня пять раз за утро покусали...

От громкого треска едва не заложило уши: две «Монструозных книги» разрывали на части третью.

– Прекратите! Перестаньте! – вопил продавец, умиряя книги тростью. – Никогда больше их не закуплю! Полный бедлам! Я думал, что ничего хуже двухсот «Невидимых книг о невидимках» уже не будет. Отвалили целое состояние, а найти их так и не смогли... Так, что-нибудь ещё?

– Да, «Как рассеять туман над будущим» Кассандры Ваблатски, – ответил Гарри, изучая список.

– Начали проходить прорицания? – догадался продавец.

Сняв перчатки, он повёл Гарри в отдел предсказаний. Маленький стол был заставлен стопками книг: «Предсказание непредсказуемого. Огради себя от потрясений» и «Магический кристалл треснул. Когда отворачивается удача».

– А вот и она. – Продавец встал на стремянку и снял толстую книгу в чёрном переплёте. – «Как рассеять туман над будущим». Отличное пособие по всем видам гадания: хиромантия, магические кристаллы, птичьи внутренности...

Гарри не слушал. Среди книг на маленьком столике он увидел «Предзнаменование смерти. Что делать, когда беда стучит в дверь».

– На твоём месте, я бы это не читал, – заявил продавец, заметив интерес Гарри. – Тебе начнёт повсюду мерещиться смерть, а это кого угодно в могилу сведёт.

Но Гарри не мог оторвать глаз от обложки. На ней была чёрная, большая, как медведь, собака со светящимися глазами. Странно, но кажется, он её где-то видел...

Продавец протянул Гарри «Как рассеять туман над будущим».

– Что-нибудь ещё?

– Да. – Гарри оторвался от собаки и невидящим взглядом уставился на список. – Мне ещё надо «Трансфигурацию промежуточную» и «Стандартную книгу заклинаний, уровень 3».

Десять минут спустя Гарри вышел из «Флорриш и Блоттс» и с новыми учебниками под мышкой побрёл в «Дырявый котёл», с трудом соображая, куда держит путь, то и дело натываясь на прохожих. Поднялся к себе в комнату и сбросил книги на кровать. В комнате прибрались, в открытые окна светит солнце. Где-то вдалеке по маггловским улицам катят автобусы, а в Косом переулке шумит невидимая толпа. Он посмотрел в зеркало над умывальником.

– Это не могло быть предзнаменованием. Я просто ударился в панику тогда, на Магнолия-кресцент, – бросил Гарри вызов своему отражению. – Наверняка это был бродячий пёс...

И, подняв руку, пригладил по привычке волосы.

«Ты ведёшь безуспешную борьбу, дорогой», – прохрипело зеркало в ответ.

* * *

Прошло ещё несколько дней и Гарри начал выглядывать Рона и Гермиону везде, куда бы ни пошёл. Скоро в школу, и Косой переулок заполнялся учениками Хогвартса. В лавке «Качественные товары для квиддича» Гарри встретил однокурсников Шеймаса Финнигана и Дина Томаса, они тоже не могли отвести глаз от «Всполоха». А во «Флориш и Блоттс» он столкнулся с настоящим Невиллом Лонгботтоном, круглолицым и рассеянным мальчиком. Поболтать не удалось: Невилл потерял список с книгами, и его бабушка – внушительная дама грозного вида – громко отчитывала внука. Гарри очень надеялся, что она никогда не узнает, как, убегая от Министерства магии, он назвался Невиллом.

В последний день каникул Гарри проснулся с мыслью о том, что уже завтра встретит Рона и Гермиону в «Хогвартс-Экспрессе». Он встал, оделся, сходил в последний раз взглянуть на «Всполох» и уже подумывал, где бы перекусить, как вдруг:

– Гарри! ГАРРИ!!!

Он обернулся. Вот они! Вдвоём сидят в кафе-мороженом Флориана Фортескью! Рон ещё больше усыпан веснушками, Гермиона очень загорела, оба что есть силы машут ему. Не веря своему счастью, Гарри уселся рядом с друзьями.

– Наконец-то! – улыбнулся Рон. – Мы были в «Дырявом котле», но нам сказали, что ты куда-то ушёл. Мы и во «Флориш и Блоттс» заходили, и к мадам Малкин, и...

– Я на той неделе всё купил, – пояснил Гарри. – А как ты узнал, что я в «Дырявом котле»?

– От папы, – просто ответил Рон.

Мистер Уизли работал в Министерстве магии и конечно же слышал о происшествии с тётюшкой Мардж.

– Гарри, ты и *вправду* раздул свою тётю? – серьёзно спросила Гермиона.

– Я не хотел, – промолвил Гарри, в то время как Рон взревел от хохота. – Я... просто не сдержался.

– Это не смешно, Рон, – укоризненно сказала Гермиона. – Знаешь, я удивлена, что тебя не отчислили.

– Я тоже, – признался Гарри. – Да что там исключили, я боялся, что меня арестуют.

Он посмотрел на Рона:

– Слушай, Рон, а твой папа не знает, почему Фадж не наказал меня?

– Наверное, ответ кроется в самом тебе, – пожав плечами, хихикнул Рон. – Знаменитый Гарри Поттер и всё такое. Мне трудно даже представить, что Министерство сделало бы со мной, надуй я свою тётюшку. Причём им пришлось бы сначала выкопать мой труп, потому что мама прибила бы меня на месте... В любом случае, узнаешь всё у папы вечером. Мы тоже остановились в «Дырявом котле». Завтра все вместе двинем на Кингс-Кросс! Гермиона тоже с нами!

Гермиона, улыбаясь, закивала.

– Родители привезли меня сюда утром со всеми вещами.

– Отлично! – воскликнул Гарри. – Так вы уже купили учебники?

– Смотри. – Рон вынул из сумки длинную, узкую коробку и открыл её. – Новая волшебная палочка. Четырнадцать дюймов³, ива, волос из хвоста единорога. А там все учебники. – Он махнул рукой на большую сумку под креслом. – Что скажешь о «Монструозной книге»? Продавец чуть не заплакал, когда я сказал, что нам надо две.

– А это у тебя что, Гермиона? – спросил Гарри, указав на три битком набитые сумки в соседнем кресле.

– Я буду изучать больше предметов, чем вы. У меня здесь всё по арифмантике, уходу за магическими существами, прорицанию, изучению древних рун, изучению магглов...

– Зачем тебе изучение магглов? – воскликнул Рон, закатывая глаза. – Ты ведь – урождённая маггла! Твои родители магглы! Ты и так всё про магглов знаешь!

– Но магглов очень интересно изучать с колдовской точки зрения, – серьёзно возразила Гермиона.

– Гермиона, а есть и спать в этом году ты планируешь? – спросил Гарри под хихиканье Рона.

Гермиона пропустила вопрос мимо ушей.

– У меня ещё есть десять галлеонов, – сказала она, вынув кошелек. – У меня в сентябре день рождения, и родители заранее дали мне денег на подарок.

– Как насчёт прекрасной *книжки*? – невинно поинтересовался Рон.

– Это вряд ли, – сдержанно ответила Гермиона. – Мне очень хочется сову. У Гарри есть Хэвиг, у тебя Эррол ...

– Так Эррол не мой филин, он семейный. Лично мне принадлежит только Кориыстик. – Рон достал из кармана свою крысу. – Надо бы показать его специалисту. – Он положил Кориыстика на стол перед друзьями. – По-моему, в Египте ему не понравилось.

Кориыстик похудел и порядком облез.

– Тут неподалёку есть зоомагазин, – произнёс Гарри, изучивший Косой переулок как свои пять пальцев. – Посмотри там чего-нибудь для Кориыстика, а ты, Гермиона, можешь купить там сову.

Расплатившись за мороженое, они пошли в «Магический зверинец».

Магазин был невелик, все стены заставлены клетками, посетителей встречал специфический запах и невообразимый галдёж. Обитатели клеток пищали, гоготали, бормотали или шипели. Пока ведьма за прилавком объясняла колдуну, как ухаживать за двуглавыми тритонами, друзья разглядывали клетки. Пара огромных пурпурных жаб, влажно причмокивая, пиновала дохлыми мясными мухами. У окна поблёскивала панцирем в драгоценных камнях гигантская черепаха. Ядовитые оранжевые слизняки медленно ползали по аквариуму, а толстый белый кролик то и дело с громким щелчком превращался в шёлковую шляпу и обратно. Были кошки любых расцветок; клетка с каркающими воронами; корзина забавных гудящих мохнатых шариков кремового цвета, а в просторной клетке на прилавке лоснящиеся чёрные крысы прыгали через скакалку из собственных длинных гладких хвостов.

³ 1 дюйм = 2.54 см

Колдун с двуглавыми тритонами удалился. Рон подошёл к прилавку.

– Я насчёт крысёнка, – сказал он ведьме. – Мы были в Египте, и с тех пор ему не по себе.

– Клади на прилавок, – велела ведьма, вытаскивая из кармана чёрные очки.

Достав Корыстика, Рон положил его рядом с клеткой, где прыгали несколько крыс. Они мигом угомонились и столпились у проволочной стенки, чтобы лучше видеть.

Корыстик, как почти всё имущество Рона, достался ему в наследство от братьев. Крыса принадлежала когда-то Пёрси. Выглядела она печально, особенно в сравнении с сородичами в клетке.

– Хм... – Ведьма взяла Корыстика. – Сколько лет этой крысе?

– Не знаю, – протянул Рон. – Очень старый. Он перешёл ко мне от брата.

– А какие у него есть способности? – поинтересовалась ведьма, внимательно рассматривая Корыстика.

– Ну-у, – замялся Рон.

Правда была в том, Корыстик никогда не проявлял ни малейших магических способностей. Ведьма окинула взглядом драное левое ухо и переднюю лапу, где недоставало пальца, и громко зацокала языком.

– Видать, не раз побывал в переделке, – изрекла ведьма.

– Мне его Пёрси уже такого отдал, – оправдывался Рон.

– Обычные садовые крысы, вроде твоей, живут не дольше трёх лет. Хочешь долгожителя, – сказала ведьма, – выбирай из этих.

Она указала на чёрных крыс, которые тут же весело запрыгали.

– Выпендриваются, – буркнул Рон,

– Не хочешь новую крысу? Ладно. Тогда вот тебе крысиная микстура. – Ведьма извлекла из под прилавка маленький красный пузырёк.

– Спасибо. Сколько... ОЙ!!!

Он резко пригнулся. С верхней клетки на голову Рона спрыгнуло нечто огромное, рыжее и с утробным фырканием нацелилось на Корыстика.

– ФУ, КОСОЛАП!!! НЕЛЬЗЯ!!! – завопила ведьма, но Корыстик, будто кусок мыла, выскользнул у неё из рук, и только мелькнули за дверью кривые лапки.

– Корыстик! – закричал Рон и вылетел вслед за крысой, Гарри за ними.

На поиски Корыстика ушло почти десять минут. Бедняга спрятался в урне возле «Качественных товаров для квиддича». Рон спрятал дрожащую крысу в карман и, разогнувшись, потёр затылок.

– Что это было?

– Огромный кот или маленький тигр, – предположил Гарри.

– А где Гермиона?

– Наверное, присматривает сову.

По кипящей народом улице они вернулись к «Магическому зверинцу». В этот момент в дверях лавки показалась Гермиона, но на руках у неё вместо совы был огромный рыжий кот.

У Рона отвисла челюсть.

– Ты *купила* этого монстра?!

– Он *очаровашка*, правда? – восхищалась Гермиона.

«Это как сказать», – подумал Гарри. Рыжая шерсть у кота и вправду красивая, пушистая-пушистая, но лапы кривые, а морда приплюснутая, словно впечаталась в стену. Сейчас, когда Кориолан не было видно, он блаженно мурлыкал.

– Гермиона, он с меня чуть скальп не снял! – вспыхнул Рон.

– Он не нарочно, ведь правда, Косолан? – заступилась за кота Гермиона.

– А ты о Кориолане подумала? – Рон похлопал по карману. – Он нуждается в тишине и покое. А с этим котёнком ему никакого покоя не будет!

– Да, кстати. Ты забыл крысиную микстуру. – Гермиона протянула ему красный пузырёк. – И не волнуйся, Косолан будет спать в моей спальне, а Кориолан в твоей. В чём проблема? Бедная киса. Ведьма говорит, что Косолан целую вечность провёл в магазине. Никто его не покупал.

– Интересно почему? – съязвил Рон, когда троица направилась к «Дырявому котлу».

В баре они обнаружили мистера Уизли, читавшего «Ежедневный пророк».

– Гарри! – улыбнулся он. – Как поживаешь?

– Хорошо, спасибо, – ответил Гарри, и друзья, не распаковывая сумки, сели рядом.

Мистер Уизли отложил газету. С фотографии на Гарри смотрел Сириус Блэк.

– Его ещё не поймали? – спросил Гарри.

– Нет, – ответил Мистер Уизли необычайно серьёзно. – Ради его поимки всех нас оторвали от обычной работы в Министерстве, но пока никакого результата.

– А если мы его поймем, нас наградят? – загорелся Рон. – Было б здорово получить побольше денег...

– Рон, не говори ерунды, – осёк его отец, которому было явно не до шуток. – Куда тринадцатилетним колдунам до Блэка. Попомните мои слова, именно стражи Азкабана вернут его обратно.

В бар вошла увешанная покупками миссис Уизли, следом пятиклассники-близнецы Фред и Джордж, новый староста школы Пёрси и самая младшая Джинни, единственная в семье девочка.

Джинни всегда смущалась при виде Гарри. В прошлом году в Хогвартсе он спас ей жизнь. И сейчас девочка разволновалась пуще прежнего.

– Привет, – заливаясь краской, пробормотала она.

Пёрси протянул Гарри руку и важно, будто они не знакомы, сказал:

– Рад тебя видеть, Гарри.

– Привет, Пёрси, – сдерживая смех, поздоровался Гарри.

– Надеюсь, у тебя всё в порядке? – Пёрси деловито пожал ему руку. Это походило на встречу с мэром.

– Всё хорошо, спасибо...

– Гарри! – Фред отодвинул Пёрси и низко поклонился. – Просто *замечательно* с тобой увидеться, старина...

– Изумительно, – вторил Джордж. Оттолкнув брата, он схватил руку Гарри и затряс её. – Абсолютно бесподобно.

Пёрси нахмурился.

– Всё, хватит, – одёрнула близнецов миссис Уизли.

– Мама! – воскликнул Фред, словно только увидел её, и пожал ей руку тоже. – Как это потрясающе – тебя видеть...

– Я сказала, хватит, – отрезала миссис Уизли, выкладывая покупки на стол. – Гарри, дорогой, здравствуй! У нас замечательное событие, слышал? – Она показала на новый сверкающий серебряный значок на груди у Пёрси и преисполненным гордости голосом произнесла: – Уже второй староста школы в семье!

– И последний, – шёпотом добавил Фред.

– Не сомневаюсь, – помрачнела миссис Уизли. – Никого из вас префектом не назначали.

– А зачем это нам? – пожал плечами Джордж. – Чтобы лишить нашу жизнь всяческих удовольствий?

Джинни хихикнула.

– Какой ты подаёшь пример сестре! – возмутилась миссис Уизли.

– Мама, у Джинни есть и другие братья для подражания, – надменно молвил Пёрси. – Пойду переоденусь к обеду.

Он исчез. Джордж закатил глаза.

– Мы хотели запереть его в пирамиде, да мама засекла, – сказал он Гарри.

* * *

Вечер удался на славу. Хозяин Том составил в маленькой гостиной три стола, и вся компания с удовольствием прикончила ужин из пяти восхитительных блюд. От пышного шоколадного пудинга было просто невозможно оторваться! И тут раздался голос Фреда:

– Пап, а как мы завтра доберёмся до Кингс-Кросс?

– Министерство предоставило нам пару машин, – сказал мистер Уизли.

Все взоры обратились к отцу семейства.

– Почему? – удивился Пёрси.

– Из-за тебя, Пёрс, – важно пояснил Джордж. – Так положено. Две машины, на капотах флажки развеваются, а на них красуется «СШ»!

– Серьёзная Шипка, – расшифровал Фред. Все, кроме Пёрси и миссис Уизли, хихикнули, уткнувшись в тарелку с пудингом.

– Папа, но почему всё-таки Министерство предоставило нам машины? – важно повторил Пёрси.

– У нас ведь нет своей машины. А я работаю в Министерстве, вот оно и оказало мне такую любезность...

Мистер Уизли говорил беспечно, но Гарри заметил: уши-то у него покраснели, совсем как у Рона, когда тот что-то скрывает.

– И очень хорошо, – оживилась миссис Уизли. – Вы понимаете, сколько у вас всех поклажи? Представляю, как бы вы все выглядели в магловском метро... Ну, вы всё упаковали?

– Рон ещё не всё сложил, – недовольно заявил Пёрси. – И свалил свои вещи мне на кровать.

– Рон, ступай собирайся, утром будет некогда, – велела миссис Уизли.

Рон бросил на Пёрси сердитый взгляд.

После отменного ужина всех клонило в сон. Ребята разошлись по комнатам – ещё предстояло сложить вещи. Комната Рона и Пёрси была рядом с Гарри. Собрав чемодан, он услышал за стеной сердитые голоса и пошёл узнать, что происходит. Дверь в двенадцатый номер была распахнута.

– Он лежал *здесь*, на тумбочке у кровати! Я снял его, чтобы отполировать... – кричал Пёрси.

– Я не трогал его, понял?! – кричал в ответ Рон.

– Что у вас стряслось? – спросил Гарри.

Пёрси обернулся.

– Пропал мой значок старосты школы, – пояснил он.

– Как и крысиная микстура для Корыстика. – Рон вываливал вещи из чемодана. – Наверное, я оставил её в баре...

– Ты никуда не пойдёшь, пока не найдёшь значок! – возопил Пёрси.

– Я принесу лекарство Корыстика, я уже всё собрал, – успокоил Гарри Рона и спустился вниз.

В коридоре, ведущем мимо маленькой гостиной в бар, в этот час было уже темно. Гарри прошёл до середины коридора, как из гостиной до него донеслись сердитые голоса. Это же мистер и миссис Уизли! Гарри застыл, не желая, чтобы они поняли, что он слышал их ссору, но тут разобрал своё имя и подошёл ближе к двери.

– ...не вижу смысла скрывать это от него, – возмущался мистер Уизли. – У Гарри есть право знать. Я пробовал поговорить с Фаджем, но он относится к Гарри как к ребёнку. А ему ведь уже тринадцать и...

– Артур, правда поселит в нём страх, – резко сказала миссис Уизли. – Неужели ты хочешь, чтобы в школе Гарри вздрагивал от малейшего шороха? Ради всего святого, он *счастлив*, пока не знает!

– Я не хочу его запутивать, я хочу, чтоб он был начеку, – возразил мистер Уизли. – Ты же знаешь: они с Роном постоянно где-то бродят... Да их уже дважды заносило в Запретный Лес! А в этом году Гарри туда ни в коем случае нельзя! Страшно подумать, что могло с ним случиться той ночью, когда он убежал! Не подбери его «Ночной рыцарь», бьюсь об заклад, Министерство не нашло бы его живым.

– Но он *жив* и здоров, так что...

– Молли, говорят, Сириус Блэк – сумасшедший. Может, и так, однако у него хватило ума сбежать из Азкабана, чего никому не удавалось! Три недели прошло, а он как в воду канул. И что бы там Фадж ни говорил «Ежедневному пророку», скорее изобретут самозаклинающиеся палочки, чем мы схватим Блэка. Но за кем он охотится, нам известно...

– В Хогвартсе Гарри будет под надёжной охраной...

– Мы думали, что и Азкабан под надёжной охраной. А он оттуда сбежал, значит, проникнуть в Хогвартс ему не составит труда.

– Но ещё ведь неизвестно, что Блэк охотится именно за Гарри...

Гарри услышал глухой стук. Наверняка это мистер Уизли ударил кулаком по столу.

– Молли, сколько можно тебе говорить? Репортёры ничего не пишут об этом, так распорядился Фадж. Ночью после побега Блэка он приехал в Азкабан. И охрана сообщила ему, что Блэк постоянно бормотал во сне одни и те же слова: «Он в Хогвартсе... он в Хогвартсе...» Молли, Блэк спятил и хочет убить Гарри. Думает, что со смертью мальчика к Ты-Знаешь-Кому вернётся сила. В ночь победы Гарри над Ты-Знаешь-Кем Блэк потерял всё. Он двенадцать лет провёл в Азкабане, вынашивал...

Голоса смолкли. Прильнув к двери, Гарри с нетерпением ждал, что ещё они скажут.

– Хорошо, Артур, поступай как считаешь нужным. Но ты забыл про Альбуса Дамблдора. Пока он директор Хогвартса, никто не причинит Гарри вреда. Надеюсь, Дамблдору всё это известно?

– Конечно, известно. Мы попросили у него разрешения выставить у всех школьных ворот стражей из Азкабана. Он согласился, правда без особой радости.

– Без особой радости? Но почему? А вдруг они поймают Блэка?

– Дамблдор не выносит стражей Азкабана, – тяжело вздохнул мистер Уизли. – Как и я, впрочем... Но, имея дело с таким колдуном как Блэк, приходится объединяться с теми, кого предпочитаешь избегать.

– Но если они уберегут Гарри...

– То я и слова дурного никогда о них не скажу, – устало молвил мистер Уизли. – Поздно уже. Пойдём-ка спать, Молли.

Услышав скрип стульев, Гарри поспешил, так тихо, как только мог, в бар, где его никто не заметит. Дверь гостиной отворилась, и в коридоре послышались удаляющиеся шаги четы Уизли.

Пузырёк с крысиной микстурой валялся под столом, где они ужинали. В комнате супругов Уизли хлопнула дверь, и Гарри помчался наверх.

На лестнице близнецы помирали от хохота, слыша, как в поисках значка Пёрси всё кверху дном перевернул у себя и у Рона.

– Это мы его взяли. И усовершенствовали, – шепнул Фред Гарри.

На значке красовалось: «*Серьёзная шишка*».

Гарри выдавил улыбку. Отнёс Рону крысиную микстуру и, придя к себе, лёг на кровать.

Значит, Сириус Блэк охотится за ним. Это всё объясняет. Фадж был снисходителен, потому что обрадовался, что Гарри жив. Гулять велел лишь в Косом переулке. На завтра Фадж предоставил две министерские машины, чтобы Уизли присмотрели за ним, пока он не сядет в поезд.

В соседней комнате слышались приглушённые голоса. Гарри лежал на кровати и думал, что ему почему-то совсем не страшно, несмотря на то, что Блэк одним проклятием убил тринадцать человек. Мистер и миссис Уизли думают, что, узнав правду, Гарри испугается. Но с миссис Уизли Гарри всецело согласен: самое безопасное место на Земле рядом с

Дамблдором. Говорят, Дамблдор – единственный, кого боялся Лорд Волдеморт. А Блэк – правая рука Тёмного Лорда, значит, и он его боится.

А потом ещё эти охранники Азкабана, о которых все постоянно говорят. Похоже, что при виде их люди теряют рассудок от ужаса. И эту стражу выставили вокруг школы, так что вряд ли Блэку удастся пробраться внутрь. Куда больше Гарри беспокоило другое: на посещение Хогсмидга не осталось никаких надежд и, покуда Блэк не пойман, ему шага не дадут ступить за стены замка. Да и за каждым шагом следить будут.

Гарри сердито уставился в тёмный потолок: «Они думают, что я за себя не постою? Я трижды остался жив после встреч с Волдемортом! Что я, трус какой-то беспомощный?!»

И тут в памяти всплыл таинственный зверь, наблюдавший за ним в ночной тьме на Магнолия-кресцент.

«Что делать, когда беда стучит в дверь»...

– Я никому *не* позволю себя убить, – громко произнёс Гарри.

– Так держать, дорогой, – сонно шепнуло зеркало.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ДЕМЕНТОР

Утром Гарри разбудил улыбавшийся беззубой улыбкой Том с чашкой чая. Гарри оделся и попытался уговорить недовольную Хэдвиг залезть в клетку, как тут в комнату влетел Рон, натягивая на ходу рубашку.

– Скорее бы на поезд, – выпалил он. – Хотя в Хогвартсе смогу от Пёрси отвязаться. Теперь он меня обвиняет, я пролил чай на фото Пенелопы Клируотер. Ну, знаешь, – Рон скорчил рожу, – его *подружка*. Спряталась за рамку, потому что у неё на носу теперь пятна от чая...

– Мне надо тебе кое-что сказать, – начал Гарри, но их прервали Фред с Джорджем, поздравившие Рона с очередным успешным выведением Пёрси из себя.

Все вместе спустились завтракать. Мистер Уизли, сдвинув брови, читал первую страницу «Ежедневного пророка». А миссис Уизли рассказывала Гермионе с Джинни о любовных зельях, которые она варила в юности, и все трое хихикали. Ребята сели за стол.

– Что ты хотел сказать? – спросил у Гарри Рон.

– Позже объясню, – шепнул Гарри, покосившись на вошедшего Пёрси.

В этой суете Гарри никак не удавалось выкроить минутку для разговора с друзьями. Столько хлопот! Таскали чемоданы по узкой лестнице и ставили к двери рядом с клетками, где сидели на жёрдочках Хэдвиг и Гермес – ушастая сова Пёрси, – и плетёной корзиной, откуда несло громкое фыркание.

– Косолап, не сердись, – ворковала у корзины Гермиона. – В поезде я тебя выпущу.

– Не выпустишь, – зашипел Рон. – Вспомни о бедном Корыстике.

Он ткнул себя в грудь. Корыстик, судя по выпуклости, сидел у него в кармане под мантией.

Мистер Уизли, ожидавший снаружи министерские машины, открыл дверь и просунул голову в холл:

– Приехали. Идём, Гарри.

Мистер Уизли проводил его к первой из двух старомодных тёмно-зелёных машин. За рулём в обеих сидели колдуны, надевшие для маскировки магловские бархатные костюмы изумрудного цвета.

– Садись, Гарри, – произнёс мистер Уизли, окинув взглядом переполненную улицу.

Гарри сел на заднее сиденье, вскоре к нему присоединились Гермиона, Рон и, к огорчению последнего, Пёрси.

По сравнению с путешествием на «Ночном рыцаре» в поездке до Кингс-Кросс не было ничего примечательного. Министерские машины, казалось, не отличались от магловских, и всё же Гарри заметил, с какой лёгкостью они лавировали в пробках. Куда там новому служебному автомобилю дяди Вернона! На вокзал прибыли за двадцать минут до отхода поезда. Водители нашли им тележки и погрузили чемоданы. Коснувшись кепок,

попрощались с мистером Уизли и уехали, неведомо как проскочив в самое начало длинной очереди перед светофором.

Мистер Уизли всю дорогу до станции шагал рядом с Гарри.

— Что ж, — сказал он, оглянувшись по сторонам. — Разобьёмся на пары, а то нас многовато. Мы с Гарри идём первые.

Мистер Уизли направился к барьеру между девятой и десятой платформой, толкая тележку Гарри Поттера и не сводя глаз с электрички №125, прибывшей на девятую платформу. Многозначительно глянув на Гарри, он как бы невзначай прислонился к барьеру. Гарри тоже.

Мгновение — и барьер позади, они на платформе №9 и 3/4, а вон и «Хогвартс-Экспресс». Алый паровоз пускал клубы дыма, окутывавшего платформу, полную детей и провожавших их родственников.

Позади Гарри появились Пёрси и Джинни, оба тяжело дышали, видимо, преодолели барьер бегом.

— А вот и Пенелопа! — Заметив девушку с длинными кудрями, Пёрси покраснел, пригладил волосы и зашагал ей навстречу, выпятив грудь, чтобы она непременно увидела сверкающий значок.

Гарри с Джинни не выдержали и, отвернувшись, прыснули.

Вскоре подоспели остальные. Вместе прошли мимо вагонов с забитыми купе, нашли наконец более свободный, внесли чемоданы и, поставив Хэдвиг с Косолапом на багажную полку, вышли проститься с мистером и миссис Уизли.

Миссис Уизли перецеловала своих детей, Гермиону и, наконец, Гарри. Он хоть и смутился, но ему было приятно, когда она ещё раз обняла его.

— Береги себя, Гарри, — сказала она, и ему показалось, что глаза у неё повлажнели. Миссис Уизли открыла большую сумку. — Я приготовила всем сэндвичи. Это тебе, Рон... нет, они не с копчёной говядиной... Фред? Где Фред? А это, дорогой, твои...

— Гарри, — тихо произнёс мистер Уизли, — пойдёшь сюда на минутку.

Вдвоём отошли за колонну, оставив всю компанию с миссис Уизли.

— Пока ты ещё не уехал, я должен тебе кое-что рассказать, — волнуясь, начал мистер Уизли.

— Не беспокойтесь, мистер Уизли. Я всё знаю.

— Знаешь? Откуда?

— Я... ну... я слышал ночью ваш с миссис Уизли разговор. Случайно. — И быстро добавил: — Извините.

— Не самый лучший способ узнать столь важную вещь. — Вид у мистера Уизли был встревоженный.

— Всё хорошо, честно. И вы не нарушили данное Фаджу слово, и я уже всё знаю.

— Но ты, Гарри, наверное, очень испугался.

— Ни капли, — ответил Гарри искренне, — *Серьёзно*, — добавил он, понимая, что мистер Уизли ему не верит. — Я не строю из себя героя, но ведь Блэк не может быть опаснее Волдеморта.

Услышав это имя, мистер Уизли вздрогнул, но сдержался.

– Гарри, я не сомневаюсь, что ты гораздо сильнее, чем думает Фадж. Я рад, что ты не боишься, но...

– Артур! – раздался голос миссис Уизли, провожавшей всех в вагон. – Что ты там делаешь? Поезд вот-вот отойдёт!

– Сейчас-сейчас, Молли, – ответил мистер Уизли и торопливо сказал Гарри, понизив голос: – Дай мне слово...

– Что буду пай-мальчиком, и из замка ни на шаг? – нахмурился Гарри.

– Не только это. – Таким встревоженным Гарри ещё никогда не видел мистера Уизли. – Покаянись, Гарри, что не станешь сам *искать* Блэка.

– Что? – переспросил Гарри.

Раздался громкий свист. Дежурные по вокзалу обходили поезд и захлопывали двери.

– Обещай мне, Гарри, – скороговоркой произнёс мистер Уизли, – что бы ни случилось...

– Зачем мне искать того, кто хочет меня убить, – буркнул Гарри.

– Покаянись, что бы ты ни слышал...

– Быстрее, Артур! – крикнула миссис Уизли.

Из паровоза повалил дым, и поезд тронулся. Гарри кинулся к вагону, Рон открыл ему дверь и отступил в сторону, пропуская его вовнутрь. Потом друзья высунулись из окна и махали мистеру и миссис Уизли, пока они не скрылись из виду.

Поезд набрал полный ход. Гарри подозвал Рона с Гермионой и шепнул:

– Мне надо вам кое-что рассказать.

– Иди отсюда, Джинни, – бросил сестре Рон.

– Очень мило, – с обидой сказала Джинни и гордо отошла.

В поисках свободного купе Гарри с Роном и Гермионой пошли по коридору. Удача им улыбнулась в самом конце вагона.

В купе находился всего один пассажир, дремавший возле окна. Троица переступила порог. Странно. «Хогвартс-Экспресс» предназначен для школьников, и, кроме ведьмы, развозившей тележки с едой, других взрослых в вагонах они раньше не видели.

Незнакомец был одет в поношенную, штопаную-перештопаную мантию. Он выглядел болезненным и измождённым. Хотя он казался довольно молодым, его светло-каштановые волосы были тронуты сединой.

Ребята закрыли дверь и сели подальше от окна.

– А это кто такой? – шепнул Рон.

– Профессор Р. Дж. Люпин, – не замедлила с ответом Гермиона.

– Откуда ты знаешь?

– Посмотри на чемодан. – Она показала на полку над головой мужчины.

Маленький потрёпанный чемодан был перевязан верёвкой, аккуратно связанной из множества маленьких верёвочек. В одном из углов была надпись: «*Профессор Р. Дж. Люпин*».

– Интересно, что он преподаёт? – Рон, прищурившись, глядел на его бледный профиль.

– Это очевидно, – прошептала Гермиона. – Есть только одна вакансия, не так ли? Защита от Тёмных искусств.

У них было уже два учителя по защите, на первом курсе и на втором. Ходили слухи, что на эту должность наложен сглаз.

– Надеюсь, что он потянет, – засомневался Рон. – Он выглядит так, будто одна успешная порча добьёт его, разве нет? Ну, выкладывай, – повернулся он к Гарри.

И Гарри всё им поведал, включая предупреждение мистера Уизли. Рон сидел будто громом поражённый, Гермиона прижала руки к губам и, немного погодя, сказала:

– Значит, Сириус Блэк сбежал из тюрьмы из-за *тебя*? Гарри... Ты должен быть очень... очень осторожен. Не ищи себе неприятностей.

– Я их не ищу, – буркнул Гарри. – Это они ищут *меня*.

– Насколько туп должен быть Гарри, чтобы искать психа, который хочет его убить? – проворчал всё ещё не пришедший в себя Рон.

Друзья восприняли известие хуже, чем ожидал Гарри. Испугались они, во всяком случае, гораздо сильнее, чем он.

– Никто не знает, как он сбежал из Азкабана, – поёжился Рон, – Никому раньше это не удавалось. А он, к тому же, находился под усиленной охраной.

– Его должны поймать. – Голос Гермионы был твёрд. – Я слышала, сейчас поднята на ноги даже полиция магглов.

– Что за шум? – вдруг насторожился Рон.

Откуда-то донёсся слабый звенящий свист. Они огляделись.

– Гарри, это у тебя в чемодане. – Рон встал, потянулся к багажной полке и извлёк из-под мантии карманный хитроскоп. Он вертелся у него на ладони, как сверкающая юла.

– Это *хитроскоп*? – заинтересованная Гермиона поднялась, чтобы получше рассмотреть.

– Да, но он из очень дешёвых, – сказал Рон, – Он просто свихнулся, когда я пытался привязать его к лапе Эррола, чтобы отослать Гарри.

– Может, ты делал в этот момент что-то рискованное? – предположила Гермиона.

– Да нет! Хотя, впрочем, нельзя было посылать Эррола... Ну ты же знаешь, ему эти перелёты уже не под силу. Но как я ещё мог отправить Гарри подарок?

Хитроскоп свистел не умолкая.

– Убери его в чемодан, – посоветовал Гарри. – Ещё разбудит нашего соседа.

Он покосился на профессора Люпина. Чтобы заглушить хитроскоп, Рон сунул его в особенно ужасную пару старых носков дяди Вернона и захлопнул чемодан.

– Пойдём в Хогсמיד и отдадим его починить. – Рон опять сел к друзьям. – Фред с Джорджем рассказывали мне, что такие штуки продают в «Дэрвиш и Бэнгз, магические устройства и материалы».

– А что тебе известно про Хогсמיד? – оживилась Гермиона. – Я читала, что это единственный населённый пункт в Англии, где не живут магглы.

– По-моему, да, – ответил без энтузиазма Рон. – Но я туда рвусь не поэтому. Мечтаю пойти в «Пригоршню сластей».

– Что это? – спросила Гермиона.

Лицо Рона расплылось в блаженной улыбке.

– Это кондитерская, у них есть *всё*... Перечные чёртики – от них дым идёт изо рта – а ещё шоколадные шары, полные земляничного мусса и сбитых сливок. Ещё сахарные перья просто отменные! Сидишь на уроке, посасываешь такое перо, а все думают, что ты размышляешь, что писать дальше...

– Но там очень много интересного, – гнула своё Гермиона. – В «Достопримечательностях исторического волшебства» сказано, что местная гостиница была в тысяча шестьсот двенадцатом году штабом восставших гоблинов, а Визжащая Хижина считается самым густонаселённым привидениями зданием во всей Англии...

– ...а гигантские шары из щербета! Лакомишься ими и паришь в нескольких дюймах над землёй, – пропустил мимо ушей Рон все слова Гермионы.

Гермиона посмотрела на Гарри.

– Будет прекрасно хоть изредка уходить из замка. В Хогсмиде есть что изучать!

– Наверное, да, – грустно вздохнул Гарри. – Вернувшись, расскажете мне, что там и как.

– Ты о чём? – спросил Рон.

– Я не пойду. Ни Дёрзли, ни Фадж не подписали мне разрешение.

Рон ужаснулся.

– Тебе нельзя? Быть ... не может! Есть МакГонагалл или ещё кто, кому можно подписать...

Гарри рассмеялся. Профессор МакГонагалл, глава Гриффиндора, была очень строга.

– А в случае чего, спросим Фреда с Джорджем, они знают все тайные выходы из замка...

– Рон! – возмутилась Гермиона. – Гарри нельзя покидать замок, пока Блэк на воле.

– Да, думаю, именно это МакГонагалл и скажет, попроси я её подписать разрешение, – буркнул Гарри.

– Гарри, но с тобой будем мы! – Глаза у Рона сверкнули. – И Блэк не посмеет...

– Рон, не говори глупости, – возразила Гермиона. – Блэк уже столько человек убил посреди людной улицы! Неужели, заведя *нас*, он испугается и оставит Гарри в покое?

Говоря это, она расстёгивала ремни на корзине с Косолапом.

– Не выпускай! – крикнул Рон, но было поздно.

Косолап легко выпрыгнул из корзины, потянулся и вскочил ему на колени. Внутренний карман у Рона задрожал, и Рон довольно грубо отшвырнул кота:

– Пошёл вон!

– Не смей, Рон! – возмутилась Гермиона. Рон не остался бы в долгу, если бы профессор Люпин в эту минуту не зашевелился. Все трое замерли, но профессор повернул голову в другую сторону и, слегка приоткрыв рот, продолжал спать.

«Хогвартс-Экспресс» держал курс на север. Погода за окном помрачнела, небо заложило тучами. Реже появлялись поля и фермы. По коридору туда-сюда стали ходить люди. Косолап обосновался на незанятом месте, повернув курносую морду к Рону, его жёлтые глазки буравили заветный карман.

В час дня пухлая ведьма покатила тележку с едой.

– Как по-вашему, надо его разбудить? – Рон с сомнением кивнул на профессора. – Ему не помешало бы поесть.

Гермиона осторожно приблизилась к профессору Люпину.

– Профессор! Простите за беспокойство, профессор!

Профессор не шелохнулся.

– Не волнуйтесь, дорогие мои, – сказала ведьма, протягивая Гарри коробку с пирожными. – Проснётся и захочет есть – я в первом вагоне, рядом с машинистом...

Она закрыла дверь и удалилась.

– Он и вправду спит? – тихонько сказал Рон. – Уж не помер ли?

– Нет. Нет. Он дышит, – прошептала Гермиона, беря протянутое Гарри пирожное.

С попутчиком, конечно, не очень повезло, но была в этом и польза. После полудня, когда зарядил дождь, размыв очертания холмов, проплывающих за окном, ребята услышали в коридоре шаги. У купе шаги смолкли, и в дверях появилась троица заклятых врагов – Дрэйко Малфой, Винсент Крэбб и Грегори Гойл.

Дрэйко Малфой и Гарри враждуют с самой первой поездки в Хогвартс. Лицо у Малфоя бледное, заострённое и с вечной ухмылочкой. Учится он в Слизерине. Гарри и Дрэйко в своих командах искатели. Крэбб и Гойл – что-то вроде малфоевской свиты. Оба мощные, мускулистые. Крэбб повыше, со стрижкой под горшок и очень толстой шеей. У Гойла жесткие, короткие волосы и длинные, как у гориллы, руки.

– Кого я вижу, – по обыкновению лениво протянул Малфой, шире открыв дверь. – Потёртый и Подлизли⁴!

Крэбб и Гойл дружно заржали.

– Слышал, твой отец в кои-то веки разжился кучей золота, – начал Малфой. – Мамаша твоя, случаем, на радостях не померла?

Рон вскочил, уронив на пол корзину Косолапа. Профессор Люпин всхрипнул.

– А это кто такой? – попятился Дрэйко.

– Новый учитель. – Гарри тоже вскочил: вдруг будет нужна помощь. – Что ты сказал, Малфой?

Бесцветные глазки Малфоя сощурились. У него хватало мозгов, чтобы не начинать драку под носом у учителя.

– Идём, – бросил он свите. И раздосадованные враги убрались восвояси.

Гарри с Роном вернулись на место. Рон в бешенстве сжимал кулаки.

– Я больше не намерен терпеть Малфоя! Ещё слово о моей семье, я его за башку схвачу и...

Рон сделал в воздухе яростный выпад.

– Рон, *аккуратнее*, – прошептала Гермиона, кинув взгляд на профессора Люпина.

Но профессор спал как ни в чём не бывало.

Дождь усилился, а «Хогвартс-Экспресс» мчал всё дальше на север. Окна закрыл густой туман. Стемнело. По всему вагону и над багажными полками загорелись лампы. Стучат

⁴ В оригинале говорится «Potty and the Weasel», что можно перевести как «Детский горшок и ласка(животное)»

колёса, по окнам барабанит дождь, завывает ветер, а профессору Люпину всё нипочём – спит себе и спит.

– Скоро должны приехать. – Рон пытался что-то разглядеть в тёмном окне.

Не успел он закрыть рот, как поезд замедлил ход.

– Прекрасно! – Рон вновь подал голос и, осторожно обойдя профессора, стал вглядываться в темноту за стеклом. – Умираю с голоду. Скорее бы за праздничный стол.

Гермиона посмотрела на часы.

– Но нам ещё долго ехать, – заметила она.

– А чего же мы останавливаемся?

Поезд ехал всё медленнее. Шум двигателя утих, зато ветер и дождь за окном как будто усилились.

Гарри, находившийся ближе всех к двери, выглянул в коридор. Из других купе тоже высовывались любопытные.

Поезд дёрнулся и остановился. Судя по звукам в вагоне, с полок посыпались вещи. Неожиданно погасли все лампы, и поезд погрузился в крошечную тьму.

– В чём дело? – раздался позади голос Рона.

– Ай! – вскрикнула Гермиона. – Рон, это моя нога!

Гарри добрался до своего сиденья.

– Может, авария?

– Не знаю...

Что-то зашуршало, и Гарри увидел на фоне окна смутный силуэт Рона, протиравшего запотевшее стекло.

– Там что-то движется, – сказал Рон. – По-моему, в поезд садятся люди.

Дверь открылась, и кто-то упал Гарри на ноги.

– Простите! Вы не знаете, что случилось? Ой! Извините...

– Привет, Невилл! – Гарри протянул в темноте руку и схватил его за мантию.

– Гарри? Это ты? Что случилось?!

– Понятия не имею! Садись.

Раздалось сердитое шипение – Невилл сел на Косолапа.

– Пойду схожу к машинисту, узнаю, что произошло, – послышался голос Гермионы.

Гарри дал ей пройти. Дверь опять скользнула, звук столкновения, и два голоса вскрикнули:

– Кто это?

– А *это* кто?

– Джинни?

– Гермиона?

– Что ты делаешь?

– Ищу Рона.

– Иди садись.

– Не сюда! – предупредил Гарри. – Здесь я.

– Ой! – крикнул Невилл.

– Тихо! – вдруг раздался хриловатый голос.

Профессор Люпин наконец проснулся. Гарри услышал шорох в углу. Все замолчали. Слабый треск – и в купе забрезжил свет. В ладони профессора Люпина загорелось пламя, освещающая усталое, серое лицо. Глаза его, однако, были ясны и насторожены.

– Оставайтесь на месте. – Голос был всё ещё сильный после сна. Он медленно встал, держа перед собой пригоршню огня, и пошёл к двери, но та, опередив его, медленно открылась.

Дрожащее пламя в руках Люпина осветило упиравшуюся в потолок фигуру, закутанную в плащ. Лицо пришельца было полностью скрыто капюшоном. Глаза Гарри метнулись вниз, к горлу подступила тошнота. Из-под плаща высунулась рука: лоснящаяся, сероватая, вся в слизи и стружьях, как у долго находившегося в воде утопленника. Рука торчала наружу долю секунды: существо как будто почуяло взгляд Гарри и поспешно спрятало её в складке чёрной материи. Затем, существо под капюшоном, чем бы оно ни было, сделало глубокий, медленный, шумный вдох, словно пыталось всосать из окружения не только воздух.

Присутствующих обдало стужей. У Гарри перехватило дыхание. Мороз пробирался под кожу, в грудь, в самое сердце. Глаза Гарри закатились. Он ничего не видел. Погрузился в холод. В уши как будто хлынул поток воды. Его тащило куда-то вниз, шум усиливался. Откуда-то издали донёсся жуткий, пронзительный вопль мольбы. Гарри хотел помочь, кто бы это ни был, он попытался шевельнуть руками, но не смог... густой белый туман кружился вокруг него, внутри него...

– Гарри! Гарри! Ты в порядке?

Кто-то шлёпал его по лицу.

– Ч-что?

Гарри открыл глаза. Светят фонари, подрагивает пол. «Хогвартс-Экспресс» снова в пути, и освещение восстановилось. Похоже, он упал с сиденья. Рон с Гермионой склонились над ним, стоят на коленях, позади Невилл и профессор Люпин. Гарри хотел поправить очки и почувствовал, что лицо покрыто холодным потом, подступила тошнота.

Рон и Гермиона усадили его на сиденье.

– Ты в порядке? – забеспокоился Рон.

– Да. – Гарри бросил взгляд на дверь. Существо в капюшоне исчезло. – Что произошло? Где это... это существо? Кто кричал?

– Никто не кричал. – Рон запереживал ещё больше.

Гарри осмотрел освещённое купе. Бледные-бледные Джинни и Невилл таращили на него глаза.

– Но я слышал крик.

Что-то громко треснуло, и все вздрогнули. Профессор Люпин разломал на части большую плитку шоколада.

– Держи, – протянул он Гарри самый большой кусок. – Съешь и станет полегче.

Гарри взял, но есть не хотелось.

– Вы не знаете, кто это был? – спросил он Люпина.

– Дементор. – Люпин раздавал шоколад всем остальным. – Один из дементоров Азкабана.

Все смотрели на него, не веря ушам. Профессор Люпин скомкал пустую обёртку и сунул в карман.

– Ешь, – повторил он. – Увидишь, станет легче. Простите, я ненадолго уйду, мне надо кое-что сказать машинисту.

Люпин скрылся в коридоре.

– Ты точно в порядке, Гарри? – Гермиона тревожно смотрела на друга.

– Я так и не понял, что произошло. – Гарри вытер пот со лба.

– Ну, это существо ... дементор ... стояло здесь и осматривалось (я так подумала, лица-то я его не видела), и ты, ты...

– Наверное, это был обморок. – Рон никак не мог успокоиться. – Ты вдруг обмер, упал и забился...

– А профессор Люпин подошёл к дементору, вынул палочку, – продолжила Гермиона, – и сказал: «Никто из нас не прячет Сириуса Блэка под плащом. Уходи». Но дементор не шелохнулся. Тогда Люпин что-то пробормотал, и нечто серебряное вылетело из его палочки на дементора, тот развернулся и плавно выскользнул прочь.

– Так ужасно было, – пропищал Невилл не своим голосом. – Когда это вошло сюда, вы почувствовали холод?

– Я испытал странное чувство. – Рона передёрнуло. – Как будто я уже никогда не буду счастливым.

Съевшаяся в углу Джинни выглядела немногим лучше Гарри. Она вдруг громко всхлипнула, Гермиона нагнулась к девочке и обняла её.

– Но никто же из вас не попадал с сидений, – неловко пробормотал Гарри.

– Нет, – подтвердил Рон и опять беспокойно глянул на него. – Джинни колотила дрожь...

Гарри был в недоумении. Он чувствовал слабость и озноб, как после тяжёлого гриппа; и ещё ему стало стыдно. Почему он так расклеился? С другими ведь этого не произошло...

Вернулся профессор Люпин. Он остановился на пороге, осмотрелся и сказал, слегка улыбаясь.

– Знаете, этот шоколад не отравлен...

Гарри откусил кусочек. Удивительно, но по жилам заструилось тепло.

– Через десять минут будем в Хогвартсе, – произнёс учитель. – Ну что, Гарри, полегче стало?

Гарри не стал спрашивать, откуда профессор Люпин знает его имя.

– Да, – ответил он смущённо.

Остаток пути они мало говорили. Поезд прибыл на станцию Хогсמיד. Высаживались долго и шумно. Совы ухали, коты мяукали. Любимая жаба Невилла громко квакала под его шляпой. На крошечной платформе было очень холодно, с неба лились потоки ледяного дождя.

– Первокурсники, сюда! – громыхнул знакомый голос.

Гарри, Рон и Гермиона обернулись и увидели высоченную фигуру Хагрида. Лесничий собирал первокурсников, чтобы переправить, согласно традиции, через озеро.

– Эй, троица, вы в порядке? – Хагрид возвышался над головами.

Друзья помахали ему, но поговорить не смогли, так как их оттеснила толпа. Гарри, Рону и Гермионе предстояло, как и всем остальным, ехать до замка в карете. На грязной, в колдобинах, дороге их было не менее сотни – и никаких лошадей. Гарри тут же представил себе впряжённых лошадей-невидимок. Когда друзья забрались внутрь и захлопнули дверцу, карета покатилась, качаясь и трясясь на ухабах.

В карете немного пахло плесенью и соломой. После шоколада Гарри чувствовал себя лучше, но слабость ещё не отпустила. Рон и Гермиона сели по краям и всю дорогу украдкой поглядывали на него, опасаясь повторения обморока.

Карета подкатила к великолепным чугунным воротам, слева и справа высились каменные колонны, увенчанные крылатыми кабанам, рядом стояли два дементора, с ног до головы укутанные мантиями. Гарри ощутил подступающий озноб, откинулся на пухлую спинку сиденья и, пока ворота не остались позади, не открывал глаз. Карета покатилась по длинному извилистому подъезду к замку. Гермиона высунулась в окошко и любовалась множеством приближающихся башен и башенок. Покачнувшись, карета остановилась, и Рон с Гермионой вылезли. Гарри сошёл следом.

– Ты хлопнулся в *обморок*, Поттер? Лонгботтом не врёт? Ты и впрямь *хлопнулся*? – ударил ему в уши довольный голос.

Малфой оттолкнул локтем Гермиону и загородил Гарри дорогу к каменным ступеням, ведущим в замок. Его раздражало от ликования, бесцветные глазки злобно поблёскивали.

– Уйди, Малфой, – процедил Рон.

– А ты, Уизли? – крикнул Малфой. – Небось тоже испугался старины дементора?

– Какие-то проблемы? – мягко спросил профессор Люпин, выходя из подъехавшей кареты.

Малфой свысока глянул на профессора Люпина, заметил его латаную мантию, ветхий чемодан и сказал с еле заметной усмешкой:

– А, нет... э-э... *профессор*, – и, подмигнув Крэббу с Гойлом, двинулся впереди них по ступеням.

Гермиона толкнула Рона в спину, и друзья вместе со всеми вошли через высокие дубовые двери в огромный холл, освещённый факелами. Из холла вверх вела роскошная мраморная лестница.

Двери в Большой Зал были гостеприимно распахнуты. Поток учеников понёс туда Гарри, но он успел только мельком увидеть зачарованный, затянутый сегодня чёрными тучами потолок.

– Поттер! Грэйнджер! Подойдите ко мне! – раздался чей-то голос.

Гарри и Гермиона удивлённо обернулись. Профессор МакГонагалл, преподаватель трансфигурации и глава Гриффиндора, требовательно глядела на них поверх голов. Вид у неё был, как всегда, суровый. Волосы собраны в тугий пучок, сквозь очки в упор смотрят острые, живые глаза. Полный тяжёлых предчувствий, Гарри локтями прокладывал в толпе

дорогу. Как-то так получалось, что при виде профессора МакГонагала он всегда чувствовал себя виноватым.

– Не нужно так волноваться. Я просто хочу поговорить с вами у себя в кабинете, – сказала она. – А вы, Уизли, идите в зал.

Рон посмотрел всем троим вслед и поспешил к праздничному столу. Профессор повела друзей через холл по мраморной лестнице к коридору, ведущему к ней в кабинет. Это была маленькая комната с большим, ярко пылающим камином. Профессор пригласила гостей сесть у камина, сама расположилась за письменным столом.

– Профессор Люпин послал с совой сообщение, – начала она, – что вам стало плохо в поезде, Поттер.

Гарри не успел ответить, в дверь кто-то постучался, и в кабинет ворвалась мадам Помфри, врач из больничного крыла.

Гарри покраснел. Зачем вся эта шумиха – ему и так было стыдно, что он потерял сознание.

– Я в порядке. Ничего не нужно...

– А-а, это ты! – Мадам Помфри не обратила внимания на его слова. Наклонившись, она внимательно посмотрела на него. – Тебе опять угрожала опасность?

– Это был дементор, Поппи, – пояснила МакГонагала.

Они, нахмурившись, переглянулись.

– Выставили дементоров вокруг школы, – недовольно закудаhtала мадам Помфри, откинув Гарри волосы и коснувшись лба. – Не он последний, кто потеряет сознание. Да, весь мокрый. Ужасные это существа, а какое действие они оказывают на людей хрупкого здоровья...

– У меня здоровье не хрупкое! – вспыхнул Гарри.

– Конечно нет, – рассеянно произнесла мадам Помфри, щупая у него пульс.

– Что вы сейчас ему рекомендуете? – Голос профессора МакГонагала был твёрд. – Постельный режим? Может быть, вечером отправить в больничное крыло?

– Я здоров! – подскочил Гарри. Можно представить, что на его попадание в больничное крыло скажет Малфой.

– Ладно, тогда хотя бы пусть поест шоколада, – молвила мадам Помфри, проверяя его глаза.

– Я уже поел. Мне дал профессор Люпин. Он всех нас угостил ещё в поезде.

– Правда? – обрадовалась мадам Помфри. – Ну наконец-то появился преподаватель защиты от Тёмных искусств, который знает своё дело.

– Поттер, вы уверены, что хорошо себя чувствуете? – строго спросила профессор МакГонагала.

– Да.

– Отлично. А теперь, будьте так любезны, подождите нас в коридоре. Мне надо сказать несколько слов мисс Грэйнджер о её расписании, после чего все вместе пойдём на праздник.

Гарри и мадам Помфри вышли в коридор, и та, что-то бурча себе под нос, удалилась в больничное крыло. Вскоре появилась сияющая Гермиона в сопровождении МакГонагалл, и все трое отправились в Большой Зал.

Их встретило целое море чёрных остроконечных шляп; тысячи свечей парили в воздухе, бросая свет на лица учеников за длинными столами. Профессор Флитвик, крошечный колдун с копной седых волос на голове, выносил из Большого Зала старую шляпу и трёхногую табуретку.

– О, мы пропустили Сортировку, – заметила Гермиона.

Новых учеников в Хогвартсе распределяла по Домам Сортировочная Шляпа. Её надевали на голову очередному новичку, и она выкрикивала название Дома, по её мнению, наиболее для него подходящего (Гриффиндор, Рэйвенкло, Хаффлафф и Слизерин). Профессор МакГонагалл поспешила к своему месту за преподавательским столом. Гарри и Гермиона – в противоположную сторону к гриффиндорскому. Они шли тихо, стараясь не привлекать к себе внимание. И всё-таки многие провожали Гарри любопытным взглядом, а некоторые даже показывали на него пальцем. Неужели история с обмороком так быстро разнеслась по Хогвартсу?

Сели рядом с Роном, занявшим для них места.

– Зачем вас вызывали? – спросил он Гарри. Гарри зашептал ему, но тут на ноги поднялся директор школы.

Хотя профессор Дамблдор был очень стар, энергия была в нём ключом. У него были серебряные волосы до плеч и такая же борода, очки-половинки и длинный крючковатый нос. О нём часто говорили, что он величайший колдун эпохи, но Гарри уважал его не за это. Дамблдор у всех вызывал доверие. И, увидев, как он сияющими глазами смотрит на учеников, Гарри впервые, после того как столкнулся в купе с дементором, ощутил настоящее спокойствие.

– Приветствую всех! – сказал директор школы. – Приветствую и поздравляю с началом нового учебного года в Хогвартсе! Мне надо многое вам сказать, и начнём с самого серьёзного. Думаю, будет лучше сразу от этого отвязаться и после приступить к отменному пиршеству. – Дамблдор кашлянул и продолжал: – Как вам уже хорошо известно после досмотра в «Хогвартс-Экспрессе», в нашу школу прислали несколько дементоров из Азкабана, которые находятся здесь по поручению Министерства магии.

Дамблдор секунду-другую молчал. А Гарри вспомнились слова мистера Уизли, что Дамблдор не очень-то рад такой охране.

– Они будут стоять у всех выходов с территории школы, – продолжал директор. – И пока они здесь, никто не должен даже пытаться покинуть Хогвартс без разрешения. Дементоров не проведёшь ни переодеванием, ни какими-либо ещё фокусами, не помогут даже плащи-невидимки, – добавил он, и Гарри с Роном переглянулись. – Дементоров тщетно умолять, тщетно просить прощения. Поэтому я вас очень прошу, всех и каждого, не давайте им повода причинить вам вред. Я уже говорил с префектами и нашими новыми старостами школы, и они будут следить, чтобы никто никогда не затевал с дементорами опасной игры.

Пёрси, сидевший недалеко от Гарри, снова выпятил грудь и горделиво огляделся. Дамблдор опять замолчал, окинул внимательным взглядом сидящих — никто не шелохнулся, не произнёс ни слова.

— Закончу на более приятной ноте, — продолжил он. — Счастлив представить двух наших новых преподавателей. Во-первых, профессор Люпин, который любезно согласился занять должность преподавателя защиты от Тёмных искусств.

Люпин быстро привстал, кивнул головой и снова сел за стол. Послышались редкие хлопки, известие было принято без особого энтузиазма. Горячо хлопали только те, кто ехал сегодня в одном купе с профессором Люпином, включая Гарри. Профессор выглядел особенно жалко среди преподавателей, одетых в свои лучшие мантии.

— Посмотри на Снейпа, — шепнул на ухо Гарри Рон.

Профессор Снейп, специалист по зельеварению, смотрел через весь стол на профессора Люпина. Все знали, что Снейп давно мечтал о должности, которую занял Люпин; но сейчас даже Гарри, ненавидевший Снейпа, был поражён тем, как исказилось его худое, землистого цвета лицо. В нём читались не зависть или гнев, оно выражало сильнейшее отвращение. Гарри хорошо знал это его выражение. Оно появлялось в лице Снейпа всякий раз, как он смотрел на Гарри.

— Что касается второго назначения, — заговорил Дамблдор после того, как стихли жидкие аплодисменты, — должен, к сожалению, напомнить, что профессор Кэтлабёрн, наш специалист по уходу за магическими существами, в конце прошлого семестра подал прошение об отставке, чтобы провести больше времени с оставшимися у него конечностями. Тем не менее, я счастлив сообщить вам, что его должность согласился принять сам Рубеус Хагрид. Он будет совмещать работу лесничего с преподаванием.

Гарри, Рон и Гермиона переглянулись, не поверив своим ушам. И тут же присоединились к буре аплодисментов, которые были особенно сильны за столом гриффиндорцев. Гарри подался вперёд, чтобы лучше видеть Хагрида. Лесничий после приветствия сел, он был красный как свёкла, глядел, опустив глаза, на свои огромные ручки, а в его чёрной всклокоченной бороде играла широкая довольная улыбка.

— Мы могли бы догадаться! — ударил кулаком по столу Рон. — Кто ещё мог рекомендовать нам эту кусачую книгу?

Гарри, Рон и Гермиона кончили хлопать последними. Дамблдор заговорил опять, и друзья увидели, что Хагрид вытирает глаза скатертью.

— Ну вот, кажется, и всё, — заключил Дамблдор. — Во всяком случае, самое главное. Да начнётся пир!

Золотые тарелки и кубки наполнились едой и питьём. Гарри почувствовал, что умирает от голода, и положил себе на тарелку всё, до чего смог дотянуться.

Пир был хоть куда! Зал наполнился смехом, разговорами, звоном ножей и вилок. Но Гарри и его друзья не могли дождаться, когда праздник кончится, — так им хотелось поговорить с Хагридом. Они знали, как много означает для него должность преподавателя. Ведь у него даже не было диплома колдуна. На третьем курсе его исключили из школы за

преступление, которое он не совершал. Гарри, Рон и Гермиона в прошлом году вернули ему доброе имя.

Наконец последние куски тыквенного пирога исчезли с золотых блюд, и Дамблдор намекнул всем, что пора идти спать. Друзья сейчас же бросились к Хагриду.

– Хагрид, поздравляем! – воскликнула Гермиона, когда они очутились у преподавательского стола.

– Привет, привет всем троим, – ответил Хагрид, вытирая салфеткой с лица пот. – Не верится! Великий человек Дамблдор... Пришёл ко мне в хижину... сразу, как профессор Кэтлабёрн сказал, что больше не может... Я об этом всю жизнь мечтал...

Чувства переполнили его, и он спрятал лицо в салфетку. Подошла профессор МакГонаггалл и погнала ребят спать.

Гарри, Рон и Гермиона, уже порядком уставшие после длинного дня, догнали гриффиндорцев, идущих плотным потоком по мраморной лестнице, свернули в один коридор, другой, поднялись по ещё одной лестнице и очутились, наконец, у входа в свою башню. Полная Леди в розовом платье спросила у них пароль.

– Входите, входите, – раздался из-за спин голос Пёрси. – Новый пароль – «Фортуна Майор»!

– О нет, – грустно пробормотал Невилл Лонгботтом. Запоминать новые пароли ему было трудно.

Вошли в гостиную, девочки пошли в свои спальни по одной лестнице, мальчики по другой. Гарри поднимался по винтовой лестнице с одним чувством: какое счастье, что он опять здесь. Вошли в такую знакомую круглую спальню, вот и пять кроватей под полами на четырёх столбиках. Гарри подошёл к своей. Наконец-то он дома.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

КОГТИ И ЧАИНКИ

Войдя на другой день утром в Большой Зал, Гарри, Рон и Гермиона первым делом увидели Дрэйко Малфоя, который рассказывал окружающим его слизеринцам какую-то забавную историю. Заметив Гарри, Дрэйко издевательски сделал вид, что вот-вот упадёт в обморок, за чем последовал взрыв хохота.

– Не обращай внимания, – шепнула Гарри шедшая за ним Гермиона. – Просто игнорируй, оно того не стоит...

– Эй, Поттер! – взвизгнула похожая на мопса Пэнси Паркинсон. – Поттер! Оглянись! Сзади тебя дементоры! У-у-у-у!

Гарри, нахмурившись, сел за стол гриффиндорцев рядом с Джорджем Уизли.

– Вот, возьми расписание уроков для третьекурсников. – Джордж протянул несколько кусков пергамента. – Что с тобой, Гарри?

– Это всё Малфой, – сказал Рон, садясь рядом с Джорджем по другую сторону и кивнув на соседний стол слизеринцев.

Джордж взглянул на Малфоя – тот опять закатил глаза в притворном ужасе.

– Паршивец мелкий, – сказал он спокойно. – Вчера вечером в поезде, когда в вагон вошли дементоры, он так не петушился. Удрал к нам в купе, помнишь, Фред?

– Чуть не обмочился. – Фред бросил на Малфоя полный презрения взгляд.

– Честно говоря, – сказал Джордж, – я и сам испугался этих красавцев.

– Смотришь на них, и как будто все внутренности у тебя заморозило, – подхватил Фред.

– Но ведь никто в обморок не упал, – тихо проговорил Гарри.

– Выкинь из головы, – ободрил Джордж Гарри. – Отцу однажды пришлось поехать в Азкабан, помнишь, Фред. Он говорит, что страшнее места на земле нет. Несколько дней не мог опомниться. Дементоры, сказал, высасывают из живого человека все крохи тепла и радости. Большинство узников по-настоящему сходят с ума.

– Посмотрим, как Малфой будет веселиться после первой игры, – сказал Фред. – Ведь первый матч сезона – Гриффиндор против Слизерина.

Единственный раз, когда Гарри столкнулся с Малфоем на поле лицом к лицу, вид у того действительно был плачевный. Гарри повеселел и налёг на сосиски с поджаренными помидорами. Гермиона углубилась в расписание уроков.

– Прекрасно! Сегодня у нас несколько новых предметов, – радостно сообщила она.

– По-моему, Гермиона, они что-то напутали с твоим расписанием. – Рон заглянул ей через плечо. – У тебя по десять уроков в день. Столько в учебное время не умещается.

– Я справлюсь. Мы всё обсудили с профессором МакГонагалл.

– Нет, ты только посмотри, – рассмеялся Рон. – Сегодня утром в девять часов у тебя прорицание, а под ним, тоже в девять, изучение магглов. И вот ещё. – Рон пониже нагнулся над расписанием, не веря глазам. – Чуть ниже арифмантика, и тоже в девять. Конечно, ты у

нас самая умная, но не до *такой* же степени. Как ты собираешься посещать три урока одновременно?

– Не говори глупостей, – сказала Гермиона. – Разумеется, я не буду в одно время сразу на трёх уроках.

– Ну, а как же тогда...

– Передай мне, пожалуйста, джем, – прервала его Гермиона.

– Но...

– Скажи, Рон, почему тебя так волнует моё расписание? Я ведь тебе уже объяснила, что мы всё обсудили с профессором МакГонагалл.

Как раз в эту минуту в Большой Зал вошёл Хагрид. На нём была кротовая шуба, в огромной ручище он держал за хвост дохлого хорька и рассеянно им помахивал.

– Привет! – помедлил он у стола гриффиндорцев. – Вы мои первые в жизни ученики. Сразу после обеда. Я сегодня с пяти утра на ногах... Готовлюсь к уроку... Волнуюсь, конечно... Учитель!.. Нет, честно...

– Хотел бы я знать, что он там наготовил, – сказал Рон с ноткой беспокойства.

Тем временем Большой Зал быстро пустел, ученики спешили на первый урок. Рон посмотрел в расписание.

– Надо спешить. Прорицание на самом верху Северной Башни. Туда идти минут десять, не меньше.

Допили чай, попрощались с Фредом и Джорджем и пошли к выходу. Когда проходили мимо слизеринцев, Малфой опять изобразил обморок, а его подпевалы разразились хохотом.

К Северной Башне идти и идти. За два года в Хогвартсе друзья не успели исследовать все закоулки замка, а в Северной Башне и вообще не были.

– Наверное, есть более короткий путь, – задыхаясь, проговорил Рон на площадке восьмого этажа.

На одной из стен висел большой холст, на котором ничего не было, кроме зелёного луга.

– Наверное, нам сюда, – махнула рукой Гермиона в сторону коридора, идущего вправо.

– Вряд ли, – возразил Рон. – Он ведёт к Южной башне. Видишь, из этого окна видна часть озера...

Гарри с любопытством рассматривал полотно с лугом. Справа появился толстенький серый в яблоках пони, мирно пощипывающий траву. Гарри уже привык к картинам, персонажи которых покидают рамы по собственному усмотрению, но каждый раз не мог от них глаз отвести. Следом за пони вышел упитанный коротышка, бряцая рыцарскими доспехами. Он, как видно, только что упал со своего пони – из металлических наколенников торчали зелёные травинки.

– Эй! – закричал он, увидев Гарри, Рона и Гермиону. – Что за злодеи посягают на мои владения? Пришли над моим падением насмехаться, быть может? Обнажайте клинки, вы псы!

Друзья с изумлением глядели, как крошечный рыцарь, обнажив меч, стал яростно им потрясать. Но меч был слишком велик, рыцарь замахнулся, не рассчитав силы, потерял равновесие и пал ничком на траву.

– С вами всё в порядке? – спросил Гарри, подойдя ближе к картине.

– Пошёл отсюда, подлый трус! Жалкий проходимец!

Крошка рыцарь поднялся на ноги, схватил рукоять меча, дёрнул, но меч глубоко ушёл в землю и, как он ни тянул, не поддавался. Рыцарь опять плюхнулся на траву, поднял забрало и отёр с лица пот.

– Послушайте, – воспользовался Гарри передышкой в борьбе с мечом. – Мы ищем Северную Башню. Может, вы знаете, как туда пройти?

– Приключения! – Гнев рыцаря как рукой сняло. Он вскочил на ноги, клацнув доспехами. – Следуйте за мной, друзья! Мы достигнем цели или героически погибнем в схватке с врагом!

Ещё раз безуспешно дёрнул меч, попытался влезть на толстяка-пони – не смог, но это не остудило его пыл.

– Тогда пешком, добрые сэры и прекрасная леди! За мной!

И он помчался, бряцая доспехами, к левому краю полотна. Выскочил из рамы – только его и видели.

Троица сорвалась с места, следуя за удаляющимся лязгом. Иногда рыцарь появлялся, вбежав в очередную картину, и опять исчезал, слышался только шум его доспехов.

– Отважны будьте, худшее ещё впереди! – крикнул на высокой ноте рыцарь, объявившись среди растревоженных дам в кринолинах. Полотно с дамами висело на стене в самом начале узкой винтовой лестницы.

Шумно отдуваясь, Гарри, Рон и Гермиона потопали вверх по крутой спирали ступенек и наконец услышали над головой многочисленные голоса – значит, кабинет прорицаний где-то совсем рядом.

– Прощайте, друзья! – крикнул рыцарь, ныряя головой в картину со зловещего вида монахами. – Прощайте, мои соратники! Если когда-нибудь вам понадобится благородное сердце и стальные мускулы, кликните сэра Кэдогана!

– Кликнем, – сказал Рон, едва рыцарь пропал из виду. – Когда понадобится сумасшедший.

Ещё несколько ступеней, и они очутились на тесной площадке, где столпился весь класс. На площадку не выходила ни одна дверь. Рон толкнул Гарри и указал на потолок – там была круглая дверца люка с бронзовой табличкой. «Сибилла Трелони, профессор прорицания», – прочитал Гарри.

– Как же мы туда попадём?

И точно в ответ на его недоумённый вопрос, дверца люка внезапно открылась и прямо к ногам Гарри опустилась серебристая лестница. Класс в изумлении притих.

– Только после тебя, – ухмыльнулся Рон.

И Гарри полез первый. Он очутился в очень странном классе. Скорее это был не класс, а что-то среднее между мансардой и старомодной чайной. В комнате, погружённой в красноватый полумрак, теснились примерно двадцать круглых столиков, каждый из которых был окружён обитыми пёстрой тканью креслами и мягкими пуфиками. Шторы на окнах задрнуты, многочисленные лампы задрапированы тёмно-красным шёлком. Было очень

тепло и душно, в камине под заставленной странными вещицами каминной полкой горел огонь, издавая тяжёлый дурманивший аромат. На огне закипал большой медный чайник. Круглые стены опоясаны полками. Чего только на них не было: запалённые птичьи перья, огарки свечей, пухлые колоды потрёпанных карт, бесчисленные магические кристаллы и полчища чайных чашек.

За Гарри из люка показался Рон, скоро к ним присоединился весь класс, говоривший почему-то шёпотом.

— Где она? — спросил Рон.

Откуда-то из полумрака раздался приглушённый, почти неземной голос:

— Добро пожаловать. Как приятно наконец-то видеть вас в материальном мире.

Гарри сначала показалось, что в свете камина появилась большая блестящая стрекоза. Профессор Трелони была очень худа, толстые стёкла очков сильно увеличили её глаза, на плечах газовая в серебряных блёстках шаль. С тонкой шеи свисают бесчисленные цепочки и ожерелья, пальцы и запястья украшены перстнями и браслетами.

— Садитесь, дети мои, садитесь, — сказала она, и все толкаясь стали рассаживаться: кто в кресло, кто на пуф. Гарри, Рон и Гермиона сели вокруг одного стола.

— Приветствую вас на уроке прорицания. — Сама Трелони села в широкое кресло возле камина. — Меня зовут профессор Трелони. Скорее всего, вы до сих пор ещё меня не видели. Я редко покидаю свою башню. Суета и суматоха школьной жизни затуманивают моё внутреннее око.

Никто ничего не ответил на это неожиданное заявление. Сибилла Трелони лёгким движением плеч поправила шаль и продолжала:

— Так, значит, вы избрали прорицание, самое трудное из всех магических искусств. Должна вас с самого начала предупредить: я не смогу научить многому тех, кто не обладает врождённой способностью ясновидения. Книги помогают только до определённых пределов...

Гарри с Роном, улыбнувшись, взглянули на Гермиону, которую слова профессора прорицания ошеломили: как это книги хоть в чём-нибудь бессильны помочь?! А Трелони тем временем продолжала:

— Многие ведьмы и колдуны, талантливые в сфере громких взрывов и едких запахов и внезапных исчезновений, не способны рассеять туман, застилающий будущее. — Профессор переводила взгляд с одного возбуждённого лица на другое. — Этот дар даётся немногим. Вот вы, — неожиданно обратилась она к Невиллу, который чуть не свалился с пуфа, — не могли бы вы сказать, как себя чувствует ваша бабушка? Здорова?

— Надеюсь, — дрожащим голосом ответил Невилл.

— Я бы на вашем месте не была столь уверена, — сказала профессор Трелони, и пламя камина заиграло на её длинных изумрудных серьгах.

Невилл прерывисто вздохнул. А профессор невозмутимо продолжала:

— В этом году мы будем изучать основополагающие методы прорицания. Первый семестр посвятим гаданию по чайникам. Во втором семестре займёмся хиромантией. Между

прочим, моя крошка, – Трелони метнула взгляд на Парвати Патил, – вам следует опасаться рыжеволосых.

Парвати бросила испуганный взгляд на Рона, который сидел прямо за ней, и подвинула своё кресло в сторону.

– В летнем семестре перейдём к магическим кристаллам, если к тому времени закончим с предсказаниями по языкам пламени. К сожалению, в феврале занятий из-за вспышки сильнейшего гриппа не будет. У меня самой совсем пропадёт голос. А на Пасху один из нас навеки нас покинет...

Класс напряжённо притих, а профессор Трелони продолжала, ничего не замечая:

– Не могли бы вы, дорогая... – обратилась она к Лаванде Браун, сидевшей к ней ближе всех, та в страхе съёжилась, – передать мне самый большой серебряный чайник?

Лаванда с облегчением вздохнула, встала с кресла, взяла с полки огромный чайник и поставила его на стол перед профессором.

– Спасибо, милая. Да, между прочим, то, чего вы больше всего опасаетесь, случится в пятницу шестнадцатого октября.

Лаванду пробрала дрожь.

– А теперь я попрошу вас разбиться на пары, взять с полки чашку и подойти ко мне. Я вам налью чай, вы сядете и будете пить, покуда на дне не останется гуща.левой рукой поболтайте её три раза круговым движением, затем переверните чашку на блюдце, подождите, пока жидкость стечёт, и передайте чашку напарнику. Оставшиеся на стенках чашки чайники кое-что ему скажут. Растолковать увиденное поможет учебник «Как рассеять туман над будущим», страницы пятая и шестая. А я буду ходить между столами и помогать вам. Мой мальчик! – воскликнула Трелони, схватив за руку Невилла, который встал с пуфа и потянулся за чашкой. – Пожалуйста, после того как разобьёте первую чашку, возьмите вторую из голубого сервиза. Розовый мне жалко. Это мой любимый.

И конечно, не успел Невилл взять в руки чашку с блюдцем, как раздался звук разбившегося фарфора. Профессор бросилась к нему со щёткой и совком для мусора.

– Возьмите голубую, если вы не против. Спасибо.

Гарри и Рон с полными чашками вернулись за свой столик, быстро выпили обжигающий чай. Поболтали чашки, как сказала профессор Трелони, опрокинули на блюдце и обменялись ими. Оба открыли учебники на указанной странице.

– Итак, – сказал Рон, когда они открыли книги на страницах пять и шесть. – Что ты видишь в моей чашке?

– Кучу коричневой жижи. – Тяжёлый дурмящий дух в комнате нагонял сон, и Гарри с трудом соображал, что происходит.

– Расширьте разум, мои славные. Пусть ваш взгляд проникнет сквозь покровы обыденного. – Голос Трелони долетал сквозь туманный полумрак.

Гарри пытался сосредоточиться.

– Кажется, вижу, – наконец сказал он. – Что-то вроде неясного креста... – Гарри склонился над учебником. – Это значит, что тебя, к сожалению, ждут «всякие беды и

испытания». А ещё, кажется, солнце. Но солнце, наоборот, означает «огромную радость»... Понятно, значит, ты скоро будешь страдать и чувствовать от этого радость...

– По-моему, у тебя с внутренним оком что-то неладно. Не мешает проверить.

И оба подавили смехок, заметив, что профессор смотрит в их сторону.

– А теперь моя очередь. – Наморщив лоб, Рон уставился в чашку Гарри. – Вижу тёмное пятно, похожее на цилиндр. Может, ты хочешь работать в Министерстве магии?

Рон перевернул чашку.

– А теперь точь-в-точь жёлудь. Давай посмотрим, что это значит. – Он пробежал открытые странички. – «Внезапный доход. Нежданное золото». Красота! Надеюсь, ты со мной поделись. – Рон опять перевернул чашку. – А теперь вижу какое-то животное. Допустим, это голова... похоже на беге... нет, скорее на овцу...

Гарри прыснул, профессор Трелони обернулась.

– Дайте-ка я взгляну, – сказала она, укоризненно глядя на Рона. Подошла к нему и взяла у него из руки чашку Гарри. Весь класс притих, ожидая её объяснения.

Профессор вращала чашку против часовой стрелки, внимательно рассматривая узоры на её стенках.

– Это сокол... Мой мальчик, у тебя есть смертельный враг.

– Кто *этого* не знает? – громко прошептала Гермиона. Профессор Трелони воззрилась на неё сквозь свои огромные очки. – Да все. Всем известно про Гарри и про Того-Кого-Нельзя-Называть.

Гарри и Рон смотрели на Гермиону с восторженным изумлением. Гермиона никогда ещё не позволяла себе так говорить с учителями. Профессор Трелони предпочла ничего не ответить. Она приблизила огромные глаза к чашке Гарри и снова вперилась в неё, продолжая вращать.

– Дубинка... нападение... Боже мой, какая несчастливая чашка!

– А по-моему, это был цилиндр, – неуверенно протянул Рон.

– Череп... опасность на твоём пути, мой дорогой...

Все смотрели на профессора Трелони, затаив дыхание. Она последний раз покрутила чашку и вскрикнула. В тот же миг опять раздался звук бьющегося фарфора – Невилл разбил ещё одну чашку. Профессор Трелони опустила в ближайшее кресло, смежив веки и прижав к сердцу поблёскивающую самоцветами руку.

– Мой мальчик, мой бедный мальчик... Нет, милосерднее промолчать... Не спрашивайте меня...

– Что вы там видите, профессор? – тут же спросил Дин Томас.

Весь класс вскочил с мест, сгрудившись у стола Гарри и Рона, каждый старался заглянуть в чашку Гарри.

– Мой мальчик, – профессор распахнула огромные глаза. – У тебя здесь Грим.

– Что? – не понял Гарри.

Но не понял не только он. Дин пожимал плечами, у Лаванды был явно недоумённый вид, остальные в ужасе прижали к губам ладони.

– Грим, мой мальчик! Грим! – Профессора Трелони поразила непонятливость Гарри. – Огромный пёс, обитающий на кладбищах! Мой дорогой мальчик, это самое страшное предзнаменование, оно сулит *смерть*.

У Гарри оборвалось сердце. Собака на обложке «Предзнаменований смерти» во «Флориш и Блоттс», собака ночью на Магнолия-кресцент. Лаванда даже зажала рот ладонью. Взгляды всех устремлены на него, всех, кроме Гермионы. Гермиона встала и подошла сзади к креслу, где сидела профессор Трелони.

– По-моему, ничего общего с Гримом, – твёрдо произнесла она.

Трелони смотрела на девочку с растущей неприязнью.

– Простите меня, милая, за то, что я вам сейчас скажу. Мой мысленный взор видит вокруг вас совсем слабую ауру. Очень слабая восприимчивость волн, идущих из будущего.

Шеймас Финниган так и эдак склонял голову. Даже сощурил глаза почти до щёлочек.

– Кажется, и правда похоже на Грима. А если отсюда взглянуть, – он подвинулся влево, – то больше смахивает на осла.

– Когда же вы перестанете гадать, умру я или нет! – вдруг воскликнул Гарри неожиданно для самого себя. И все сразу потупились.

– На этом наш урок сегодня закончен, – произнесла Трелони своим самым потусторонним голосом. – Соберите, пожалуйста, все ваши вещи...

Ученики молча поставили на место чашки, собрали учебники и закрыли сумки. Даже Рон старался избегать взгляда Гарри.

– До встречи, дорогие мои, – сказала негромко Трелони. – И да сопутствует вам удача. Ах, да, Невилл, ты в следующий раз опоздаешь, поэтому учти, тебе придётся как следует потрудиться, чтобы не отстать от нас.

Друзья молча спустились по винтовой лестнице и поспешили на урок трансфигурации профессора МакГонагалл. Они долго добирались до её класса и не опоздали только потому, что Трелони отпустила их раньше.

Гарри выбрал место в самом конце класса и всё равно чувствовал, как будто на него направлены огни рампы – то и дело ловил на себе чей-нибудь взгляд. Уж не ожидают ли однокурсники, что он в любую минуту может упасть замертво? Он почти не слышал, что профессор МакГонагалл рассказывала про анимагов – колдунов, которые могут по желанию обратиться в зверя. И даже не смотрел, как она превратилась у всех на глазах в полосатую кошку с заметными следами от очков вокруг глаз.

– Что сегодня такое со всеми вами? – спросила профессор МакГонагалл, приняв под звук лёгкого хлопка свой обычный облик. – Это, разумеется, неважно, но ещё никогда не было, чтобы превращение в кошку и обратно не вызвало аплодисментов.

И хотя все взгляды опять обратились к Гарри, класс как в рот воды набрал. Гермиона подняла руку.

– Дело в том, профессор, что у нас первый урок был прорицание, мы гадали по чашкам. Ну и...

– А, разумеется. – МакГонагалл нахмурилась. – Можете, мисс Грэйнджер, ничего больше не говорить. Так кто же в этом году должен умереть?

Опять молчание.

– Я, – наконец сказал Гарри.

– Ясно, – МакГонаггалл буравила Гарри взглядом. – Так вот знайте, Поттер, Сибилла Трелони с первого дня появления в школе ежегодно предсказывает скорую смерть одному из учеников. Никто, однако, до сих пор не умер. Знакомство с классом она начинает с предзнаменований смерти. Я никогда не говорю плохо о моих коллегах. – Профессор умолкла, и ноздри у неё побелели. Справившись с собой, она продолжала: – Прорицание – самая неточная ветвь магических знаний. Не стану от вас скрывать, я к ней отношусь недостаточно терпимо. Настоящие ясновидцы чрезвычайно редки, и профессор Трелони...

МакГонаггалл опять умолкла и затем обратилась к Гарри своим обычным деловым тоном:

– Вы прекрасно выглядите, Поттер. Так что не будьте на меня в обиде, если я не освобожу вас от домашнего задания. Но не сомневайтесь, в случае вашей смерти выполнять его не обязательно.

Гермиона рассмеялась. Гарри стало легче дышать. В обычном классе среди бела дня предсказание чаинок, полученное в красноватом свете и дурманящем аромате классной комнаты Трелони, уже не казалось таким страшным. Но не всех успокоили слова профессора МакГонаггалл. Рон сидел как на иголках, а Лаванда вдруг сказала:

– Но ведь Невилл всё-таки разбил чашку! Как это объяснить?

Урок трансфигурации окончился, и гриффиндорцы вместе со всей голодной публикой устремились в Большой Зал.

– Да успокойся ты, Рон. – Гермиона придвинула ему большую миску с рагу. – Ты же слышал, что сказала профессор МакГонаггалл.

Рон положил себе в тарелку рагу, взял вилку, но есть не стал.

– Гарри, – сказал он тихим серьёзным голосом, – а тебе *не случалось* видеть где-нибудь большого чёрного пса?

– Случалось, – кивнул Гарри. – Я его видел тем вечером, когда убежал от Дёрзли.

У Рона выпала вилка из рук.

– Наверное, бродячий, – пожала плечами Гермиона.

Рон взглянул на неё, как на спятившую.

– Гермиона, – сказал он, – если Гарри видел Грима, это... это очень плохо. Мой дядя Биллус однажды увидел его и спустя сутки умер.

– Совпадение, – отмахнулась Гермиона, наливая себе тыквенного сока.

– Ты просто не знаешь, о чём говоришь, – начал сердиться Рон. – Большинство колдунов боятся, увидев Грима.

– Вот именно, – заметила Гермиона с чувством превосходства. – Видят его и умирают от страха. Грим не предзнаменование смерти, а её причина. И Гарри сейчас с нами именно потому, что он не такой дурак, чтобы увидеть чёрного пса и подумать: протяну-ка я ноги!

Рон что-то беззвучно прошептал, глядя на Гермиону. А Гермиона вынула новенький учебник по арифмантике, раскрыла и поставила на стол, прислонив к кувшину с соком.

– По-моему, прорицание – довольно путанный предмет, нет в нём ясности, – сказала она, ища заданную страницу. – Сплошное гадание.

– С Гримом в той чашке всё было ясно, – отстаивал своё Рон.
– Но на уроке ты не был так в этом уверен. Сам сказал Гарри: не то бегемот, не то овца.
– Профессор Трелони сказала, что у тебя нет нужной ауры! Просто тебе не нравится в чём-то не успевать!

Последние слова Гермиону явно задели. Она захлопнула учебник и так швырнула его на стол, что тарелка с мясом и морковью подпрыгнула.

– Если разбираться в прорицании означает, что я должна притворяться, будто вижу предзнаменования смерти в кучке чайных листьев, я не уверена, что буду долго изучать его! Этот урок был полной чушью по сравнению с моим занятием по арифмантике!

Она схватила сумку и удалилась. Рон, провожая её взглядом, нахмурил брови.

– О чём она говорит? – спросил он Гарри. – Она ещё не была на арифмантике.

* * *

Было приятно после обеда выйти на свежий воздух. После вчерашнего дождя небо ясное, бледно-серое, влажная трава пружинит под ногами. Друзья шли на свой первый урок по уходу за магическими существами.

Рон и Гермиона друг с другом не разговаривали. Гарри тоже молчал. Шли через луг, спускающийся к Запретному Лесу, где на опушке стояла хижина Хагрида. Впереди замаячили три слишком хорошо знакомые спины, значит, предстоящие два урока они будут заниматься со слизеринцами. Малфой о чём-то вдохновенно разглагольствовал, а Крэбб и Гойл похохатывали. Гарри не сомневался, что знает, о чём у них идёт речь.

Лесничий ожидал учеников перед дверью хижины. Он стоял в своей кротовой дохе, сзади него – охотничий пёс Клык. Весь вид Хагрида выражал нетерпение – ведь это был первый в его жизни урок.

– Давайте, пошевеливайтесь! – закричал он ученикам. – Какое веселье я для вас приготовил! Урок будет что надо! Все здесь? Тогда за мной!

На какой-то миг Гарри подумал с содроганием, что Хагрид ведёт их в Запретный Лес. Прогулки по этому лесу были для него столь тяжким испытанием, что он до конца дней их не забудет. Но Хагрид повёл их вдоль опушки, и скоро они оказались у ограды просторного загона. В нём никого не было.

– Все встаньте здесь вокруг изгороди! – распорядился Хагрид. – Вот так... чтобы всем хорошо было видно. А теперь первым делом откройте книжки...

– Как? – холодно и протяжно спросил Драко Малфой.

– А? – не понял Хагрид.

– Как мы будем их открывать? – повторил Малфой.

Он вынул свой учебник, который был крепко-накрепко перевязан длинной верёвкой. Все остальные тоже достали опасные книжки. Одни, как Гарри, стянули свою ремнём, многие засунули в тесную папку с молнией, кто-то усмирил огромными скрепками.

– Ни... Никто не может открыть свою книгу? – спросил Хагрид упавшим голосом.

Весь класс отрицательно замотал головами.

– Над' было *погладить* её, – сказал Хагрид, словно речь шла о самой естественной на свете вещи. – Смотрите...

Он взял у Гермiony учебник и содрал обмотавшую его чароленту. Учебник тотчас клацнул страницами, нацелясь откусить Хагриду палец, но лесничий огромным указательным пальцем успел погладить его корешок. Книга вздрогнула, раскрылась и послушно легла на его широкую ладонь.

– Ах, какие мы все глупые! – насмешливо воскликнул Малфой. – Надо было их *погладить*! И почему же мы не догадались!

– Я... я думал, они забавные, – неуверенно сказал Хагрид, взглянув на Гермionу.

– Забавные до ужаса! – издевался Малфой. – Крайне остроумно давать учебник, готовый оттяпать руку.

– Заткнись, Малфой, – тихо сказал Гарри. У Хагрида был такой несчастный вид, а Гарри очень хотелось, чтобы его первый урок прошёл успешно.

– Ну... ну вот... – Хагрид, очевидно, потерял нить дальнейших действий. – Те'ерь у вас... это, значит... есть учебники. Но главное – магические существа. Пойду сейчас приведу. Подождите...

Лесничий пошёл в лес и скоро скрылся за деревьями.

– Ну и ну! – воскликнул Малфой. – Школа летит ко всем чертям! Этот олух будет нас учить! Я расскажу отцу, его удар хватит!

– Заткнись, Малфой, – повторил Гарри.

– Осторожней, Поттер. Сзади тебя дементор!

– О-о-ой! – взвизгнула Лаванда, махнув в сторону дальнего конца загона.

Оттуда к ним галопом приближалось около дюжины очень странных существ. Ничего подобного Гарри в жизни не видел. Туловище, задние ноги и хвост были от коня, передние лапы, крылья и голова – орлиные; сильный стального цвета клюв и огромные ярко-оранжевые глаза. Когти на передних лапах были длиной с половину фута⁵ и выглядели смертоносно. На каждом животном кожаный ошейник, вместо поводка – длинная цепь. Концы поводков крепко зажаты в огромных ручищах Хагрида, который рысью следовал за ними.

– Но! Но! Вперёд! – оглушительно кричал Хагрид, гремя цепями и направляя животных к изгороди, за которой стояли ученики.

Подойдя поближе, Хагрид привязал зверей к частоколу, ученики опасливо попятились.

– Гиппогрифы! – восторженно махнул рукой лесничий. – Красавцы, а!

Гарри мог, в общем, его понять. Изумление при виде коней-орлов быстро сменилось восхищением, вызванным их изяществом и игрой красок. Одетые перьями голова и холка плавно переходили в лоснящийся торс. И все они были разные – сизые, рыжие, красные, каштановые и аспидно-воронные.

– Так, – Хагрид потёр ручищи одну о другую. Лицо его сияло восторгом. – Если хотите подойти ближе...

⁵ 1 фут = 30.48 см

Желающих, кроме Гарри и Рона с Гермионой, не нашлось. Друзья осторожно приблизились к изгороди.

– Перво-наперво запомните, – сказал Хагрид. – Это зверь гордый. Крайне легко оскорбить. Никогда ему не грубите, не то и с белым светом проститься недолго.

Малфой, Крэбб и Гойл не слушали: они о чём-то шептались. Наверняка готовятся сорвать урок, с тревогой подумал Гарри.

– Для начала всегда нужно подождать, пока гиппогриф сделает первое движение, – продолжал Хагрид. – Вежливость, понятно? Подойдёшь к нему, поклонись. И жди. Он в ответ поклонится, мо'шь его погладить. Если на поклон не ответит, не тронь и скорее отойди подальше: когти у него как сталь. Кто первый хочет познакомиться?

Ученики ещё на шаг отступили от изгороди. Даже трое друзей не горели желанием пообщаться с крылатыми красавчиками. Гиппогрифы вскидывали свирепые морды и шевелили могучими крыльями. Им, похоже, не очень нравилось сидеть на цепи.

– Никто не хочет? – умоляющим голосом спросил лесничий.

– Я хочу, – решился Гарри.

Сзади кто-то взволнованно задышал, и Лаванда с Парвати прошептали в один голос:

– Не делай этого, Гарри. Вспомни про чайнки!

Гарри как будто не слышал и перемахнул через изгородь.

– Молодец, Гарри! – крикнул Хагрид. – Давай посмотрим, как ты поладишь с Брыклявом!

Он отвязал сизого гиппогрифа и снял с него ошейник. Школьники по другую сторону забора затаили дыхание, Малфой злобно прищурился.

– Спокойно, Гарри, – тихо сказал Хагрид. – Наладь глазной контакт, теперь старайся не моргать. Гиппогрифы не верят тому, кто часто моргает.

И конечно, глаза у Гарри тут же стали слезиться. Но он всё равно держал их широко открытыми. Брыкляв повернул огромную с тяжёлым клювом голову и воззрился на Гарри немигающим оранжевым глазом.

– Хорошо, Гарри, хорошо, – говорил Хагрид. – Теперь кланяйся.

Гарри не очень-то хотел подставлять шею грозному клюву гиппогрифа, но сделал, как было велено. Быстро поклонился и опять взглянул на полуконя-полуптицу.

Гиппогриф не шевельнулся, продолжая высокомерно глядеть на мальчика.

– Ну, – забеспокоился Хагрид. – Отходи давай, Гарри, потихоньку...

И тут, к великому удивлению Гарри, гиппогриф согнул чешуйчатые колени передних лап и безо всякого сомнения отвесил поклон.

– Здорово, Гарри! – ликовал Хагрид. – Теперь можешь коснуться его. Погладь клюв, давай!

Для Гарри, конечно, лучшей наградой было бы разрешение покинуть загон, но делать нечего, он медленно подошёл к гиппогрифу, протянул руку и несколько раз погладил его по клюву. Гиппогриф лениво зажмурился и даже как будто улыбнулся от удовольствия.

Все захлопали, кроме Малфоя и его дружков, вид у которых был явно разочарованный.

– Молодчина, Гарри. Думаю, он т'я покатает!

Ну уж это, пожалуй, слишком! Такого уговора не было. Гарри привык летать на метле. И сомневался, что полёт на гиппогрифе будет таким же.

– Лезь сюда, между крыльев. Только не выдёргивай перья, он это не любит.

Гарри поставил ногу на крыло и вскочил гиппогрифу на спину. Птица-зверь выпрямилась. Гарри не знал, за что держаться, – вокруг были одни перья.

– Вперёд! – приказал Хагрид, шлёпнув Брыкляова по крупу.

Брыкляов, не подав знака, раскрыл двенадцатифутовые крылья, Гарри едва успел ухватиться за шею и взмыл в небо. Да, с метлой ничего общего. И Гарри знал, чему отдаёт предпочтение. По обе стороны бились два огромных крыла, задевая колени, казалось, гиппогриф вот-вот его сбросит. Точно покрытые лаком, перья скользили из-под пальцев, а сильнее вцепиться опасно. Как всё-таки славно летать на «Нимбусе-2000», точно паришь в воздухе. А здесь бросает то вверх, то вниз вместе с крупом, в такт взмахам крыльев.

Брыкляов облетел загон и пошёл на посадку – этого Гарри боялся больше всего. Гиппогриф резко нагнул гладкую шею, и Гарри едва не перелетел через клюв, хорошо, что успел откинуться назад. В тот же миг раздался крепкий удар о землю разномастных передних и задних ног. Гарри всё-таки сумел удержаться на крупе и выпрямился, как в седле.

– Отличная работа, Гарри! – прокричал Хагрид. – Кто ещё хочет?

Ободрённые успехом Гарри, ребята осторожно перебрались внутрь. Хагрид отвязывал гиппогрифов одного за другим, и скоро весь загон представлял собой удивительное зрелище – мальчишки и девчонки, немного побаваясь, кланялись, пёстрые чудища приседали, Невиллу несколько раз пришлось бежать от своего крылатого партнёра, не желавшего отвесить поклон. Рон с Гермионой облюбовали гиппогрифа каштановой масти, Гарри стоял поодаль и смотрел.

Малфой с приятелями тоже решили прокатиться. Выбор их пал на Брыкляова. Брыкляов любезно поклонился Малфою в ответ на приветствие, и Малфой стал гладить его клюв, не проявляя особого почтения.

– Это совсем просто, – говорил он негромко, но так, чтобы слышал Гарри. – Я в этом не сомневаюсь. Раз даже Поттер справился... Держу пари, – обратился он к гиппогрифу, – ты ничуть не опасен! Так ведь, огромный ты и уродливый зверь?

В какую-то долю секунды сверкнули стальные когти, и Малфой издал душераздирающий крик. Хагрид бросился к Брыкляову, не без борьбы надел на него ошейник, а тот так и рвался у него из рук нанести обидчику ещё удар. Малфой, скорчившись, лежал на траве, мантию расцвечивали ярко-красные пятна крови.

– Я умираю! – громко стонал Малфой, окружённый испуганными одноклассниками. – Посмотрите, я умираю! Он убил меня!

– Не умираешь! – сказал бледный как полотно Хагрид. – Помогите мне кто-нибудь. Надо его унести отсюда.

Гермиона бросилась открывать ворота загона. Хагрид как пупинку поднял Малфоя, Гарри успел увидеть у него на руке длинный глубокий порез, из раны на траву лилась кровь. Хагрид со всех ног бежал к главному входу.

Потрясённые ученики медленно возвращались в замок. Слизеринцы ругали Хагрида.

– Его надо немедленно выгнать! – кричала Пэнси Паркинсон, заливаясь слезами.

– Малфой сам виноват! – вступился за Хагрида Дин Томас.

Крэбб с Гойлом угрожающе заиграли мускулами.

Всей группой поднялись по каменным ступеням в пустой холл.

– Пойду узнаю, как он там, – сказала Пэнси и побежала вверх по мраморной лестнице.

Остальные слизеринцы пошли вниз к себе в гостиную, не переставая честить Хагрида.

Гарри и Рон с Гермионой поспешили к себе в башню.

– Как вы думаете, с ним всё будет в порядке? – Гермиона была очень встревожена.

– Конечно, Мадам Помфри в одну секунду справится с такой раной, – сказал Гарри, которому медсестра залечивала намного более серьёзные раны.

– Всё-таки лучше бы этого не случилось во время первого урока Хагрида. – Рон был явно обеспокоен. – Вот увидите, Малфой раздует из этого историю.

Они первые пришли на обед в Большой Зал, надеясь увидеть Хагрида, но его там не было.

– Его ведь за это не выгонят? – Гермиона даже не притронулась к пудингу с говядиной и почками.

– Надеюсь, что нет. – Рон тоже ничего не ел.

Гарри следил, что делается за столом слизеринцев. Несколько человек во главе с Крэббом и Гойлом о чём-то шушукались – наверняка сочиняют свою версию произошедшего на уроке Хагрида.

– Во всяком случае, скучным первый день занятий не назовёшь, – мрачно подвёл итог Рон.

После обеда отправились в гостиную готовить домашнее задание для профессора Макгонагалл. Но работа не шла, все трое то и дело отрывались и шли к окну.

– У Хагрида зажётся свет, – вдруг сказал Гарри.

Рон взглянул на часы.

– Если поторопимся, – сказал Рон, – можем успеть повидать его. Ещё совсем рано.

– Не знаю, – протянула Гермиона и поглядела на Гарри.

– Мне никто не запрещал ходить по *территории* школы, – сказал Гарри, поняв её взгляд. – Сириус Блэк ведь не сможет преодолеть заслон из дементоров.

И компания, отложив в сторону учебники, вышла через портретный проём и двинулась в сторону холла. К счастью, никто по дороге не встретился – они ведь не были совсем уж уверены, что поступают правильно.

Трава была ещё влажная и в густеющих сумерках казалась чёрной. Подойдя к двери хижины, они постучали. Голос внутри прохрипел: «Войдите!»

Хагрид сидел в рубаше с короткими рукавами за чисто выскобленным столом, охотничий пёс Клык стоял рядом, положив морду ему на колени. Им хватило одного взгляда, чтобы понять – Хагрид пьян. На столе перед ним красовалась оловянная кружка, величиной с доброе ведро. Глаза разбегались, казалось, он никак не может поймать гостей в фокус.

– Поставил... э-э... рекорд, – севшим басом произнёс он, узнав троих друзей. – Не припомню, чтоб хоть кто-то учительствовал всего один день...

– Тебя никто не увольнял, Хагрид! – поспешила сказать Гермиона.

– Пока не увольнял. – Хагрид в полном расстройстве чувств отхлебнул из кувшина хороший глоток. – За немногим стало. После того, как Малфой...

– Как он? – спросил Рон, когда все уселись. – Рана, по-моему, несерьёзная.

– Мадам Помфри сделала что надо... лучшим образом. А он всё голосил, помираю, мол, лежит весь в бинтах, стонет... – уныло покачал головой Лесничий.

– Притворяется, – сказал Гарри. – Мадам Помфри может вылечить что угодно. Она в прошлом году вырастила во мне половину костей. Малфой уж постарается, раздует из мухи слона.

– Школьному начальству наверняка сообщили... – горевал Хагрид. – Они скажут, не с того начал. Рано гиппогрифов-то... Лучше бы червеплюхи... или ещё кто... Хотелось как лучше... первый урок всё же... Сам виноват...

– Хагрид, это только *Малфой* виноват, – твёрдо сказала Гермиона.

– Мы свидетели, – прибавил Гарри. – Ты сказал, если гиппогрифа оскорбить, он набросится. Это проблема Малфоя, что он не слушал. Мы расскажем Дамблдору, как всё было.

– Конечно, расскажем. Так что ты не волнуйся! – присоединился к друзьям Рон.

Из чёрных, как агат, глаз Хагрида покатались слёзы. Он схватил Гарри с Роном и сжал их в стальных объятиях.

– Я думаю, Хагрид, – не допускающим возражения тоном сказала Гермиона, – больше тебе пить нельзя.

Она взяла со стола кружку и вышла наружу, чтобы вылить содержимое.

– Наверное, она права, – прохрипел Хагрид, отпустив Рона и Гарри, которые, пошатываясь, стали растирать рёбра. Лесничий вылез из своего кресла и нетвёрдой походкой последовал за Гермионой. Снаружи раздался громкий всплеск.

– Что он там делает? – занервничал Рон.

– Сунул голову в бочку с водой, – сказала вернувшаяся с пустой кружкой Гермиона.

Хагрид вернулся, с длинных волос и бороды текли ручьи, смывая слёзы, которые всё ещё текли у него из глаз.

– Так-то оно лучше, – сказал он и затряс головой, как намокшая собака, окатив всех троих брызгами. – Хорошо, что пришли ко мне, я, правда...

Хагрид вдруг осёкся и уставился на Гарри, как будто только сейчас до него дошло, что у него в хижине Гарри.

– ВЫ ЧЁ СЕ' ПОЗВОЛЯЕТЕ, Э?!! – прогремел он так, что все трое подпрыгнули. – ТЕ'Е, ГАРРИ, НЕЛЬЗЯ, КАК СТЕМНЕЕТ, ВЫХОДИТЬ ИЗ ЗАМКА!!! А ВЫ ДВОЕ!!! ПОЗВОЛИЛИ ЕМУ!!!

Хагрид подскочил к Гарри, схватил за руку и потащил к двери.

– Идём! – сказал он сердито. – Я тебя отведу... И чтоб больше никогда не ходил ко мне... по ночам. Я того не стою...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

БОГГАРТ В ШКАФУ

До четверга Малфой на уроках не появлялся. Утром в четверг у слизеринцев и гриффиндорцев было подряд два урока зельеварения. Малфой явился на второй с видом героя, раненного в жестокой битве: рука забинтована и на перевязи.

– Как рука, Дрэйко? – нарочито заботливо спросила Пэнси Паркинсон. – Сильно болит?

– Да, – насунился Малфой, подмигнув за спиной Пэнси верным телохранителям Крэббу и Гойлу.

– Спокойно, спокойно, – бросил как бы между прочим Снейп.

Гарри и Рон хмуро переглянулись: явись *они* с таким опозданием, Снейп оставил бы их после уроков. А Малфою всё сходит с рук, ведь Снейп глава у Слизерина и своим прощает всё.

Проходили Уменьшающее зелье. Малфой поставил котёл на огонь рядом с котлами Гарри и Рона и уселся за стол напротив них.

– Сэр, – обратился он к Снейпу, – у меня болит рука, я не могу нарезать коренья маргаритки.

– Уизли, нарежьте Малфою, – не взглянув на Рона, приказал Снейп.

Рон покраснел до ушей.

– Всё у тебя в порядке с рукой, – прошипел он.

Малфой ухмыльнулся с другого конца стола.

– Слышал, что сказал профессор Снейп? Корешки режь.

Рон схватил нож, подвинул коренья к себе и наскоро порубил на крупные неровные куски.

– Профессор, – пожаловался Малфой, – Уизли кое-как их нарезал.

Снейп подошёл, свесил над ними длинный крючковатый нос и криво улыбнулся из-под чёрных, засаленных косм:

– Обменяйтесь корешками с Малфоем, Уизли.

– Но, сэр... – Рон целую четверть часа старательно трудился над своими кореньями.

– *Живо*, – крайне угрожающее произнёс Снейп.

Что оставалось делать? Рон подвинул к Малфою красиво нарезанные коренья, снова взял нож и принялся исправлять собственный брак.

– Сэр, мне не справиться с сушёной смоквой. – Малфой не скрывал в голосе злобной насмешки.

– Поттер, помогите Малфою почистить смокву. – Снейп ненавидяще глянул на Гарри и отошёл от их парты.

Гарри молча протянул руку за смоквой, наскоро снял с неё кожицу и швырнул обратно Малфою. Тот расплылся в улыбке.

– Как там ваш дружок Хагрид?

– Не твоё дело, – отрезал Рон, не поднимая головы.

– Недолго ему осталось нас учить, – с притворной жалостью вздохнул Малфой. – Отец не очень-то доволен, что меня покалечили...

– Продолжай болтать, и я тебя реально покалечу! – прорычал Рон.

Но Малфой как не слышал:

– Он пожаловался попечительскому совету. И в Министерство магии. У него там большие связи, они для него всё сделают. Ведь как знать, – опять притворно вздохнул он, – может, я на всю жизнь останусь калекой.

– Так вот зачем ты это всё устроил! Хочешь, чтобы Хагрида выгнали. – У Гарри от гнева дрогнула рука, и он случайно отрезал голову сушёной гусеницы.

– *Отчасти*, Поттер. Есть и другие бенефиты, – прошептал Малфой. – Уизли, порежь-ка мне гусениц.

Профессор Снейп тем временем накинулся на Невилла Лонгботтома. Ему всегда доставалось на уроках зельеварения. Он ненавидел этот предмет, очень боялся Снейпа и от страха всегда всё путал. Зелье, которому по рецепту полагалось быть ядовито-зелёным, у Невилла получилось...

– Оранжевое, Лонгботтом, – Снейп на глазах всего класса зачерпнул немного зелья, высоко поднял черпак и опрокинул обратно в котёл. – Оранжевое. Скажи мне, мальчик, хоть что-нибудь проникает сквозь этот толстый череп в твою голову? Ты не слышал, как я сказал, абсолютно чётко, что нужна только одна крысиная селезёнка? Разве я не объяснил, что достаточно лишь капли пиявочного сока? Что мне сделать, чтобы ты понял?

Невилл покраснел, задрожал от страха, казалось, вот-вот заплачет.

– Сэр, – вмешалась Гермиона, – позвольте, я помогу Невиллу исправить зелье.

– Не припомню, чтобы я просил вас выступать, мисс Грэйнджер. – ответил Снейп холодно Гермионе, и она тоже залилась краской. – В конце урока, Лонгботтом, напоим этим зельем вашу жабу и посмотрим, что получится. Может быть, хоть это заставит вас приготовить его как следует.

И Снейп отправился дальше.

У Невилла от ужаса спёрло дыхание, он обернулся к Гермионе и простонал:

– Помоги мне.

Шеймас Финниган попросил у Гарри латунные весы.

– Гарри, слышал, что написали в «Ежедневном пророке» этим утром? Сириуса Блэка видели, – с тревогой сообщил он.

– Где? – Гарри с Роном широко раскрыли глаза. Малфой тоже наострил уши.

– Совсем недалеко отсюда. Его видела одна маггла. Она, конечно, приняла его за обычного преступника и позвонила в полицию. Когда из Министерства магии примчались, Блэка и след простыл.

– Значит, недалеко... – повторил Рон, многозначительно взглянув на Гарри. И, заметив, что Малфой подслушивает, прибавил: – Чего тебе? Ещё что-нибудь нарезать?

Малфой сощурил глаза и подался вперёд.

– Что, Поттер, хочешь сам поймать Блэка?

– Конечно, – отмахнулся Гарри.

Тонкие губы Малфоя скривились в усмешке, и он шёпотом продолжал:

– Будь я на твоём месте, я уж давно бы его нашёл. Не стал бы строить из себя паиньку.

– Ты о чём это, Малфой? – резко спросил Рон.

– А ты не *знаешь*, Поттер? – Малфой сузил белёсые глаза.

– Чего не знаю?

Малфой ехидно засмеялся.

– Может, тебе не хочется рисковать своей шеей? Надеешься, что его поймают дементоры? Я бы на твоём месте отомстил. Сам бы его выследил.

– О чём это ты? – нахмурился Гарри.

Перепапку прекратил голос Снейпа:

– Вы должны были уже закончить добавлять ингредиенты. Этому зелью нужно покипеть, прежде чем можно будет его пить. В это время пока что убирайтесь, а потом мы испытаем зелье Лонгботтома...

Невилл лихорадочно размешивал зелье, даже вспотел. Глядя на него, Крэбб с Гойлом на весь класс расхохотались. Гермиона украдкой шептала Невиллу, что делать. Гарри с Роном убрали со стола коренья, гусениц и пошли мыть черпаки в каменной раковине в углу класса.

– О чём говорил Малфой? – спросил Гарри Рона, подставив руки под ледяную струю, льющуюся из пасти каменной гаргульи. – За что мне мстить Блэку? Мне он ничего не сделал... пока.

– Это он нарочно, подначивает тебя. Хочет, чтоб ты сделал какую-нибудь глупость.

Перед самым концом урока Снейп подошёл к Невиллу. Невилл всё ещё сидел на корточках у котла.

– Идите все сюда, – позвал Снейп, поблёскивая глазами. – Поглядим, что будет с жабой Лонгботтома. Правильно сваренное зелье превратит её в головастика. Если же он приготовил его неверно – в чём я не сомневаюсь, – его жаба, вероятно, будет отравлена.

Гриффиндорцы с опаской ждали, что будет. Слизеринцы ликовали. Снейп взял Тревора, зачерпнул ложечкой каплю зелья – оно было теперь зелёное – и влил жабе в рот.

Воцарилась мёртвая тишина. Тревор сглотнул – хлоп! – превратился в головастика и завертелся у Снейпа на ладони.

Гриффиндорцы захлопали. Снейп с кислой миной вытащил из кармана пузырёк, капнул на Тревора какой-то жидкости, и головастик снова стал жабой.

– Минус пять очков Гриффиндору, – объявил Снейп, и улыбки с лиц гриффиндорцев исчезли. – Помнится, мисс Грэйнджер, я запретил помогать Лонгботтому. Урок окончен.

Гарри и Рон с Гермионой вышли из класса. Поднимаясь по лестнице в холл, Гарри думал о словах Малфоя. А Рон всё ещё кипел от гнева:

– Минус пять очков за отличное зелье! Почему ты не соврала, Гермиона? Сказала бы, что Невилл сам его сделал!

Гермиона не ответила, и Рон обернулся.

– А где Гермиона?

Друзья остановились. Мимо шли на обед гриффиндорцы, слизеринцы и ученики других Домов. Гермиона как сквозь землю провалилась.

– Она ведь шла с нами, – нахмурился Рон.

В сопровождении Крэбба и Гойла прошествовал Малфой. Поравнявшись с Гарри, он презрительно ухмыльнулся.

– Вон она, – увидел её Гарри на нижней площадке сзади.

Гермиона, отдуваясь, поднималась по лестнице, неся в одной руке набитый учебниками портфель, другой что-то пряча под мантией.

– Как это ты сумела? – удивился Рон.

– Что? – спросила Гермиона.

– Только что была рядом, и вдруг опять внизу.

– Что? – Гермиона смутилась. – А... пришлось вернуться кое за чем. О, нет... Портфель Гермионы лопнул по шву, и все книги вывалились.

Как портфелю не порваться, подумал Гарри, от таких тяжелых книг.

– Зачем ты таскаешь с собой столько учебников? – удивился Рон.

– Ты знаешь, сколько у меня уроков, – тяжело дыша, объяснила Гермиона. – Подержи, пожалуйста.

– Но... – Рон вертел в руках переданные Гермионой книги и читал названия, – ... у нас нет сегодня этих уроков. После обеда только защита от Тёмных искусств.

– А, да, – согласилась Гермиона, снова набила сумку учебниками и как ни в чём не бывало добавила: – Надеюсь, на обед приготовили что-нибудь вкусненькое! Умираю от голода!

С этими словами Гермиона бодро запагала в Большой Зал.

– Тебе не кажется, что она что-то от нас скрывает? – заметил Рон.

* * *

Когда они пришли на первое занятие по защите от Тёмных искусств, профессора Люпина ещё не было. Ученики вошли в класс, расселись по местам, достали книги, пергамент, перья и болтали до прибытия учителя. Войдя, Люпин неопределённо улыбнулся и поставил на стол издававший виды портфель. Одежда на нём была та же, потрёпанная и заплатанная, но выглядел он лучше, чем в поезде, как будто поздоровел после нескольких сытных обедов.

– Добрый день, – приветствовал он учеников. – Учебники можете убрать. Сегодня у нас практическое занятие, оставьте только волшебные палочки.

С любопытством переглянувшись, ученики спрятали книги и бумагу с перьями. У них ещё никогда не было практического занятия по защите от Тёмных искусств, если не считать того раза, когда их бывший преподаватель принёс клетку с пикси и выпустил их.

– Ну что, готовы? – спросил Люпин. – Пойдёмте со мной.

Озадаченные, но заинтригованные школьники вышли за профессором из класса. Он повёл их по пустынному коридору, но стоило свернуть за угол, как все увидели парящего вниз головой полтергейста Пивза, что замазывал жвачкой ближайшую замочную скважину.

Пивз заметил Люпина только когда тот оказался в двух шагах от него, полтергейст задёргал ногами в воздухе и заорал:

– Глупый псих Люпин, глупый псих Люпин, глупый псих Люпин...

Пивз почти всегда был неуправляемым грубияном, но учителям обычно оказывал хоть немного уважения. Ученики с любопытством поглядели на Люпина, как он отнесётся к выходке Пивза. Люпин, к удивлению всех, улыбался.

– Я бы на твоём месте отлепил жвачку с замочной скважины, Пивз, – приветливо сказал он. – Мистер Филч не сможет добраться до своих швабр.

Филч, школьный смотритель со скверным характером, был неудавшимся колдуном, он вечно воевал с учениками, перепало и Пивзу. Пивз, однако, пропустил слова Люпина мимо ушей, издав губами непристойный звук.

Профессор Люпин вздохнул и вынул волшебную палочку.

– На этот случай есть одно полезное заклинание, – сказал он ученикам через плечо. – Смотрите внимательно.

Он быстро вытянул руку на уровне плеч, навёл палочку на Пивза и произнёс:

– *Waddiwasi!*

Жвачка пулей выскочила из замочной скважины и попала прямо Пивзу в левую ноздрю, Пивз перекувырнулся и, бранясь, умчался прочь.

– Круто, сэр! – в восторге воскликнул Дин Томас.

– Спасибо, Дин. – Люпин спрятал волшебную палочку. – Ну что, идём дальше?

Люпин сразу вырос во мнении учеников, и они уже с уважением глядели на преподавателя в поношенной одежде. Пройдя следующий коридор, Люпин остановился перед учительской.

– Ну вот мы и пришли. Заходите. – И он открыл дверь.

В отделанной деревянными панелями просторной учительской стояло много старых разномастных кресел. В одном из них у камина сидел профессор Снейп. Он обернулся на шум и криво улыбнулся, блеснув глазами. Профессор Люпин вошёл последний и хотел было закрыть за собой дверь, но Снейп остановил его:

– Оставьте открытой, Люпин. Лучше мне при этом не присутствовать.

Снейп поднялся и широким шагом прошествовал мимо учеников, его мантия развевалась, словно чёрный парус на ветру. В дверях он остановился, круто развернулся и с усмешкой сказал:

– Наверное, никто тебя не предупредил, Люпин, но в этом классе есть Невилл Лонгботтом. Советую тебе не загружать его ничем сложным. Если только мисс Грэйнджер не станет шептать инструкции ему на ухо.

Невилл покраснел. Гарри исподлобья глянул на Снейпа: мало ему унижать Невилла на своих уроках, так он науськивает на него и других учителей.

Профессор Люпин удивлённо поднял брови:

– А я надеялся, что именно Невилл мне сегодня поможет. Уверен, он превосходно справится с заданием.

Невилл побурел, как свёкла. Снейп презрительно скривился, вышел и громко хлопнул дверью.

– Поглядите на гардероб, – сказал профессор Люпин и жестом указал на дальний конец комнаты, где стоял старый гардероб для мантий.

Люпин подошёл к гардеробу, внутри что-то завожилось, и гардероб покачнулся, ручка дверцы задёргалась. Ученики в переднем ряду отшатнулись.

– Бояться нечего, – успокоил их учитель. – Там всего лишь боггарт.

Большинство всё-таки полагало, что боггарта стоит бояться. Невилл с ужасом глядел на профессора Люпина. Шеймас Финниган не сводил опасливого взгляда с дверцы: только бы не открылась.

– Боггарты любят темноту, – рассказывал Люпин. – И чаще всего прячутся в гардеробе, под кроватью, в ящике под умывальником, одного я нашёл в футляре напольных часов. Этот появился здесь только вчера. Я попросил директора оставить его для нашего сегодняшнего урока. Итак, первое, о чём нам следует спросить себя, – что такое боггарт?

Гермиона подняла руку.

– Это существо, меняющее свой облик. Он превращается в то, что, по его предположению, больше всего нас испугает.

– Замечательно, даже я не ответил бы точнее, – похвалил Гермину Люпин, и та зарделась. – Так вот, боггарт в гардеробе ещё ни на что не похож. Он не знает, кого и чем станет пугать. Как он выглядит, неизвестно, но стоит его выпустить, он тут же станет тем, чего мы боимся больше всего на свете.

Невилл дико вытаращил глаза и что-то забормотал.

– А это значит, – продолжал профессор, не обращая на Невилла внимания, – что у нас перед боггартом огромное преимущество. Можешь сказать, Гарри, какое?

Гермиона вскинула руку и даже на мыски приподнялась, чтобы её вызвали. Это сбивало с толку, но Гарри всё же решился ответить:

– Эээ... так как нас здесь много, он не знает, какую форму принять?

Гермиона огорчённо опустила руку.

– Правильно, – сказал Люпин. – Поэтому с боггартом лучше сражаться вдвоём, втроём, вообще, чем вас больше, тем лучше. Он сразу теряется, не может выбрать, в кого ему превратиться. В безголового мертвеца или огромного плотоядного слизняка? Однажды боггарт на моих глазах хотел напугать сразу двоих и превратился в половинку слизняка. И было уже не страшно. Чары, отпугивающие боггарта, простые, но требуют умственных усилий. Дело в том, что окончательно добывает боггарта только *смех*. Вам нужно заставить его превратиться в то, что кажется вам смешным. Сперва выучим чары без волшебных палочек. Повторяйте за мной: Riddikulus!

– Riddikulus! – хором воскликнули ученики.

– Хорошо! Очень хорошо! Но это самая лёгкая часть. Слово само по себе вам не поможет. Тут-то как раз мне и понадобится, Невилл, твоя помощь. Подойди сюда.

Гардероб снова задрожал, Невилла затрясло от ужаса. К гардеробу он шёл, как на эшафот.

– Итак, Невилл. Сначала самое важное: скажи, чего ты боишься больше всего на свете?

Невилл невнятно что-то пробормотал.

– Извини, Невилл, я что-то не расслышал.

Невилл умоляюще оглянулся в сторону товарищей и шёпотом произнёс:

– Профессора Снейпа.

Все дружно засмеялись. Невилл виновато улыбнулся. Профессор Люпин задумался.

– Так-так... профессора Снейпа... ты ведь, Невилл, кажется, живёшь у бабушки?

– Да-да. Только я не хочу, чтобы боггарт обернулся моей бабушкой.

– Нет-нет, ты меня не так понял, – улыбнулся профессор Люпин. – Скажи, во что обычно одета твоя бабушка?

Невилл удивился, но ответил:

– Ну... всегда одна и та же высокая шляпа, на ней чучело грифа. Долгое платье, зелёное... иногда лисий палантин...

– И конечно, сумочка, – подсказал профессор.

– Да, большая красная.

– А теперь постарайся как можно ярче вообразить себе всё, что носит бабушка. Вообразил?

– Да-а, – неуверенно ответил Невилл: что-то будет дальше?

– Боггарт выскочит из гардероба, увидит тебя и превратится в профессора Снейпа. Ты нацелишь на него волшебную палочку, представишь себе бабушкину одежду и громко скажешь: «*Riddikulus!*» Профессор Снейп вырядится в шляпу с чучелом грифа, зелёное платье и в руке у него будет красная дамская сумочка.

Гриффиндорцы дружно захохотали. Гардероб заходил ходуном.

– Если у Невилла получится, боггарт станет пугать всех по очереди, – сказал Люпин. – Вспомните теперь, чего вы больше всего боитесь, и придумайте, как страшилище превратить в посмешище.

Все притихли.

«Чего я больше всего на свете боюсь? – задумался Гарри. – Волдеморта, вернувшего себе былое могущество?»

И стал перебирать в голове, как лучше его высмеять. И тут в памяти всплыло...

Из-под чёрного плаща высовывается рука... из-под капюшона вырывается хриплое протяжное дыхание... пронизывающий холод словно засасывает в трясину...

Гарри содрогнулся и посмотрел кругом: не заметил ли кто? Весь класс, зажмурившись, воображал самое-самое ужасное. Рон буркнул: «Оторвать ему ноги...» Рон, конечно, думает о пауках: он их боится до смерти.

– Все готовы? – спросил Люпин. Гарри вдруг стало страшно. Он ещё ничего не придумал. Да и что придумаешь против дементора? Но стыдно просить ещё минуту, все уже кивали и закатывали рукава.

– Невилл, мы немного отойдём, чтобы тебе было свободней действовать. Потом я вызову следующего, – сказал Люпин. – Все назад, чтобы Невиллу ничто не мешало.

Ученики попятились и прижались к стене. Невилл остался у гардероба один-одинёшенек. Он побледнел от страха, но закатал рукава и крепко сжал палочку.

– Начнёшь, Невилл, на счёт «три». – Профессор Люпин нацелил палочку на дверь гардероба. – Раз, два, три!

Из волшебной палочки вырвалась струя искр и ударила в ручку двери. Гардероб распахнулся, из него прямо на Невилла, сверкая глазами, нос крючком, шагнул как живой профессор Снейп.

Невилл отшатнулся, но волшебной палочки не опустил, шепча заклинание одними губами. А Снейп всё надвигался, тянул к Невиллу руки, вот-вот схватит.

– *Ri-Ri- Riddikulus!* – взвизгнул Невилл.

Раздался щелчок, и Снейп покачулся. На нём красовалось длинное, отделанное кружевами платье, на голове огромная шляпа, увенчанная грифом, основательно побитым молью, на руке вместительная дамская сумка.

Все так и покатались со смеху. Боггарт растерялся и замер как вкопанный.

– Парвати, вперёд! – крикнул профессор Люпин.

Парвати уверенно вышла вперёд. Снейп двинулся на неё. Щелчок – и вместо него появилась забинтованная в кровавых пятнах мумия. Она слепо уставилась на Парвати, вытянула руки и, медленно волоча ноги, поплелась к девочке...

– *Riddikulus!*

Путы на ногах мумии развились, заплели ноги, и мумия ничком грохнулась на пол, голова оторвалась и покатилась по полу.

– Шеймас, – вызвал Люпин.

Шеймас стрелой выскочил к привидению.

Щелчок – и вместо мумии появилась банши, костлявая ведьма-привидение с длинными, до пола, волосами и зелёным лицом – вестница смерти. Она широко раскрыла рот, и комната огласилась пронзительным воплем, от которого волосы на голове у Гарри встали дыбом.

– *Riddikulus!* – крикнул Шеймас.

Банши захрипела, схватилась за горло: совсем пропал голос.

Щелчок – вместо неё крыса гонится за своим хвостом. Ещё щелчок – и мышь обернулась гремучей змеей, извивалась, извивалась и вдруг превратилась в окровавленный глаз.

– Смотрите, он растерялся! – крикнул профессор Люпин. – Скоро совсем спинет. Дин, ваша очередь!

Дин выбежал к боггарту. Щелчок – на полу запрыгала оторванная рука и по-крабьи поползла к Дину.

– *Riddikulus!* – заорал Дин.

Хлоп – руку захлопнула мышеловка.

– Bravo, Дин! Теперь Рон.

Рон выскочил на середину комнаты.

Щёлк! Огромный, ростом выше взрослого человека, косматый паук, угрожающе клаца жвалами, пошёл на Рона. Кто-то взвизгнул, Рон на мгновение оцепенел и вдруг как взревёт:

– *Riddikulus!*

И ног у паука как не бывало, он покатился к Лаванде Браун. Та, пискнув, отскочила. Паук покатился к Гарри. Гарри поднял палочку...

– Позвольте мне! – крикнул вдруг профессор Люпин и встал между Гарри и пауком.

Щелчок – и безногий паук исчез. Все напряжённо озирались, ища боггарта. Наконец увидели в воздухе перед учителем повисший серебристый хрустальный шар. Люпин сказал спокойно: «*Riddikulus!*» – и шар, обернувшись тараканом, плёпнулся оземь.

– Иди сюда, Невилл, докончишь его, – позвал Люпин.

Щелчок, и таракан превратился обратно в Снейпа. Невилл – на этот раз уверенно – ринулся на боггарта.

– *Riddikulus!* – закричал он, на мгновение Снейп опять предстал перед классом в длинном платье, Невилл рассмеялся, боггарт лопнул, и с минуту в воздухе висели только крошечные клочки дыма. Боггарт исчез.

– Превосходно! – похвалил Невилла профессор Люпин под аплодисменты учеников. – Превосходно, Невилл! Все молодцы. Оценки: по пять баллов каждому, кто сражался с боггартом. Невиллу – десять за два раза. И по пять баллов Гермионе и Гарри.

– Но ведь я ничего не сделал, – смутился Гарри.

– Вы с Гермионой правильно ответили на вопросы, – пояснил Люпин. – Молодцы, замечательный урок. Домашнее задание: прочитать в учебнике о боггартах, законспектировать и сдать в понедельник. Всё.

Ученики с воодушевлением загладели и повалили вон из учительской. Только Гарри приуныл. Профессор Люпин не дал ему сразиться с боггартом. Неужели из-за того обморока в поезде? Неужели профессор думает, что он просто слабак? И при виде дементора снова грохнется в обморок?

Но никто, по-видимому, ничего такого не заподозрил.

– Видели, как ловко я сладил с этой ведьмой-банши! – кричал Шеймас.

– А я с рукой! – старался перекричать Шеймаса Дин.

– А Снейп в этой шляпе!

– А моя мумия!

– Интересно, почему профессор Люпин боится хрустального шара? – задумчиво произнесла Лаванда.

– Вот это урок! Лучше у нас ещё не было, – сказал Рон по пути в класс, где они оставили сумки с учебниками.

– Очень хороший учитель, – одобрила Гермиона. – Только мне бы тоже хотелось сразиться с боггартом.

– А во что бы он у тебя превратился? – хихикнул Рон. – В домашнюю работу, за которую тебе поставили девять из десяти?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ПОБЕГ ПОЛНОЙ ЛЕДИ

Защита от Тёмных искусств в мгновение ока стала любимым уроком у большинства учеников. Только Дрэйко Малфой со своей шайкой не упускали случая сказать о профессоре Люпине гадость.

– Вот так лохмотья! – громко шептал Малфой, заведя Люпина. – Точь-в-точь бывший наш домашний эльф!

Одежда у Люпина и правда потрёпана и в заплатках, но никто не обращал на это внимания, ведь его уроки – один лучше другого. После богарта сражались с красными колпаками. Эти похожие на гоблинов карлики водились всюду, где когда-то проливалась кровь – в затканых паутиной закоулках замков, в оврагах на месте сражений, – и дубинками убивали заблудившихся путников. Потом изучали капн. Они были вылитые обезьяны, только в чешуе, жили в прудах и душили перепончатыми лапами всех, кого им удавалось поймать.

Гарри оставалось только жалеть, что не все предметы были такими же интересными. Самым же ненавистным уроком для него по-прежнему оставалось зельеварение профессора Снейпа. Вся школа мгновенно узнала, как богарт предстал в виде Снейпа, одетого в платье и шляпу бабушки Невилла. Все считали это забавным, только Снейп, по-видимому, не находил в этом ничего смешного. При одном упоминании профессора Люпина у него мстительно загорались глаза; Невиллу же на его уроках в отместку доставалось вдвойне.

Ещё Гарри начал бояться уроков профессора Трелони. В освещённой камином, насыщенной благовониями комнате ученики искали тайный смысл в смутных фигурах и символах. А у Трелони, стоило ей взглянуть на Гарри, огромные глаза заволакивало слезами. Он старался не замечать её взгляда. Нет, профессор Трелони не нравилась ему, хотя многие испытывали к ней чуть ли не благоговение. Парвати Патил и Лаванда Браун то и дело бегали в башню к профессору Трелони на переменах и возвращались с таким высокомерным видом, будто они узнали что-то, что неизвестно остальным. А случись им беседовать с Гарри, они приглушали голос, будто он уже лежал в предсмертной горячке.

Уроки ухода за магическими существами на всех наводили тоску. Хагрид после случая с Брыкловым потерял веру в себя. Теперь урок за уроком класс занимался червеплюхами, а существ скучнее, как известно, нет во всём мире.

– Кому *надо* за ними ухаживать? – ворчал Рон, второй час запихивая в слюнявую глотку червяка нарезанный лентами салат.

Наступил октябрь. Скоро начнутся матчи, и скучные уроки легче будет терпеть. В четверг вечером Оливер Вуд, капитан команды Гриффиндора, созвал игроков обсудить новую тактику.

В команде по квиддичу семь человек: три гончих, два загонщика, искатель и вратарь. Все летают на мётлах. Поле для квиддича большое, на противоположных сторонах по три длинных песта, на которых на высоте пятидесяти футов укреплены ворота-обручи. Гончие забивают в обручи голы красным, величиной с футбольный, мячом. Загонщики битами

отбивают чёрные мячи-бладжеры, которые летают по полю и норовят сбить игроков с мётел. Вратарь защищает кольца. Задача искателя самая трудная – поймать золотой снитч, крылатый мячик размером с грецкий орех. Игра кончается, когда искатель схватит снитч. Его команда получает сто пятьдесят очков и обычно выигрывает.

Команда Гриффиндора собралась в холодной раздевалке. Солнце садилось, и на поле стало темнеть. Капитан команды, Оливер Вуд, семнадцатилетний крепыш-семикурсник, заканчивал в этом году школу. Обращаясь сегодня к команде, он волновался чуть не до слёз.

– Это наш, точнее, *мой* последний шанс выиграть Кубок школы, – начал Оливер, вышагивая перед командой из угла в угол. – Другой возможности у меня не будет. Команда Гриффиндора проигрывала семь лет подряд. Нам не везло, как никому другому в этом мире: были травмы, в прошлом году турнир отменили... – Вуд сглотнул, будто в горле у него всё ещё стоял комок после прошлогоднего разочарования. – Но наша команда самая лучшая во всей школе! – Взгляд его сверкнул, и он ударил кулаком в ладонь. – У нас три *превосходных* гончих. – Вуд поглядел на Алисию Спиннет, Анджелину Джонсон и Кэти Белл. – Два *непревзойдённых* загонщика.

– Ну что ты, Оливер! Будет тебе! – притворно смутились Фред и Джордж.

– И у нас искатель, который *ни разу ещё не упустил снитча!* – Гордость у него в голосе прозвучала как раскат грома. Вуд помолчал и скромно добавил: – И, наконец, я.

– Ты у нас лучше всех, Оливер! – сказал Джордж.

– Обалденный вратарь! – похвалил Фред.

– Наши имена уже два года должны стоять на Кубке. – Вуд снова заходил туда-сюда. – Когда Гарри пришёл в команду, я сказал себе: «Кубок у нас в кармане». Не вышло. Но в этом году, моём последнем...

В голосе у него звучала такая горечь, что даже Фреду с Джорджем стало его жаль.

– Оливер, этот год – наш! – сказал Фред.

– Мы выиграем, Оливер! – заверила Анджелина.

– Можешь не сомневаться, – прибавил Гарри.

Тренировались три раза в неделю с огромным воодушевлением. Дни становились короче и холоднее, зарядили дожди, но ни грязь, ни ветер, ни дождь не затмевали блестящей картины, постоянно всплывающей перед глазами Гарри, – он держит в руках серебряный Кубок.

После одной из тренировок продрогший, но довольный Гарри зашёл в гостиную, полную возбуждённых гриффиндорцев. Рон и Гермиона сидели в креслах у камина и готовили карты звёздного неба для урока астрономии.

– Что стряслось? – спросил Гарри друзей.

– Первые выходные в Хогсмиде, – Рон махнул в сторону свежего куска пергамента на древней доске объявлений. – Конец октября. Хэллоуин.

Через портретный проём вслед за Гарри вошёл Фред.

– Отлично! – обрадовался он. – Загляну в лавку «Зонко». У меня как раз кончаются драже-вонючки.

Гарри, погрузнев, откинулся на спинку кресла.

– Гарри, я уверена, в следующий раз ты сможешь пойти, – прочитала его мысли Гермиона. – Блэка скоро поймают, его ведь уже видели.

– Блэк не такой дурак, в Хогсмиде ему делать нечего. Попроси МакГонагалл, может, она разрешит тебе пойти с нами. Когда-то ещё будет «следующий раз»?

– *Рон!* – опешила Гермиона. – Гарри нельзя ни на шаг выходить из *школы*...

– Да что ему одному здесь сидеть, что ли! Давай, Гарри, обязательно попроси МакГонагалл...

– Наверное, попрошу.

Гермиона хотела было возразить, но к ней на колени прыгнул Косолап, у него в зубах корчился большой паук.

– Он что, обязательно должен жрать его на наших глазах? – поморщился Рон.

– Умница, Косолап. – Гермиона погладила кота, не обращая на Рона внимания. – Ты его сам поймал?

Косолап принялся медленно жевать паука, не сводя жёлтых глаз с Рона.

– Не пускай его ко мне, – пробурчал Рон и склонился над картой. – У меня в сумке Корыстик.

Гарри зевнул. Сейчас бы лечь спать, а надо ещё закончить карту. Он подтянул свою сумку, вынул пергамент, чернила с пером и принялся за работу.

– Можешь срисовать мою, если хочешь, – предложил Рон, пометив последнюю звезду завитушкой, и придвинул работу к Гарри.

Гермиона поджала губы: она терпеть не могла, когда списывают. Косолап, не мигая, глядел на Рона и помахивал кончиком хвоста. Рон на миг отвернулся, кот вдруг бросился на его сумку и стал рвать когтями.

– ОТВАЛИ, ТУПАЯ ЗВЕРЮГА!!! – завопил Рон, схватил сумку и стал бешено трясти кота, но кот намертво вцепился в неё и грозно шипел.

– Рон, ему больно, – взвизгнула Гермиона. Вся гостиная с интересом наблюдала за сражением. Рон тряс сумкой, кот держался крепко. И тут из сумки вылетел Корыстик...

– ХВАТАЙ КОТА!!! – взревел Рон.

Косолап выпустил порванную сумку и, перепрыгнув через стол, помчался за перепуганным насмерть Корыстиком.

Джордж бросился ему наперерез, но опоздал. Корыстик стремглав прошмыгнул между множеством ног и исчез под старым шкафом. Косолап с ходу затормозил и запустил под шкаф переднюю лапу.

Подросли Рон с Гермионой. Гермиона схватила кота поперёк туловища и оттащила. Рон, распластавшись на полу, за хвост вытянул Корыстика.

– Ты посмотри на него! – Рон затряс крысой перед лицом Гермионы. – Кожа да кости! А твой Косолап на него кидается. Держи его подальше от моей крысы!

– Рон, Косолап не понимает, что это плохо, – оправдывалась Гермиона дрожащим голосом. – Все кошки охотятся за крысами.

– Этот котяра не простой, – не унимался Рон, запихивая крысу в нагрудный карман. – Он понял мои слова, что Корыстик у меня в сумке.

– Глупости! Косолап *почувал* его, как же ещё он...

– Твой кот взъелся на Корыстика, – не отступал Рон. Вокруг захихикали, но он ничего не слышал. – Корыстик появился здесь раньше. И он болен!

Рон повернулся на каблуках и ушёл в спальню.

* * *

Назавтра Рон весь день дулся на Гермиону. На уроке гербологии все трое срезали с одного паффопода пузатые розовые стручки. Рон, надувшись, молчал.

– Как Корыстик? – робко спросила Гермиона, раскрыла стручок и вытряхнула блестящие бобы в деревянную кадку.

– Забился под одеяло и дрожит от страха, – сердито ответил Рон, кинул бобы в кадку, промахнулся, и бобы рассыпались по полу.

– Аккуратнее, Уизли! – сказала профессор Спраут, когда упавшие бобы начали прорастать.

Со звонком друзья вышли из оранжереи. Следующий урок – трансфигурация профессора МакГонаггалл. Гарри попросит у неё разрешения пойти в Хогсמיד, но вот как лучше к ней обратиться? От этих раздумий его отвлекли одноклассники, столпившиеся в конце коридора.

Окружённая учениками, Лаванда Браун горько рыдала, а Парвати Патил, обняв подругу за плечи, что-то объясняла Шеймасу Финнигану и Дину Томасу, вид у них был самый серьёзный.

– Что случилось, Лаванда? – встревожилась Гермиона.

– Ей утром пришло из дома письмо, – тихо ответила за подругу Парвати. – Её кролика Бинки задрала лиса.

– Бедная Лаванда, – пожалела Гермиона.

– Как же я могла забыть? – всхлипывая, корила себя Лаванда. – Ты помнишь, какое сегодня число?

– Какое?

– Шестнадцатое октября! «То, чего ты боишься, случится шестнадцатого октября». Помнишь? Она была права, так и вы-шло!

Вокруг Лаванды столпился весь класс. Шеймас сокрушённо качал головой. Гермиона, помолчав, спросила:

– Так ты... так ты всё это время боялась, что Бинки съест лиса?

– Ну... ну, не обязательно ли-лиса, – ответила Лаванда, сквозь слёзы глядя на Гермиону.

– Я бо-боялась, что он умрёт.

– А что, Бинки был *старый*?

– Не-нет, о-он был совсем ещё детёныш.

Парвати крепче обняла подругу.

– Тогда почему ты боялась, что он скоро умрёт?

Парвати метнула на Гермиону сердитый взгляд.

– Давай рассуждать логически. – Гермиона обвела весь класс взглядом. – Ведь Бинки умер даже и не сегодня? Сегодня пришло письмо. – Лаванда разрыдалась ещё громче. – Как же Лаванда *могла* бояться, ведь это произошло внезапно...

– Не слушай её, Лаванда, – перебил Гермиону Рон. – Ей плевать на чужих животных.

Рон с Гермионой обменялись грозными взглядами, но тут очень кстати появилась профессор МакГонагалл. Друзья сели по разные стороны от Гарри и весь урок не проронили ни слова.

Прозвенел звонок, а Гарри всё ещё не решил, что сказать МакГонагалл, но тут профессор сама заговорила о Хогсмиде, обратившись к классу:

– Задержитесь ненадолго. Вы все в моём Доме, поэтому сдайте мне до Хэллоуина формы разрешения от родителей. Не будет разрешения, не будет Хогсмида.

Невилл поднял руку:

– Профессор, я, кажется, потерял...

– Ваша бабушка, Лонгботтом, послала разрешение прямо мне. Решила, что так надёжнее. Всё, урок окончен.

– Пойди попроси её, – шепнул Рон.

– Гарри... – заикнулась было Гермиона.

– Ну, иди же, – подтолкнул его Рон.

Гарри подождал, пока все выйдут, и, нервно покусывая губу, подошёл к МакГонагалл.

– Что вам, Поттер?

Гарри набрал в грудь воздуха и сказал:

– Профессор, мои дядя с тётей забыли подписать разрешение.

Профессор МакГонагалл посмотрела на него поверх прямоугольных очков.

– Можно мне... как вы думаете... пойти в Хогсмид?

Профессор занялась бумагами на столе и, не глядя на Гарри, ответила:

– Боюсь, Поттер, что нет. Вы ведь слышали, что я сказала: нет разрешения, нет Хогсмида. Таково правило.

– Но... дядя и тётя, они маглы... они не понимают, зачем разрешение... и вообще... – не сдавался Гарри. Рон из-за двери отчаянно кивал в знак одобрения. – Если бы вы позволили...

– Но я не могу позволить. – МакГонагалл встала и аккуратно уложила бумаги в ящик стола. – Согласно правилам даёт разрешение либо родитель, либо опекун. – Она повернулась и посмотрела на него со странным выражением на лице. Была ли это жалость? – Простите, Поттер, но я ничем не могу помочь. Поторопитесь, а то опоздаете на урок.

На этом разговор закончился. Рон ругал МакГонагалл не переставая. Гермиона с укором смотрела на него. Выражение её лица говорило: «Всё к лучшему», и это ещё больше сердило Рона. А Гарри тоскливо слушал, как однокурсники взахлёб обсуждают, что будут делать в Хогсмиде.

– Не унывай! – Рон хлопнул Гарри по плечу. – В этот день Хэллоуин, вечером в Большом Зале праздничный ужин.

– Угу, – мрачно кивнул Гарри: праздник праздником, но поход в Хогсмид не стал бы лишним.

Все пытались утешить Гарри, но тщетно. Дин Томас, умеющий подделывать любой почерк, предложил расписаться за дядю Вернона, но профессор МакГонаггалл уже знала, что дядя Вернон отказался дать разрешение. А Рон вспомнил про плащ-невидимку, но Гермиона возразила на это, что дементоров маскарадом не проведёшь – они чувствуют человека через мантию. Менее всего утешили Гарри слова Пёрси.

– И чего столько шума подняли из-за Хогсмиды? – сказал он вполне серьёзно. – Не стоит он этого. Магазин сластей ещё ничего, но в лавку диковинных штучек «Зонко» даже заходить опасно. Стоит, пожалуй, заглянуть в Визжащую Хижину, но больше там делать нечего.

* * *

Утром в Хэллоуин Гарри встал вместе со всеми и пошёл завтракать. Настроение у него было скверное, но показывать этого не хотелось. Друзья старались приободрить его.

– Мы принесём тебе множество вкусняшек из «Пригоршни сластей», – обещала Гермиона, от всего сердца жалея Гарри.

– Да, целую кучу! – подхватил Рон. Вчерашнее забылось. Было бы из-за чего расстраиваться, вот Гарри действительно не повезло.

– Да ладно, чего там, – небрежно отвечал Гарри, провожая друзей в холл.

– Счастливо. Увидимся вечером, на празднике.

Смотритель Филч стоял у дверей и по списку отмечал уходящих, пристально вглядываясь в каждое лицо: без разрешения мимо него не проскользнёшь.

– Что, Поттер, отсиживаешься в замке? – крикнул Малфой. Крэбб и Гойл осклабились. – Дементоров испугался?

Гарри сделал вид, что не слышал, и уныло поплёлся вверх по мраморной лестнице, через пустые коридоры в башню Гриффиндора.

– Пароль, – встрепенулась Полная Леди.

– Фортуна Майор, – вялым голосом назвал пароль Гарри.

Портрет открылся. В гостиной шумно баловались первый и второй курсы. Несколько старшекурсников степенно беседовали о чём-то, им походы в Хогсмид уже приелись.

– Гарри, Гарри! Иди к нам, – позвал Колин Криви. Он благоговел перед Гарри и не упускал случая поговорить. – Ты не идёшь в Хогсмид? А почему? – Колин сиял от счастья, что говорит со знаменитостью, и гордо глядел на товарищей. – Посиди с нами, если хочешь.

– Спасибо, Колин. – Гарри терпеть не мог, когда глазают на его шрам. – Мне надо в библиотеку делать домашнее задание.

Раз сказал – нужно идти. И Гарри пошёл обратно через портретный проём.

– Зачем было меня будить из-за каких-то пары минут, – пробурчала вдогонку Полная Леди.

Гарри понуро поплёлся в библиотеку, но на полпути передумал: уроки на ум не шли. Он повернул назад и нос к носу столкнулся с Филчем. Филч только что выпустил из замка последнего ученика.

– Ты что тут делаешь? – подозрительно сощурился Филч.

– Ничего.

– Ничего?! – У Филча затряслась нижняя челюсть. – Ага, как же! Почему ты пастаешь тут, а не в Хогсмиде закупаешься драже-вонючками, рыгательным порошком и червями-свистелками, как твои пакостники-друзья?

Гарри молча пожал плечами.

– Сейчас же иди в гостиную! – скомандовал Филч и проводил Гарри взглядом до ближайшего поворота.

Гарри в гостиную не пошёл. Может, навестить Хэдвиг? Поднялся по лестнице, вышел в коридор, ведущий в советник. И тут кто-то его окликнул.

Гарри обернулся, из дверей своего кабинета выглядывал Люпин.

– Ты что здесь делаешь? – спросил Люпин совсем другим тоном, чем Филч. – А Рон с Гермионой где?

– В Хогсмиде, – ответил Гарри, как будто это для него ровным счётом ничего не значило.

– А, – сказал Люпин. Мгновение он разглядывал Гарри. – Почему бы тебе не зайти? Мне как раз прислали гриндилоу для нашего следующего урока.

– Что привезли?

Гарри вошёл в кабинет Люпина. В углу стоял огромный аквариум. Болотно-зелёного цвета чудовище с острыми рожками, прильнув к стеклу, корчило рожи, сгибало и разгибало длинные костлявые пальцы.

– Водяной демон, – пояснил Люпин, внимательно его разглядывая. – С ним справиться не так трудно, особенно после капп. Надо лишь разжать его хватку. Ты заметил, какие у него длинные пальцы? Сильные, но очень хрупкие.

Гриндилоу оскалился, обнажив зелёные зубы, и зарылся в водоросли.

– Чаю хочешь? – Люпин поискал глазами чайник. – Я как раз подумывал о чашке чая.

– Да, пожалуйста, – смущённо ответил Гарри. Люпин коснулся чайника волшебной палочкой, и из носика сейчас же вырвалась струйка пара.

– Садись. – Люпин указал на стул и снял крышку с пыльной банки. – У меня только в пакетиках. Хотя, думаю, чайные листья тебе порядком надоели.

Гарри поглядел на учителя: глаза Люпина лукаво поблёскивали.

– Откуда вы знаете?

– Мне сказала профессор МакГонагалл. – Люпин подал Гарри кружку с отколотым краем. – Ты ведь не боишься предсказаний?

– Нет.

Может, рассказать Люпину о собаке на Магнолия-кресцент? Нет, лучше не надо. Ещё подумает, что Гарри трус. И без того не дал сразиться с богтартом.

Должно быть, эти мысли отразились у него на лице, потому что Люпин спросил:

– Тебя что-нибудь тревожит?

– Нет, – соврал Гарри и отхлебнул из кружки. Гриндилоу показал ему кулак. – Тревожит, – сам того не ожидая, признался Гарри и поставил кружку на стол. – Помните, мы сражались с боггартом?

– Да, конечно.

– Почему вы тогда не дали мне попробовать?

Люпин удивлённо поднял брови.

– Мне показалось, ты это понял.

Гарри опешил: он думал, что Люпин будет это отрицать.

– Почему? – переспросил Гарри.

– Видишь ли... – Люпин слегка нахмурился. – Я предположил, что, встретившись с тобой, боггарт примет облик Лорда Волдеморта.

Гарри от удивления вытаращил глаза. Он меньше всего ожидал такого ответа. К тому же Люпин назвал Тёмного Лорда по имени, а ведь никто, кроме Дамблдора и Гарри, не осмеливается так его называть.

– Очевидно, я был не прав. Но я подумал, что в учительской ему нечего делать, – продолжал Люпин. – Все бы перепутались, и урок пошёл бы насмарку.

– Сначала я подумал о Волдеморте, – признался Гарри. – Но потом вспомнил дементора...

– Понятно, – вслух рассуждал Люпин. – Так, так... Я впечатлён. – Заметив недоумение в лице Гарри, Люпин улыбнулся и прибавил: – Выходит, больше всего на свете ты боишься страха. Это мудро, Гарри.

Гарри не нашёлся что ответить и отхлебнул чаю.

– Так ты, значит, решил, что я считаю тебя трусом, не способным справиться с боггартом.

– Да. – У Гарри словно гора с плеч свалилась. – Профессор Люпин, вы ведь хорошо знаете дементоров...

В дверь постучали.

– Войдите, – сказал Люпин.

Вошёл Снейп с дымящимся бокалом в руках, увидел Гарри и сощурился.

– А, это вы, Северус, – улыбнулся Люпин. – Благодарю вас. Поставьте, пожалуйста, на стол.

Снейп поглядел на Гарри, на Люпина и поставил бокал.

– Я тут показываю Гарри моего гриндилоу. – Люпин указал на аквариум.

– Прелестно, – даже не взглянув на аквариум, сказал Снейп. – Выпейте прямо сейчас, Люпин.

– Да, да, конечно.

– Если понадобится ещё, заходите, я сварил целый котёл.

– Пожалуй, завтра надо будет выпить ещё. Большое спасибо, Северус.

– Не стоит, – сухо ответил Снейп, но взгляд его Гарри не понравился. Настороженно, не улыбаясь, Снейп повернулся и вышел.

Гарри с любопытством посмотрел на бокал. Люпин улыбнулся.

– Профессор Снейп любезно приготовил для меня это питьё. Сам я не мастер их варить, а у этого зелья ещё и очень сложный состав. – Люпин взял бокал, понюхал, немного отпил, и его передёрнуло. – Жаль, нельзя добавить сахара.

– А от чего... – начал было Гарри, но Люпин прервал его на полуслове.

– Мне последнее время неможется. И помогает только это зелье. Его мало кто умеет варить, но мне посчастливилось: я работаю с профессором Снейпом. А равных ему в зельеварении нет.

Люпин отхлебнул ещё. Гарри едва сдержался, чтобы не выбить из его рук бокал.

– Профессор Снейп очень интересуется Тёмной магией, – выпалил он.

– Правда? – произнёс Люпин, и было очевидно, что информация его не очень заинтересовала; он сделал ещё один глоток зелья.

– Говорят даже... – Гарри помедлил и вдруг выпалил: – Говорят, он на всё готов, лишь бы самому преподавать защиту от Тёмных искусств.

Люпин залпом выпил остатки зелья и поморщился.

– Гадость какая! Ладно, Гарри, мне пора вернуться к работе. Увидимся на праздничном ужине.

– Хорошо. – Гарри поставил на стол пустую кружку.

Пустой бокал Люпина всё ещё дымился.

* * *

– Вот ты где! – воскликнул Рон. – Мы принесли столько, сколько унести смогли!

На колени Гарри посыпался дождь сладостей в пёстрых блестящих обёртках. Рон с Гермионой только что вошли в комнату отдыха, оба покраснелись с холода и сияли от удовольствия.

– Спасибо. – Гарри взял в руки пакетик чёрных перечных чёртиков. – Ну как там, в Хогсмиде? Где вы были?

Друзья были везде! И в магазине магических принадлежностей «Дэрвиш и Бэнгз», и в лавке диковинных штучек «Зонко», и в пабе «Три метлы» – ах, какое там чудесное горячее сливочное пиво!

– А почта, Гарри! Примерно двести сов, каждая на своей полке, у каждой свой цветовой код в зависимости от того, как быстро вам нужно доставить письмо адресату!

– А в «Пригоршне сластей» новый сорт сливочной помадки! Всем дают бесплатно попробовать. Вот, держи.

– А в «Трёх мётлах» мы, *кажется*, видели огра... Кто только туда не заходит!

– Жаль, что нельзя было захватить сливочного пива. Так хорошо согревает!

– А ты что делал? – опомнилась Гермиона. – Готовил уроки?

– Да нет, так... пил с Люпином у него в кабинете чай. Потом пришёл Снейп... – И Гарри рассказал друзьям о зелье.

У Рона челюсть отвисла от удивления.

– И Люпин выпил? Он что, чокнутый?

Гермиона глянула на часы.

– Пора идти за праздничный стол, до начала пять минут.

Друзья выскочили через проём с Дамой и вместе со всеми поспешили в Большой Зал.

– Но если он... вы понимаете... – Гермиона понизила голос, нервно оглядываясь по сторонам. – Если он *пытался*... отравить Люпина... он бы не стал делать это на глазах у Гарри.

– Да, возможно, – ответил Гарри.

Миновали холл и вошли в Большой Зал. Сотни тыкв светились зажжёнными внутри свечами, под затянутым тучами потолком парила стая летучих мышей, змеились молниями ярко-оранжевые транспаранты.

Столы ломились от яств, да таких, что Рон с Гермионой, объевшиеся в Хогсмиде сладостей, не только отведали всего, но ещё взяли добавки. Гарри то и дело кидал взгляд на профессорский стол. Профессор Люпин был весел и как ни в чём не бывало беседовал с учителем чар Флитвиком. А Снейп что-то уж очень часто посматривал на Люпина. Но может, у Гарри разыгралось воображение?

После ужина привидения Хогwartса разыграли целое представление. Неожиданно вылетели из стен и столов, представляя сценки о том, как сделались привидениями. Огромный успех имел Почти Безголовый Ник, призрак Дома Гриффиндор. Он очень живо изобразил, как ему безобразно отсекали голову.

Чудесный вечер не испортил даже Малфой.

– Привет от дементоров, Поттер! – крикнул он, выходя из зала.

Трое друзей вместе со всеми гриффиндорцами шли обычным путём в башню Гриффиндора. У портрета Полной Леди почему-то образовался затор.

– Что это все стоят? – удивился Рон. Гарри поднялся на цыпочки: проём в гостиную был закрыт.

– Пожалуйста, расступитесь, – послышался голос Пёрси, и староста важно прошествовал сквозь толпу. – Почему такое столпотворение? Вы что, все забыли пароль? Извините, я староста...

И тут стало тихо. Сначала умолкли те, кто стоял ближе всех к проёму. Потом онемели все.

– Скорее позовите профессора Дамблдора, – вдруг раздался пронзительный крик Пёрси, от которого словно повеяло холодом.

Все взгляды устремились к нему, стоявшие сзади поднялись на цыпочки.

– Что случилось? – спросила только что подошедшая Джинни.

Наконец появился профессор Дамблдор, гриффиндорцы расступились, Гарри и Рон с Гермионой протиснулись к самому входу. Гермиона ахнула и схватила Гарри за руку: Полная Леди с портрета исчезла, холст искромсан, пол усеян лоскутами, целый клочок совсем вырван.

Дамблдор окинул взглядом обезображенную картину и повернулся к подоспевшим МакГонагалл, Люпину и Снейпу.

– Надо найти её. Профессор МакГонагалл, пожалуйста, пойдите к Филчу. Пусть он немедленно начнёт поиск Полной Леди во всех портретах замка.

– Ну, удачи! – прокудахтал кто-то.

Это был полтергейст Пивз. Он кувыркался под потолком, по обыкновению, радуясь чужой беде.

– Что ты хочешь сказать, Пивз? – спокойно спросил Дамблдор, и Пивз замер. Кого-кого, а Дамблдора он побаивался. Сменивший кудахтанье елейный голос было ещё противнее слышать.

– Она спряталась от стыда, ваше директорское величество. У неё неопиcуемый вид. Я видел, как она мчалась по лесам и долам на пятый этаж, колесила между деревьями и истошно вопила. – Он ухмыльнулся и с сомнительной жалостью прибавил: – Бедняжка.

– Она сказала, кто это сделал? – всё так же спокойно спросил Дамблдор.

– Сказала, школьный голова, сказала! – Пивз не спешил с ответом, будто поигрывал ручной гранатой. – Он очень разозлился, когда она не пустила его внутрь. – Пивз сделал кувырок и взглянул на Дамблдора, зажав лицо коленями: – Ох, и вредный же характер у Сириуса Блэка!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ЗЛОВЕЩЕЕ ПОРАЖЕНИЕ

Дамблдор велел гриффиндорцам немедленно вернуться в Большой Зал. Минут через десять к ним присоединились все ученики школы, которые ничего не могли понять.

– Мы тщательно обыщем весь замок, – объявил Дамблдор, а МакГонаггалл и Флитвик тем временем запирали все входы в Большой Зал. – Боюсь, всем вам эту ночь ради безопасности придётся провести здесь. Префекты будут по очереди охранять дверь в холл. За главных здесь остаются старосты школы. Обо всех происшествиях немедленно сообщать мне. – Директор повернулся к Пёрси, который выглядел невероятно гордым и важным. – С донесениями посылайте привидений. – Дамблдор немного подумал и добавил: – Да, вам ещё вот что нужно.

Он легонько взмахнул волшебной палочкой, длинные столы, взлетев, выстроились у стен, взмахнул снова, и весь пол устлали пухлые фиолетовые спальные мешки.

– Спокойной ночи, – пожелал профессор, закрывая за собой дверь.

Зал загалдел: гриффиндорцы возбуждённо объясняли, что стряслось с Полной Леди.

– Быстро все по спальным мешкам! – крикнул Пёрси. – Давайте без разговоров. Через десять минут гашу свет.

– Идём, – сказал Рон, и друзья взяли по мешку и потащили их в угол зала.

– Как, по-вашему, Блэк ещё в замке? – боязливо шепнула Гермиона.

– Дамблдор, наверное, думает, что да, – отозвался Рон.

– Хорошо ещё, что Блэк явился сегодня, – заметила Гермиона. Все трое одетыми забрались в мешки и продолжали беседовать. – Обычно в это время мы уже в башне...

– Может, Блэк утратил представление о времени, – предположил Рон. – Он ведь в бегах. А не то вломился бы прямо сюда.

Гермиона содрогнулась.

Всех занимало одно: как Блэк проник в замок?

– А что, если он аппарировал? – высказал догадку рэйвенкловец. – Ну, знаешь, появился прямо из воздуха.

– А может, переоделся? – предположил пятикурсник из Хаффлапффа.

– Или прилетел, – сказал Дин Томас.

– Похоже, одна я читала «Историю Хогвартса», – фыркнула Гермиона.

– Наверняка! – воскликнул Рон. – А что?

– А то, что замок защищён кое-чем ещё, кроме стен. Он заколдован, сюда так просто не проникнешь. Аппарировать в замок нельзя. Переодеванием дементоров не проведёшь. Дементоры охраняют все входы, они бы его заметили. А Филчу известны все потайные ходы, они наверняка давно перекрыты...

– Гашу свет! – объявил Пёрси. – Всем забраться в мешки и не разговаривать.

Свечи погасли. Только слабо серебрились привидения, которые летали по залу и переговаривались с префектами, да на зачарованном потолке мерцали созвездия, повторяя

рисунок звёздного неба. Шёпот голосов не утихал, и Гарри казалось, будто он засыпает на открытом воздухе и лёгкий ветерок шелестит листьями.

Каждый час в зал заглядывал какой-нибудь преподаватель – проверить, всё ли в порядке. Часа в три, когда почти все уже спали, пришёл Дамблдор, поискал глазами Пёрси. Пёрси расхаживал по залу и выговаривал болтающим ученикам. Он приблизился к углу, где лежали Гарри, Рон и Гермиона. Дамблдор подошёл к старосте.

Друзья притворились, что спят, и навестили уши.

– Что-нибудь нашли, профессор? – прошептал Пёрси.

– Пока нет. Тут никаких происшествий?

– Всё под контролем, сэр.

– Хорошо. Пусть остаются здесь до утра. Я нашёл для гостинной Гриффиндора временного стража. – Дамблдор окинул взглядом спящих. – Завтра уже будут ночевать в своих спальнях.

– А что с Полной Леди, сэр?

– Прячется на картине Аргиллшира, на третьем этаже. Она, видимо, не пускала Сириуса Блэка без пароля, он и напал на неё. Она всё ещё ужасно расстроена, но как только успокоится, я попрошу мистера Филча отреставрировать её картину.

Гарри услышал, как скрипнула дверь Большого Зала, слышались ещё чьи-то шаги.

– Господин директор, четвёртый этаж обыскан, – отрапортовал Снейп. – Там его нет. Филч осмотрел подземелья.

– А в башне астрономии смотрели? В кабинете профессора Трелони? В совятнике?

– Нигде его нет.

– Хорошо, Северус. Впрочем, я и не думаю, что Блэк станет прятаться в замке.

– Есть догадки, как он сюда пробрался, профессор?

Гарри приподнял голову, чтобы слышать и вторым ухом.

– Много, Северус, одна невероятней другой.

Гарри чуть приоткрыл глаза: Дамблдор стоял к нему спиной, Пёрси смотрел на директора, внимательно его слушая, Снейп был явно чем-то рассержен.

– Помните, профессор, наш разговор перед началом учебного года? – спросил Снейп едва слышно и покосился на Пёрси, его больше устраивал разговор без свидетелей.

– Помню, Северус, помню. – В голосе у Дамблдора прозвучало предостережение.

– Почти невозможно... чтобы Блэк проник в замок без посторонней помощи. Не зря меня насторожило назначение...

– Я не верю, что кто-нибудь в замке помог бы Блэку войти, – оборвал Снейпа Дамблдор не допускающим возражения тоном. – Пойду к дементорам, сообщу им о результатах поисков. Я обещал им сообщить, когда всё будет осмотрено.

– Они предлагали свою помощь, сэр? – спросил Пёрси.

– Предлагали, – нахмурился Дамблдор. – Но пока я директор, ноги дементора в школе не будет.

Пёрси смутился. Дамблдор повернулся и неслышным шагом стремительно покинул Большой Зал. Снейп проводил его недовольным взглядом и тоже ушёл.

Гарри обернулся к друзьям, те лежали с широко открытыми глазами, глядя на звёзды.
– Что же всё-таки происходит? – протянул Рон.

* * *

Несколько дней только о Сириусе Блэке и говорили. Одна за другой рождались немыслимые догадки. Ханна Эббот из Хаффлапфа весь урок гербологии уверяла, что Блэк превратился в цветочный куст.

Искромсанный холст Полной Леди сняли и на его место водрузили портрет сэра Кэдогана, восседавшего на толстом сером пони. Сэр Кэдоган только и делал, что вызывал всех и каждого на дуэль, выдумывал несуразные пароли и менял их два-три раза в день.

– Он совсем свихнулся. Кого-нибудь другого нельзя дать? – потребовал Шеймас Финниган у Пёрси.

– Никто больше не согласился. Бояться того, что произошло с Полной Леди. Только у сэра Кэдогана хватило смелости вызваться, – развёл руками Пёрси.

Самого же Гарри сэр Кэдоган беспокоил меньше всего. Теперь его ни на секунду не оставляли одного. Учителя под разным предлогом провожали из класса в класс, Пёрси (наверняка по наущению матери) ходил за ним по пятам – точь-в-точь гордый собой сторожевой пёс. В довершение всего профессор МакГонагалл вызвала Гарри к себе в кабинет. Вид у неё был траурный.

– Больше нет смысла скрывать от вас, Поттер. Знаю, что это потрясёт вас, но Сириус Блэк...

– Охотится за мной? Я знаю, – устало сказал Гарри. – Я случайно слышал, как папа Рона говорил об этом с его мамой. Мистер Уизли ведь работает в Министерстве магии.

МакГонагалл оторопела.

– Вот как! Значит, вы поймёте, Поттер, почему я не считаю для вас хорошей идеей вечерних тренировок по квиддичу. В открытом поле, только с командой, это очень опасно...

– У нас первый матч в субботу! – вспыхнул Гарри. – Профессор, я должен тренироваться!

МакГонагалл пристально на него поглядела. Она, как никто, хотела победы своей команды, ведь она сама привела Гарри в команду Гриффиндора. Гарри ждал, затаив дыхание.

– Хм... – МакГонагалл встала и подошла к окну. Лил дождь, и площадка для квиддича едва виднелась.

– Бог знает, как я хочу увидеть Кубок в руках гриффиндорской команды... Но всё таки, Поттер... Мне будет спокойнее, если там будет учитель. Я попрошу мадам Хуч присутствовать на ваших тренировках.

* * *

Погода всё портилась, но гриффиндорская команда – под присмотром мадам Хуч – тренировалась, как никогда, упорно. Накануне субботнего матча Оливер Вуд принёс неприятные известия.

– Мы не играем со Слизеринном! – злобно объявил он. – Флинт только что подошёл ко мне. Мы играем с Хаффлапаффом вместо них.

– Почему? – хором воскликнули игроки.

– У искателя, видите ли, ручка болит. Но очевидно, почему они это делают. Не хотят играть в такую погоду. Думают, что на победу меньше шансов, – процедил Вуд сквозь зубы.

Ливень весь день не кончался, хлестал ветер. А сейчас ещё и громыхал гром.

– *В порядке* у Малфоя рука! – вскипел Гарри. – Он притворяется!

– Знаю. Да поди докажи! Мы ведь готовились играть со слизеринцами. У хаффлапаффов-то совсем другой стиль игры. Кстати, у них новый капитан, Седрик Диггори, он же искатель.

Анджелина, Алисия и Кэти захихикали.

– Что? – Вуд нахмурился из-за такой беспечности.

– Такой высокий, симпатичный? – спросила Анджелина.

– Сильный и молчаливый, – прибавила Кэти, и три подружки снова приснули.

– Двух слов связать не может, вот и молчит, – не утерпел Фред. – А обыграть хаффлапаффов – раз плюнуть. Вспомни, Оливер, как мы с ними разделились в прошлом году. Гарри поймал снитч через пять минут после начала игры.

– Мы играем в абсолютно других условиях! – кричал Вуд, яростно глядя на игроков. – Диггори собрал очень сильную команду! Он отличный искатель! Я боялся, что вы именно так всё и воспримете! Мы не должны расслабляться! Оставаться в тонусе надо! Слизеринцы только и хотят нас сбить с панталыки! Мы *должны* выиграть!

– Да не кипятись ты, Оливер. – Фред посерьёзней. – Мы воспринимаем Хаффлапафф очень серьёзно. *Серьёзно.*

* * *

Весь день перед матчем выл ветер и лил дождь. В коридорах и классах добавили факелов и фонарей. Игроки Слизерина, особенно Малфой, ходили довольные собой.

– Эх, если б рука не так болела... – вздыхал Малфой под вой ветра и стук дождя в окно.

Гарри думал только о предстоящем матче. Оливер Вуд каждую свободную минуту дожимал его наставлениями. На третьей перемене он так его заговорил, что Гарри минут на десять опоздал на урок защиты от Тёмных искусств. Гарри стремглав помчался в класс, а Вуд всё ещё кричал ему вдогонку:

– Диггори силен на поворотах, Гарри, попробуй петлять...

Гарри домчался до класса, распахнул дверь и ворвался внутрь.

– Извините за опоздание, профессор Люпин, я...

Но из-за учительского стола на него смотрел не профессор Люпин, а Снейп.

– Урок начался десять минут назад, Поттер, поэтому, я думаю, мы снимем с Гриффиндора десять баллов. Садитесь.

Но Гарри не двинулся с места.

– Где профессор Люпин? – спросил он.

– Он сказал, что ему слишком нездоровится, чтобы провести сегодняшние уроки, – ухмыльнулся Снейп. – Кажется, я велел вам сесть.

Гарри остался там, где был.

– Что с ним?

Глаза Снейпа сверкнули.

– Угрозы для жизни нет, – ответил он с лёгким сожалением. – Ещё минус пять очков Гриффиндору. И если вы сейчас же не сядете, вычту ещё пятьдесят.

Гарри медленно прошёл к своей парте. Снейп оглядел класс.

– Поттер прервал меня на том, что в журнале у профессора Люпина не записаны темы, которые вы прошли...

– Сэр, мы прошли богартов, красных колпаков, капш и гриндилоу, – перебила Снейпа Гермиона. – Сегодня мы должны были приступить...

– Помолчите, – оборвал её Снейп. – Я не спрашивал, что вы прошли. Мне лишь хотелось указать на неорганизованность профессора Люпина.

– Люпин – лучший учитель защиты от Тёмных искусств, – заявил Дин Томас, и со всех сторон послышался одобрителный шёпот.

Снейп ещё пуще засверкал глазами.

– Вам легко угодить. Он вас совсем не загружает... А с красными колпаками и гриндилоу справится и первокурсник. Сегодня мы будем проходить...

Гарри видел, как Снейп перелистал учебник и раскрыл самый последний параграф, который они, конечно же, ещё не изучали.

– ...оборотней.

– Но, сэр, – не сдержалась Гермиона, – до оборотней ещё далеко, мы только-только добрались до...

– Мисс Грэйнджер, – очень спокойным тоном произнёс Снейп, – мне кажется, учитель здесь я, а не вы. И я велел вам открыть учебник на странице триста девяносто четыре. – Снейп снова обвёл взглядом учеников. – *Всем вам! Сейчас же!*

Недовольно бурча и переглядываясь, класс открыл книги.

– Кто мне скажет, чем оборотень отличается от обычного волка?

Все молчали. Гермиона, как обычно, подняла руку.

– Ну, кто? – Снейп скривил губы, не удостоив Гермиону даже взглядом. – Ваше молчание, как видно, означает, что профессор Люпин не объяснил вам даже основных различий между...

– Вам же сказали, – не удержалась Парвати, – что до оборотней мы ещё не дошли...

– *Молчать!* Так-так. Вот уж не думал, что есть третьекурсники, которые не умеют отличить оборотня от волка. Вы так отстали! Надо будет сообщить об этом профессору Дамблдору.

– Сэр, – Гермиона не опускала руки, – оборотень отличается от простого волка очень немногим. Морда оборотня...

– Мисс Грэйнджер, вы уже второй раз высказываете с ответом, когда вас не вызывали, – перебил её Снейп. – За то, что среди вас имеется столь докучливая всезнайка, лишаю Гриффиндор ещё пяти очков.

Гермиона залилась краской, опустила руку и, едва сдерживая слёзы, уставилась в парту. Каждый в классе хоть раз назвал Гермиону всезнайкой, Рон, тот и вовсе повторял это раза два в неделю, но Снейпа так не любили, что бросали на него пылающие от гнева взгляды.

– Вы задали вопрос, Гермиона знает на него ответ, – не выдержал Рон. – Зачем спрашивать, если ответ не нужен!

Весь класс притих: Рон перегнул палку. Снейп медленно подошёл к Рону, приблизил к нему лицо.

– Наказание, Уизли, – произнёс он шёлковым голосом, приблизив своё лицо к лицу Рона. – И если вы ещё когда-либо позволите себе критиковать мой стиль преподавания, то очень пожалеете.

До конца урока никто больше не проронил ни слова. Ученики скрипели перьями, конспектировали параграф об оборотнях. Снейп ходил от парты к парте, читая записи, сделанные на уроках Люпина.

– Объяснение никуда не годится, – то и дело слышались его замечания. – Неверно, капли чаще встречаются в Монголии... Профессор Люпин поставил за это восемь из десяти? Я бы пожалел и тройки...

Снейп задержал всех после звонка.

– Напишите эссе о том, как распознать и убить оборотня. Сдать два свитка пергамента к утру понедельника. Давно пора взять вас в руки. Уизли, останьтесь, нужно назначить вам наказание.

Отойдя от класса на безопасное расстояние, Гарри и Гермиона, вместе с остальными учениками, стали горячо возмущаться.

– Конечно, он метит на место Люпина, но он никогда ещё не позволял себе так говорить о других преподавателях защиты! – сказал Гермионе Гарри. – Чего он так взъелся на Люпина? Может, из-за того богарта?

– Не знаю. – Гермиону явно беспокоила какая-то мысль. – Очень надеюсь, что профессор Люпин скоро поправится...

Рон догнал их минут через пять, kloчoca от злобы.

– Знаете, что этот... (он так обозвал Снейпа, что Гермиона воскликнула: «*Pout!*») заставил меня делать? Чистить утки в больничном крыле! И *без магии!* – Рон сжал кулаки. – Почему Блэку не пришлось в голову спрятаться в кабинете Снейпа? Прикончил бы его, и все бы ему только спасибо сказали.

* * *

Проснулся Гарри очень рано, ещё не светало. Он подумал, что его разбудил вой ветра. Но тут ощутил затылком холодное дуновение и резким движением сел. Рядом с ним висел полтергейст Пивз и изо всех сил дул ему в ухо.

– Ты зачем это делаешь?! – рассердился Гарри.

Пивз надул щёки, издал непристойный звук и, кувыряясь, вылетел из спальни.

Гарри потянулся за будильником: половина пятого. Проклиная Пивза, он лёг и повернулся на бок, пытаясь заснуть. Но теперь уже ему мешала разбушевавшаяся стихия: раскаты грома, вой ветра за окнами, скрип деревьев в Запретном Лесу. Ещё несколько часов, и он будет носиться над полем, сражаясь с бурей... Да, теперь уже не заснёшь. Гарри встал, оделся, взял свой «Нимбус-2000» и тихонько пошёл к двери.

Едва Гарри открыл дверь, как что-то пушистое коснулось его ноги. Он нагнулся и успел схватить Косолапа за хвост, чтобы не дать ему пройти.

– А ведь Рон насчёт тебя, похоже, прав. – Гарри вытащил кота за дверь. – В замке полно мышей, их и лови. – И он, подталкивая кота ногой, заставил идти вниз по винтовой лестнице. – Оставь Кориистика в покое!

В гостиной буря была слышнее. Но матч всё равно состоится: из-за таких пустяков матчи не отменяют. Гарри, однако, забеспокоился: вспомнил Седрика Диггори. Недавно Вуд в коридоре показал ему его. Диггори учится на пятом курсе и куда крупнее Гарри. Искатели обычно маленькие, юркие, но в такую погоду вес Диггори – преимущество, легче противостоять порывам ветра.

Гарри до рассвета просидел в гостиной у камина. Косолап за это время несколько раз порывался проскочить в спальню мальчиков, и Гарри то и дело приходилось его ловить – Кориистик явно подвергался опасности. Время тянулось медленно. Наконец, Гарри показалось, что пора было идти завтракать. Он одиноко пошёл к портрету.

– Встань и сражайся, жалкий трус! – заорал на него сэр Кэдоган.

– Да заткнитесь, – отмахнулся Гарри и зевнул.

В столовой Гарри взял большую тарелку овсянки и, пока ел, понемногу приходил в себя. Дошла очередь до тоста с джемом, и тут появилась вся команда.

– Сегодня круто придётся! – Вуд сидел за столом, не притрагиваясь к еде.

– Не волнуйся, Оливер, – пыталась успокоить его Алисия. – Небольшой дождь нам не помешает.

Но определённо это было нечто большее, чем просто небольшой дождь. Несмотря на погоду, вся школа спешила на матч. Бежали через луг, нагнув головы навстречу свирепому ветру, рвавшему из рук зонтики. Перед раздевалкой Гарри увидел Малфоя, Крэбба и Гойла, укрывшихся под одним большим зонтом. Они смеялись, тыча пальцами в его сторону.

Переодевшись в алую гриффиндорскую форму, команда ждала от Вуда обычного напутствия, он начал было говорить, в горле у него булькнуло, он покачал головой и взмахом руки пригласил команду на поле.

Ветер сшибал с ног. Близкие раскаты грома заглушали крики болельщиков. Очки Гарри заливало дождём. Как тут разглядеть крошечный снитч?

На противоположной стороне поля появились канареечно-жёлтые хаффлапффы. Капитаны обменялись рукопожатием. Диггори дружелюбно улыбнулся, а Вуд только кивнул, словно у него свело челюсть.

– На мётлы! – Не услышал, а догадался Гарри по губам мадам Хуч.

Гарри дёрнул ногу, грязь громко чавкнула, и он оседлал свою верную метлу. Мадам Хуч поднесла к губам свисток, сквозь шум дождя раздался далёкий-далёкий свист. И четырнадцать игроков взмыли в воздух.

Гарри поднялся над полем, чувствуя, как ветром сносит метлу. Через пять минут он уже продрог до костей и вымок – нитки сухой нет, товарищей по команде не различишь, а снитча и подавно не видно. Гарри носился туда-сюда, мимо мелькали красные и жёлтые пятна. Что происходит, какой счёт, непонятно – голос комментатора утонул в вое ветра. Вместо болельщиков – море мантий и истерзанные зонты. Уже два раза Гарри чуть не сбил с метлы бладжер: из-за воды, заливающей стёкла очков, Гарри не заметил его приближения.

Сколько уже длится игра? Метлу всё труднее держать прямо. Небо быстро темнеет, как будто ночь решила наступить раньше. Пару раз Гарри чуть не налетел на кого-то. Свой или чужой? Из-за плотной пелены дождя не разберёшь, да и форма на всех намокла, хоть выжимай.

При первой вспышке молнии раздался свисток судьи. Расплывчатая фигура Вуда махала рукой, веля приземлиться. Гарри спикировал вместе с остальными в огромную лужу.

– Я взял тайм-аут! – прокричал Вуд – Бежим вон туда!

Они сгрудились на краю поля под огромным зонтом. Гарри снял очки и торопливо протёр их мантией.

– Какой счёт?

– Мы оторвались на пятьдесят очков, – ответил Вуд. – Скорее лови снитч, а то придётся играть ночью.

– Из-за этих очков я ничего не вижу! – Гарри в отчаянии потряс очками.

Откуда ни возьмись, вынырнула сияющая Гермiona, с натянутым на голову плащом.

– Я кое-что придумала, Гарри. Дай сюда очки.

И не успел никто рта раскрыть, как она схватила очки, трижды стукнула по ним волшебной палочкой и крикнула:

– *Impervius!* – после чего вернула очки Гарри. – Держи. Они теперь водоотталкивающие.

Вуд чуть не бросился её целовать. Гермiona побежала на трибуну.

– Молодец! – крикнул он ей вдогонку. И приказал: – Команда, взлетаем!

Заклинание сделало своё дело. Гарри занемел от холодной, мокрой одежды, но зато видел всё. словно открылось второе дыхание, он уверенно вёл метлу сквозь воздушные вихри, ища глазами снитч, легко уклонялся от бладжера и нырял под Дигтори, когда тот мчался навстречу.

Снова громыхнуло, блеснула раздвоенная молния. Играть становилось опасно, надо скорее поймать снитч!

Гарри развернул метлу и помчался к середине поля; новая вспышка осветила трибуны, и Гарри увидел в пустом верхнем ряду, на фоне неба неподвижную фигуру огромного лохматого пса.

Закоченевшие руки Гарри скользнули по мокрому древку метлы, и он провалился на несколько футов вниз. Тряхнул головой, откинул волосы и глянул на трибуны – собака исчезла.

– Гарри! – истошно завопил Вуд от колец. – Гарри! Сзади!

Гарри оглянулся. Седрик Диггори нёсся к нему вверх, а между ними висел крохотный золотой шарик. Гарри словно ударило молнией, он прижался к деревку и ринулся вниз.

– Давай же, давай! – хрипел он своему «Нимбусу», а дождь хлестал его по лицу. – *Быстрее!*

И вдруг произошло что-то странное. На стадионе воцарилась мёртвая тишина. Ветер дул с той же силой, но беззвучно, словно звук кто-то выключил. Или Гарри внезапно оглох?

Знакомая леденящая волна ужаса захлестнула его и пронзила насквозь: внизу по полю что-то двигалось...

Даже не успев ни о чём подумать, Гарри отвёл взгляд от снитча и глянул вниз.

Около сотни дементоров устремили к нему задранные вверх скрытые капюшонами головы. Грудь у Гарри словно охватило ледяным обручем. И он снова услышал... крик... крик в его голове... женщина...

«Только не Гарри, не Гарри! Пожалуйста, только не Гарри!»

«Отойди прочь, глупая девчонка... Прочь...»

«Только не Гарри, пожалуйста ... Убейте лучше меня, меня...»

Гарри оцепенел, белый туман клубился перед глазами... Что он делает? Куда летит? Он должен помочь... её убьют, её...

Гарри падал всё ниже, ниже сквозь ледяной туман.

«Не Гарри! Пожалуйста, пощадите... Пощадите...»

Чей-то пронзительный хохот... Крик женщины... И Гарри потерял сознание.

* * *

– Повезло ещё, что земля мягкая.

– Я уж думал, он умер.

– А у него даже очки не разбились.

Гарри слышал чьи-то голоса, шёпот. И ничего не понимал. Где он? Как сюда попал? Что перед тем делал? Болело всё, как будто его сильно избili.

– Самое страшное, что я в жизни видела.

Ничего более страшного... страшные чёрные фигуры в капюшонах... холод... крик...

Гарри открыл глаза: он лежит в больничном крыле, вокруг его команда, все с головы до ног в грязи. Тут же и Рон с Гермионой, мокрые, словно только что из пруда, где купались в одежде.

– Гарри! – сказал Фред, бледный даже под слоем грязи. – Как ты себя чувствуешь?

В воображении у Гарри проносились картинки. Молния... лохматый пёс... золотой снитч... дементоры...

– Что случилось? – Гарри вдруг сел в постели, и у всех перехватило дыхание.

– Ты упал, – коротко объяснил Фред. – Футов... с пятидесяти, наверное. – Он оглядел друзей, которые согласно закивали.

– Мы думали, ты умер. – Алисию до сих пор била дрожь.

Гермиона всхлипнула, глаза у неё были красные.

– А как же матч? Что произошло? Будем переигрывать?

Все молчали. Правда навалилась тяжёлым камнем.

– Мы не... *проиграли*?

– Диггори поймал снитч, – сказал Джордж. – Сразу после того, как ты упал. Он сначала ничего не понял. Посмотрел вниз и увидел тебя на земле. Он тут же попросил не засчитывать им победу, хотел переиграть матч. Но всё было честно. Даже Вуд признал.

– А где Вуд? – Гарри только что заметил, что Вуда нет.

– Всё ещё в душе, – ответил Фред. – Наверное, хочет утопиться.

Гарри спрятал лицо в коленях, запустив пальцы в волосы. Фред взял его за плечо и легонько потряс.

– Ладно тебе, Гарри, ты никогда ещё не упустил снитч!

– Надо же когда-нибудь и упустить, – рассудительно заметил Джордж.

– Не всё ещё потеряно, – заметил Фред. – Мы проиграли сто очков, так? Значит, если хаффлапафцы проиграют Рэйвенкло, а мы у Рэйвенкло выиграем. Ну, и у слизеринцев...

– Хаффлапафцам надо проиграть с разницей в двести очков, – отметил Джордж.

– А если они ещё и побьют рэйвенкловцев...

– Да нет, Рэйвенкло им не по зубам. А вот если Слизерин продует Хаффлапаффу...

– Всё будет зависеть от очков. Как ни считай, сто очков нам придётся...

Гарри лёг, не говоря ни слова. Проиграли... Он первый раз проиграл матч. Проиграл...

Минут через десять пришла мадам Помфри и распорядилась всем оставить палату.

– Мы ещё зайдём, Гарри, – пообещал напоследок Фред. – И не терзай себя, ты всё равно лучший искатель. Такого у нас никогда не было.

И вся команда, оставляя за собой грязные следы, вышла из палаты. Мадам Помфри с недовольным видом закрыла за ними дверь. Рон с Гермионой подошли поближе к кровати.

– Дамблдор сильно разозлился, – прерывающимся голосом сказала Гермиона. – Я никогда его таким не видела. Ты стал падать, он выбежал на поле, махнул палочкой, и падение замедлилось. Потом он нацелил палочку на дементоров. Из неё вылетело что-то серебристое, дементоров как ветром сдуло... Он был вне себя от ярости, что они вошли на территорию...

– Дамблдор наколдовал носилки и положил тебя на них, – перебил Рон. – Носилки сами тебя несли, а он шёл рядом до самой школы. Все думали, что ты...

Рон замолчал, но Гарри его не слушал. Он думал о том, что с ним сделали дементоры, о голосе... Потом взглянул на Рона с Гермионой и опомнился. Он прочитал у них в лицах такую тревогу, что тут же принялся лихорадочно искать нейтральную тему для разговора.

– А мой «Нимбус» подобрали? – спросил он.

Рон с Гермионой переглянулись.

– Э...

– Что? – спросил Гарри, переводя взгляд с одного на другого.

– Ну... когда ты упал, его подхватило ветром, – нерешительно начала Гермиона.

– И что?

– И он врезался... врезался... Ох, Гарри... прямо в Дракучую Иву.

У Гарри сжалось сердце. Дракучая Ива была очень жестоким деревом, которое одиноко стояло посреди территории школы.

– И что? – Гарри со страхом ждал ответа.

– Ну, ты ведь знаешь её, – ответил Рон. – Она всегда даёт сдачу.

– Профессор Флитвик принёс его, когда тебя сюда доставили, – едва слышно сказала Гермиона, нагнулась, подняла с пола мешок и вытряхнула на постель с десяток кусков древка и прутья – всё, что осталось от верного «Нимбуса-2000». Непобедимого, но, в конце концов, всё-таки потерпевшего поражение.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

КАРТА МАРОДЁРА

По настоянию мадам Помффри Гарри пролежал в больнице все выходные. Он ни на что не жаловался, не спорил, но не позволил ей выкинуть куски и прутья, оставшиеся от «Нимбуса». Он знал, что это глупо, что метлу не починить, но ничего не мог с собой поделать: как будто потерял самого лучшего друга.

Гарри навещали друзья, старались приободрить. В субботу вечером Хагрид прислал охапку жёлтых цветов, похожих на кочаны капусты. Джинни Уизли, отчаянно краснея, подарила самодельную открытку с пожеланием скорейшего выздоровления. Открытка сама собой раскрывалась и пела визгливым голосом, так что Гарри пришлось придавить её вазой с фруктами. В воскресенье утром в палату ввалилась вся команда Дома, и Оливер Вуд замогильным голосом сообщил, что ни в чём Гарри не винит. Рон и Гермиона сидели у Гарри с утра до ночи. А Гарри по-прежнему был в подавленном состоянии, и никто не догадывался, что дело не только в метле или проигрыше.

Он никому не рассказал о Гриме, даже Рону с Гермионой. Рон испугается, а Гермиона поднимет его на смех. Но факт остаётся фактом: Грим уже дважды являлся, и дважды Гарри едва не погиб. Первый раз чуть не попал под автобус для колдунов, теперь вот упал с высоты пятидесяти футов. Неужели этот призрачный пёс будет преследовать его, пока Гарри не свернёт себе шею? Что же, так всю жизнь и оглядываться с опаской, нет ли где Грима поблизости?

А ещё дементоры. Гарри становилось плохо всякий раз, когда думал о них. Их все боятся, но кто ещё при их появлении слышит голоса погибающих родителей и падает в обморок?

Гарри догадался, что это кричит мама. Ночью он долго не мог уснуть, глядел на полосы лунного света на потолке и ему постоянно слышался её голос. Когда дементоры приблизились к нему, он слышал последние минуты её жизни; она пыталась защитить его от Волдеморта, а тот, убивая её, смеялся. Гарри задрёмывал, но ему снились полусгнившие осклизлые руки и отчаянная мольба; Гарри просыпался и в ушах снова стоял крик матери.

* * *

В понедельник Гарри вернулся к повседневной школьной жизни. В шуме и суете думать о голосе было некогда. Правда, приходилось сносить насмешки Дрэйко Малфоя. Малфой был на седьмом небе от счастья, что гриффиндорцы проиграли матч. Он снял бинты и на радостях, что обе руки здоровы, вдохновенно изображал, как Гарри упал с метлы. На уроке зельеварения Малфой развлекался тем, что изображал дементора. Рон не выдержал и запустил ему в лицо огромное влажное крокодилье сердце. Снейп вычел у Гриффиндора пятьдесят баллов.

– Если защиту от Тёмных искусств опять ведёт Снейп, я скажусь больным, – сказал Рон, после обеда стоя рядом с классом Люпина. – Гермиона, погляди, кто внутри.

Гермиона заглянула в дверь и сказала:

– Всё в порядке!

За учительским столом сидел профессор Люпин. Он осунулся, потрёпанная одежда висела мешком, под глазами синели круги, но, когда все расселись по местам, он приветливо улыбнулся. Ученики первым делом стали жаловаться на Снейпа.

– Это нечестно, он ведь только заменял вас, а задал такое домашнее задание!

– Мы ничего не знаем об оборотнях...

– Целых два свитка!

– Вы говорили профессору Снейпу, что ещё не проходили этого? – Люпин слегка нахмурился.

Класс загалдел громче:

– Да, но он сказал, что мы очень отстаем...

– Он и слушать не хотел...

– Целых два свитка!!!

Общее возмущение было велико, но Люпин только улыбнулся.

– Ничего, я поговорю с профессором Снейпом. А его задание можете не делать.

– О нет, – огорчилась Гермиона. – А я уже сделала.

Урок прошёл замечательно. Люпин принёс стеклянный ящик с хинкипанком. Это хрупкое и безобидное на вид одноногое существо, казалось, было составлено из струек дыма.

– Заманивает людей в болото, – диктовал Люпин. – Видите у него в руке фонарь? Он с ним прыгает по кочкам, путники идут на свет, а потом...

При этих словах хинкипанк из всех сил скребнул рукой по стеклу, не хуже чем ножом, так что весь класс передёрнуло.

Прозвенел звонок. Собрав сумки, все двинулись к выходу.

– погоди минутку, Гарри, мне нужно тебе что-то сказать.

Гарри вернулся, Люпин накрыл тряпкой ящик с болотным чудищем.

– Слышал о вашем матче. – Люпин стал запихивать в портфель книги. – Жаль твоей метлы. Её можно починить?

– Нет, – ответил Гарри. – От неё только щепки остались.

Люпин вздохнул.

– Дракучую Иву посадили в тот год, когда я поступил в Хогвартс. Помню, мы придумали игру: кто первый подбежит к ней и коснётся ствола. Одному мальчику, по имени Дэйви Гаджен, она чуть не выбила глаз, и нам запретили к ней подходить. Её лучше не трогать. Никакая метла бы не уцелела.

– Вы и о дементорах слышали? – с трудом проговорил Гарри.

Люпин бросил на него внимательный взгляд.

– Да. Профессора Дамблдора в такой ярости ещё не видели. Дементоры уже давно проявляли недовольство... разъярились, что их не пускают на территорию школы... Ты ведь из-за них упал?

– Да, – признался Гарри. И, сам того не ожидая, спросил: – Но *почему*? Почему из-за них я падаю в обморок? Я что...

Люпин словно прочитал его мысли.

– Слабость здесь совершенно ни при чём. Дементоры так сильно действуют на тебя, потому что ты пережил такое, чего у других и близко не было, – сказал Люпин.

На его молодое, хоть и в глубоких морщинах лицо, обрамлённое седыми волосами, упал луч зимнего солнца.

– Дементоры – самые отвратительные существа на свете. Они живут там, где тьма и гниль, приносят уныние и гибель. Они отовсюду высасывают счастье, надежду, мир. Даже маглы чувствуют их присутствие, хотя и не видят их. Когда ты рядом с дементором, в тебе исчезают все добрые чувства и счастливые воспоминания. Дементор может паразитировать на человеке достаточно долго, чтобы он стал таким же... бездушным, злобным. Так что нет ничего удивительного, Гарри, что ты при их виде падаешь в обморок – страшнее того, что *ты* испытал, трудно придумать. Любой бы на твоём месте упал. И стыдиться тут нечего.

– Когда они рядом, – Гарри опустил глаза, в горле у него стоял комок, – я слышу, как Волдеморт убивает маму.

Рука Люпина дёрнулась, будто он хотел взять Гарри за плечо, но передумал.

– И зачем им надо было являться на матч? – понурился Гарри.

– Они голодны, – ответил Люпин и защёлкнул портфель. – Дамблдор не позволил им войти в школу и лишил добычи... Они просто не смогли удержаться при виде толпы на стадионе. Всё это возбуждение... эмоции, бьющие через край... для них это пир.

– В Азкабанах, должно быть, ужасно, – глухо сказал Гарри.

Люпин нахмурился и кивнул.

– Да, крепость стоит в море на маленьком островке, но дементорам не нужны ни толстые стены, ни вода, узники и так не сбегут: они заточены в темнице собственных мыслей. Большинство сходит с ума спустя недели.

– Но ведь Сириус Блэк сбежал, – медленно сказал Гарри. – Он скрылся...

Портфель Люпина соскользнул со стола, и Люпин поймал его на лету.

– Да, сбежал, – ответил он, выпрямившись. – Блэк, похоже, нашёл способ с ними бороться. Ни за что бы не поверил... Дементоры высасывают из колдуна магические способности, если он слишком долго остаётся в их власти...

– А ведь вы прогнали дементора тогда, в поезде, – вспомнил вдруг Гарри.

– Есть... особые способы защиты... Да и потом, в поезде был только один дементор. Чем их больше, тем труднее с ними бороться.

– Какие способы? – поспешно спросил Гарри. – Вы можете научить меня?

– Я, Гарри, вообще-то не мастер сражаться с дементорами. Скорее наоборот...

– Но если дементоры придут на следующий матч по квиддичу, я должен уметь бороться с ними...

Люпин взглянул на решительное лицо Гарри, помолчал, а затем сказал:

– Ну... ладно. Я попробую помочь. Только, боюсь, придётся подождать следующего семестра. У меня очень много дел. И угрозило же меня заболеть в самое неподходящее время!

* * *

Гарри повеселел: Люпин научит его отгонять дементоров, и, стало быть, он больше не будет слышать маминого предсмертного крика, от которого разрывается сердце. В ноябре рэйвенкловцы наголову разбили хаффлаффцев, и у Гриффиндора ещё оставалась надежда выиграть Кубок школы, нельзя только проиграть следующий матч. Вуд неистово тренировал команду, несмотря на холодный дождь, который исправно лил в декабре изо дня в день. Дементоры больше не появлялись: гнев Дамблдора был так велик, что они не осмеливались уходить со своих постов.

За две недели до начала каникул небо прояснилось, стало светло-опаловым, ударил лёгкий морозец, и, проснувшись как-то утром, ученики увидели на траве кружево инея. Замок окутывал знакомый аромат Рождества. Профессор чар Флитвик украсил свой класс мерцающими огоньками, которые вдруг обернулись настоящими летающими феями. Ученики в предвкушении каникул обсуждали, что будут делать дома. Рон и Гермиона решили остаться в замке. Рон клялся, что не вынесет две недели дома с Пёрси, а Гермиона уверяла, что ей нужно порыться в библиотеке, но Гарри-то отлично понял, что они остаются ради него, и был им за это благодарен.

К радости всех, кроме Гарри, объявили, что последний выходной семестра можно провести в Хогсмиде.

– Там мы и запасёмся всем нужным для Рождества! – обрадовалась Гермиона. – Маме с папой обязательно понравятся эти зубные мятные струны из «Пригоршни сладостей»!

Гарри снова весь день предстояло быть в замке единственным третьекурсником. Чтобы убить время, он взял у Вуда каталог «Ведь метла». Он тренировался сейчас на допотопной школьной метле – медленном, тряском «Метеоре» и понимал, что нужна собственная новая метла.

В воскресенье утром Гарри проводил Рона и Гермиону до холла, помахал им из дверей и побрёл по мраморной лестнице в свою башню. За окнами падали крупные хлопья снега, в замке было всё спокойно и тихо.

– Псс... Гарри!

Он обернулся на полпути в коридоре четвёртого этажа и увидел Фреда и Джорджа, выглядывающих из-за статуи горбатой одноглазой ведьмы.

– Что это вы делаете? – удивился Гарри. – Почему не ушли в Хогсмид?

– Мы решили слегка тебе поднять настроение, прежде чем уйдём, – ответил Фред и лукаво подмигнул. – Иди сюда...

Он кивнул в сторону пустой классной комнаты слева от одноглазой статуи. Гарри вошёл вслед за близнецами, Джордж тихонько закрыл дверь и сияющими глазами взглянул на Гарри.

– Вот тебе наш подарок на Рождество. – Он вытащил из-под мантии большой квадратный лист старого пергамента и торжественно протянул Гарри.

Пергамент был совершенно чист, на нём не было ни единой строчки, и Гарри решил, что это очередная шутка близнецов.

– И что же это такое?

– Это, Гарри, секрет нашего успеха, – ответил Джордж и нежно погладил пергамент.

– Нелегко с ним расстаться, – сказал Фред. – Но мы решили, что тебе он нужнее.

– Мы-то его наизусть знаем, – прибавил Джордж. – Поэтому и вручаем тебе. Нам он больше ни к чему.

– И что я буду делать с куском старого пергамента?

– С куском старого пергамента?! – Фред зажмурился и скорчил рожу, как будто Гарри смертельно его обидел. – Объясни ему, Джордж.

– Когда мы учились на первом курсе, Гарри, мы тогда были совсем ещё зелёные, беззаботные и невинные...

Гарри хмыкнул.

– Во всяком случае, более невинные, чем сейчас. Ну так вот, мы как-то рассорились с Филчем.

– Взорвали в коридоре грязевую бомбу, а Филч почему-то на нас разозлился...

– Так что он отволок нас в свой кабинет и принялся воспитывать в своей обычной манере...

– ...оставить после уроков...

– ...выпустить кишки...

– ...и мы не могли не заметить особый ящик с табличкой: *«Конфисковано, очень опасно»*.

– Только не говорите... – улыбнулся Гарри.

– Ну, а как бы ты поступил на нашем месте? – пожал плечами Фред. – Джордж кинул ещё одну бомбу, и, пока Филч суеился, я открыл ящик и взял вот этот кусок пергамента.

– Что тут плохого? – прибавил Джордж – Филч не знал, как с ним обращаться. Хотя, раз отобрал его, наверное, догадывался, что это такое.

– И вы знаете, что с ним делать?

– Знаем. – Фред самодовольно улыбнулся. – Этот свиток научил нас такому, чему не научит ни один учитель.

– Ты меня заинтриговал, – сказал Гарри, глядя на обтрёпанный старый пергамент.

– Неужели? – спросил Джордж.

Он достал волшебную палочку, слегка коснулся ею пергамента и произнёс:

– Торжественно клянусь, что не затеваю ничего хорошего.

Тотчас на пергаменте, в том месте, которого коснулся Джордж, одна за другой стали появляться тоненькие чернильные линии. Линии соединялись, пересекались, расплзались как паутина по краям пергамента, и скоро наверху распустились, как цветы, выведенные зелёными чернилами слова:

«Господа Лунатик, Бродяга, Сохатый и Прихвост⁶!»

⁶ Wormtail (worm – червяк, червь; выводывать; tail – хвост, свита). Если переводить дословно – Червехвост.

Поставщики вспомогательных средств для колдунов-шалунов с гордостью представляют своё новейшее изобретение – КАРТУ МАРОДЁРА».

На карте были видны все до единого закоулки замка и территория вокруг него. Но, что самое удивительное, по ней двигались крошечные чернильные точки, каждая была подписана. Гарри в восхищении склонился над картой. В левом верхнем углу профессор Дамблдор выпагивал в своём кабинете; миссис Норрис, кошка смотрителя, кралась на третьем этаже, полтергейст Пивз носился в Зале почёта. Были там ещё закоулки и потайные ходы, где он никогда не был. Некоторые из ходов вели...

– Прямо в Хогсмид. – Фред указал один из них. – Таких ходов семь. Филч знает вот об этих четырёх, а об *этих* – только мы. В тот, что за зеркалом на пятом этаже, можешь не ходить. Мы сунулись было прошлой зимой, а там потолок обвалился. И вот сюда тоже лучше не ходить: рядом с выходом Дракучая Ива. Зато этот ведёт прямо в подвал «Пригоршни сластей». Мы этим ходом частенько лазаем, он, кстати, начинается в горбу старой одноглазой карги за дверью.

– Лунатик, Бродяга, Сохатый и Прихвост, – вздохнул Джордж и дружески похлопал по названию карты. – Мы им стольким обязаны.

– Благородные, славные помощники новому поколению проказников, – провозгласил Фред.

– Верно. Да, Гарри, не забывай стирать карту... – предупредил Джордж.

– ... а то кто-нибудь ещё узнает её секрет, – закончил за Джорджа Фред.

– Дотронься до неё волшебной палочкой и скажи: «Шалость удалась!» – и карта исчезнет.

– Ну, дорогой Гарри, – сказал Фред голосом Пёрси, – веди себя хорошо.

– Увидимся в «Пригоршне сластей», – подмигнул на прощанье Джордж.

И близнецы, довольные собой, удалились.

Гарри любовался чудесной картой. Вот крохотная точка, миссис Норрис, повернула налево и остановилась, видимо принахиваясь к чему-то. Если Филч и вправду не знает... а мимо дементоров-то проходить теперь и не надо...

Гарри не помнил себя от восторга, но тут ему на память пришли слова мистера Уизли: «Не доверяй тому, что может думать самостоятельно, если не видишь, где находятся его мозги».

Эта карта как раз из таких опасных вещей... «вспомогательные средства для колдунов-шалунов»... Однако, рассуждал Гарри, он хотел использовать её только для того, чтобы попасть в Хогсмид. Что он, украсть что-нибудь хочет или обидеть кого? Да и Фред с Джорджем вон сколько лет картой пользуются – и ничего...

Гарри провёл указательным пальцем вдоль тайного хода от замка до «Пригоршни сластей».

Потом быстро, будто кто ему приказал, свернул карту, сунул под мантию, подошёл к двери и сквозь щёлку выглянул в коридор. Пусто. Гарри осторожно вышел из класса и спрятался за статуей одноглазой ведьмы.

Что теперь? Гарри вынул карту из-под мантии и с удивлением обнаружил вместо точки фигурку с подписью: «Гарри Поттер». Фигурка стояла как раз в том месте, где стоял сам Гарри, – посредине коридора на четвёртом этаже. Фигурка малюсенькой палочкой стукнула статую. Гарри торопливо сделал то же, но ничего не произошло. Он снова поглядел на карту. У головы фигурки появилась надпись: «*Dissendium!*».

– *Dissendium!* – прошептал Гарри и снова тронул статую.

Горб старухи открылся, и появилось отверстие, как раз такое, чтобы в него можно было пролезть. Гарри огляделся по сторонам, спрятал карту и просунул в лаз сначала голову, а затем и весь туда забрался.

Потайной ход начинался скользким каменным жёлобом, по которому Гарри и скатился вниз до земли. Он встал на ноги и огляделся. Темно, хоть глаз выколи. Он достал палочку, произнёс «*Lumos!*» и увидел, что находится в низком и узком земляном тоннеле. Гарри поднёс пергамент к глазам, тронул кончиком волшебной палочки, сказал: «Шалость удалась!» – и карта исчезла. Он осторожно свернул пергамент, спрятал под мантию и с замирающим сердцем пошёл по подземному коридору.

Коридор петлял словно нора гигантского кролика. Гарри держал светящуюся палочку перед собой, но то и дело спотыкался.

Идти пришлось очень долго, но его толкало вперёд желание попасть в «Пригоршню сладостей». Ему казалось, что он идёт уже целый час, когда туннель пошёл вверх. Гарри прибавил шагу, сердце у него забилось, лицо пылало, а вот ногам было холодно.

Минут через десять показались каменные ступеньки, уходящие куда-то вверх. Гарри стал подниматься, глядя под ноги, – как бы не упасть и не наделать шума. Сто ступенек, двести, он уже сбился со счёта, когда стукнулся головой обо что-то твёрдое.

Похоже было на люк. Потирая макушку, Гарри прислушался: всё тихо. Он медленно приоткрыл крышку люка и посмотрел в образовавшуюся щель.

Перед ним был погреб, заставленный деревянными ящиками и корзинами. Гарри выбрался из подземелья и опустил крышку. Она легла так плотно, что если про неё не знать, то и не догадаешься, что в этом месте начинается подземный ход. На цыпочках прокрался к деревянной лестнице. Наверху отчетливо слышались голоса, скрип входной двери и звон колокольчика.

Гарри не решался идти дальше, но вдруг дверь в подпол распахнулась, и кто-то стал спускаться.

– И возьми ещё ящик жележных слизняков, дорогой, они почти всё смели подчистую... – сказал женский голос.

Гарри притаился за большой корзиной, кто-то прошёл мимо и стал передвигать ящики в дальнем конце подпола. «Пора», – решил Гарри.

Тихонько вышел из-за корзины и поднялся по лестнице, глянул вниз: в ящике роется толстяк с блестящей лысиной. Гарри проскользнул сквозь полураскрытую дверь и очутился за прилавком «Пригоршни сладостей», пригнулся, выполз из-за прилавка и выпрямился во весь рост.

«Пригоршня сладостей» была битком набита учениками Хогвартса, никто не обратил на Гарри внимания, и он стал разглядывать полки со сладостями. Дадли перевернуло бы от зависти, знай он, где сейчас Гарри.

Чего только не было на полках! Кусочки кремовой нуги, блестящие розовые кубики кокосового льда, толстенькие ириски медового цвета, штабели всевозможных плиток шоколада. Около стены стоял громадный бочонок всевкусных бобов, в другой бочке – пшпучие шмельки и те самые шарики левитационного щербета, о которых Рон говорил, что от них можно взлететь. У другой стены располагались конфеты со спецэффектами: лучшая взрывная жвачка Друббла (из неё можно выдувать огромные синие пузыри, которые потом несколько дней летают по комнате), мятные зубные струны, маленькие чёрные перечные чёртики (*«Дыхни огнём на приятеля!»*), мышкы-льдышки (*«Услышишь, как звонко стучат и скрежещут твои зубы!»*), мятные сливочные помадки в форме жаб (*«Реалистично прыгают в животе!»*), хрустящие сахарные перья и карамельные бомбы.

Гарри протиснулся сквозь толпу шестикурсников. В дальнем углу магазина под надписью: «Необычные вкусы» – стояли Рон с Гермионой и разглядывали леденцы со вкусом крови. Гарри незаметно подкрался и встал позади.

– Фу, – поморщилась Гермиона, – Нет, Гарри они точно не понравятся. Это уж скорее для вампиров.

– А может, возьмём вот это? – Рон сунул под нос Гермионе банку с тараканьими гроздьями.

– Определённо нет, – ответил Гарри.

Рон чуть не выронил банку.

– Гарри! – Гермиона вздрогнула от неожиданности. – Ты что тут делаешь? Как ты сюда...

– Вот это да! – Рон раскрыл от удивления рот. – Ты что, научился апарировать?

– Нет, конечно, – ответил Гарри и шёпотом – рядом стояли шестикурсники – рассказал друзьям о Карте Мародёра.

– А почему же Джордж с Фредом ни разу мне её не давали! – обиделся Рон. – Я их брат ведь!

– Гарри всё равно не оставит карту у себя, – заявила Гермиона, будто сама идея была нелепой. – Он отдаст её профессору МакГонагалл. Верно, Гарри?

– Ну уж нет! – ответил Гарри.

– Ты что, спятила? – выпучил глаза Рон. – Отдать такую ценность!

– Если её отдать, придётся объяснить, откуда она у меня, – сказал Гарри. – И Фреду с Джорджем влетит от Филча.

– А вдруг Сириус Блэк знает тайные ходы в замок? – не унималась Гермиона. – Нужно предупредить учителей!

– Никого предупреждать не нужно, – возразил Гарри. – На карте семь тайных ходов, так? По словам Фреда и Джорджа, Филч знает четыре. Из трёх других один завален, у входа во второй Дракучая Ива. А тот, через который пришёл я, он... откуда Блэку знать, что вход в него в подсобке магазина?

Однако про себя Гарри подумал: «А что, если Блэк всё же знает о потайном ходе?» Рон важно кашлянул и указал на объявление на двери магазина:

«ПО УКАЗУ МИНИСТЕРСТВА МАГИИ

Сообщаем покупателям, что дементорам приказано каждую ночь после заката солнца обходить улицы Хогсмид. Эта мера предосторожности введена ради безопасности обитателей Хогсмид и будет отменена после поимки Сириуса Блэка. В связи с этим рекомендуем вам завершать все покупки до наступления темноты.

Счастливого Рождества!»

– Видишь? – спокойно спросил Рон. – Хотел бы я поглядеть, как Блэк проникнет в «Пригоршню сластей», когда в деревне дементоры кишмя кишат. Да и хозяева услышат шум, попробуй он сюда вломиться. Они живут на втором этаже.

– Но ведь... Но ведь... – Гермиона подыскивала возражение, которое воззвало бы к благоразумию друзей. – Гарри не дали разрешения ходить в Хогсмид. Если кто-нибудь узнает, что он здесь, его могут даже исключить. И солнце ещё не село, вдруг Блэк нагрянет в Хогсмид сегодня? Сейчас?

– Да он в такую метель Гарри и не разглядит. – Рон кивнул в сторону улицы, за окнами магазина валил густой снег. – Гермиона, ну хватит, Рождество же на носу. Гарри заслужил передышку.

Гермиона в тревоге закусила губу.

– Ты на меня наябедничаешь? – улыбнулся Гарри.

– Ну что ты! Нет, конечно. Но всё-таки, Гарри...

– Гарри, ты шипучие шмельки видел? – перебил Гермиону Рон, схватил Гарри за руку и потащил к бочонку с конфетами. – А желейные слизняки? А кислотные леденцы? Помню, Фред дал мне один, мне было тогда семь лет, он мне язык насквозь прожёл. Мама его тогда здорово метлой отлупила! – Рон задумчиво уставился на корзину с кислотными леденцами. – А что, если угостить Фреда тараканьей гроздьё и сказать, что это засахарённый арахис, он поверит?

Рон с Гермионой заплатили за сладости, и друзья вышли на завьюженную улицу.

Хогсмид походил на рождественскую открытку. Маленькие домики под соломенными крышами и магазины были в снежных шапках, на дверях венки из остролиста, кроны деревьев украшены гирляндами зачарованных свечек.

Гарри оставил тёплую одежду в замке и теперь ёжился от холода. Друзья шли по улице навстречу ветру, Рон и Гермиона то и дело кричали:

– Здесь почта...

– А там магазин «Зонко»...

– Можно пойти в Визжащую Хижину...

– Вот что вам скажу, – проговорил Рон, стуча зубами, – не зайти ли нам за кружечкой сливочного пива в «Три метлы»?

Гарри обрадовался: дул пронизывающий ветер, и у него совсем заоченели руки, было бы очень кстати посидеть в тепле. Друзья перешли на другую сторону улицы и вошли в уютный паб – первый этаж крохотной гостиницы.

В пабе былолюдно, шумно и дымно. За стойкой расположилась компания весельчаков-чародеев, они смеялись и громко разговаривали, полная миловидная женщина едва успевала наполнять бокалы.

– Это мадам Розмерта, – сообщил Рон. – Я принесу напитки, хорошо? – прибавил он и слегка покраснел.

Гарри и Гермиона уселись за маленький столик в дальнем углу между окном и нарядной рождественской ёлкой. Рядом потрескивал камин, было очень тепло и празднично. Рон принёс три кружки пива. Оно было горячее и дымилось.

– Счастливого Рождества! – весело пожелал Рон и поднял кружку.

Гарри пил большими глотками: чудесный напиток согревал всё тело до кончиков пальцев. Вдруг входная дверь отворилась, и сквозняк взъерошил волосы на голове Гарри. Он глянул в сторону двери и чуть не захлебнулся.

В бар вошли МакГонаггалл и Флитвик, за ними – Хагрид с министром магии Корнелиусом Фаджем, толстячком в зелёном котелке и полосатой мантии. Все четверо увлечённо о чём-то беседовали.

В мгновение ока Рон с Гермионой оба нажали ладонями на макушку Гарри. Гарри соскользнул со стула и очутился под столом, вылив на себя остатки пива. Сжимая в руках кружку, он видел ноги вошедшей компании: вот они подошли к стойке бара, постояли немного и, развернувшись, двинулись прямо к нему.

Гермиона над его головой прошептала:

– *Mobilizarbus!*

Рождественская ёлка оторвалась от пола и, плавно покачиваясь, полетела. С глухим стуком приземлилась возле их столика и загородила его пушистыми ветками. Сквозь её нижние ветки Гарри видел, как к соседнему столику придвинулись ножки четырёх стульев, и на стулья – кто крикнув, кто вздохнув – сели учителя и лесничий с Фаджем.

К ним сейчас же приблизились лаковые туфли бирюзового цвета на высоком каблуке.

– Маленькая кружка «Лакфиводы⁷»... – произнёс женский голос.

– Это мне, – ответила профессор МакГонаггалл.

– Четыре пинты горячей медовухи...

– Да, Розмерта, – пробасил Хагрид.

– Вишнёвый сироп с содовой, льдом и зонтиком...

– М-м-м... – чмокнул губами профессор Флитвик и протянул руку за бокалом.

– Стало быть, вам, господин министр, красносмородиновый ром.

– Спасибо, Розмерта, дорогая. Рад вас видеть! Налейте-ка и себе. Посидите с нами?

– Благодарю, господин министр, с удовольствием.

Блестящие каблуки ушли и снова вернулись. У Гарри сердце ушло в пятки: как это он забыл, что у учителей сегодня тоже выходной? Они ещё, чего доброго, здесь дотемна засидятся. А ведь ему ещё надо вернуться в «Пригоршню сладостей», а то и в школу не попадёшь... Гермиона думала о том же и нервно постукивала ногой.

⁷ В оригинале напиток называется «Gillywater». «Gilly» означает «желтофиоль». Этот цветок также называют лакфиоль, название которого и было взято за основу адаптации названия.

– Каким ветром вас сюда занесло, господин министр? – спросила мадам Розмерта.

Гарри увидел, как задвигалась нижняя часть упитанного туловища. Фадж, похоже, обернулся посмотреть, не подслушивает ли кто.

– Что же ещё, моя дорогая, как не Сириус Блэк. Смею полагать, вы слышали, что он учинил в школе на Хэллоуин?

– Слышала кое-что.

– Вы, Хагрид, всем успели рассказать, всему паб? – с укоризной спросила МакГонагалл.

– Думаете, Блэк всё ещё поблизости? – тревожно спросила хозяйка гостиницы.

– Уверен в этом.

– Вы знаете, что дементоры дважды обыскали всю деревню? – спросила мадам Розмерта с лёгким нажимом в голосе. – Распутали всех моих клиентов... Из-за них одни убытки, господин министр.

– Розмерта, милая, я люблю их не больше вашего. Но что ж поделать? Эти предосторожности необходимы ... к сожалению, имеем что имеем... Я только что с ними встречался. Они в ярости из-за Дамблдора: он не пускает их в школу.

– И правильно делает, – вступилась за директора школы МакГонагалл. – Как мы стали бы преподавать в присутствии таких чудовищ?

– Верно, верно, – тоненьким голоском поддержал коллегу малыш Флитвик, не достававший ногами до пола.

– Что поделаешь... – сдержанно заметил Фадж. – Они охраняют вас от злодея. Блэк способен на всё...

– Знаете, я всё ещё не могу в это поверить, – задумчиво сказала мадам Розмерта. – Из всех, кто переметнулся на сторону Тёмных сил, Сириус Блэк был последним, на кого бы я подумала... Я про то, что я помню его мальчишкой, когда он учился в Хогвартсе. Если бы вы сказали мне, что с ним станется, я бы ответила, что вы перепили медовухи.

– Вы, Розмерта, и половины всего не знаете, – упрямо ответил министр. – Люди не знают самых страшных его дел.

– Самых? – переспросила мадам Розмерта, с любопытством в голосе. – Вы хотите сказать, хуже, чем убийство всех этих бедняг?

– Именно так.

– Не могу в это поверить. Что может быть ещё хуже?

– Вы, Розмерта, говорите, что помните его по Хогвартсу, – заметила профессор МакГонагалл. – А помните, кто был его лучший друг?

– Ну, как же? – Розмерта усмехнулась. – Не видела их порознь ни разу, ведь так? Столько раз здесь бывали – и всегда смешили меня! Парочка ещё та – Сириус Блэк и Джеймс Поттер.

Гарри выронил кружку, и она грохнулась на пол. Рон ткнул его ногой.

– Верно, – подтвердила МакГонагалл. – Блэк и Поттер. Зачинщики всевозможных проказ. Оба блестящие ученики, на редкость блестящие, но отчаянные сорвиголовы! Таких ни раньше, ни позже не было!

– Ну не знаю, – усмехнулся Хагрид. – Фред с Джоржем Уизли, п'жалуй, дадут им фору.

– И они были как братья, – вставил Флитвик. – Как два неразлучных брата.

– Именно, – подтвердил Фадж. – Поттер никому не доверял так, как Блэку. Они и после школы дружили. Блэк был шафером на свадьбе Джеймса и Лили. Потом Блэк стал крёстным отцом Гарри. Гарри, конечно, ничего об этом не знает. Узнает, будет очень страдать.

– Из-за того, что Блэк стал сподвижником Сами-Знаете-Кого? – прошептала мадам Розмерта.

– Хуже, моя дорогая... – Фадж понизил голос. – Не многим тогда было известно, что Поттеры осведомлены: Вы-Знаете-Кто за ними охотится. У Дамблдора, который, разумеется, всегда боролся против Вы-Знаете-Кого, было много тайных агентов, и один из них сообщил, что Джеймсу и Лили грозит опасность. Дамблдор тут же дал им знать и посоветовал спрятаться в тайном укрытии. Разумеется, от Сами-Знаете-Кого так просто не спрячешься. Дамблдор им сказал, что лучшим будет воспользоваться чарами Фиделиус.

– Как они работают? – Мадам Розмерта слушала, затаив дыхание.

Профессор Флитвик откашлялся и стал тонким голосом объяснять:

– Это чрезвычайно сложное заклинание, содержащее магическое сокрытие тайны в живой душе. Информация прячется внутри избранного лица, или Хранителя Тайны, и с этого момента её невозможно обнаружить – если только, разумеется, Хранитель Тайны не решит разгласить его. Пока Хранитель Тайны отказывается говорить, Вы-Знаете-Кто мог бы годами искать Лили и Джеймса и не нашёл бы, даже если бы сунул нос в окно их дома.

– Значит, Блэк был Хранителем Тайны Поттеров? – догадалась мадам Розмерта.

– Разумеется, – ответила профессор МакГонагалл. – Джеймс Поттер говорил Дамблдору, что Блэк скорее сам погибнет, чем их выдаст, что он и сам подумывает об укрытии. Но Дамблдор всё равно за них переживал. Он даже сам себя предложил в Хранители Тайны.

– Он подозревал Блэка? – ахнула мадам Розмерта.

– Он был уверен, что кто-то близкий к Поттерам продолжает сообщать Сами-Знаете-Кому об их перемещениях, – мрачно сказала профессор МакГонагалл. – Да, он уже какое-то время подозревал, что среди нас завёлся предатель, передавший Сами-Знаете-Кому множество сведений.

– Но Джеймс Поттер настоял на своём?

– Да, настоял, – вздохнул Фадж – Чары Фиделиус применили, а две недели спустя...

– Блэк предал их? – выдохнула мадам Розмерта.

– Да, именно так. Ему надоело быть двойным агентом, он хотел открыто объявить, на чьей он стороне, по-видимому, он собирался сделать это сразу после смерти Поттеров. Но, как все мы знаем, Сами-Знаете-Кто встретил свою судьбу в лице маленького Гарри. Лишённый силы, ослабевший, он бежал. Это поставило Блэка в очень неприятное положение. Его хозяин пал в то самое время, когда предательство обнаружилось. Оставалось только спасаться бегством...

– Гнусный, смердящий предатель! – прорычал Хагрид на весь бар.

Соседи притихли и повернулись в их сторону. МакГонагалл зашипела на него.

– Я тогда его видел. – Хагрид понизил голос. – Наверное, самый последний перед тем массовым убийством. Это я спас Гарри, вынес его из развалин, Лили-то с Джеймсом уже погибли. Я его, бедняжку, тогда вытащил, у него здоровенная на лбу рана, его родители

померли... а тут Сириус Блэк на своём мотоцикле. Он всегда на нём гонял. Я-то тогда не знал, чего он явился... что он Хранитель Тайны. Подумал, он... э-э... услышал новость об атаке Сами-Знаете-Кого и прилетел помочь. Бледный как смерть, весь трясётся. И знаете, что я сделал? Я УТЕШАЛ УБИЙЦУ И ПРЕДАТЕЛЯ!!! – взревел Хагрид.

– Хагрид, пожалуйста, – взмолилась профессор МакГонагалл, – умерьте голос.

– Откуда мне было знать, что ему наплевать на Лили и Джеймса? Сами-Знаете-О-Ком он волновался! А он ещё говорит: «Я крёстный Гарри, отдайте его мне, я о нём позабочусь...» Ха! Но у меня был даден приказ от Дамблдора, и я сказал Блэку: – Нет, Дамблдор велел отправить Гарри к дяде и тёте. – Блэк поспорил-поспорил и согласился. И дал мне свой мотоцикл отвезти Гарри. «Мне, – говорит, – он больше не нужен». И как это я не догадался! С чего это он отдаёт любимый мотоцикл? И как это он больше не нужен? Дело-то в том, что его легко на нём выследить. Дамблдор ведь знал, что Блэк – Хранитель Тайны. Блэк думал улизнуть в ту ночь, знал, что у него всего несколько часов, пока Министерство за ним не погонится. А отдай я ему Гарри... Он бы повёз его на мотоцикле да и кинул бы в море. Сына-то лучшего друга! Да что уж там, переметнулся колдун на сторону Тёмных сил, ему уже наплевать на всех и вся...

Хагрид замолчал, и никто долго не решался заговорить.

– Но скрыться-то он не сумел, так ведь? – произнесла удовлетворённо мадам Розмерта. – Министерство магии сцапало его на другой день.

– Ах, если бы так, – вздохнул Фадж. – Не мы нашли его. Это был Питер Петтигрю – ещё один друг Поттеров. Он чуть с ума не сошёл от горя. Зная, что Блэк – Хранитель Тайны Поттеров, сам стал его искать.

– Петтигрю, Петтигрю... уж не тот ли толстячок, что ещё в Хогвартсе всюду таскался за ними? – припомнила мадам Розмерта.

– Он души не чаял в Блэке и Поттере, – сказала профессор МакГонагалл. – Конечно, он был им не ровня, не те способности. И я была чересчур строга с ним. Как я теперь раскаиваюсь... – МакГонагалл всхлинула.

– Ну будет, будет, Минерва, – мягко сказал Фадж. – Петтигрю умер как герой. Очевидцы, магглы – мы потом стёрли им память, – уверяли, что Петтигрю со слезами укорял Блэка: «Лили и Джеймс, Сириус! Как ты мог?» Потянулся за волшебной палочкой, но Блэк, разумеется, опередил его. От Петтигрю почти ничего не осталось...

Профессор МакГонагалл высморкалась и сказала севшим голосом:

– Глупый, глупый мальчишка... Дуэли никогда у него не получались! Сообщил бы в Министерство...

– Эх, добраться бы мне до Блэка раньше Петтигрю! – прорычал Хагрид. – Уж я бы не возился с волшебными палочками – порвал бы на куски голыми руками ...

– Вы не знаете, о чём говорите, – резко ответил Фадж. – Когда Блэка загнали в угол, никто кроме ударной группы из отряда Поддержания магического правопорядка не смог справиться с ним. Я в те времена был заместителем главы департамента Магических чрезвычайных ситуаций и прибыл на место происшествия одним из первых. Никогда... не забуду этого. До сих пор кошмары снятся. Посреди улицы глубокая воронка, всюду

искорёженные трупы, маглы кричат, а Блэк стоит и хохочет над тем, что осталось от Петтигрю – кучкой окровавленной одежды и... и... каких-то фрагментов...

Фадж замолчал. Все пятеро достали носовые платки.

– Вот, Розмерта, теперь вы знаете, – глухо продолжал министр. – Блэка забрали оттуда сотрудники патруля Поддержания магического правопорядка, Петтигрю посмертно получил орден Мерлина первого класса – хоть какое-то утешение для его бедной матери. А Блэка упрятали в Азкабан.

Мадам Розмерта протяжно вздохнула.

– А правда, что он лишился рассудка?

– Хотел бы я, чтобы это было так, – медленно ответил министр. – Могу одно сказать: поражение хозяина временно помутило его рассудок. Убийство Петтигрю и всех тех маглов, жестокое, бессмысленное, было действием отчаявшегося, загнанного в угол человека. Но недавно я был в Азкабане. Все заключённые там явно безумны, сидят в темноте, что-то бормочут, а Блэк... он выглядел и говорил вполне *нормально*. Выглядел как человек, которому просто скучно. Увидел у меня газету, спросил, прочитал ли я её и не могу ли дать ему, сказал, что соскучился по кроссвордам. Да, я был поражён тем, как мало подействовали на него дементоры – а его ведь охраняли очень тщательно, знаете ли. Дементоры на страже у двери день и ночь.

– Как по-вашему, господин министр, зачем он сбежал из тюрьмы? – поинтересовалась мадам Розмерта. – Боже правый, не собирается ли он снова примкнуть к Сами-Знаете-Кому?

– Думаю, что это его... э-э... конечная цель, – уклончиво ответил Фадж. – Но мы надеемся поймать Блэка раньше. Вы-Знаете-Кто сейчас один, но... дайте ему наиболее преданного слугу, и я содрогаюсь от мысли, как быстро он воспрянет вновь...

За соседним столиком помолчали. Гарри услышал, как кто-то поставил на стол свой бокал.

– Корнелиус, если вы не хотите опоздать на ужин к директору, нам пора в замок, – заметила профессор МакГонагалл.

Стулья отодвинулись, запахнулись полы мантий, блестящие каблуки мадам Розмерты вернулись за стойку. Слышно было, как открылась входная дверь, в бар ворвался вихрь снега, и вся компания вышла.

– Гарри!

Рон с Гермионой заглянули под стол, все трое молча смотрели друг на друга, не находя слов.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

«ВСПОЛОХ»

Гарри смутно помнил, как добрался до погреба «Пригоршни сладостей», миновал туннель, поднялся по жёлобу и очутился в замке. Вот он ещё в «Трёх мётлах», а вот уже вылез из горба статуи. Всю дорогу он думал только о нечаянно подслушанном разговоре.

Почему никто не сказал ему? Дамблдор, Хагрид, мистер Уизли, Корнелиус Фадж... Почему хоть кто-то не упомянул, что родителей предал их лучший друг?

За ужином Рон и Гермиона тревожно поглядывали на Гарри, не смея заговорить с ним – рядом сидел Пёрси. После ужина друзья поднялись в гостиную, а тут Фред и Джордж на радостях, что наступили каникулы, взорвали десяток бомб-вонючек. Гарри не хотелось рассказывать близнецам о походе в Хогсмид, и он тихонько выскользнул из гостиной и поднялся в пустую спальню. В спальне присел у тумбочки, вытащил книги и нашёл фотоальбом в кожаном переплёте, который ему подарил Хагрид два года назад. Там были фотографии мамы и папы. Гарри сел на постель, задёрнул полог и стал разглядывать снимки...

На свадебной фотографии папа машет ему рукой, на лице у него сияет улыбка, непослушные волосы на голове, такие же, как у сына, торчат в разные стороны. Папа держит под руку маму, и она тоже светится счастьем. А рядом – шафер папы... Гарри раньше не обращал на него внимания.

Если не знаешь, что это Блэк, то и не догадаешься. На фото он красив и весел, а теперь у него исхудалое, бледное лицо. Неужели он уже тогда переметнулся на сторону Волдеморта? И замышлял убить лучших друзей? Понимал ли он, что его ждёт двенадцать лет в Азкабана, после которых он станет неузнаваем?

Но ведь дементоры на него не действуют, думал Гарри, глядя на улыбающегося Сириуса Блэка. И ему не приходится всякий раз, когда дементоры близко, слышать крик мамы...

Гарри захлопнул альбом и сунул в тумбочку, снял мантию и очки, плотнее задёрнул полог и лёг.

Кто-то отворил дверь спальни.

– Гарри? – неуверенно сказал Рон.

Гарри притворился, что спит. Рон вышел, Гарри лёг на спину и стал глядеть в потолок.

Ненависть, какой он раньше не знал, вливалась в него, как яд. Изображение Блэка словно вырезали из альбома и наклеили на потолок, и он в темноте смеялся над Гарри. Потом, как на экране кино, Блэк убил Питера Петтигрю (Петтигрю немного смахивал на Невилла Лонгботтома). И у Гарри в ушах зазвучал тихий, взволнованный голос (хотя он никогда в жизни не слышал голоса Блэка): «Мой господин, наконец-то я – Хранитель Тайны Поттеров...» Его собеседник пронзительно захохотал, именно этот хохот Гарри слышал всякий раз, когда приближались дементоры.

* * *

– Гарри, ты... выглядишь ужасно.

Гарри заснул только под утро, а проснувшись, обнаружил, что спальня уже пуста. Он оделся и спустился по винтовой лестнице в гостиную. В гостиной были Рон с Гермионой. Рон жевал мятную жабу и поглаживал живот, Гермиона корпела над домашней работой, разложенной на трёх столах.

– А где все? – Гарри рассеянно огляделся.

– Разъехались. Сегодня первый день каникул, ты что, забыл? – Рон пристально поглядел на Гарри. – Скоро обед, я уже собирался пойти тебя будить.

Гарри сел в кресло у камина. За окнами всё ещё падал снег. Перед камином, как рыжий пушистый коврик, растянулся кот Косолап.

– Выглядишь ты не очень хорошо, знаешь? – Гермиона обеспокоенно взглянула на Гарри.

– Я в порядке.

– Послушай, Гарри, – Гермиона и Рон переглянулись, – ты, конечно, расстроился из-за того, что вчера услышал. Но всё равно нельзя делать никаких глупостей.

– Например?

– Самому охотиться за Блэком, – сорвалось с языка у Рона.

Гарри промолчал: разговор был явно подготовлен, пока он спал.

– Ты ведь не станешь, правда? – с надеждой спросила Гермиона.

– Блэк не стоит того, чтобы из-за него умирать, – добавил Рон.

Гарри поглядел на Рона, на Гермиону. Похоже, они совсем ничего не понимают.

– Знаете, что я слышу, когда рядом дементоры?

Рон с Гермионой в предчувствии чего-то страшного pokrутили головами.

– Я слышу, как перед смертью кричит мама, умоляет Волдеморта пощадить меня... Если бы вы вот так услышали последние слова мамы, вы бы их навсегда запомнили. Такое не забывается. А если бы вдруг узнали, что выдал её Тёмному Лорду их лучший друг...

– Поделаться с этим ты ничего не можешь! – воскликнула Гермиона. – Его поймают дементоры, увезут в Азкабан, там он понесёт наказание... и так и надо!

– Ты ведь слышала, что сказал Фадж. На Блэка Азкабан не действует, как на обычных людей. Для него это не наказание как для остальных.

– И что ты задумал? – Рон был явно встревожен. – Хочешь его убить?

– Не говори глупостей! – запаниковала Гермиона. – Гарри никого не хочет убить, правда, Гарри?

Гарри снова промолчал. Он и сам не знал, чего хочет. Одно было ясно: нельзя сидеть сложа руки, пока Блэк на свободе.

– А Малфой всё это знает, – вдруг сказал он. – Помнишь, Рон, его слова на зельеварении? «Будь я на твоём месте, сам бы его выследил ... Я бы отомстил!»

– И ты не нас слушаешь, а Малфоя? – рассердился Рон. – Вспомни, что получила мама Петтигрю после его гибели от рук Блэка? Папа рассказывал – Орден Мерлина первого

класса и кончик мизинца в коробочке. Больше ничего не нашли. Этот Блэк чокнутый и очень опасен...

– Должно быть, Малфою сказал отец, – не слушал Гарри. – Он хорошо знал Волдеморта...

– *Зови его «Вы-Знаете-Кто»!* – взорвался Рон.

– ...значит, Малфои знали, что Блэк на стороне Волдеморта...

– И Малфой будет скакать от радости, если Блэк тебя прикончит, как Петтигрю! Пойми ты, Малфою только того и нужно, чтобы тебя укокошили к вашему общему матчу!

– Гарри, *пожалуйста*, – со слезами взмолилась Гермиона. – *Пожалуйста*, опомнись. Блэк совершил ужасную, ужасную вещь. Но не подставляй себя, именно этого Блэк и хочет... если погонишься за ним – попадёшь прямо к нему в руки. Твои мама с папой хотели, чтобы ты жил. Они не позволили бы тебе самому искать Блэка.

– Я никогда не узнаю, чего они хотели. Я никогда – спасибо Блэку! – с ними не разговаривал.

Косолап потянулся и выпустил длинные когти. Карман Рона задрожал. Воцарилось молчание.

– Послушайте, ведь сейчас каникулы! – воскликнул Рон. – Уже почти Рождество! Идёмте к Хагриду. Мы у него сто лет не были!

– Нельзя, – возразила Гермиона. – Гарри не должен выходить из замка...

– Идёмте, – сказал Гарри, выпрямляясь в кресле. – Заодно спрошу его, почему он, рассказывая мне о родителях, никогда не упоминал Блэка.

Разговор о Блэке принимал явно нежелательный оборот.

– Может, лучше сыграем в шахматы? – поспешно предложил Рон. – Или в плюй-камни? Пёрси оставил мне игровой набор...

– Нет, давайте пойдём к Хагриду, – твёрдо сказал Гарри.

Друзья сходили за мантиями, вышли сквозь портретный проход («Встаньте и сражайтесь, дворянги желтопузые!» – крикнул сэр Кэдоган вдогонку) и пошли по опустевшему замку, их шаги гулко отдавались в коридорах. Миновали дубовые двери и вдохнули свежий морозный воздух.

Спускавшийся вниз луг серебрился пушистым снегом, и шаги друзей оставляли в снегу дорожку. Носки и полы мантий скоро промокли и заиндевели. Запретный Лес стоял как заколдованный, каждая ветка одета белой сверкающей опушкой, хижина Хагрида походила на глазированный торт.

Рон постучал. Хагрид не отозвался.

– Не мог же он уйти, – сказала Гермиона, стуча зубами от холода.

Рон прижался ухом к двери.

– Там шум какой-то странный. Послушайте – может, это Клык?

Гарри и Гермиона тоже приникли к двери. Внутри слышались глухие рыдания.

– Может, за кем-нибудь сбегать? – предложил Рон.

– Хагрид! – Гарри забарабанил в дверь. – Хагрид, ты там?

Раздались тяжёлые шаги, и дверь отворилась. Глаза у Хагрида покраснели и опухли, по кожаному жилету струились слёзы.

– Вы уже слышали! – прорыдал Хагрид и кинулся обнимать Гарри.

Лесничий был ростом с двух мужчин, его объятия были делом нешуточным. Гарри наверняка бы упал вместе с лесничим, если бы Рон с Гермионой вовремя не схватили Хагрида под руки. Друзья все троём втащили его в хижину, усадили за стол, он уронил голову на руки и разрыдался ещё громче. Лицо его всё было залито слезами, намокла и нечёсаная борода.

– Что стряслось, Хагрид? – спросила испуганно Гермиона.

Гарри заметил на столе письмо.

– Что это, Хагрид?

Хагрид подтолкнул письмо к Гарри. Гарри раскрыл его и прочитал:

«Уважаемый мистер Хагрид!

Сообщаем, что расследование по делу о нападении гиппогрифа на ученика во время урока закончено. Постановлено принять заверения профессора Дамблдора, что Вы в этом прискорбном инциденте невиновны.»

– Да ведь это здорово! – Рон похлопал лесничего по огромному плечу. Хагрид всхлипнул и махнул Гарри рукой, чтобы читал дальше.

«Тем не менее мы обязаны выразить наше беспокойство по поводу вышеупомянутого гиппогрифа. Мы получили жалобу от мистера Люциуса Малфоя и передаём дело в комитет по Обезвреживанию опасных существ. Слушание состоится 20 апреля. Просим Вас прибыть в указанный день в офис комитета с Вашим гиппогрифом. До начала слушания Вам надлежит держать гиппогрифа на привязи в отдельном помещении.

С уважением, Ваши коллеги...»

Ниже шёл список школьных попечителей.

– Но ведь ты говорил, что Брыклов очень хороший, – вспомнил Рон. – Держу пари, всё обойдётся...

– Нет, не обойдётся! Ты ни'наешь этих упырей из комитета по Обезвреживанию. – Хагрид утёр рукавом слёзы. – У них зуб на самых интересных животных.

В углу кто-то громко зачавкал. Гарри, Рон и Гермиона обернулись. На полу врастяжку лежал гиппогриф и что-то жевал.

– Ну как оставить его снаружи, ведь ужас сколько намело снегу! – всхлипывая, объяснил Хагрид. – Одного-единёшенька! В Рождество!

Друзья переглянулись. Они расходились с Хагридом во взгляде на «самых интересных животных», которых другие люди называют «опасными чудовищами». Впрочем, Брыклов и вправду выглядел безобидным. Хагрид же и вовсе считал его милашкой.

– Тебе надо хорошенько подумать, как его защитить. – Гермиона села рядом с Хагридом и погладила его по огромной ручище. – Я верю, ты сможешь доказать комитету, что он неопасен.

– Ничё не выйдет! – рыдал Хагрид. – Комитет в кармане у Люциуса Малфоя. Они боятся его. Я проиграю дело и тогда Ключика...

Хагрид чиркнул пальцем по шее и, покачнувшись, с плачем закрыл лицо ладонями.

– Может, Дамблдор поможет? – вслух подумал Гарри.

– Он и так мне очень помог. А у него самого забот полон рот: эти дементоры, Сириус Блэк...

Рон и Гермиона быстро взглянули на Гарри, как будто ожидали, что он начнёт сейчас упрекать Хагрида за то, что тот не рассказал ему правду о Блэке. Но Хагрид был так несчастен, что Гарри просто не мог ещё усугублять страдания своего друга.

– Хагрид, нельзя сдаваться, – твёрдо сказал он. – Гермиона права, надо хорошенько продумать защиту. Мы будем свидетелями...

– Я где-то читала о суде над гиппогрифом, которого тоже раздражали, и он напал на обидчика, – задумалась Гермиона. – Тогда гиппогрифа оправдали. Обязательно найду этот случай.

Хагрид только громче зарыдал. Гарри с Гермионой обернулись к Рону, как к якорю спасения.

– Заварю-ка я чаю, – сказал тот.

Гарри вытаращил глаза.

– Мама всегда предлагает чашку чая, когда кому-нибудь плохо, – развёл руками Рон.

Наконец, выслушав многочисленные заверения о помощи и увидев перед собой кружку горячего чая, Хагрид высморкался в платок размером с добрую скатерть и сказал:

– Всё правильно. Нечего раскисать... надо взять себя в руки...

Волкодав Клык застенчиво вылез из-под стола и положил морду Хагриду на колени.

– Сам не свой в последнее время... – Хагрид погладил Клыка по холке, потрепал за ухо.

– Волнуюсь о Ключике, да и 'роки мои никому не 'равятся...

– Нам очень нравятся! – соврала Гермиона.

– Отличные уроки, – поддакнул Рон. – Как, кстати, поживают червеплюхи?

– Все передохли, – сник Хагрид. – Салата объелись.

– О, нет! – У Рона от сдерживаемого смеха затряслись губы.

– Да ещё эти дементоры... мороз по коже. – Хагрида передёрнуло. – Как иду в «Три метлы» промочить горло, каждый раз их вижу. Как в Азкабан вернулся.

Хагрид умолк и отхлебнул чаю. Гарри, Рон и Гермиона затаили дыхание: Хагрид впервые упомянул о заключении в колдовской тюрьме.

– А в Азкабане страшно? – после короткой паузы осторожно спросила Гермиона.

– Вы не пре'ста'ляете как! – Хагрид глядел в одну точку. – Другого такого места во всём свете нет. Я думал, шо свихнусь. В голове всякие ужасы вертелись... всё вспоминал, как меня выгнали из школы... как умер отец... как я отпустил Норберта...

На глазах у него опять выступили слёзы. Норбертом звали дракончика, которого Хагрид выиграл в карты.

— Посидишь там и забываешь, кто ты, зачем живёшь. Я всё мечтал, помереть бы, пока сплю... А потом меня выпустили. И я будто снова родился, всё вокруг новое, лучший день в жизни. А дементоры-то меня отпускать не хотели.

— Ты же был не виноват! — с удивлением воскликнула Гермиона.

Хагрид горько усмехнулся.

— Им-то шо? Им плевать. Была бы пара сотен заключённых, а кто виноват, кто нет, их это не трогает. — Хагрид молча уставился в чашку, потом тихо прибавил: — Хотел я было отпустить Ключика... пусть бы себе улетел... да как ему втолкуешь, что надо улепётывать? Да и закон страшно нарушить... как бы опять... — Хагрид поглядел на Гарри, Рона и Гермиону полными слёз глазами. — Не хочу обратно в Азкабан.

* * *

Хотя вечер у Хагрида был не очень весёлый, всё же он оказал на Гарри то действие, на которое Рон с Гермионой рассчитывали. Гарри теперь лишь изредка вспоминал Бэка и ревностно взялся готовить оправдательную речь для суда над гиппогрифом.

На другое утро друзья отправились в библиотеку, принесли оттуда по охапке книг и в пустой гостиной засели за поиски. Весь день они сидели у пылающего камина, перелистывая пыльные тома страницу за страницей в надежде найти похожий случай. Книги были полны отчётов о знаменитых судах над опасными существами. Время от времени кто-нибудь говорил:

— Вот тут есть кое-что. В тысяча семьсот двадцать втором был случай... правда, гиппогрифа признали виновным... фу, посмотрите, что они с ним сделали, это же отвратительно...

— А вот это, пожалуй, подойдёт: в тысяча двести девяносто шестом на кого-то напала мантикора, её оправдали и отпустили на волю... ой, нет, не годится: её все боялись и потому отпустили...

Замок тем временем прихорашивался к Рождеству, несмотря на то, что любоваться украшениями было почти некому. В коридорах висели гирлянды остролиста и омелы, щели и прорези доспехов сияли таинственным светом, а в Большом Зале, как обычно, поблёскивали золотыми звёздами двенадцать огромных ёлок. По замку поплыли ароматы праздничных яств, и в сочельник даже Корутикс высунул нос из кармана Рона: так вкусно пахло.

Рождественским утром Рон кинул в Гарри подушкой, и Гарри проснулся.

— Эй, подарки!

Гарри сощурился и потянулся за очками, на полу у кровати в полутьме спальни высилась куча коробок. Рон уже разглядывал свои подарки.

— Ещё один свитер от мамы... как *всегда*, тёмно-бордовый... Тебе она тоже наверняка прислала...

Гарри развернул первый пакет. Ему миссис Уизли связала ярко-красный с гриффиндорским львом на груди, а ещё напекла двенадцать рождественских пирожков, также прислала большой рождественский кекс и коробку карамельных плиток с орехами. Отодвинув всё это, он увидел на полу длинную плоскую коробку.

– Что это? – бросил Рон любопытный взгляд.

– Не знаю...

Гарри раскрыл подарок и не поверил глазам – это была чудесная новенькая метла. Рон выронил носки и прыгнул с кровати.

– Не верю! – Он даже охрип от восхищения.

И не просто метла, а тот самый «Всполох», которым Гарри каждый день любовался, когда жил в Косом переулке. Он взял метлу в руки. Древко блеснуло, метла задрожала, Гарри отпустил её, и она повисла в воздухе – садись и лети. На кончике древка золотился регистрационный номер, гладкие прямые берёзовые прутья были как на подбор.

– Кто это тебе прислал?

– Погляди, может, в коробке есть записка?

Рон разорвал упаковку:

– Ничего нет. Потрясающе! Кто же это столько потратил на тебя?

– Готов поспорить, что не Дёрзли. – Гарри налюбоваться не мог на подарок.

– Знаю, наверное, Дамблдор. – Рон разглядывал метлу со всех сторон. – Помнишь, он прислал тебе плащ-невидимку и не подписался?

– Плащ-невидимка был папиным, – возразил Гарри. – Он мне его просто передал. Он не стал бы тратить на меня сотни галлеонов. Он не может раздавать ученикам такие вещи.

– Именно поэтому он и не сказал бы, что этот подарок от него! Тот же Малфой бы заявил, что у директора завелись любимчики. Ты только представь себе, что будет с *Малфоем*!

– Рон чуть не захлебнулся от смеха. – Его от зависти скрючит! Это же метла *международного* класса!

– Даже не верится, – затаив дыхание, Гарри провёл рукой по метле, а Рон рухнул от хохота на кровать, воображая позеленевшего от злости Малфоя. – От *кого*...

– А я знаю от кого. – Рон перестал хохотать. – От Люпина.

– От Люпина? – Тут уж настала очередь Гарри смеяться. – Да будь у него деньги, он бы себе новую мантию купил.

– Это конечно, но он тебя любит. Он тогда пропустил матч, его вообще не было в школе, но ему, наверно, кто-то сказал о «Нимбусе», и он в Косом переулке купил тебе «Всполох».

– Как это не было в школе? Он ведь болел.

– Может, и болел, только в больничном крыле его не было. Помнишь, Снейп влепил мне наказание, я чистил утки в палатах, и Люпина там не было.

Гарри нахмурился.

– Да нет, Люпину такая метла не по карману.

– Над чем это вы смеётесь?

На пороге стояла Гермиона в домашнем халате и с рыжим любимцем на руках. На шее у кота красовался бант из мишуры, и Косолап недовольно ворчал.

– Унеси его отсюда! – Рон поскорее вытащил Корыстика из-под одеяла и сунул в карман пижамы. Но Гермионе было не до Рона, она посадила кота на постель Шеймаса и, раскрыв рот, глазела на «Всполох».

– Гарри, кто *это* тебе подарил?

– Без понятия, в посылке не было поздравительной открытки.

Гермиона вдруг посерьёзнела и задумчиво закусила губу.

– Что это с тобой? – удивился Рон.

– Не знаю, – ответила Гермиона. – Странно как-то. Это ведь очень хорошая метла, да?

– Самая лучшая в мире! – Восторгу Рона конца не было.

– Значит, она дорого стоит...

– Наверное, она дороже всех мётел слизеринцев, вместе взятых.

– Кто же это мог подарить Гарри такую дорогую вещь и даже не назвать себя?

– Да какое дело? – воскликнул беспечный Рон. – Гарри, дашь полетать? Дашь?

– На этой метле летать нельзя! – отрезала ни с того ни с сего Гермиона.

Рон и Гарри недоумённо взглянули на неё.

– И что же Гарри с ней делать? Пол ею мести, что ли?

Гермиона раскрыла было рот, но в этот миг Косолап прыгнул с постели Шеймаса и вцепился в грудь Рону.

– УБЕРИ ЕГО ОТСЮДА! – заорал Рон.

Кот рвал когтями его пижаму, Корыстик выскользнул из кармана и взобрался на плечо. Рон ухватил его за хвост, сбросил кота и хотел было пнуть ногой, но промахнулся, угодил в чемодан у кровати Гарри, взвыл от боли и запрыгал на одной ноге.

Тут из старого носка дяди Вернона выкатился хитроскоп, закрутился на месте, засверкал и пронзительно засвистел металлическим свистом. У Косолапа шерсть встала дыбом.

– Совсем забыл про него. – Гарри нагнулся и поднял хитроскоп. – Я же никогда не ношу эти носки.

Хитроскоп вертелся и свистел на ладони, кот выгнул спину дугой и грозно шипел.

– Гермиона, лучше тебе своего кота отсюда, – отчеканил Рон, сидя на кровати и потирая ушибленную ногу. – Спрячь ты эту штуку, – попросил он Гарри, пока Гермиона уносила из спальни Косолапа, жёлтыми глазами злобно глядящего на Рона.

Гарри сунул хитроскоп в носок, а носок запихал на самое дно чемодана. В комнате воцарилась тишина, только Рон пытался от боли и злости. Корыстик съёжился у него в руках. Гарри давно его не видел, и сердце у него зашло от жалости: крысёнок похудел и осунулся, кое-где вылезла шерсть.

– Он что-то совсем зачах, – заметил Гарри.

– Это у него стресс. Он был бы в порядке, если б его этот тупой комок шерсти оставил в покое.

Гарри промолчал. Обычные крысы живут только три года, вспомнились ему слова хозяйки магического зоомагазина. Корыстик был, видно, лишён магической силы и, стало быть, жить ему осталось совсем недолго. А Рон, хоть и жалуется, что Корыстик ему надоел и толку от него чуть, всё равно любит его.

Друзья встретились в гостиной. В это Рождество им было невесело. Гермиона заперла кота в спальне и дулась на Рона за попытку пнуть Косолапа ногой. Рон всё ещё кипел: Косолап опять чуть не съел его крысу. Гарри взялся мирить их, но махнул рукой и стал

изучать свой подарок. Гермиона почему-то дулась и на метлу, ничего не говорила, но поглядывала на неё с недоверием, как будто и метла невежливо обошлась с её любимцем.

Наступило время обеда, и друзья спустились в Большой Зал. Столы Домов опять отодвинуты к стенам; посреди зала один общий стол, на котором накрыто на двенадцать человек. За столом уже сидят Дамблдор, МакГонагалл, Снейп, Спраут, Флитвик и смотритель Филч в старомодном поношенном фраке вместо обычной коричневой куртки, двое робких первоклашек и мрачного вида слизеринец-пятикурсник.

Гарри, Рон и Гермиона подошли к столу.

– Весёлого Рождества! – поздравил их Дамблдор и добавил: – Нас мало, и мы решили, что глупо сидеть за разными столами. Садитесь, мы вас ждём.

Друзья все трое уселись на дальнем конце стола...

– Хлопушки! – воскликнул Дамблдор, протягивая конец большой серебрястой хлопушки Снейпу, который неохотно взялся и потянул. С пушечным грохотом хлопушка взорвалась, из неё выпала остроконечная шляпа, на верху которой красовалось чучело грифа.

Гарри и Рон, вспомнив богарта, с улыбкой переглянулись. Снейп изобразил корявое подобие улыбки и передал шляпу Дамблдору, Дамблдор тут же нахлобучил её вместо своего колдовского колпака.

– Уплетайте! – Дамблдор с сияющей улыбкой оглядел сидящих.

Едва Гарри протянул руку к блюду с запечённым картофелем, как дверь в зал снова открылась и вплыла – по-другому не скажешь – профессор Трелони. На ней было длинное зелёное платье, расшитое блёстками, в нём она ещё больше походила на стрекозу-переростка.

– Сибилла! Какой приятный сюрприз! – воскликнул Дамблдор и привстал.

– Я глядела в магический кристалл, господин директор, – ответила Трелони мистическим, потусторонним голосом. – И к своему вящему удивлению, увидела себя: я покидаю своё одинокое убежище и спускаюсь к вам. Разве могу я бросать вызов судьбе? И я поспешила сюда. Прошу вас простить мне опоздание...

– Ну, разумеется, какой разговор?.. – У Дамблдора в глазах заплясали лукавые огоньки. – Позвольте начертать вам стул.

И директор на самом деле начертал в воздухе волшебной палочкой стул, он медленно завертелся, повисел немного и приземлился между Снейпом и МакГонагалл. Трелони, однако, не села, она обвела сидящих взглядом огромных глаз и вдруг вскрикнула:

– Я не смею, профессор! Если я сяду, нас будет тринадцать. Не забывайте: когда вместе обедают тринадцать человек, кто первый встанет, тот первый умрёт.

– Давайте, Сибилла, забудем сегодня эту примету, – нетерпеливо ответила МакГонагалл. – Садитесь скорее, индейка остынет.

Профессор Трелони немного помедлила, смежила веки, поджала губы и опустилась на стул с таким видом, как будто предвидела – стол сейчас поразит молния. Профессор МакГонагалл тотчас запустила разливную ложку в ближайшую супницу.

– Не желаете тушёные рубцы, Сибилла? – спросила она.

Трелони как не слышала. Открыла глаза и снова оглядела присутствующих.

– А где же любезный профессор Люпин?

– Ему опять нездоровится, – ответил Дамблдор и жестом пригласил всех начинать трапезу. – Бедный Люпин, надо же ему было заболеть на Рождество!

– Вы, конечно, знали об этом, Сибиλλα? – спросила МакГонагалл, подняв брови.

Трелони бросила на соседку ледяной взгляд.

– Разумеется, знала, Минерва. Но не в моих правилах выставлять напоказ всеведение. Обычно я себя веду так, словно у меня нет Третьего глаза. Зачем волновать людей?

– Это многое объясняет, – колко отозвалась профессор МакГонагалл.

– Должна сказать, Минерва, – в голосе Трелони вдруг пропала потусторонность, – профессор Люпин недолго пробудет с нами. И кажется, он сам знает, что время его на исходе. Я как-то предложила ему поглядеть в магический кристалл, так он просто сбежал...

– Его можно понять, – сухо ответила МакГонагалл.

– Едва ли профессору Люпину в ближайшее время что-то грозит, – вмешался Дамблдор приветливым, но всё же слегка повышенным голосом, что положило конец пререканиям профессоров. – Северус, вы ведь сварили ему ещё одну порцию зелья?

– Да, господин директор.

– Хорошо! Стало быть, он скоро поправится. Дерек, вы ещё не пробовали эти сардельки? Они отменные, – обратился Дамблдор к первокурснику.

Тот отчаянно покраснел и дрожащими руками приблизил к себе миску с сардельками.

До самого конца пиршества Трелони вела себя вполне сносно. Сидели за столом ещё два часа, Гарри и Рон в рождественских колпаках из хлопушек перепробовали все кушанья. Они первые встали из-за стола, и профессор Трелони громко вскрикнула:

– Мои дорогие! Кто из вас встал первый?

– Не знаю. – Рон смущённо глянул на Гарри.

– Сомневаюсь, что это имеет значение, – холодно заметила профессор МакГонагалл. – Если только за дверью не стоит сумасшедший с топором, готовый отрубить голову первому, кто выйдет в холл.

Все засмеялись. Трелони была оскорблена до глубины души.

– Идёшь? – спросил Гарри Гермиону.

– Нет, – буркнула Гермиона. – Мне надо поговорить с профессором МакГонагалл.

– Наверное, хочет нагрузить себя ещё уроками, – зевая, сказал Рон по дороге в холл.

Сумасшедшего с топором в холле не было. На портрете у входа в гостиную Гриффиндора сэр Кэдоган праздновал Рождество с парой монахов, своим толстым пони и двумя-тремя предшественниками Дамблдора. Сэр Кэдоган поднял забрало шлема и поприветствовал друзей кружкой, полной мёда.

– Весёлого Рождества!.. Ик!.. Пароль?

– «Подлый трус!»

– Вам того же, сэр! – крикнул рыцарь, и проём открылся.

Гарри поднялся в спальню за «Всполохом» и набором для ухода за метлами, который Гермиона подарила ему в день рождения. Спустившись вниз, он тщательно осмотрел метлу; нет ни одного сломанного прутика, и древко блестит так, что и полировать не надо. Гарри

отложил набор и стал с Роном просто любоваться метлой. Скоро дверной проём открылся и вошла Гермиона, а за ней – профессор МакГонагалл.

МакГонагалл была главой Гриффиндора, но в гостиную Дома заходила редко. Гарри видел её здесь только раз, она тогда пришла с очень неприятным известием. Гарри и Рон, держа в руках «Всполох», глядели на неё не без удивления. Гермиона обошла их, села за стол, взяла первую попавшуюся книгу и спрятала в неё лицо.

– Это и есть та самая метла? – спросила МакГонагалл, подозрительно глядя на «Всполох». – Мисс Грэйнджер только что сообщила мне, что вам, Поттер, подарили метлу.

Гарри и Рон обернулись к Гермионе. Из-за книги – Гермиона держала её вверх ногами – был виден только её покрасневший до корней волос лоб.

– Вы позволите? – МакГонагалл, не дожидаясь согласия, взяла метлу и тщательно оглядела. – Если я правильно поняла, ни письма, ни открытки в посылке не было.

– Да, не было, – кивнул головой Гарри.

– Боюсь, Поттер, что мне придётся забрать её у вас.

– Забрать? – Гарри вскочил с места – Почему?

– Её нужно проверить на глаза. Разумеется, я не эксперт, но осмелюсь предположить, что мадам Хуч и профессор Флитвик её разберут...

– Разберут? – повторил Рон таким тоном, как будто заподозрил, что профессор МакГонагалл сошла с ума.

– Это займёт всего несколько недель. Как только убедимся, что метла чиста от сглазов, мы вам сразу её вернём.

– Метла в порядке, профессор... – Голос Гарри чуть заметно дрожал. – Честно...

– Откуда вам знать, Поттер? – мягко возразила МакГонагалл. – Вы ведь на ней ещё не летали, и пока мы не убедимся, что метла не заколдована, боюсь, летать на ней вам не придётся. Я буду вам сообщать, как продвигается дело.

Профессор МакГонагалл развернулась на каблуках и вышла из гостиной. Гарри глядел ей вслед, сжимая в руке жестянку с полиролью. Рон повернулся к Гермионе.

– Кто тебя просил говорить МакГонагалл про новую метлу Гарри?!

Гермиона отбросила книгу. Краска ещё не сошла с её лица, но она встала и смело поглядела в глаза Рона.

– Потому что я подумала, и профессор МакГонагалл со мной согласилась, что метлу Гарри мог прислать Сириус Блэк!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ПАТРОНУС

Конечно, Гермиона хотела как лучше, но Гарри всё равно злился. Каких-то несколько часов он держал в руках самую лучшую в мире метлу, а теперь даже не знал, увидит ли ещё когда-нибудь свой «Всполох». И всё из-за Гермионы. Гарри был уверен, что сейчас метла в полном порядке. Но что с ней станет после проверок на сглаз?

Рон же был просто в ярости. Разобрать на части совершенно новый «Всполох»! Да это настоящее преступление! А Гермиона не сомневалась, что поступила правильно, и перестала бывать в общей гостиной. Наверное, сидит в библиотеке, решили Рон с Гарри, но не пошли мириться. К счастью, каникулы кончились, и вскоре после Нового года башня Гриффиндора снова наполнилась людьми и шумом.

Вечером перед началом нового семестра к Гарри подошёл Вуд.

– Как прошло Рождество? – поинтересовался он и, не дожидаясь ответа, тихо продолжил: – Я тут на каникулах кое о чём размышлял... Ну, о том, что случилось во время последнего матча. Дементоры ведь могут снова явиться на матч... Я хочу сказать... Мы не можем позволить тебе...

Вуд смутился и замолчал.

– Я над этим работаю, – быстро произнёс Гарри. – Профессор Люпин сказал, что научит меня противостоять дементорам, после Рождества у него будет время. Начнём заниматься на этой неделе.

– Прекрасно! – просиял Вуд – Тогда другое дело... Я не хочу терять такого искателя, как ты, Гарри. А ты заказал новую метлу?

– Нет, – качнул головой Гарри.

– Нет?! – недоумённо переспросил капитан. – Пора бы уже заказать! В матче против Рэйвенкло на «Метеоре» и делать нечего!

– Ему подарили на Рождество «Всполох», – сообщил сидящий рядом Рон.

– «Всполох»? – Вуд изменился в лице. – Да нет! Ты серьёзно? Наст... Настоящий «Всполох»?

– Не радуйся, Оливер, – мрачно произнёс Гарри. – У меня его больше нет, – и он объяснил, что «Всполох» сейчас проверяют на сглаз.

– Сглаз? – с недоверием переспросил Вуд. – Но кто мог наложить на него сглаз?

– Сириус Блэк, – вздохнул Гарри. – Говорят, он охотится за мной. И МакГонаггал решила, что это он мог прислать метлу.

Вуда, кажется, не очень взволновало известие, что за его искателем охотится знаменитый убийца.

– Но Блэк не смог бы купить «Всполох»! – выпалил он. – Он в бегах! Вся страна его ищет! Он что, просто так зашёл в «Качественные товары для квиддича» и купил метлу?

– Знаю, – махнул рукой Гарри. – Но МакГонаггал хочет всю её разобрать...

Вуд побледнел.

– Я пойду и поговорю с ней, Гарри, – пообещал он. – Попробую её образумить... «Всполох»... настоящий «Всполох» в нашей команде... Она ведь не меньше меня хочет, чтобы мы победили... Она должна понять... «Всполох»...

* * *

На следующий день начались занятия, и самым первым был урок Хагрида. Гарри и его однокурсникам совсем не хотелось дрожать под открытым небом два часа в холодное январское утро. Но урок оказался на удивление весёлым. Хагрид-таки придумал, чем развлечь класс, принёс целую кучу саламандр и разжёл костёр. Ребята весь урок подбрасывали в пламя сухие ветки и листья, а огнелюбивые ящерицы, извиваясь, сновали среди раскалившихся добела поленьев.

Зато урок прорицания был куда менее весёлым.

Профессор Трелони учила гадать по руке. Взглянув на ладонь Гарри, она без обиняков сообщила ему, что такой короткой линии жизни она отродясь не видела.

А вот защиты от Тёмных искусств Гарри ждал с нетерпением, особенно после разговора с Вудом. Ему хотелось как можно быстрее приступить к дополнительным занятиям с Люпином.

– Ах да, – кивнул профессор, когда в конце урока Гарри напомнил ему о его обещании. – Дай подумать... Как насчёт четверга в восемь часов вечера? Кабинет истории магии должен быть достаточно просторным... Надо хорошенько обмозговать, как будем практиковаться... ведь настоящего дементора в замок не приведёшь...

– А вид у него всё такой же нездоровый, – сказал Рон пока они шли вниз по коридору, направляясь на обед. – Как ты думаешь, что с ним такое?

За спинами у них раздалось громкое насмешливое хмыканье. Друзья обернулись. У ног рыцаря в латах сидела Гермиона и пыталась втиснуть в сумку учебники, которых было так много, что сумка не закрывалась.

– Что это ты хмыкаешь? – обиделся Рон.

– Ничего я не хмыкаю, – с важным видом ответила Гермиона, закидывая сумку на плечо.

– Я слышал, – настаивал Рон. – Мне интересно, что происходит с Люпином, а ты тут хмыкаешь...

– А разве это не *очевидно*? – На лице Гермионы было написано такое превосходство, что Рон буквально взбесился.

– Не хочешь говорить, не надо!

– Ну и прекрасно! – И Гермиона, пройдя мимо них, с надменным видом удалилась по коридору.

– Ничего она не знает, – сказал Рон, возмущённо посмотрев вслед Гермионе. – Просто пытается заставить нас снова заговорить с ней.

* * *

В четверг ровно в восемь вечера Гарри вышел из башни Гриффиндора и направился в кабинет истории магии. Там было темно и пусто, он достал палочку и зажёл лампы. Через пять минут в кабинет вошёл профессор Люпин и водрузил на стол профессора Бинса большой ящик.

– Что это? – спросил Гарри.

– Ещё один богарт, – пояснил Люпин, снимая мантию. – Я со вторника прочёсывал замок, и мне повезло: в шкафу у мистера Филча нашёл вот этого. Лучшая замена дементора. Превратится в него, как только тебя увидит, так что мы сможем на нём практиковаться. А в перерывах между занятиями богарт будет жить в моём кабинете; у меня там есть один шкаф, который придётся ему по вкусу.

– Хорошо, – кивнул Гарри и, пытаясь скрыть волнение, изобразил, что очень обрадовался найденной замене.

– Итак... – Профессор Люпин вытащил свою волшебную палочку, жестом показав Гарри, чтобы он сделал то же самое. – Заклинание, которому я собираюсь тебя научить, Гарри, – это магия высшей категории, далеко за рамками Ступеней Обычного Волшебства. Оно называется чары Патронуса.

– А как оно действует? – занервничал Гарри.

– Если всё сделать правильно, оно вызовет Патронуса, – пояснил Люпин. – Патронус – что-то вроде антидементора – защитник, служащий щитом между тобой и дементором.

Гарри вдруг ясно представил себе, как он съёжился за фигурой размером с Хагрида, сжимающей в руке огромную дубину.

– Патронус – это вид положительной силы, защищающий то, что дементоры пожирают – надежду, счастье, стремление выжить. В отличие от человека, Патронус не знает отчаяния, и поэтому дементор не в состоянии причинить ему вреда, – продолжил профессор Люпин. – Однако я должен предупредить, что чары могут оказаться для тебя слишком сложными. Они бывают не по силам даже опытным колдунам.

– А на что похож Патронус? – любопытствовал Гарри.

– У каждого колдуна получается свой неповторимый Патронус, – ответил Люпин.

– А как вы его вызываете?

– Заклятием, которое сработает, если сосредоточиться на одном-единственном, самом счастливом воспоминании, – объяснил профессор.

Гарри, погрузившись в себя, начал искать в памяти счастливое воспоминание. Разумеется, семейство Дёрзли не подарило ему ни одной счастливой минуты. А что было самое приятное в Хогвартсе? Ну, конечно, первый полёт на метле!

– Есть, – произнёс он, стараясь как можно острее пережить заново то фантастическое, парящее чувство.

– А теперь слова... – Люпин прокашлялся. – *Expecto patronum!*

– *Expecto patronum*, – чуть не задыхаясь, проговорил Гарри. – *Expecto patronum*.

– Ты хорошо сосредоточился на счастливом воспоминании? – спросил Люпин.

– Да-да... – Гарри как можно быстрее вернулся мыслями к первому полёту на метле. – *Expecto patrono...* нет, *patronum...* извините... *Expecto patronum, Expecto patronum*.

Внезапно из волшебной палочки вырвалось что-то похожее на струю серебристого газа.

– Вы видели? – обрадовался Гарри. – Что-то произошло!

– Очень хорошо, – улыбнулся Люпин. – Ну что ж, ты готов опробовать заклинание на дементоре?

– Да, – ответил Гарри, стиснув в руке волшебную палочку.

Он вышел на середину кабинета и попытался сосредоточиться на полёте, но что-то мешало ему... В любой миг он может снова услышать мамин голос... Нельзя об этом думать, иначе он услышит её, а он не хочет этого... Или всё же хочет?

Люпин взялся за крышку ящика и рывком поднял её.

Из ящика медленно поднялся дементор, его закрытое капюшоном лицо повернулось к Гарри, блестящая в струпьях рука тянулась к нему из-под плаща. Лампы замигали и погасли. Дементор, хрипло дыша, медленно двинулся к нему; на Гарри накатилась волна ледяного холода...

– *Expecto patronum!* – завопил он. – *Expecto patronum! Expecto...*

Но и кабинет, и дементор уже растворялись в знакомом густом белом тумане. В голове эхом отдавались крики матери, и звучали они куда громче, чем раньше.

«Только не Гарри! Только не Гарри! Пожалуйста... я всё сделаю!»

«Отойди... Отойди, девочка...»

– Гарри! – позвал откуда-то голос.

Гарри вернулся в реальность. Он лежал на полу ничком. В комнате горел свет. И ему даже не надо было спрашивать о том, что случилось.

– Извините, – прошептал он, садясь. Пот, обильно выступивший на лбу, застилал глаза.

– Как ты себя чувствуешь? – встревожено спросил Люпин.

– Ничего... – ответил Гарри. Ухватившись за ближайший стол, кое-как встал на ноги и прислонился к нему.

– Съешь. – Люпин протянул ему шоколадную лягушку. – Надо съесть перед следующей попыткой. Я знал, что с первого раза не получится. Более того, я был бы крайне удивлён, если бы получилось.

– Становится хуже, – пробормотал Гарри, откусывая у «лягушки» голову. – В этот раз я слышал её громче. И ещё голос Волдеморта...

Лицо Люпина заметно побледнело.

– Гарри, если ты не хочешь продолжать...

– Хочу! – отчаянно крикнул Гарри, отправляя в рот остатки лягушки. – Я должен! Вдруг дементоры явятся на следующий матч с Рэйвенкло? Нельзя, чтобы я снова упал с метлы. Проиграем мы этот матч, не видать нам Кубка по квиддичу!

– Ладно... – понимающе произнёс Люпин. – Тогда тебе, наверное, лучше выбрать другое счастливое воспоминание... Похоже, что первое оказалось недостаточно сильным...

Гарри задумался и решил, что, наверное, самое счастливое воспоминание о том, как в конце прошлого года он и Рон получили по двести очков и благодаря чему Гриффиндор занял первое место в соревновании между Домами. Он снова стиснул палочку и вернулся на середину кабинета.

– Готов? – спросил Люпин, опуская руки на крышку ящика.

– Готов, – ответил Гарри, изо всех сил пытаясь заполнить голову счастливыми воспоминаниями о победе Гриффиндора, а не мрачными мыслями о том, что случится, когда ящик откроется.

– Начали! – выкрикнул Люпин, откидывая крышку.

В комнате снова воцарились темнота и ледяной холод. Дементор скользил к Гарри, хрипло дыша и протягивая к нему свою гниющую руку...

– *Expecto patronum!* – закричал Гарри. – *Expecto patronum! Expecto pat...*

Перед глазами вновь появился густой белый туман... вокруг него двигались большие размытые тени... а затем появился новый голос, голос мужчины, в котором отчётливо слышалась паника.

«Алили, хватай Гарри и беги! Это он! Беги! Быстрее! Я задержу его...»

Гарри слышал, как кто-то выбегает из комнаты, как громко распахивается дверь, как раздаётся высокий визгливый хохот...

– Гарри! Гарри! Очнись...

Гарри открыл глаза и понял, что Люпин с силой бьёт его по щекам. На этот раз ему понадобилась целая минута, чтобы сообразить, почему он лежит на пыльном полу.

– Я слышал голос папы, – пробормотал Гарри. – Я в первый раз его услышал... Он пытался задержать Волдеморта, он хотел выиграть время... дать маме возможность скрыться...

Гарри внезапно осознал, что по его лицу течёт не только пот, но и слёзы. Он тут же наклонился и сделал вид, что завязывает шнурки, а сам старался как можно незаметнее утереть слёзы рукавом.

– Ты слышал Джеймса? – странным голосом спросил Люпин.

– Да... – Гарри, утерев лицо, поднял голову. – А почему... разве вы знали моего папу?

– Я... Да, я его знал, – ответил Люпин. – Мы были друзьями, когда учились в Хогвартсе. Послушай, Гарри, наверное, на сегодня хватит. Чары крайне сложны... Напрасно я предложил тебе...

– Нет! – воскликнул Гарри, вставая на ноги. – Я попробую ещё раз! Наверное, я думаю о не слишком счастливых вещах, всё дело именно в этом... Подождите...

Он снова погрузился в мысли. Ему нужно было по-настоящему счастливое воспоминание... Такое, которое могло бы превратиться в сильного Патронуса...

Гарри вдруг замер, а потом поднял голову и поглядел на Люпина. Он нашёл то, что искал, – день, когда он узнал, что он колдун и что он уедет от Дёрзли в Хогвартс! Если это нельзя было назвать счастливым воспоминанием, тогда в его жизни вообще не было счастливых минут... Гарри, собрав все силы, сосредоточился на тех своих чувствах, когда он понял, что покинет дом на Бирючинном проезде, и снова вышел на середину кабинета.

– Готов? – спросил Люпин. Судя по его виду, он уже жалел о том, что разрешил Гарри сделать ещё одну попытку. – Сосредоточился? Ну что ж, начали!

Он в третий раз поднял крышку, и из ящика поднялся дементор – комната наполнилась темнотой и холодом, и...

– *EXPECTO PATRONUM!* – завопил Гарри. – *EXPECTO PATRONUM! EXPECTO PATRONUM!*

В его голове снова раздались крики, только сейчас они звучали так, словно доносились из плохо настроенного приёмника. Они становились то тише, то громче, то снова тише, но Гарри по-прежнему отчётливо видел перед собой дементора. Фигура в капюшоне замерла... и вдруг из палочки Гарри вырвалась огромная серебристая тень и зависла между ним и дементором... У Гарри дрожали ноги, но он ещё держался на них, хотя и не знал, как долго ему удастся простоять...

– *Riddikulus!* – воскликнул Люпин, выпрыгивая вперёд.

Раздался громкий треск, и Патронус и дементор исчезли. Ноги у Гарри подкосились, и он рухнул на ближайший стул. Он чувствовал себя так, словно только что пробежал милю⁸. Скосив глаза, он наблюдал, как профессор Люпин наставил свою палочку на боггарта, как тот (как всегда при виде Люпина) превратился в серебристый шар и как профессор загнал боггарта обратно в ящик.

– Великолепно! – произнёс Люпин, подходя к Гарри. – Просто великолепно, Гарри! Вот это начало!

– Может, попробуем ещё? – переведя дыхание, спросил Гарри. – Всего один раз?

– Нет, – твёрдо ответил Люпин. – На этот вечер с тебя хватит. Вот, держи...

Люпин протянул Гарри большую плитку самого лучшего шоколада.

– Съешь его весь, иначе мадам Помффри пожелает моей крови, – улыбнулся он. – Ну что, встречаемся через неделю в это же время?

– Хорошо, – кивнул Гарри и развернул плитку. Он ел шоколад и наблюдал, как Люпин гасит лампы, которые после исчезновения дементора снова вспыхнули. И вдруг ему в голову пришла мысль, которую он просто не мог удержать в себе.

– Профессор Люпин, – позвал он. – Если вы знали моего отца, вы должны были знать и Сириуса Блэка.

Люпин тут же обернулся.

– Почему ты так думаешь? – резко спросил он.

– Ничего... То есть, я знаю, что они дружили, когда учились в школе...

Выражение лица Люпина смягчилось.

– Да, я его знал, – коротко ответил он. – Точнее, думал, что знаю. Тебе лучше вернуться в свою спальню, Гарри. Уже поздно.

Гарри вышел из кабинета, прошёл по коридору и свернул за угол. А потом подошёл к стоявшему на постаменте рыцарю и присел на постамент, чтобы доест шоколадку. Несмотря на то, что от плитки осталось уже совсем немного, он чувствовал себя утомлённым и абсолютно опустошённым. И ещё он жалел о том, что упомянул Блэка, потому что было яснее ясного – профессору Люпину эта тема не понравилась.

Но уже через минуту мысли Гарри переключились на его родителей. С одной стороны, слышать их предсмертные крики было ужасно, но с другой стороны, это были голоса его родителей, которых он никогда не слышал. Точнее, слышал, но не помнил этого, потому что

⁸ 1 миля = 1609 метров

тогда он был грудным ребёнком. Но он знал: если в нём будет жить пусть даже небольшое желание услышать их снова, ему никогда не удастся победить дементоров...

– Они умерли, – твёрдо произнёс он, обращаясь к самому себе. – Они умерли, и даже если ты будешь слушать их голоса, это не вернёт их к жизни. Возьми себя в руки, если всё же хочешь выиграть Кубок по квиддичу.

Гарри встал, запихнул в рот последний кусок шоколадки и двинулся в сторону башни Гриффиндора.

* * *

Через неделю после начала семестра состоялся первый матч. Слизерин встречался с Рэйвенкло и выиграл с небольшим перевесом. По мнению Вуда, этот результат вполне устраивал гриффиндорцев. Теперь, победили они рэйвенкловцев, второе место им обеспечено. Вуд довёл количество тренировок до пяти в неделю. Для Гарри это значило, что на домашние задания у него остаётся всего один вечер, ведь по четвергам Люпин учил его вызывать Патронуса, и это было куда труднее тренировок. Но всё равно он не уставал так, как Гермiona. Она столько всего на себя нагроулила, что, похоже, нервы её стали сдавать. Каждый вечер она сидела в углу общей гостиной, разложив на нескольких столах учебники, карты с колонками цифр, рунические справочники, схемы, иллюстрирующие способность маглов поднимать тяжести, кипы исписанных пергаментных свитков. Она ни с кем не разговаривала и довольно грубо пресекала все попытки оторвать её от работы.

– Как она всё это совмещает? – однажды вечером спросил Рон Гарри, который корпел над малопривлекательным сочинением для профессора Снейпа о невыявляемых ядах.

Гарри оторвался от своего пергамента. Гермionу почти не было видно за горой наваленных друг на друга книг.

– Что совмещает?

– Побывать на всех уроках! – сказал Рон. – Я сам слышал, как она сегодня утром обсуждала с профессором Вектор, ну, с той, которая преподаёт арифмантику, вчерашний урок. Но Гермiona не могла на нём быть, она ведь была с нами на уходе за магическими существами! А Эрни Макмилан сказал, что она никогда не пропускает и изучение маглов, хотя половина этих уроков совпадает с прорицанием. Но и прорицание она посещает без пропусков!

У Гарри сейчас не было времени поразмыслить над загадкой расписания уроков Гермiony – он маялся над сочинением для Снейпа. А минуту спустя его опять прервали, на этот раз Вуд.

– Плохие новости, Гарри. Я только что говорил с профессором МакГонагалл о твоём «Всполохе». Она очень на меня рассердилась. Сказала, что у меня перевернута вверх ногами система ценностей. Она думает, что меня больше волнует Кубок, чем твоё здоровье. А я всего-то и сказал: «Подумаешь, сбросит! Главное – схватить снитч». – Вуд удивлённо покачал головой. – Ты не представляешь, как она на меня накинулась. Как будто я сказал что-то ужасное. Я спросил, сколько ещё они будут этот «Всполох» изучать... – Вуд сдвинул брови и продолжал, передразнивая суровый голос профессора: – «Столько, сколько потребуется». Вот

и весь ответ... По-моему, Гарри, пора тебе заказывать метлу. На последней странице «Ведь метлы» есть купон заказа. Хорошо бы ты заказал «Нимбус-2001», как у Малфоя.

– Я не буду покупать ничего, что Малфой считает хорошим, – категорически заявил Гарри.

* * *

Январь незаметно сменился февралём, а холода всё ещё держались. Матч с Рэйвенкло приближался, давно пора было заказать метлу, но Гарри всё надеялся, что получит обратно свой бесценный «Всполох». После каждого урока трансфигурации он спрашивал профессора МакГонагалл, готова ли метла. Рон, волнуясь, стоял рядом, а Гермиона обычно всегда в это время проходила мимо, не глядя на друзей.

– Нет, Поттер, пока что её вернуть вы не можете, – сказала МакГонагалл после двенадцатого его подхода, когда Гарри ещё и рта не успел открыть. – Мы исследовали метлу на обычные проклятия, всё в порядке, но профессор Флитвик хочет испытать её ещё на сбрасывающую порчу. Я сразу вам *сообщи*, как только закончим. Так что, пожалуйста, перестаньте меня донимать.

Но хуже всего было то, что занятия с Люпином проходили не так успешно, как Гарри хотелось. В конце концов, он научился при появлении дементора вызывать неотчётливую серебристую фигуру, но этот его Патронус всё же был слабоват и не мог дементора прогнать. Он только маячил впереди полупрозрачным облаком, питаясь энергией Гарри и истощая его. Гарри злился только на себя: он никак не мог подавить в душе тайное желание ещё раз услышать голос родителей.

– Ты слишком требователен к себе, – наставительно заметил Люпин на четвёртом занятии. – Для тринадцатилетнего колдуна даже призрачный Патронус – поразительное достижение. Ты ведь больше не теряешь сознания!

– Я думал, Патронус может уложить дементора на лопатки или совсем прогнать. – Гарри явно упал духом.

– Более мощные Патронусы всё это умеют, – подбодрил его Люпин. – Но ты действительно многого достиг за такой короткий срок. Если дементоры явятся на следующий матч, ты сумеешь сдержать их и благополучно приземлиться.

– Но вы сказали, когда их много, с ними труднее справиться.

– Я совершенно в тебе уверен, – улыбнулся Люпин. – Отведай-ка этого питья, ты его заслужил. Это из «Трёх метел». Ты ещё не скоро сам сможешь его купить...

С этими словами Люпин вынул из портфеля две бутылочки.

– Сливочное пиво! – не подумав, брякнул Гарри. – Я очень его люблю.

У Люпина удивлённо поползли вверх брови.

– Рон с Гермионой приносили мне из Хогсмита, – не моргнув глазом, соврал Гарри.

– А-а, – протянул Люпин. Но во взгляде у него ещё какое-то время оставалось подозрение. – Что ж, давай выпьем за победу Гриффиндора над Рэйвенкло! Но, конечно, мне, как учителю, не положено отдавать предпочтение какому-то Дому, – прибавил он поспешно.

Пили пиво молча, но у Гарри на языке вертелся один вопрос.

– А что у дементора под капюшоном? – наконец не выдержал он.

Профессор Люпин, оторвавшись от бутылочки, нахмурился.

– Видишь ли, те немногие, кто это знает, не в состоянии поведать об этом. Дело в том, что дементоры откидывают капюшон только для того, чтобы применить своё последнее и самое страшное оружие...

– Какое оружие?

– Его называют Поцелуй дементора, – сказал Люпин, тяжело усмехнувшись. – Дементоры его применяют к тем, кого хотят совершенно уничтожить. Думаю, что под капюшоном у них что-то вроде рта, они прижимают челюсти ко рту жертв и высасывают из них душу.

Гарри поперхнулся.

– Что? Это они так убивают?

– Нет, гораздо хуже. Тебе известно, что без души человек может жить, пока у него работают мозг и сердце. Но он ничего больше не чувствует, ничего не помнит.... И поправить это нельзя. Человек просто существует. Пустой, как выведенное яйцо. Душа навсегда покинула тело. Навсегда. – Люпин сделал ещё несколько глотков. – Такая судьба ожидает и Сириуса Блэка. Об этом сегодня написано в утреннем выпуске «Ежедневного пророка». Министерство дало разрешение применить Поцелуй, если они его найдут.

Гарри какой-то миг оторопело думал о людях, у которых через рот высосали душу. И тут же мысли перекинулись на Блэка.

– Он это заслужил, – тихо проговорил он.

– Ты так полагаешь? – деликатно спросил Люпин. – Ты и в самом деле думаешь, что существуют люди, которые заслуживают такого наказания?

– Да! – с отчаянной решимостью воскликнул Гарри. – За... за некоторые поступки...

Как ему хотелось рассказать о разговоре про Блэка, который он подслушал в «Трёх мётлах». О том, что Блэк предал его отца и мать. Но тогда придётся поведать, что он без разрешения побывал в Хогсмиде, а это вряд ли понравится Люпину. Поэтому он благоразумно промолчал, допил сливочное пиво, поблагодарил Люпина и покинул кабинет истории магии.

Гарри ругал себя за то, что задал этот вопрос о капюшонах. Ответ был такой ужасный, что он не шёл у него из головы. Гарри представлял себе, как дементоры высасывают из человека душу и что он при этом испытывает. Воображение его так разыгралось, что Гарри, не видя ничего вокруг, столкнулся со спускавшейся вниз МакГонагалл.

– Надо, Поттер, смотреть, куда идёте! – попеняла ему профессор.

– Простите, профессор...

– А я искала вас в гостиной. Вот, возьмите: мы проверили вашу метлу на всё, что только можно представить, и, похоже, что всё в порядке. У вас, Поттер, есть где-то очень хороший друг...

Гарри не поверил глазам: профессор МакГонагалл протягивала ему целёхонький «Всполох» и тепло улыбалась.

– Я... я могу взять её? – У него даже сел голос. – Правда?

– Правда, – улыбнувшись, сказала профессор МакГонагалл. – Хорошо бы успеть её прочувствовать до субботнего матча. И, Поттер – *дерзайте* и победите, хорошо? Иначе мы восьмой год не будем чемпионами, как мне любезно напомнил профессор Снейп вчера вечером...

Онемев от радости, Гарри взял «Всполох» и понёс его в гриффиндорскую башню. Завернув за угол, он увидел бегущего навстречу Рона, который улыбался во всё лицо.

– Она отдала её тебе? Отлично! Слушай, я завтра полетаю на ней немножко?

– Да... когда захочешь... – Наконец-то у него отлегло от сердца, весь последний месяц он места себе не находил. – Знаешь что, Рон, давай помиримся с Гермионой. Ведь она хотела как лучше....

– Да, конечно. Она в гостиной – занимается, для разнообразия.

Друзья свернули в коридор, ведущий в их гостиную, и увидели Невилла Лонгботтома. Он умолял сэра Кэдогана пропустить его, но тот со всей твёрдостью ему отказывал.

– Я записал их на бумажку. – Невилл чуть не плакал. – И где-то её выронил!

– Свежо предание! – громыхал сэр Кэдоган. Увидев же Рона и Гарри, милостиво им улыбнулся: – Приветствую вас, мои юные йомены! Поспешите заковать в железо этого бездельника. Он пытается силой ворваться в палаты!

– Да помолчите, – сказал Рон рыцарю, поравнявшись с Невиллом.

– Я потерял бумажку с паролями, – проговорил несчастный Невилл. – Выпросил у него все пароли на эту неделю. Он ведь их то и дело меняет. И теперь не знаю, куда они делись.

– «Неравнородство», – сказал сэру Кэдогану Гарри, и тот разочарованно, с большой неохотой подвинулся в сторону и пропустил в гостиную всю компанию.

Головы присутствующих тотчас обратились к ним, гостиную наполнил взволнованный шёпот, все окружили Гарри, восхищённо глядя на «Всполох» и наперебой восклицая:

– Где ты её взял, Гарри?

– Дашь мне полетать?

– Ты уже пробовал летать на ней?

– Теперь рэйвенкловцы проиграют! Они все летают на «Чистомётах-7»!

– Гарри, можно просто *поддержать* её?

Минут десять «Всполох» переходил из рук в руки, его вертели так и этак. Наконец все более или менее утомонились и разошлись по своим местам. Гермиона единственная не подошла к ним. Она сидела, склонившись над работой, стараясь не глядеть в их сторону. Гарри с Роном остановились у её стола, и она оторвалась от книг.

– Мне вернули её. – Гарри улыбнулся и протянул ей метлу.

– Видишь, с ней всё в порядке! – сказал Рон.

– А *могло* быть и не в порядке! Во всяком случае, вы теперь уверены, что нет никакой опасности.

– Да, конечно, – кивнул Гарри. – Пойду отнесу её в спальню.

– Я отнесу! – вызвался с энтузиазмом Рон. – Мне всё равно надо пойти дать лекарство Користику.

Он взял «Всполох» и, держа его, как будто он сделан из хрусталя, поспешил наверх в спальню мальчиков.

– Можно, я здесь сяду, рядом с тобой?

– Разумеется, – сказала Гермиона и убрала со стула целую гору пергаментных свитков.

Гарри оглядел заваленный книгами и сочинениями стол. Чего только на нём не было! Длиннущее эссе по арифмантике, на котором ещё не просохли чернила; ещё более длинное сочинение по изучению магглов на тему «Почему магглам нужно электричество»; перевод рун, над которым Гермиона сейчас трудилась.

– Как ты всё это успеваешь? – спросил Гарри.

– Ну, знаешь... много занимаюсь, – ответила Гермиона.

Теперь, когда Гарри смотрел на неё вблизи, было заметно, что выглядит она почти также измождённо, как и профессор Люпин.

– А ты не могла бы всё-таки уменьшить количество предметов? – сказал Гарри, видя, как Гермиона перекладывает тяжёлые тома, ища словарь для перевода рун.

– Не могу! – ответила Гермиона, возмущённо взглянув на него.

– По-моему, нет ничего страшнее арифмантики. – Гарри взял карту со столбцами цифр, вид у которых был и правда устрашающий.

– Нет, она прекрасная! – с чувством сказала Гермиона. – Это мой любимый предмет. Это...

Но Гарри так и не узнал, что такого особенного было в арифмантике. В этот самый миг на лестнице из спальни мальчиков раздался душераздирающий вопль. Гостиная в ужасе притихла, взгляды всех устремились наверх. Тут же послышался быстрый топот шагов, становившийся всё громче. И в гостиную ворвался Рон, в руках которого белела скомканная простыня.

– ГЛЯДИ! – завопил он, подбегая к столу Гермионы. – ГЛЯДИ! – тряс он простыню перед её глазами.

– Рон, что случилось...

– КОРЫСТИК! СМОТРИ! КОРЫСТИК!

Гермиона, ничего не понимая, отпрянула от Рона. Гарри взглянул на одну из простыней, она была испачкана чем-то красным, очень походившим на... кровь. Гарри всего передёрнуло.

– Это кровь! – кричал Рон в притихшей гостиной. – Корыстик исчез! А знаете, что было на полу?

– Н-нет, – дрожащим голосом ответила Гермиона.

Рон бросил что-то на перевод рун. Гарри и Гермиона нагнулись над ним. Поверх странных имён и названий лежало несколько длинных рыжих кошачьих волосков.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ГРИФФИНДОР ПРОТИВ РЭЙВЕНКЛО

На этом, казалось, дружба Рона и Гермионы кончилась навсегда. Они так рассердились друг на друга, что Гарри и не надеялся их помирить.

Рона особенно возмущало, что Гермиона никогда не принимала попытки Косолапа сожрать Корыстика всерьёз. Даже сейчас она отстаивала невиновность Косолапа и посоветовала Рону хорошенько поискать крысу под кроватями в спальне. Гермиона категорически утверждала: у Рона нет никаких доказательств, что Косолап съел крысу, рыжие волосы могли остаться там ещё с рождественских каникул. Рон вообще был настроен против кота – не мог забыть, как тот прыгнул ему на голову в зоомагазине.

Честно говоря, Гарри не сомневался, что Косолап-таки сожрал крысу, всё говорило против него. Он попытался втолковать это Гермионе. Гермиона очень обиделась:

– Я так и знала, Гарри, что ты возьмёшь его сторону. Сначала «Всполох», теперь Корыстик. Во всём виновата одна я! Оставь меня, Гарри! У меня куча дел!

Рон тяжело переживал пропажу Корыстика.

– Хватит тебе, Рон, ты же всегда говорил, что он ужасно скучный, – ободрял его Фред. – Подлинял с годами и ни на что не был годен. Наверное, для него даже лучше было загнуться быстро. Один укус – он даже ничего и не почувствовал.

– *Фред!* – возмутилась Джинни.

– Рон, ты сам говорил, что он только ест и спит, – поддержал близнеца Джордж.

– Однажды он Гойла укусил. Помнишь, Гарри? – со слезами на глазах произнёс Рон.

– Да, было такое, – подтвердил Гарри.

– Звёздный час Корыстика. – Фреду едва удавалось сохранить серьёзную мину. – Пусть укушенный палец Гойла будет вечным памятником благородному Корыстику. Ну хватит, Рон! Будешь в Хогсмиде – купи себе новую крысу. Было б из-за чего рёв устраивать!

Гарри прибегнул к последнему средству и позвал Рона с собой на тренировку – матч с Рэйвенкло предстоял уже завтра – и пообещал после тренировки дать полетать на «Всполохе». Кажется, это подействовало, Рон перестал сокрушаться («Конечно, идём! Потренируюсь на ней забрасывать мячи в кольца!»), и друзья отправились на стадион.

Мадам Хуч всё ещё опекала Гарри во время тренировок и, как все, пришла в восторг от «Всполоха». Взяла его в руки и стала разглядывать как профессионал.

– Только гляньте на этот противовес! Если у «Нимбусов» есть какие-то недостатки, так только лёгкий крен хвоста. После нескольких лет их начинает немного заносить в сторону. И рукоять они усовершенствовали, она чуть тоньше, чем у «Чистомётов». Напоминает старые «Серебряные стрелы», жаль, что их перестали делать. Я училась на «Стреле», просто замечательная была метла...

Казалось, мадам Хуч не остановится, и Вуду пришлось её прервать.

– Простите, мадам Хуч, можно Гарри возьмёт свой «Всполох»? Нам надо ещё немного потренироваться...

– Да, да, конечно, – протянула она Гарри метлу. – Пойду посижу наверху...

И они с Роном покинули поле, а команда собралась вокруг Вуда послушать его последние наставления перед завтрашним матчем.

– Я, Гарри, только что узнал, кто будет у наших противников искателем. Чоу Чанг с четвертого курса. Она сильный игрок... Я надеялся, что она ещё не сможет играть, – у неё была серьёзная травма... – Излив негодование, вызванное несвоевременным выздоровлением Чоу, Вуд прибавил: – Но, с другой стороны, она летает на «Метеоре-260», который по сравнению со «Всполохом» просто нелепость. – Он бросил восхищённый взгляд на метлу Гарри и скомандовал начать тренировку.

Наконец-то Гарри оседлал «Всполох» и оторвался от земли. Полёт превзошёл все ожидания. Метла слушалась малейшего движения, казалось, она подчиняется не руке, а непосредственно мысли. Летал «Всполох» с такой скоростью, что стадион превратился в сплошное серо-зелёное пятно. Гарри резко послал его в пики, так что Алисия Спиннет даже вскрикнула, выполнил идеальный вираж, коснувшись травы, и опять взмыл, высота вот уже тридцать, сорок, пятьдесят футов...

– Гарри, внимание, – раздался голос Вуда. – Выпускаю снитч!

Гарри повернул и погнался за одним из бладжеров, легко обогнал его, заметил за спиной Вуда снитч, ещё несколько секунд – и ладонь Гарри крепко его сжала.

Команда восторженно загаладела. Гарри выпустил мячик, дал ему фору одну минуту, затем ринулся следом, виляя между игроками, заметил его у колена Кэти Белл, догнал, легко развернулся и опять снитч у него в руке.

Такой успешной тренировки ещё никогда не было. Команда, вдохновлённая присутствием искателя верхом на «Всполохе», безупречно проделала все самые трудные движения. И когда наконец приземлились на поле, Вуд не сделал игрокам ни одного замечания, что, как заметил Джордж, было впервые.

– Завтра нам ничто не должно помешать, – сказал Вуд. – Если только... Гарри, проблема с дементорами решена?

– Всё в порядке, – ответил Гарри, а про себя подумал: не мешало бы его Патронусу быть помощнее.

– Дементоры больше не появятся, Оливер, – уверенно бросил Фред. – Дамблдор этого не допустит.

– Надеюсь, – согласился Вуд. – На сегодня всё. Отличная работа, ребята. Немедленно возвращаемся в замок. Завтра рано вставать...

– Мы немного задержимся, – сказал Гарри. – Рон хочет полетать на «Всполохе».

Все поспешили в раздевалку, а Гарри пошёл навстречу Рону, перепрыгнувшему барьер, который отделял трибуны от поля. Мадам Хуч тем временем досматривала на скамейке третий сон.

– Держи, – протянул Гарри метлу другу.

Рон, сияя от счастья, вскочил на «Всполох» и воспарил в густеющую тьму, а Гарри пошёл по краю поля, наблюдая за полётом Рона. Когда мадам Хуч, вздрогнув, проснулась,

было уже совсем темно. Побранив друзей за то, что они не разбудили её, она велела им немедленно идти в замок.

Рон и Гарри со «Всполохом» на плече покинули тёмный стадион, обсуждая потрясающие качества «Всполоха», — удивительную плавность, молниеносное переключение скоростей, предельную точность при поворотах.

На полдороге Гарри глянул налево, и сердце у него ушло в пятки: из крошечной тьмы на него глядели два горящих глаза. Гарри остановился как вкопанный.

— Что с тобой? — встревожился Рон. Гарри ткнул влево пальцем. Рон вынул из кармана волшебную палочку.

— *Lumos*, — велел он.

Луч света метнулся по траве, корням дерева, по кроне. Там среди ветвей с уже набухшими почками сидел рыжий Косолап.

— Брысь! — крикнул Рон, нагнулся и поднял с земли камень.

Но бросить его он не успел — Косолап, грациозно махнув рыжим хвостом, растворился в темноте.

— Ты видел? — Рон опять разъярился. — Она продолжает выпускать его. Косолап гуляет где хочет. Переварил, наверное, моего Корыстика и сейчас решил закусить парочкой птичек...

Гарри ничего не ответил. Страх отступил, и он вздохнул полной грудью. Ему даже было немного стыдно: он подумал, что горящие глаза принадлежат Гриму. Рону он ничего не сказал, но больше не глядел ни вправо, ни влево, и скоро они благополучно дошли до ярко освещённого главного входа.

* * *

На другое утро Гарри вошёл в Большой Зал в сопровождении свиты: его спальня решила, что «Всполох» достоин таких почестей. Все головы обернулись к ним, зал наполнился восхищёнными возгласами. Команда же Слизерина, с удовольствием отметил Гарри, была точно громом поражена.

— Ты видел его лицо? — спросил Рон, бросив ликующий взгляд на Малфоя. — У него даже рот перекосило! Отлично!

Вуд тоже сиял в отражённых лучах славы.

— Гарри, давай положим сюда, — предложил он, бережно укладывая метлу на середину стола названием вверх.

Скоро к столу начали подходить рэйвенкловцы и хаффлпаффы. Седрик Диггори поздравил Гарри с приобретением, достойно заменившим «Нимбус», а Пенелопа Клируотер, подруга Пёрси из Рэйвенкло, попросила поддержать «Всполох». Она долго и внимательно разглядывала её, так что Пёрси не без тревоги воскликнул:

— Смотри, Пенни, не испорти чего-нибудь! Мы с Пенелопой поспорили на десять галеонов, кто выиграет.

Пенелопа положила метлу на место, поблагодарила Гарри и вернулась за свой стол. А Пёрси чуть не взмолился шёпотом:

– Гарри, постарайся выиграть! У меня нет десяти галлеонов... Да-да, Пенни, я уже иду! – И Пёрси поспешил присоединиться к ней есть тосты.

– Ты уверен, что справишься с этой метлой, Поттер? – холодно спросил чей-то голос.

Это был Драко Малфой со своими бессменными телохранителями.

– Думаю, справлюсь, – небрежно бросил Гарри.

– Масса крутых достоинств, правда? – сказал Малфой, злобно блестя глазами. – Какая жалость, Поттер, что в их числе нет парашюта – на случай, если поблизости окажется дементор.

Крэбб с Гойлом дружно заржали.

– Жаль, Малфой, что у тебя нет дополнительной пары рук, – сказал Гарри. – Чтоб было чем снитч ловить.

Тут уж захохотали гриффиндорцы. Малфой злобно сощурил белёсые глазки и поспешно отошёл к своему столу. Взгляды всех слизеринцев обратились к нему: они наверняка спрашивали, настоящий ли у Гарри «Всполох».

Без четверти одиннадцать команда Гриффиндора отправилась в раздевалку. День был прохладный и солнечный, дул лёгкий ветерок – полная противоположность осеннему дню, когда была игра с хаффлаффцами. Видимость была отличная. И Гарри, хоть и немного нервничал, чувствовал радостное возбуждение, какое может дать только матч по квиддичу. Наверху слышался шум – трибуны заполнялись зрителями. Гарри снял чёрную школьную мантию, натянул алую форму своей команды и взял волшебную палочку. Хорошо бы она сегодня не понадобилась. Внезапно в голове мелькнула мысль, пришёл ли на стадион профессор Люпин.

– Что делать вы знаете, – сказал Вуд перед выходом на поле. – Если мы проиграем этот матч, мы выбываем из соревнований. Играйте так, как вчера на тренировке. И всё будет о’кей!

На поле выходили под оглушительные аплодисменты. Рэйвенкловцы в синей форме уже стояли посредине поля. Их искатель Чоу Чанг была в команде единственной девушкой. Она была на голову ниже Гарри, и Гарри, несмотря на нервное возбуждение, заметил, что она очень красивая. Команды выстроились друг против друга, Чоу улыбнулась Гарри, и у него ёкнуло сердце. Нет, так перед матчем не лихорадит, это что-то совсем другое.

– Вуд, Дэвис, обменяйтесь рукопожатием, – сухим судейским тоном произнесла мадам Хуч, и капитаны пожали друг другу руки. – Седлайте мётлы... По свистку... Три... два... один!

Гарри на «Всполохе» взлетел в небо выше и быстрее всех. Он парил над полем, высматривая золотой снитч и слушая краем уха, что говорит комментатор – друг близнецов Уизли Ли Джордан.

– Команды стартовали. Главное событие этого матча – «Всполох», на котором летает искатель гриффиндорцев Гарри Поттер. Как пишет «Ведь метла», в этом сезоне на Чемпионате мира по квиддичу все команды отдадут предпочтение именно этой модели...

– Вы не могли бы, Джордан, комментировать то, что происходит на поле, – прервал его голос профессора МакГонагалл.

– Перехожу к комментарию, профессор. Немного информации всегда полезно. Между прочим, «Всполох» имеет встроенный автоматический тормоз...

– Джордан!

– Сейчас, сейчас... Гриффиндорцы ведут игру, Кэти Белл рвётся к кольцам Рэйвенкло...

Гарри пронёсся мимо Кэти, высматривая, не мелькнёт ли где золотое оперение снитча. Чоу, не отставая, висела у него на хвосте. Она, несомненно, потрясающе летает. Умеет подрезать противника, заставить его сменить направление полёта.

– Покажи ей как надо ускоряться, Гарри! – крикнул Фред, пролетая мимо наперерез бладжеру, который стремительно приближался к Алисии.

Облетая ворота рэйвенкловцев, Гарри резко прибавил скорость, и Чоу заметно отстала. Как раз в это время Кэти закинула в кольцо первый мяч, трибуна гриффиндорцев взорвалась восторженными криками, и тут Гарри увидел его – снитч порхал над самой землёй у барьера, отделяющего трибуны от поля.

Гарри вошёл в пике, Чоу увидела его манёвр и ринулась за ним, Гарри прибавил скорость, он ликовал – пике его любимая фигура высшего пилотажа. Снитч был всего футах в десяти... Но под носом внезапно возник бладжер, посланный противником, Гарри свернул и потерял несколько драгоценных секунд – желанная добыча исчезла из виду.

По трибунам гриффиндорцев пронеслось разочарованное «о-ох!», рэйвенкловцы же приветствовали своего загонщика бурными аплодисментами. Джордж Уизли в порыве чувств отправил второй бладжер в сторону обидчика, который избежал столкновения, сделав в воздухе сальто.

– Гриффиндор ведёт со счётом восемьдесят – ноль, – вещал комментатор. – Посмотрите, что вытворяет на «Всплохе» Гарри Поттер! Он демонстрирует все его возможности! Особенно видна сейчас точно выверенная балансировка...

– ДЖОРДАН! ВАС ЧТО, НАНЯЛИ РЕКЛАМИРОВАТЬ «ВСПЛОХИ»?! КОММЕНТИРУЙТЕ МАТЧ!

Рэйвенкловцы начали выравнивать счёт, им удалось забросить три мяча, и теперь разрыв между командами составлял всего пятьдесят очков. Если Чоу поймает снитч, рэйвенкловцы выиграют. Гарри спикировал вниз, едва не столкнувшись с загонщиком противника. Он лихорадочно искал глазами маленький крылатый мячик. Ага, вот он! У самых ворот гриффиндорцев блеснула золотая вспышка...

Гарри прибавил скорость, глаза не отрывались от золотого пятнышка. Откуда ни возьмись, рядом возникла Чоу, и Гарри, сбросив скорость, вильнул в сторону.

– ГАРРИ! НЕ ВРЕМЯ БЫТЬ ДЖЕНТАЛЬМЕНОМ! – рявкнул Вуд. – СБРОСЬ ЕЁ С МЕТЛЫ, ЕСЛИ НАДО!

Гарри обернулся и увидел Чоу, она лукаво улыбнулась. Снитч опять исчез. Гарри взвился вверх и окинул взглядом игру с высоты птичьего полёта. Чоу не отрывалась от него. Гарри разгадал её тактику: не искать снитч самой, а пристроиться ему в хвост. Ну, раз так, пусть пеняет на себя.

Он снова вошёл в пике, Чоу решила, что он заметил снитч, и рванула за ним. Гарри круто вышел из пике и опять взмыл с быстротой пули. Чоу не успела повторить его манёвр и

продолжала падать вниз. И тут он увидел снитч – в третий раз. Снитч парил над самой травой на половине рэйвенкловцев.

Гарри развил бешеную скорость. Чоу – у самой земли – тоже. Но где ей за ним угнаться! Снитч всё ближе с каждой секундой...

– А-а! – вдруг крикнула Чоу, указав куда-то пальцем.

Гарри бросил туда взгляд.

Три дементора, три высокие чёрные фигуры в балахонах двигались прямо на него.

Ни секунды не медля, Гарри сунул руку за пазуху, мгновенно достал волшебную палочку и крикнул:

– *Expecto patronum!*

Что-то огромное серебристо-белое выплыло из его палочки. Он знал, оно отпугнёт дементоров, и даже не стал оборачиваться, ум его был на удивление ясен. Гарри глядел вперёд, он был почти на месте. Протянул руку, всё ещё сжимавшую палочку, и пальцы сумели крепко схватить крошечный сопротивляющийся снитч.

Прозвучал свисток мадам Хуч. Гарри круто развернулся и увидел, как шесть алых расплывчатых пятен несутся к нему. Команда набросилась на него с такой силой, что чуть не оторвала от метлы. А внизу на трибунах бушевали гриффиндорцы, кричали до хрипоты «ура!».

– Вот это наш парень! – твердил как заведённый Вуд.

Алисия, Анджелина и Кэти зацеловали его, а Фред так крепко сжал в объятиях, что Гарри испугался – сейчас задушит. Таким спутанным клубком команда и приземлилась на поле. Гарри соскочил с метлы и двинулся навстречу бегущим на поле гриффиндорцам во главе с Роном. Не успел опомниться, как его окружила ликующая толпа.

– Да! Да! Да! – кричал Рон.

– Отлично *сработано*, Гарри! – важно произнёс Пёрси, очень довольный. – Десять галлеонов мои! Прости, мне нужно найти Пенелопу.

– Ты, Гарри, просто гений! – орал Шеймас Финниган.

– Блестяще, великолепно! – громыхал Хагрид поверх голов гриффиндорцев, отплясывающих танец дикарей.

– Это был настоящий Патронус, – шепнул кто-то Гарри в ухо.

Гарри обернулся и увидел профессора Люпина, который выглядел потрясённым и счастливым одновременно.

– Я нисколько не испугался дементоров, – сказал Гарри. – Просто вообще ничего не почувствовал.

– Скорее всего, потому, что они... были ненастоящие. Пойдёмте посмотрим.

И профессор Люпин повёл Гарри в конец поля.

– Вы сильно напугали мистера Малфоя, – сказал он.

Гарри смотрел на груду тел, барахтающихся на траве. Это были Малфой, Крэбб, Гойл и Маркус Флинт, капитан команды слизеринцев. Четвёрка негодяев пыталась высвободиться из длинных чёрных балахонов. Малфой, кажется, до падения сидел на плечах Гойла. Рядом с ними стояла профессор МакГонагалл, лицо её выражало крайнюю степень возмущения.

– Недостойное трюкачество! – кричала она. – Подлая и трусливая попытка вывести из игры искателя гриффиндорцев! Все вы будете строго наказаны. И минус пятьдесят очков Слизерину. Я буду говорить с профессором Дамблдором о вашем поведении. А, он идёт сюда.

Это был последний, завершающий штрих к победе гриффиндорцев. Рон, пробившийся сквозь толпу к Гарри, сложился пополам от смеха, глядя, как Малфой выползает из чёрного балахона, из-под которого всё ещё старался выбраться Гойл.

– Скорее, Гарри! – крикнул подоспевший Джордж. – Устроим вечеринку! Все в нашу гостиную!

– Точно! – подхватил Гарри. Никогда в жизни он не был так счастлив.

Гриффиндорцы во главе с командой, которая всё ещё была в алых мантиях, покинули стадион и двинулись к главному входу замка.

* * *

Праздновали так, как будто выиграли Кубок, пиршество и веселье длились до глубокой ночи. Фред с Джорджем часа на два отлучились и вернулись нагруженные бутылочками со сливочным пивом, тыквенным лимонадом и пакетами, полными сладостями из «Пригоршни сластей».

– Как вы это достали? – изумилась Анджелина Джонсон, когда Джордж стал бросать в толпу мятных лягушек.

– Нам немного помогли Лунатик, Бродяга, Сохатый и Прихвост, – шепнул Фред Гарри на ухо.

Только одна Гермиона не принимала участия в общем веселье. Она – невероятно! – сидела в углу и пыталась читать толстенную книгу «Быт и нравы британских магглов». Гарри вышел из-за стола, где Фред с Джорджем начали жонглировать бутылочками, и подошёл к ней.

– Ты хоть на матче-то была? – спросил он.

– Конечно, – ответила Гермиона странным тоненьким голосом, не отрывая взгляда от книги. – Я очень рада, что мы выиграли. Ты играл прекрасно, но мне надо к понедельнику прочитать всю эту книгу.

– Иди к нам, Гермиона, поешь чего-нибудь, – позвал её Гарри, бросив взгляд на Рона – в каком он расположении духа, готов ли зарыть в землю боевой топор.

– Я правда не могу, Гарри, мне ещё читать четыреста двадцать две страницы. – В голосе её теперь явно звучали слёзы. – К тому же... – Гермиона взглянула на Рона – *он* этого не захочет.

На это нечего было возразить. Рон как раз в эту минуту высказался:

– Бедный Корыстик! Если бы его не *свели*, он бы сейчас полакомился помадными мушками, он так их любил.

Гермиона расплакалась. Не успел Гарри открыть рот, она захлопнула книжицу, сунула её под мышку, рыдая, побежала к лестнице, ведущей в спальню девочек, и исчезла из виду.

– Не пора ли утихомириться, Рон? – не повышая голоса, сказал Гарри.

Вечеринка закончилась в час ночи; пришла профессор МакГонагалл, одетая в домашний халат из шотландки и с сеточкой на волосах, и велела всем идти спать. Гарри с Роном всю дорогу в спальню не переставали обсуждать матч. И, только увидев свою кровать под пологом, Гарри понял, как он устал. Поскорее лёг, задернул плотнее полог, чтобы не проникал ни один лунный луч, устроился поудобнее и почти мгновенно уснул.

- A-A-A-A-A-A-A-A-A-A!!! HE-E-E-E-E-E-E-E-ET!!!

– Что случилось? – раздался в другом конце голос Шеймаса Финнигана.

Рон с перекошенным от ужаса лицом сидел на кровати, полог его с одного края был разорван.

– $\mathcal{U}_{mo}?!$

– Тебе это не приснилось? – спросил Дин.

Все соскочили с кроватей. Гарри первый добежал до двери, и все ринулись вниз по лестнице. Позади них захлопали двери, послышались сонные голоса:

— Что случилось?

— Ты *уверен*, Рон, что это тебе не приснилось?

— Почему такой шум?

В гостиную спустились девочки, зевая и поплотнее запахивая халаты. Прибывало и мальчиков.

– Прекрасно! Значит, продолжим праздновать! – провозгласил неунывающий Фред Уизли.

– Все марш наверх! – скомандовал ворвавшийся в гостиную Пёрси, прикалывая к пижаме значок старосты школы.

– Пёрси, здесь Сириус Блэк. Он был у нас в спальне. С ножом. Разбудил меня.

В гостиной стало тихо-тихо.

– Глупости! – сказал Пёрси, но было видно, что он потрясён. – Ты переед, и тебе приснился кошмар...

– Говорю тебе...

– Ладно, замолчи. Хватит!

В гостиную вернулась профессор МакГонаггалл. Захлопнула за собой портрет с сэром Кэдоганом и обрушила на гостиную гневную тираду:

– Я, разумеется, счастлива, что Гриффиндор выиграл. Но всему есть предел! Пёрси, я от вас такого не ожидала!

– Я здесь ни при чём, профессор. Я только что приказал всем вернуться в спальни. Моему брату Рону приснился кошмар...

– ЭТО БЫЛ НЕ КОШМАР!!! – обиделся Рон. – ПРОФЕССОР, Я ПРОСНУЛСЯ, А СИРИУС БЛЭК СТОЯЛ НАДО МНОЙ С НОЖОМ В РУКЕ!!!

МакГонаггалл повернулась к Рону.

– Это смешно, Уизли, как он мог пройти через портретный проём?

– А вы у него спросите. – Рон указал пальцем на изнанку портрета сэра Кэдогана. – Спросите, не видел ли он...

Глянув на Рона с подозрением, МакГонаггалл толкнула портрет и вышла. Вся гостиная затаила дыхание.

– Сэр Кэдоган, вы вот только что никого не впускали в башню?

– Как же, добрая леди, впустил.

– Вы... *впустили*? А... а пароль?!

– А у него они были! – гордо сказал сэр Кэдоган. – На всю неделю, моя леди. Целый список на кусочке пергамента. Он их мне прочитал!

Профессор МакГонаггалл вернулась сквозь узкий проём в гостиную. Гриффиндорцы оторопело молчали, профессор была бледна как мел.

– Какой, – дрожащим голосом начала она, – какой неопиcуемый глупец написал на клочке пергамента все пароли недели и потом потерял его?

Гробовое молчание в гриффиндорской гостиной было нарушено слабым, испуганным всхлипом. Невилл Лонгботтом, дрожа от макушки до носков пушистых комнатных тапочек, медленно поднял руку.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

МЕСТЬ СНЕЙПА

В ту ночь никто в башне Гриффиндора не спал. Все знали, что замок снова обыскивают сверху донизу. Собрались в общей гостиной и ждали новостей. На рассвете в гостиную вошла профессор МакГонаггалл и сказала, что Блэк опять ускользнул.

На другой день по всему замку были приняты более жёсткие охранные меры. Профессор Флитвик учил главные входные двери распознавать Блэка по увеличенному портрету. Филч носился по всем закоулкам и коридорам, заколачивал все щели и мышиные норы. Сэра Кэдогана уволили, его портрет отправили обратно на пустынную площадку восьмого этажа. На входе в башню Гриффиндор опять появилась Полная Леди, отреставрированная специалистами. Она всё ещё нервничала и согласилась вернуться на работу при одном условии: ей дадут дополнительную охрану. Специально для неё наняли грозного вида троллей, которые ходили по коридору, злобно хрюкали и мерились дубинками.

Гарри обратил внимание, что одноглазая ведьма не охранялась и доступ к ней был открыт. Очевидно, Фред и Джордж правы: только они, а теперь ещё Гарри, Рон и Гермиона знали о тайном ходе прямо под ней.

— Как по-твоему, — спросил Гарри Рона, — не сказать ли о нём кому-нибудь?

— Нет, — помотал головой Рон. — Ведь он сюда проник не через «Пригоршню сладостей». Если бы магазин был ночью взломан, мы бы узнали.

Гарри был рад, что Рон одного с ним мнения. Забьёт Филч этот проход, и он никогда больше не сможет попасть в Хогсмид.

Рон в мгновение ока стал знаменитостью. Первый раз в жизни не Гарри, а он был в центре всеобщего внимания. И надо сказать, ему это нравилось. Хотя он всё ещё окончательно не пришёл в себя после ночных переживаний, он взахлёб рассказывал всем и каждому об этом происшествии, украсив его россыпью подробностей:

— Сплю это я и вдруг слышу, как будто кто-то что-то рвёт. Я подумал — это во сне. Но тут, представляете, чувствую сквозняк... Проснулся, гляжу: полог с одной стороны сорван. Я повернулся, а он прямо надо мной стоит... как скелет. Волосы колтуном. В руке огромный нож, дюймов двенадцать... и смотрит на меня, а я на него. Я как заору — и его как ветром сдуло.

Прослушав эту душераздирающую историю, девочки со второго курса вернулись к своим делам. А Рон обратился к Гарри:

— Почему, кстати? Почему он исчез?

Гарри и сам ломал над этим голову. Почему Блэк, обнаружив, что выбрал не ту кровать, не прикончил Рона, поднявшего истошный крик, и не стал искать Гарри. Двенадцать лет назад он хладнокровно убил столько ни в чём не повинных людей, а тут пять безоружных мальчишек, и четверо из них крепко спят.

— Наверное, решил, что ты своим криком разбудил всю башню и ему надо скорее уходить из замка, — поразмыслив, сказал Гарри. — Помедли он немного, ему бы пришлось

убить всех гриффиндорцев, иначе из гостиной не выбраться. Да ещё и учителей повстречать...

А Невилл попал в опалу. Профессор МакГонаггалл просто рассвирепела: лишила его походов в Хогсмид, наложила наказание и всем запретила сообщать ему пароль. Бедный Невилл каждый вечер теперь ждал у портрета с Леди, пока кто-нибудь подойдёт и проведёт его; дежурные тролли, фланирующие по коридору, смотрели на него с большим подозрением. Но, конечно, самому суровому наказанию Невилла подвергла бабушка – всё остальное было так, пустяки. Два дня спустя после вторжения Блэка она прислала ему Ревуна. Эта позорная кара обрушилась на Невилла во время завтрака.

Совы-почтальоны, как всегда, влетели в Большой Зал, неся в клювах письма. На стол перед Невиллом приземлилась огромная амбарная сова, в клюве у неё был красный конверт. Сидевшие напротив Гарри и Рон сразу узнали Ревуна – Рон в прошлом году получил такой же от миссис Уизли.

– Хватай его и беги отсюда! – крикнул Рон.

Говорить дважды не пришлось. Невилл схватил письмо и, держа его перед собой как бомбу, пулей вылетел в холл. Слизеринцы за своим столом покатались со смеху. Письмо взорвалось почти у самых входных дверей. Голос бабушки, стократ усиленный, наполнил замок: «ТАК ОПОЗОРИТЬ ВСЁ СЛАВНОЕ СЕМЕЙСТВО ЛОНГБОТТОНОВ!»

Гарри было жаль Невилла, и он не сразу заметил, что и ему есть письмо. Опомнился он, когда Хэдвиг больно клюнула его в руку.

– Ой! – воскликнул он от неожиданности. – А, это ты, Хэдвиг!

Он взял у неё письмо и открыл конверт, а Хэдвиг тем временем принялась за хлопья, оставленные Невиллом. Записка была от Хагрида.

«Дорогие Гарри и Рон!

*Как вы насчёт того, чтобы выпить со мной чашку чая сегодня вечером около
шести? Я зайду за вами в замок. ЖДИТЕ МЕНЯ В ХОЛЛЕ. ВАМ ОДНИМ
ВЫХОДИТЬ ЗАПРЕЩЕНО.*

Не вешайте носа.

Хагрид».

– Он, наверное, хочет подробнее узнать про Блэка! – решил Рон.

Ровно в шесть друзья вышли из гриффиндорской гостиной, миновали чуть не бегом троллей и спустились в холл.

Хагрид уже их ждал.

– Привет, Хагрид! Ты, наверное, хочешь узнать, как всё было субботней ночью? – спросил Рон.

– Я уже слышал. – Хагрид отворил двери и выпустил их наружу.

– А-а, – слегка разочарованно протянул Рон.

Первое, что они увидели в хижине Хагрида, был Брыкляв. Он лежал, вытянувшись во всю длину на лоскутном одеяле Хагрида, плотно прижав крылья к бокам, и с наслаждением уплетал тушки хорьков, лежащие перед ним на большом блюде. Гарри поспешно отвернулся от малопривлекательного зрелища и увидел на дверце гардероба, на плечиках, огромный

каптанового цвета костюм с премерзким оранжевым в жёлтую полоску галстуком, явно приготовленные для выхода.

– Ты куда-то собрался, Хагрид? – спросил Гарри.

– На слушание дела «Брыкляв против комитета по Обезвреживанию опасных существ». Оно будет в эту пятницу. Поедем в Лондон вместе, Брыкляв и я. Я уж' заказал два спальных места в «Ночном рыцаре».

У Гарри от стыда заныло сердце. Он совсем забыл, что суд над Брыклявом так скоро. У Рона вид был такой же несчастный. Вылетело у них из головы и обещание подумать над защитой Брыклява. Вновь обретённый «Всполох» затмил все другие дела и заботы.

Хагрид налил им чаю и предложил батские булочки, но друзья, слишком хорошо зная стряпню Хагрида, от булочек отказались.

– Мне тут с вами поговорить кое о чём надо, – на редкость серьёзно заявил Хагрид.

– О чём? – спросил Гарри.

– О Гермione.

– А что с ней такое? – спросил Рон.

– Тяжело ей, вот что. После рождественских каникул она частенько сюда заходит. Уж больно ей одиноко. Сначала вы из-за «Всполоха» перестали разговаривать. А теперь вот из-за кота, который...

– ...сожрал Корыстика, – со злостью прервал Рон.

– ...поступил как все другие коты, – упрямо закончил Хагрид. – Она, по чести сказать, тут плакала несколько раз. Нелёгкое у неё время, да. Сдаётся мне... она это... откусила слишком большой кусок. Ну, все эти предметы... А она ещё – представьте себе – нашла время помочь мне и Брыкляву. Такие дала советы... Теперь у Брыклява есть надежда...

– Прости, Хагрид, это мы должны были помочь... – начал смущённо оправдываться Гарри.

– Я т'я не виню! – прервал его Хагрид. – Богу известно, на т'я и так порядочно всего навалилось. Я ж видел, как ты тренируешься днём и ночью... Но должен сказать: для вас крыса и метла дороже друга. Вот и всё.

Гарри с Роном смущённо переглянулись.

– Знаешь, Рон, как она расстроилась, когда Блэк т'я чуть не зарезал. Сердце у неё где надо, у Гермione. А вы двое не разговариваете с ней...

– Если она избавится от этого кота, я опять буду с ней разговаривать, – не унимался Рон. – Но она всё равно его защищает! Это же маньяк какой-то, а она против него и слова слушать не хочет.

– Ну, знаешь, люди порой глупо себя ведут со своими любимцами, – изрёк Хагрид. За его спиной Брыкляв выплёвывал кости хорьков прямо ему на подушку.

Остаток вечера проговорили о шансах Гриффиндора на победу в борьбе за Кубок. И в девять часов Хагрид отвёл друзей в замок.

В гостиной у доски объявлений толпилась оживлённая группа гриффиндорцев.

– На следующей неделе Хогсмид, – прочитал Рон, вытянув шею над их головами. – Что ты об этом думаешь? – спросил он у Гарри, выбирая место, где бы сесть.

– К счастью, Филч ничего не сделал с ходом в «Пригоршню сластей»... – ещё тише ответил Гарри.

– Гарри! – вдруг кто-то шепнул ему прямо в ухо. Гарри резко повернулся и увидел Гермиону, она сидела за столом позади них, просто её не было видно за горой книг. Теперь она чуть-чуть их раздвинула и шептала в образовавшийся просвет: – Если ты снова пойдёшь в Хогсмид... я скажу про Карту профессору МакГонагалл.

– Кажется, кто-то что-то сказал, Гарри? – осведомился Рон, не глядя на Гермиону.

– Как ты можешь, Рон, тащить его с *собой*, – возмутилась Гермиона, – после того, что случилось ночью! Я серьёзно, я скажу...

– Ну теперь ты хочешь сделать всё, чтобы Гарри исключили из школы! – зло прошипел Рон. – Того вреда, что ты причинила уже в этом году, тебе мало?

Гермиона хотела что-то ответить, но в этот миг к ней на колени, тихо урча, вспрыгнул Косолап. Гермиона испуганно глянула в лицо Рона, подхватила кота и побежала наверх в спальню.

– Так что ты об этом думаешь? – спросил Рон, как будто никакой перепалки с Гермионой не было. – Давай, пошли, в прошлый раз ты почти ничего там не видел. Ты даже в «Зонко» не заходил!

Гарри огляделся, нет ли поблизости Гермионы.

– Ладно, – сказал он. – Но в этот раз возьму с собой плащ-невидимку.

* * *

В субботу утром Гарри уложил в сумку плащ-невидимку, сунул в карман Карту Мародёра и спустился со всеми в Большой Зал. Гермиона то и дело подозрительно на него поглядывала, но Гарри старался избегать её взгляда. А когда все вышли в холл и двинулись к дверям, Гарри у неё на виду побежал вверх по мраморной лестнице, как будто к себе в спальню.

– Пока! – крикнул он Рону. – Увидимся, когда вернёшься!

Рон улыбнулся и подмигнул ему.

Гарри спешил на четвёртый этаж. По дороге вынул из кармана пергамент и, присев за одноглазой ведьмой, разгладил его на коленях. По направлению к нему двигалась точка, рядом с ней написано крошечными буквами «Невилл Лонгботтом».

Гарри мгновенно вынул волшебную палочку, шепнул: «*Dissendium!*» – и сунул сумку в открывшееся отверстие в статуе. Но сам не успел туда прыгнуть, Невилл вышел из-за поворота и, увидев Гарри, очень обрадовался.

– Гарри! Я совсем забыл, что ты тоже не идёшь в Хогсмид.

– Привет, Невилл. – Гарри быстро вышел из-за статуи, пряча в карман Карту. – Что собираешься делать?

– Ничего, – пожал плечами Невилл. – Сыграем в «Разрывной Щелчок»?

– Сейчас не могу, мне надо в библиотеку. У меня ещё не закончено сочинение о вампирах для Люпина...

– Я тоже пойду с тобой, – сияя, проговорил Невилл. – Я его ещё и не начинал.

– Э... погоди. Я забыл. Я ведь его вчера вечером ещё закончил...

– Отлично! Значит, ты мне поможешь! – На лицо Невилла набежала тучка. – Я никак не могу разобраться с чесноком. Есть его надо, или что...

Невилл вдруг осёкся: к ним приближался профессор Снейп. Бедняга спрятался за спину Гарри.

– Что вы здесь делаете? – Снейп остановился, переводя взгляд с одного на другого. – Странное нашли место для встречи.

Слева и справа от статуи были двери, ведущие в разные части замка. Гарри со страхом следил, как Снейп посмотрел на одну дверь, на другую и вперился в одноглазую ведьму.

– Мы не договаривались о встрече, мы случайно встретились, – сказал Гарри.

– В самом деле? Вам это свойственно, Поттер, возникать в неожиданных местах. И почти всегда не без причины. Советую вам немедленно вернуться в башню Гриффиндора, где вам сейчас и полагается быть.

Гарри с Невиллом, не говоря ни слова, отправились, куда было велено. А Снейп, оставшись один, тщательно ощупал рукой голову одноглазой горбуны.

Гарри удалось отделаться от Невилла у портрета Полной Леди. Сказал ему пароль, а сам, сделав вид, что забыл сочинение в библиотеке, остался снаружи. Подождав, пока дозорные тролли отойдут подальше, вынул Карту, внимательно в неё вгляделся и с облегчением обнаружил, что точка с именем Северус Снейп находится у себя в кабинете.

Не мешкая, Гарри помчался на четвёртый этаж, открыл горб, залез в него, скатился по каменному жёлобу на дно, где его ждала сумка, стёр с пергамента Карту и со всех ног бросился бежать по подземному ходу.

* * *

Закутавшись поплотнее в плащ-невидимку Гарри вышел из «Пригоршни сластей» на залитую солнцем улицу перед лавкой и ткнул Рона локтем в спину.

– Это я, – шепнул он.

– Что ты так долго?

– Снейп шастал вокруг...

И друзья отправились напрямик по Центральной улице⁹.

– Где ты? – то и дело шёпотом спрашивал Рон. – Никуда не делся? Странно это всё-таки...

Зашли на почту. Рон стал для виду прицениваться к совам – не послать ли одну в Египет Биллу. За это время Гарри успел всё хорошенько осмотреть. На цветных полках сидело штук двести сов различных размеров: от серых гигантов до совсем крошечных («только местная доставка»), уместающихся на ладони. И все они ласково ухали, поглядывая на посетителей. Потом отправились к «Зонко». Лавка была битком набита школьниками, и Гарри

⁹ В оригинале улица называется «High Street»(высокая улица). Так часто называют в городах Великобритании улицы с множеством магазинов и офисов какого-либо бизнеса.

приходилось соблюдать величайшую осторожность, чтобы не наступить кому-нибудь на ногу. Вот поднялся бы переполох!

Каких только диковин там не было! Стоящие на полках штуковины могли бы удовлетворить самые немыслимые фантазии Фреда и Джорджа! Гарри шёпотом распорядился, что ему купить, и незаметно передал Рону несколько золотых монет. Вышли из лавки с похудевшими кошельками, зато карманы оттопыривали бомбы, заряженные навозом, икотные конфеты, мыло из жабьей икры, кружки, кусающие за нос.

День был ясный, дул лёгкий ветерок. Даже в «Трёх мётлах» сидеть не хотелось, и поэтому они двинулись в гору к Визжащей Хижине, имеющей самую дурную репутацию во всей Британии. Хижина стояла на холме немного в стороне от деревни. И даже сейчас, при дневном свете, вид у неё был жутковатый: заколоченные досками окна, заросший сад.

— Даже хогвартские привидения здесь не бывают, — сказал Рон, прислонившись к забору и разглядывая хижину, — я спрашивал у Почти Безголового Ника. Он сказал, что здесь обитает лихая компания. Никто не может сюда войти. Фред с Джорджем пытались, но все двери крепко заперты.

После подъёма в гору Гарри стало жарко, и он хотел было минут на пять снять мантию, как вдруг совсем близко послышались голоса. Кто-то поднимался к хижине с другой стороны.

Секунда-другая, и они увидели Малфоя в сопровождении Крэбба и Гойла.

— ...вот-вот прилетит от отца сова с известием, — разглагольствовал Малфой. — Он поехал на суд свидетелем. Расскажет там про мою руку, как я три месяца не мог ничего делать...

Крэбб с Гойлом хохотнули.

— Как бы мне хотелось самому услышать выступление на суде этого патлатого безмозглого великана: «Не-е, честно, в ём ничаво опаснова нет». Гиппогрифу давно пора сдохнуть...

Неожиданно Малфой увидел возле хижины Рона. Лицо его расплылось в злобной ухмылке.

— А ты что здесь делаешь? — Малфой перевёл взгляд на покосившуюся хижину. — Наверное, ищешь, где жить? Ты ведь давно мечтаешь об отдельной комнате! Говорят, вы все спите в одной спальне. Это правда?

Гарри схватил Рона за шиворот, помешав броситься с кулаками на своего врага.

— Предоставь его мне, — шепнул он другу на ухо.

Да, грешно не воспользоваться таким случаем. Гарри неслышно перебежал за спину Малфоя и его верных телохранителей, нагнулся и поднял с дороги большой ком влажной земли.

— А мы тут обсуждаем твоего друга Хагрида, — продолжал Малфой. — Представляем себе, что он говорит на суде комитета по Обезвреживанию опасных существ. Как, по-твоему, он заплачет, когда гиппогрифу отрубят...

Плюх!

Голова Малфоя мотнулась, его белобрысые волосы облепила мокрая грязь.

— Что за...?

Рон ухватился за забор, чтобы со смеху не упасть наземь.

Злокозненная троица волчком завертелась на месте, Малфой счищал с волос грязь.

– Что произошло? Кто это сделал?

– В этом месте очень много привидений. – Рон говорил, как будто сообщал прогноз погоды.

Крэбб с Гойлом явно трусили: накачанные мускулы от привидений не спасут. Малфой окинул испуганным взглядом безлюдную местность.

Гарри тихонько прошёл по тропинке к особенно вязкой луже, полной густой зловонной жижи...

Плюх!

На этот раз досталось Крэббу и Гойлу. Гойл бешено прыгал на месте, стараясь стряхнуть липкие комки с маленьких тупых глазок.

– Вон оттуда швыряют. – Малфой махнул футов на шесть влево от того места, где стоял невидимый Гарри.

Растопырив руки, как зомби, Крэбб, спотыкаясь, двинулся вперёд. Гарри обежал его, схватил палку и швырнул в спину. Крэбб сделал в воздухе что-то вроде пируэта: откуда могла прилететь эта палка? Глядя на него, Гарри согнулся пополам от беззвучного смеха. Кроме Рона, никого рядом не было, и Крэбб пошёл прямо на него. Гарри подставил ему ножку, Крэбб споткнулся и полетел на землю. Его огромная ножища взмыла вверх и задела край плаща Гарри. Плащ-невидимка сполз с головы.

Какую-то долю секунды Малфой пялился на парящую в воздухе голову.

– А-а-а! – завопил он, тыча в неё пальцем. Повернулся и бросился наутёк, Крэбб с Гойлом не отставали.

Гарри нахлобучил плащ обратно. Но было поздно.

– Гарри! – отчаянно крикнул Рон, подбегая к тому месту, где только что висела голова друга. – Немедленно беги отсюда! Малфой расскажет, что он здесь видел. Скорее обратно в замок!

– До скорого!

И, не прибавив ни слова, не чуя под собой ног, Гарри помчался в Хогсмид.

Поверит ли Малфой в то, что он видел? Поверят ли его рассказу? Никто не знает про плащ-невидимку. Никто, кроме Дамблдора. Сердце у Гарри оборвалось. Расскажи ему Малфой о случившемся, он сразу поймёт, что здесь было на самом деле.

Скорее в «Пригоршню сладостей», скорее по ступенькам в подпол, по каменному полу к люку! Гарри сорвал с себя плащ, сунул под мышку и припустил по подземному ходу... Вдруг Малфой первый вернётся в замок? Сколько он будет искать кого-нибудь из учителей? Задышавшись, чувствуя боль в боку, Гарри не сбавлял скорости до самого замка. Плащ придётся оставить здесь, если Малфой наябедничает, он будет слишком явным доказательством. Гарри спрятал его в тёмный угол и полез вверх; потные ладони скользили по каменным краям жёлоба, а надо было спешить, дорога каждая минута. Вот наконец и горб, Гарри коснулся его палочкой, высунулся, огляделся – никого. Он вылез наружу, горб сомкнулся, но как только он выскочил из-за статуи, как услышал приближающиеся шаги.

Это был Северус Снейп. Он так спешил к Гарри, что его чёрная мантия развевалась как флаг. Затормозив перед Гарри, он оглядел его с головы до ног.

– Итак, – произнёс Снейп.

А Гарри изо всех сил старался изобразить невинность, хотя понимал, как это глупо: лицо у него всё в поту, руки измазаны. Гарри поскорее сунул их в карманы.

– Следуйте за мной, Поттер, – приказал профессор Снейп.

Понурившись, Гарри пошёл за ним по лестнице вниз, незаметно вытирая руки об изнанку школьной мантии. Спустились в подвалы и вошли в кабинет Снейпа.

Гарри был здесь всего один раз, тогда положение тоже было не из лучших. За полтора года банок с мерзкими слизнями на полках заметно прибавилось. Все они мерцали в огне камина, что придавало кабинету особенно зловещий вид.

– Садитесь, – сказал Снейп.

Гарри сел. Профессор остался стоять.

– Мистер Малфой только что был у меня. Он рассказал мне странную историю, Поттер.

Гарри промолчал.

– Он рассказал мне, что был у Визжащей Хижины, где натолкнулся на Уизли, который предположительно был один.

Гарри продолжал хранить молчание.

– Мистер Малфой утверждает, что когда он стоял и разговаривал с Уизли, большой комок грязи ударил его по затылку. Как, по-вашему, это могло случиться?

– Понятия не имею. – Гарри постарался изобразить на лице лёгкое изумление.

Глаза Снейпа впились в самые зрачки Гарри. Вот так следует смотреть на гиппогрифа – кто кого переглядит. Гарри изо всех сил старался не моргнуть.

– А потом мистер Малфой увидел весьма странное привидение. Можете вообразить, Поттер, что это было такое?

– Не могу. – Гарри старался держаться как можно естественнее.

– Это была голова, Поттер. Ваша голова, она парила в воздухе.

Воцарилось долгое молчание.

– Может, ему надо обратиться к мадам Помфри? – первым заговорил Гарри. – Раз ему мерещатся такие...

– Что же ваша голова могла делать в Хогсмиде? – мягко промолвил Снейп. – Вашей голове запрещено там появляться. Равно как и всем остальным частям тела.

– Я это знаю, профессор. – Гарри сделал над собой усилие и стёр с лица малейшие признаки виновности и страха. – Похоже, у Малфоя галлюци...

– Малфой не страдает галлюцинациями! – рявкнул Снейп и, опершись ладонями в подлокотники стула, на котором сидел Гарри, нагнулся к нему так, что их лица чуть не соприкоснулись. – Если ваша голова, Поттер, была в Хогсмиде, значит, и вы, весь целиком, там были.

– Я всё время находился в башне Гриффиндора, как вы мне велели.

– Кто-нибудь может это подтвердить?

На это Гарри ничего не ответил. Губы Снейпа искривила ядовитая усмешка.

– Ну так вот. – Снейп выпрямился. – Все, начиная от министра магии и по далее нисходящей, делают всё, чтобы уберечь знаменитого Гарри Поттера от Сириуса Блэка. А знаменитый Гарри Поттер сам себе закон. Пусть простые смертные беспокоятся о его безопасности! Знаменитый Гарри Поттер ходит, где ему вздумается, не утруждая себя мыслями о последствиях.

Гарри не открывал рта. Снейп хочет вырвать у него признание. Этого не будет. У Снейпа нет никаких доказательств – пока нет.

– Просто удивительно, как вы похожи на своего отца, Поттер. – неожиданно сказал Снейп, и глаза у него сверкнули. – Он тоже был на редкость высокомерен. Чуть больше таланта на площадке для квиддича – и он думает, что на голову выше всех. Так важно разгуливал по школе в окружении друзей и поклонников... Да, сходство прямо-таки сверхъестественное!

– Мой отец не *важничал*, – не сдержался Гарри. – И я тоже.

– И школьный устав был не про него писан, – продолжал Снейп по праву сильнейшего, его худое лицо искажала злоба. – Правила ведь для других, для людей попроще, а не для победителей в Кубке школы. Упивался собственным величием...

– ЗАМОЛЧИТЕ! – Гарри вскочил на ноги. Его захлестнула ярость, какую он ни разу не испытывал с тех пор, как убежал с Бирючинного проезда. Лицо у Снейпа окаменело, чёрные глаза метали молнии.

– *Что вы сказали, Поттер?*

– Сказал, чтобы вы замолчали. Вы не смеете так говорить о моём отце! Я знаю о нём всю правду. Он спас вашу жизнь! Мне рассказал Дамблдор! Если бы не мой отец, вас бы вообще здесь не было!

Лицо Снейпа, не отличавшееся яркостью красок, стало совсем серым.

– А директор школы не рассказал тебе, при каких обстоятельствах твой отец спас мне жизнь? – прошипел он. – Или посчитал, что подробности слишком неприятны для нежных ушей бесценного Поттера?

Гарри прикусил губу. Он не знал подробностей и не хотел в этом признаться. Но Снейп это сразу понял.

– Я не допущу, чтобы у вас так и осталось неверное представление о вашем отце. – Лицо его передёрнуло ненавидящая усмешка. – Вы, наверное, вообразили себе геройский поступок? Тогда позвольте мне внести некоторую поправку в ваше представление. Ваш драгоценный отец и его друзья решили сыграть со мной весёлую шутку... Она могла бы кончиться моей смертью, если бы ваш отец в последнюю минуту не опомнился. Ничего доблестного он не сделал. Всего-навсего спасал свою шкуру вместе с моей. Удайся их шутка, он вылетел бы из школы.

Снейп оскалился, обнажив жёлтые неровные зубы.

– Выверните карманы, Поттер! – неожиданно приказал он.

Гарри не шевельнулся. Его точно оглушило ударом в ухо.

– Выверните карманы, иначе мы сейчас пойдём к директору школы!

Гарри повиновался. Похолодев, он достал из карманов пакет с побрякушками из «Зонко» и Карту Мародёра.

Снейп взял сначала пакет.

– Мне это дал Рон. – Хорошо бы Рона предупредить до того, как Снейп его увидит. – Он купил это, когда был там в прошлый раз.

– Вот как! И вы с тех пор носите этот подарок в кармане? Как трогательно! Ну а это что?

Снейп взял Карту. Гарри собрал все свои силы, чтобы у него в лице не дрогнул ни один мускул.

– Просто кусок пергамента, – пожал он плечами.

Снейп перевернул его, не сводя с Гарри глаз.

– Зачем тебе этот *ветхий* пергамент? Не выбросить ли мне его? – Снейп протянул руку к камину.

– Не надо! – живо отозвался Гарри.

– Ну что ж! – Ноздри у Снейпа задрожали. – Это, наверное, ещё один драгоценный подарок от Уизли. А может, это некое послание, написанное невидимыми чернилами. Или инструкция, как проникнуть в Хогсмид, минуя дементоров?

Гарри моргнул. Глаза у Снейпа горели недобрым огнём.

– Посмотрим, посмотрим, – говорил он, вынимая волшебную палочку и разглаживая кусок пергамента на столе. – Поведай свой секрет! – Снейп коснулся палочкой пергамента.

Ничего не произошло. Гарри сжал руки, чтобы унять в них дрожь.

– Откройся мне. – Снейп постучал палочкой.

Пергамент оставался девственно-чистым. Чтобы успокоиться, Гарри несколько раз глубоко вздохнул.

– Профессор Северус Снейп, преподаватель этой школы, приказывает открыть ему всю содержащуюся в тебе информацию! – Снейп изо всех сил ударил палочкой по Карте.

И по гладкой поверхности Карты вдруг побежали слова, как будто их выводила чья-то невидимая рука:

«М-р Лунатик приветствует профессора Снейпа и низжайше просит его не совать свой непомерно длинный нос не в свои дела».

Снейп остолбенел. Гарри смотрел на послание как громом поражённый. Но Карта на этом не остановилась:

«М-р Сохатый присоединяется к м-ру Лунатику и хотел бы только прибавить, что профессор Снейп урод и кретин».

Со смеху умрёшь, будь ситуация не столь серьёзной. А пергамент между тем строчил своё:

«М-р Бродяга расписывается в своём изумлении, что такой идиот вообще стал профессором».

Гарри в ужасе зажмурился. Когда он открыл глаза, на пергаменте появилась ещё одна надпись:

«М-р Прихвост кланяется профессору Снейпу и советует ему, чёртовому неряхе, вымыть наконец голову».

Гарри замер в ожидании грозы, которая вот вот должна была разразиться.

– Ну-с, – тихо проговорил Снейп – Мы этим займёмся...

С этими словами профессор подошёл к камину, зачерпнул из кувшина на полке горсть поблёскивающего порошка и бросил его в огонь.

– Люпин! – позвал он. – Вы мне нужны на пару слов!

Вконец оторопевший Гарри уставился на огонь. В пламени обрисовалась длинная фигура, которая быстро вращалась. Ещё несколько секунд – и из камина собственной персоной вылез профессор Люпин, отряхивая золу с потрёпанной одежды.

– Вы меня звали, Северус? – спросил он спокойно.

– Разумеется, звал, – ответил Снейп с перекошенным от ярости лицом. – Я велел Поттеру вывернуть карманы, и вот что там было, – сказал он, вернувшись к столу.

И Снейп махнул рукой на пергамент, на котором всё ещё красовались послания господ Лунатика, Бродяги, Сохатого и Прихвоста. На лице Люпина появилось странное отчуждённое выражение.

– Ну?

Люпин не отрываясь смотрел на карту. Гарри показалось, что он быстро что-то соображает.

– Ну? – повторил Снейп. – Пергамент полон Тёмной магии. А это, Люпин, по вашей части, если не ошибаюсь. Как, по-вашему, где мог Поттер его взять?

Люпин оторвал глаза от пергамента и, глянув искоса на Гарри, дал ему понять, чтобы он ни во что не вмешивался.

– Полон Тёмной магии? – повторил он невозмутимо. – Вы так полагаете, Северус? А мне кажется, это просто кусок пергамента. Он будет оскорблять каждого, кто захочет его прочесть, так уж его заколдовали. Детская проказа, но вряд ли опасная. Думаю, Гарри купил его в лавке шутивых розыгрышей...

– В самом деле? – Снейпа трясло от гнева. – Вы думаете, такое могут продавать в лавке шутивых розыгрышей? Не кажется ли вам более вероятным, что он получил этот пергамент *непосредственно от его изготовителей?*

Гарри не понимал, о чём говорит Северус Снейп, Люпин, по-видимому, тоже.

– Вы подразумеваете господина Прихвоста и других? – спросил он. – Гарри, вы знаете кого-нибудь из этих людей?

– Нет, – не раздумывая ответил Гарри.

– Вот видите, Северус, – Люпин опять повернулся к Снейпу. – Я уверен, что это товар из «Зонко»...

И как раз в этот самый миг в кабинет ворвался Рон. Задыхаясь от бега, он остановился у стола профессора. И, несмотря на бешено стучащее сердце, проговорил:

– Это... я... дал... Гарри... Купил... в «Зонко»... сто... лет... назад...

– Ну вот, Северус, – с довольным видом хлопнув в ладоши, сказал Люпин. – Дело прояснилось. Я отнесу пергамент обратно в «Зонко»? Не возражаете? – Люпин свернул карту и сунул её куда-то в складки мантии. – Гарри, Рон, идёте со мной, я хотел бы объяснить вам ещё кое-что про вампиров. Простите, Северус.

Гарри не смел поднять глаз на профессора Снейпа. Все трое молча вышли из кабинета. Люпин заговорил только в холле. Посмотрев на Гарри, он хотел было что-то сказать, но Гарри его опередил.

– Профессор, я...

– Мне не надо никаких объяснений, – прервал его Люпин. И, оглядев пустой холл, понизил голос: – Я случайно знаю, что эта Карта много лет назад была конфискована кое у кого Филчем. Да, я знаю, что это Карта, – пояснил он, заметив изумлённые взгляды друзей. – Не хочу знать, как она попала к вам в руки. Меня вот что *поражает*: почему вы не отдали её преподавателям. Тем более после того случая с пароями. Мы все видели, что случается, когда важные сведения о замке валяются где попало. И я, Гарри, не верну тебе Карту.

Гарри этого ожидал и не стал возражать. Он сгорал от желания узнать, на что же намекал Снейп.

– Почему Снейп подумал, что я получил Карту прямо от её изготовителей? – выпалил он.

– Видишь ли... – Люпин как будто подыскивал ответ. – Наверное, решил, что этим изготовителям очень хотелось выманить тебя из замка. Их бы это очень порадовало.

– Вы их *знаете*? – спросил поражённый Гарри.

– Мы встречались, – коротко ответил Люпин, смотревший на Гарри как никогда строго. – Не жди от меня, Гарри, что я буду бесконечно покрывать твои проделки. Я не сумел тебе внушить, что Сириус Блэк – это очень опасно. Но я был уверен, что слова, которые ты слышал, когда дементоры приближались к тебе, всё-таки окажут на тебя воздействие. Твои родители, Гарри, отдали свои жизни, чтобы спасти твою. И чем же ты отплатил им? Поставил на кон против их великой жертвы пакет с магическими штучками.

И Люпин ушёл, оставив Гарри на растерзание совести. Даже в кабинете Снейпа ему так тяжело не было. Гарри и Рон медленно поднимались по мраморной лестнице. Проходя мимо одноглазой ведьмы, Гарри вспомнил про плащ-невидимку. Он всё ещё был там, в начале подземного хода, но Гарри не посмел спуститься за нему.

– Это я во всём виноват, – вдруг сказал Рон. – Я тебя уговорил идти в Хогсмид. Люпин прав: мы поступили глупо. Не надо было этого делать... – И Рон опять замолчал.

В коридоре, где ходили дозорные тролли, они увидели идущую навстречу Гермиону. По её лицу было видно – она знает, что произошло. Сердце у Гарри упало: сказала ли она профессору МакГонаггалл про Карту? Гермиона подошла к ним и остановилась.

– Радуешься нашим неприятностям? – съязвил Рон. – Успела уже наябедничать?

– Нет, – сказала Гермиона, держа в руке письмо. Губы у неё дрожали. – Я просто подумала, вам надо это знать... Хагрид проиграл дело. Брыкляова казнят.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ФИНАЛЬНЫЙ МАТЧ

– Он... он вот, прислал мне, – сказала Гермиона, протягивая письмо.

Гарри взял кусок пергамента. Пергамент был мокрый, слёзы капали на слова, и чернила так расплылись, что некоторые слова только угадывались. Гарри прочитал:

«Дорогая Гермиона!

Мы проиграли дело. Мне разрешили взять его в Хогвартс. День казни будет назначен. Ключику Лондон очень понравился. Никогда не забуду, как ты нам помогала.

Хагрид».

– Они не посмеют, – сказал Гарри. – Не посмеют. Брыклов не опасен.

– Отец Малфоя запугал комитет, – возмущалась Гермиона, вытирая слёзы. – Они лишь трясущиеся старые дураки и они боятся. Конечно, будет апелляция, она всегда бывает. Но вряд ли это поможет. Приговор всё равно оставят в силе.

– Не оставят! – горячо возразил Рон. – Ты больше не будешь одна этим заниматься. Я тебе помогу, Гермиона.

– Ох, Рон!

Гермиона, чуть не в обмороке, бросилась ему на шею.

Рон сконфузился и стал неловко поглаживать Гермиону по голове. Наконец к Гермионе вернулись силы, и она выпустила Рона из объятий.

– Мне, Рон, правда, правда очень жалко Корыстика, – рыдала она.

– О... ладно, Корыстик был старым, – успокаивал её Рон, явно счастливый, что Гермиона отпустила его. – И в общем-то, от него было мало проку. Кто знает, вдруг мама с папой позволят мне теперь завести сову.

* * *

Из-за мер безопасности, введенных после второго появления Блэка, Гарри, Рон и Гермиона не могли по вечерам навещать Хагрида. Теперь они беседовали с ним только после уроков ухода за магическими существами.

Суровый приговор поверг Хагрида в шок.

– Это моя вина... Будто язык завязало узлом. Они все в чёрных мантиях, а у меня бумажки из рук валятся... Твои-то цифры, Гермиона, из головы вон... Тут Люциус Малфой встал и им чё-то сказал. Они и сделали, как он сказал.

– Ладно, подадим апелляцию! – кипел Рон. – Не сдавайся. Мы уже этим занимаемся.

Хагрид сопровождал класс в замок. Впереди, сразу перед ними, шёл Малфой, как всегда, в сопровождении Крэбба и Гойла. Малфой то и дело оглядывался, издевательски смеясь.

– Навряд ли поможет, Рон, – грустно покачал головой Хагрид. – Поди-ка с ними справься. Комитет у Малфоя в кулаке. Я вот шю думаю: пусть у Ключика последние-то денёчки будут самые шю ни на есть вольготные. Мой это долг...

С этими словами Хагрид повернул обратно в хижину, спрятав лицо в огромный носовой платок.

– Ха-ха-ха! Разревелся!

Малфой с неизменными спутниками стояли в дверях замка и все слышали.

– Вы видели что-нибудь более жалкое?! – воскликнул Малфой. – И это наш учитель!

Гарри с Роном бросились к Малфой, но Гермиона их опередила.

Хлоп! Размахнувшись, она изо всех сил ударила Малфоя по физиономии. Малфой покачнулся. Гарри, Рон и Крэбб с Гойлом остолбенели. А Гермиона размахнулась ещё раз.

– Не *смей* так говорить о Хагриде, тупая ты, злобная...

– Гермиона! – севшим голосом воскликнул Рон, пытаясь отвести занесённую руку Гермионы.

– *Не мешай*, Рон! – Гермиона вынула волшебную палочку.

Малфой отпрянул назад, Крэбб и Гойл, онемев, ждали распоряжений.

– Пошли, – буркнул Малфой. Компания слизеринцев вошла в замок и устремилась к лестнице, ведущей в подвалы.

– *Гермиона!* – ещё раз воскликнул Рон, не находя слов от восторга и удивления.

– Гарри, ты должен порвать их в финальном матче! – не могла успокоиться Гермиона. – Постарайся, а то я не перенесу, если мы проиграем.

– У нас сейчас чары, – напомнил Рон, всё ещё таращась на Гермиону. – Идёмте скорее, а то опоздаем.

Почти бегом бросились по мраморной лестнице в класс профессора Флитвика.

– Вы опоздали, молодые люди, – слегка попенял профессор. – Садитесь скорее, доставайте палочки. Мы сегодня поупражняемся с Веселящими чарами. Уже разбились на пары.

Гарри с Роном пошли в конец класса, сели за последний стол и открыли сумки.

– А куда делась Гермиона? – спросил Рон, оглядев класс. Гарри тоже огляделся. Гермионы в классе не было. Но ведь она стояла рядом, когда они открывали дверь!

– Это странно, – сказал Гарри Рону. – Может... она забежала в туалет?

Но Гермиона так на уроке и не появилась.

– Ей пошли бы на пользу Веселящие чары, – пошутил Рон по дороге в Большой Зал.

Класс шёл на обед в превосходном настроении, лица у всех сияли.

Но Гермиона не пришла и на обед. К концу обеда после яблочного пирога Веселящие чары слегка поветрились, и Гарри с Роном стали ощущать беспокойство.

– Как, по-твоему, не мог Малфой что-нибудь ей сделать? – спросил, нахмурившись, Рон по дороге к башне Гриффиндора. Прошли мимо дежурных троллей, сказали Полной Леди пароль («Флиббертигиббет») и протиснулись в проём гостиной.

Гермиона как ни в чём не бывало крепко спала, уронив голову на учебник арифмантики. Друзья сели по обе стороны, и Гарри толкнул её в бок.

– Ч-что? – проснулась Гермиона, непонимающе озираясь по сторонам. – Пора идти? К-какой сейчас урок?

– Прорицание, через двадцать минут, – вразумил её Гарри. – Гермиона, почему ты пропустила чары?

– Что? О нет! – вскрикнула Гермиона. – Я забыла пойти на чары!

– Но как ты могла забыть? Ты ведь дошла с нами до самого порога!

– Поверить не могу, – причитала Гермиона. – Профессор Флитвик очень сердился? Это всё Малфой! Я шла и думала о нём, и у меня как-то всё спуталось!

– Знаешь что, Гермиона, – сказал Рон, взглянув на толстенную «Арифмантику», которая послужила Гермионе подушкой. – По-моему, ты немного того... Слишком много на себя навалила.

– Ничего подобного! – возразила Гермиона, откинув с глаз волосы и безуспешно ища глазами сумку. – Я просто ошиблась, вот и всё. Пойду найду профессора Флитвика и попрошу прощения... Увидимся на прорицании.

Через двадцать минут она присоединилась к друзьям у первой ступени лесенки, ведущей в кабинет профессора Трелони. Вид у неё был явно огорошенный.

– Как же я могла пропустить Веселящие чары! Ведь они наверняка войдут в экзамены. Профессор Флитвик мне сейчас намекнул.

Они втроём поднялись по лестнице в кабинет профессора Трелони. Здесь, как всегда, было жарко и царил полумрак. На каждом столике матово поблёскивал хрустальный шар. Гарри, Рон и Гермиона сели за один шаткий столик.

– Я думал, мы будем глядеть в хрустальный шар в следующем семестре. – Рон осторожно оглянулся, нет ли поблизости профессора предсказаний.

– Не жалуйся, – заметил Гарри. – Это значит, мы покончили с хиромантией. Меня уже тошнит каждый раз, как она вздрагивает, взглянув на мою руку.

– Добрый день всем, – плавно пропел знакомый туманный голос, сопровождаемый появлением профессора Трелони откуда-то из густой тени.

Подружки Парвати и Лаванда задрожали от возбуждения, их лица освещало молочно-белое сияние, исходившее от магического кристалла перед ними.

– Я решила заняться магическим кристаллом немного раньше, чем планировала. – Профессор Трелони села спиной к огню и оглядела класс. – Богини судьбы поведали мне, что магический кристалл войдёт в ваш июньский экзамен.

Гермиона фыркнула.

– Ага, серьёзно... «Богини судьбы ей поведали»... Кто готовит экзамен? Она! Какое удивительное предсказание! – Гермиона даже не потрудилась опустить голос до шёпота.

Лицо профессора всё время оставалось в тени, так что трудно было сказать, слышала ли она Гермиону. Как бы то ни было, она невозмутимо продолжала:

– Гадание по магическому кристаллу – утончённое искусство. Я не ожидаю, что хотя бы один из вас станет с первого раза Провидеть, вглядываясь в бездонную глубину кристалла. Начнём с упражнений. Прежде всего, надо научиться расслаблять сознание и наружные глаза...

Из груди Рона вырвался смешок, и он прижал кулак ко рту, чтобы не разразиться неудержимым хохотом.

– Тогда у вас откроется Внутреннее Око и суперсознание. И возможно, если удача улыбнётся нам, кто-нибудь из вас сможет Увидеть уже до конца этого урока.

И они начали. Гарри чувствовал себя ужасно глупо: сидит и тупо смотрит внутрь хрустального шара, стараясь выгнать из головы назойливо вертящиеся слова «это тупость». Слова не желали уйти, тем более что Рон то и дело хихикал, а Гермиона презрительно фыркала.

– Вы что-нибудь видите? – спросил он друзей после пятнадцати минут глазения.

– Да, прожжённое пятно на столе, – ответил Рон, указывая. – Кто-то уронил свечу на этот стол.

– Такая трата времени, – прошептала Гермиона. – Можно было бы сделать что-то полезное. Например, прочитать про Веселящие чары.

Мимо них прошелестела профессор Трелони.

– Помочь кому-нибудь расшифровать туманные знаки внутри кристалла? – пропела она под звяканье браслетов.

– Мне не надо, – прошептал Рон. – И так ясно, что они значат. Сегодня вечером будет туман.

Гарри с Гермионой не выдержали и прыснули.

– Хватит, в самом деле! – воскликнула профессор Трелони, когда все повернулись в их сторону. Парвати с Лавандой возмущённо сверлили их глазами. – Вы нарушаете вибрацию пространства ясновидения.

Профессор подошла к их столу, под села к ним и всмотрелась в шар. Сердце у Гарри ёкнуло. Он точно знал, что сейчас произойдёт...

– Здесь что-то движется, – прошептала профессор, приблизив лицо к шару. – Что же это?

Он был готов поспорить на что угодно, даже на свой «Всполох», – ничего хорошего Трелони не увидит. И действительно...

– Мой мальчик... – вздохнула профессор и посмотрела на Гарри. – Он здесь, это видно, как никогда раньше... Крадёт, всё ближе... Гр...

– О, ради всего *святого*! – воскликнула Гермиона. – Неужели *опять* этот нелепый Грим?

Профессор Трелони вскинула на Гермиону огромные глаза, Парвати что-то шепнула Лаванде, и обе тоже воззрились на бунтарку. В глазах профессора полыхнул гнев.

– Мне жаль это говорить, но с той минуты, как вы появились в классе, *дорогая*, мне было абсолютно ясно, что в вас нет того, что необходимо для благородного искусства ясновидения. Я не помню другого такого ученика, чей разум был бы настолько безнадежно приземлённым.

На секунду в классе повисла абсолютная тишина.

– Прекрасно! – Гермиона встала, взяла учебник «Как рассеять туман над будущим» и сунула его в сумку. – Прекрасно! – повторила она и вскинув сумку на плечо, чуть не столкнула Рона вместе со стулом. – С меня хватит. Я ухожу.

Ко всеобщему удивлению, Гермиона подошла к люку, пинком открыла его и покинула класс.

Спустя несколько минут все успокоились. Профессор Трелони, похоже, забыла про Грима и отвернувшись от Гарри с Роном, плотнее закуталась в свой лёгкий газовый платок.

– Оооо! – внезапно воскликнула Лаванда так, что все подпрыгнули. – Оооо! Профессор Трелони, я вспомнила! Вы ведь предсказали, что она уйдёт! Так ведь, профессор? «Накануне Пасхи один из нас навсегда нас покинет». Вы это очень *давно* сказали, профессор.

Профессор Трелони светло улыбнулась.

– Да, Лаванда, я знала, что мисс Грэйнджер покинет нас. Но всегда надеешься, что предсказанное не сбудется. Внутренне Око – тяжёлое бремя, знаете ли...

Парвати и Лаванда, глядя на профессора с величайшим почтением, подвинулись, чтобы она могла сесть с ними.

– Ну и денёк у Гермионы, а? – шепнул опарашенный Рон Гарри.

– Да уж...

Гарри глянул в кристалл – ничего, кроме молочно-белого кружасьего тумана. Неужели профессор Трелони действительно опять видела Грима? Последнее, что нужно – это ещё одна смертельная опасность в предверии финального матча по квиддичу.

* * *

В пасхальные каникулы никакого отдыха не получилось. Третьекурсникам по всем предметам задали горы домашних заданий. Невилл Лонгботтом был на грани нервного срыва. И не он один.

– И это называется каникулы! – взорвался на третий день Шеймас Финниган. – Экзамены ещё через сто лет! И что это они устроили!

Но труднее всего приходилось Гермионе. Даже без прорицания у неё было несравненно больше предметов, чем у остальных. Вечером она последняя покидала гостиную, наутро первая приходила в библиотеку. Под глазами у неё были синяки, как у Люпина, а глаза то и дело на мокром месте.

Рон засел за подготовку апелляции. Брыкляева надо было спасать. Покончив с очередной порцией своих уроков, он брал толстые тома с увлекательными названиями: «Психология гиппогрифов», «Дичь или хищник? Исследование злобности гиппогрифов» – и уходил в них с головой, забыв даже про свою ненависть к Косолапу.

Гарри подстраивал выполнение домашних заданий к расписанию тренировок и бесконечным напутственным беседам Вуда. Матч Гриффиндора со Слизерином был назначен на первое воскресенье после каникул. Сейчас слизеринцы опережали все команды на двести очков. А это значило, что гриффиндорцы выиграют Кубок только в том случае, если наберут большее количество очков, о чём Вуд без конца им напоминал. Стало быть, победа во многом зависела от Гарри: только он может, поймав снитч, принести команде сразу сто пятьдесят очков.

– Запомни, – не уставал повторять Вуд, – ты должен поймать снитч, *только* когда мы наберём *больше* пятидесяти очков. Больше пятидесяти, Гарри, иначе матч мы выиграем, а Кубок будет не наш. Ты это усвоил? Ты должен поймать снитч...

– Я ЗНАЮ, ОЛИВЕР! – сорвался в конце концов Гарри.

Предстоящий матч буквально свёл с ума всех гриффиндорцев. Последний раз они выиграли Кубок семь лет назад, когда искателем был легендарный Чарли Уизли (второй сын в семье Уизли). Но Гарри был готов побиться об заклад, что никто, даже Вуд, так страстно не желал победить, как он. Неприязнь между ним и Малфоем достигла своего пика. Малфоя до сих пор жгло воспоминание о комке грязи в затылок, тем более что Гарри как-то удалось избежать наказания. А Гарри всё ещё помнил лжедементоров, которыми Малфой хотел сорвать матч. Но больше всего он хотел отомстить Малфою за Брыкнюва – одержать над ним победу перед всей школой.

Ещё ни один матч не приближался в такой накалённой атмосфере. К концу каникул отношения между командами и Домами достигли точки кипения. То и дело в коридорах возникали мелкие стычки, вылившиеся в грандиозное сражение между четверокурсником из Гриффиндора и шестикурсником из Слизерина. В результате обоим пришлось отправить в больничное крыло – у них из ушей полез лук-порей.

Хуже всего приходилось Гарри. Его постоянно преследовали слизеринцы, подставляя ему подножки. Крэбб с Гойлом пытались атаковать его всякий раз, когда его встречали, и отступали только, увидев, что он в окружении команды. Это Вуд распорядился, чтобы Гарри никуда не ходил один, на случай, если слизеринцы решат вывести его из игры накануне матча. Гриффиндорцы с энтузиазмом откликнулись на этот призыв Вуда. И теперь Гарри, окружённый огромной толпой, то и дело опаздывал на уроки. Самого же Гарри куда больше заботила безопасность «Всполоха». После тренировки он запирал его в чемодан и на переменах часто бегал наверх в башню, проверить, не случилось ли с ним чего-либо.

* * *

Накануне матча никто в гриффиндорской гостиной не занимался обычными делами. Даже Гермиона отложила на время книги.

– Не могу работать, – нервничала она. – Не могу сосредоточиться.

Шум в гостиной стоял невообразимый. Фред с Джорджем, чтобы дать выход обуревавшим их чувствам, орал и буйствовали сильнее, чем всегда. Оливер Вуд сидел в углу, склонившись над картой поля, и волшебной палочкой гонял по ней фигурки игроков, что-то про себя бормоча. Анджелина, Алисия и Кэти смеялись над проделками Фреда и Джорджа. Гарри сидел с Роном и Гермионой, отрешившись от всего и вся, стараясь не думать о завтрашнем дне, потому что всякий раз, как он о нём думал, что-то огромное и ужасное начинало шевелиться у него в животе.

– Мы завтра непременно победим, – сказала ему Гермиона, хотя вид у неё был определённо непобедоносный.

– У нас же есть «Всполох», – поддержал её Рон.

– Да... – кивнул Гарри, чувствуя, как у него выворачиваются внутренности.

Все с облегчением вздохнули, когда Вуд наконец приказал:

– Команда! Отбой!

* * *

Этой ночью он спал очень плохо. Сначала ему приснилось, что он проспал и Вуд кричит ему: «Где ты был? Нам пришлось выпустить Невилла!» Затем Гарри приснилось, что Малфой и другие игроки Слизерина прилетели на матч на драконах. Гарри носился по полю с головокружительной скоростью, пытаясь уклониться от пламени, изрыгаемого драконом Малфоя, и тут вспомнил, что забыл свой «Всполах» в спальне. Гарри свалился с метлы, упал на землю и проснулся.

Прошло несколько секунд, прежде чем Гарри осознал, что матч ещё не начался, что он спокойно сидит в своей кровати и что слизеринцам ни в коем случае не разрешат играть в квиддич верхом на драконах. Гарри почувствовал, что его горло совершенно пересохло. Он тихо встал и подошёл к окну, у которого стоял серебряный кувшин с водой. Наполнив чашку и выпрямившись, Гарри выглянул в окно.

Внизу было тихо и спокойно. Ветра не было, и верхушки деревьев в Запретном Лесу неподвижно застыли, а у Дракучей Ивы был абсолютно безобидный вид. Похоже, погода будет идеальной для квиддича.

Гарри допил воду, поставил чашку на столик и уже собирался отвернуться от окна, как вдруг что-то привлекло его внимание. По серебристому лугу крался какой-то зверь.

Гарри метнулся к кровати, схватил с тумбочки очки и поспешно вернулся к окну. Неужели это Грим... нет... только не сейчас... не за несколько часов до матча...

Он прильнул к стеклу и где-то через минуту отчаянных поисков наконец заметил то, что искал. Теперь этот зверь бежал по опушке леса... но это был вовсе не Грим... это был кот... Узнав высоко поднятый рыжий хвост, напоминающий ёршик для чистки бутылок, Гарри с облегчением опёрся руками о подоконник. Это всего лишь Косолап...

Всего лишь Косолап? Гарри прижался носом к стеклу. Кот наконец остановился. Гарри не сомневался, что видит, как кто-то ещё движется там, в тени деревьев.

В следующую секунду на опушке появился огромный лохматый чёрный пёс. Озираясь по сторонам, пёс, крадучись, побежал через луг, а рядом с ним бежал Косолап. Гарри смотрел на них, выпучив глаза. Если это был Грим, то есть предзнаменование скорой смерти Гарри, то его не должен был видеть никто, кроме самого Гарри, но, судя по всему, Косолап тоже видел Грима.

– Рон! – прошепел Гарри. – Рон! Проснись!

– А?

– Я хочу, чтобы ты сказал мне, что именно ты видишь.

– Да сейчас же ночь, Гарри, – неразборчиво пробормотал Рон. – Что там у тебя случилось...

– Там, внизу... – начал Гарри, снова выглядывая из окна.

Косолап и собака исчезли. Гарри залез на подоконник, но их нигде не было видно, и он никак не мог понять, куда они делись.

Сзади донёсся громкий храп, и стало ясно, что Рон снова уснул.

* * *

На следующее утро, когда Гарри вместе с другими игроками сборной Гриффиндора вошёл в Большой Зал, их встретили оглушительными аплодисментами. Гарри широко ухмыльнулся, увидев, что им аплодируют не только свои, но и ученики Рэйвенкло и Хаффлапфа. Когда они проходили мимо стола Слизерина, раздался громкий свист. Гарри отметил, что Малфой выглядит гораздо бледнее, чем обычно.

За завтраком Вуд требовал от всех игроков поесть как можно плотнее, хотя сам так и не притронулся к еде. А затем, не дав никому доест, поспешно вывел команду из зала, прежде чем оттуда вышел хоть один человек. Вуд хотел, чтобы они первыми узнали, в каких погодных условиях им предстоит играть. Когда они выходили, снова разразились аплодисменты.

– Удачи, Гарри! – крикнула Чоу Чанг, искатель сборной Рэйвенкло, и Гарри почувствовал, что краснеет.

– Отлично... никакого ветра... солнце чуть ярче, чем надо, будет бить в глаза, не забывайте об этом, – бормотал Вуд, прохаживаясь по полю взад и вперёд и озираясь по сторонам. – А земля достаточно твёрдая, и это хорошо... значит, мы сможем сильнее оттолкнуться и быстрее взлететь...

Наконец они увидели, как вдалеке распахнулись ворота замка и вся школа высыпала на лужайку.

– В раздевалку, – напряжённым голосом скомандовал Вуд.

Они молча переоделись в алую спортивную форму. Гарри интересовало, чувствуют ли себя остальные так же как и он; а у него было ощущение, будто он съел на завтрак нечто скользкое и извивающееся. Прошло, показалось, всего лишь несколько секунд, а Вуд уже громко объявляет, что пришло время выходить на поле.

Когда они вышли из раздевалки, по трибунам прокатилось настоящее цунами приветствий. Три четверти зрителей размахивали алыми флагами с изображённым на них львом, эмблемой Гриффиндора, или транспарантами с надписями типа «ВПЕРЁД, ГРИФФИНДОР!» и «КУБОК – ЛЬВАМ!». На трибуне Слизерина было примерно двести болельщиков в зелёных одеждах, на их знамёнах поблёскивала серебряная змея, а в самом первом ряду, одетый, как и все вокруг него, во всё зелёное, сидел профессор Снейп и мрачно ухмылялся.

– А вот и сборная Гриффиндора! – завопил Ли Джордан, который, как обычно, выступал в роли комментатора. – Поттер, Белл, Джонсон, Спиннет, Уизли, Уизли и Вуд. Все признают, что это лучшая сборная Хогвартса за последние несколько лет...

Громкие недовольные выкрики, донёсшиеся с трибуны Слизерина, заглушили комментарий.

– А вот на поле появилась команда Слизерина, – продолжил Джордан, когда на стадионе воцарилась относительная тишина. – Её выводит капитан сборной Маркус Флинт. Он произвёл в своей команде некоторые замены и, похоже, предпочёл габариты мастерству...

Трибуна Слизерина снова неодобрительно завопила. Однако Гарри отчётливо видел, что у Джордана, в общем-то, имелись основания для такого заявления. Малфой был единственным низкорослым игроком Слизерина, остальные были просто огромны.

– Капитаны, пожмите друг другу руки! –скомандовала мадам Хуч.

Вуд и Флинт схватили друг друга за руки. Со стороны казалось, что каждый из них пытается сломать другому пальцы.

– Седлайте метлы! – распорядилась мадам Хуч. – Три... два... один...

Её свисток потонул в пронёсшемся по стадиону вопле, и четырнадцать игроков взмыли в воздух. Гарри ощутил, как ветер откидывает с его лба волосы. Оказавшись в небе, он сразу перестал нервничать. Оглянувшись, он заметил позади себя Малфоя и резко сорвался с места, озираясь по сторонам в поисках снитча.

– Мяч у сборной Гриффиндора, Алисия Спиннет, сжимая в руках квоффл, устремляется к кольцам Слизерина. Давай, Алисия! – начал комментарий Джордан. – О, нет – квоффл перехватывает Уоррингтон. Уоррингтон летит на половину поля Гриффиндора... БАМ! – его останавливает бладжер, отменно посланный Джорджем Уизли! Уоррингтон роняет квоффл, его подхватывает... да, это Джонсон, и мяч снова у гриффиндорцев! Ну давай же, Анджелина! Она великолепно обводит Монтегю... *пригнись, Анджелина, это бладжер!* ГОЛ! ДЕСЯТЬ – НОЛЬ В ПОЛЬЗУ ГРИФФИНОРА!

Анджелина, победно вскинув сжатый кулак, облетела кольца Слизерина, а под ней бушевало от восторга алое море...

– Ой!

Анджелина чуть не слетела с метлы – в неё внезапно врезался Маркус Флинт.

– Извините! – буркнул Флинт, когда внизу раздался возмущённый рёв стадиона. – Я не её заметил!

В следующее мгновение подоспевший Фред Уизли обрушил свою битую на затылок Флинта. Флинт ткнулся носом в рукоятку собственной метлы, и на поле закапала кровь.

– Прекратите! – пронзительно завопила мадам Хуч, зависая в воздухе между ними. – Сборная Гриффиндора получает право на пенальти за беспричинное нападение на своего гончего! Сборная Слизерина получает право на пенальти за намеренное нападение на своего гончего!

– Бросьте, мисс! – проворчал Фред, но мадам Хуч дунула в свисток, и Алисия полетела к кольцам Слизерина, чтобы пробить пенальти.

– Давай, Алисия! – прервал воцарившуюся на стадионе тишину голос Ли Джордана. – ДА! ОНА ПЕРЕИГРЫВАЕТ ВРАТАРЯ! ДВАДЦАТЬ – НОЛЬ В ПОЛЬЗУ ГРИФФИНОРА!

Гарри резко развернул метлу, чтобы посмотреть, как Флинт направляется выполнять штрафной бросок к кольцам Гриффиндора. Из носа Флинта текла кровь. Перед кольцами парил Вуд. Зубы его были крепко сжаты.

– Разумеется, Вуд – великолепный голкипер! – прокомментировал Ли Джордан, пока Флинт дожидался свистка мадам Хуч. – Просто потрясающий! Его очень сложно обвести, ужасно сложно. ДА! ПОВЕРИТЬ НЕ МОГУ! ВУД СПАСАЕТ СВОИ ВОРОТА!

Гарри с облегчением развернулся и полетел прочь, высматривая снитч, но при этом стараясь прислушиваться к комментарию Джордана. Важнее всего было удержать Малфоя и дожидаться, когда разрыв станет более пятидесяти очков.

– Мяч у Гриффиндора... нет, уже у Слизерина, – продолжал Ли. – Нет, Гриффиндор снова перехватывает мяч. Квоффл у Кэти Белл, она устремляется к кольцам Слизерина... ЭТО БЫЛО НАМЕРЕННОЕ НАРУШЕНИЕ!

Монтегю, гончий слизеринцев, преградил Кэти путь и, вместо того чтобы выхватить из её рук мяч, схватил её за голову, Кэти завертелась в воздухе, и, хотя ей удалось не упасть, она выпустила квоффл.

Мадам Хуч, пронзительно свистнув, подлетела к Монтегю и начала что-то кричать ему. Минуту спустя Кэти отлично выполнила пенальти, переиграв вратаря Слизерина.

– ТРИДЦАТЬ – НОЛЬ! – завопил Джордан, – НУ ЧТО, ПОЛУЧИЛ ЗА СВОИ ПАКОСТИ, ГРЯЗНЫЙ...

– Джордан, если вы не можете комментировать непредвзято... – перебила его профессор МакГонаггал. Она, как всегда, сидела рядом с комментатором и контролировала его.

– Я просто говорю, как есть, профессор!

Гарри ощутил внутренний толчок. Он уже заметил снитч – мячик парил у подножия шеста, на котором было установлено одно из трёх колец Гриффиндора, но ему ещё нельзя было ловить его. А если его не заметит Малфой...

Гарри, внезапно изобразив на лице волнение, развернул «Всполох» и помчался в противоположную сторону, к кольцам Слизерина. Его уловка сработала. Малфой нёсся за ним, по-видимому не сомневаясь, что Гарри увидел снитч...

Над правым ухом Гарри просвистел бладжер, пущенный в него гигантским загонщиком Слизерина по фамилии Дерек. А в следующую секунду второй бладжер скользнул по его локтю. Второй загонщик Слизерина, Боул, тоже летел в направлении Гарри.

Гарри краем глаза заметил, как Дерек и Боул приближаются к нему с двух сторон, заноса дубинки, и...

В последний момент перед столкновением он направил «Всполох» круто вверх, и Боул с Дерексом врезались друг в друга. Раздался неприятный хруст.

– Ха-ха! – завопил Ли Джордан, увидев, как слизеринские загонщики разлетаются, держась за головы. – Опоздали, ребята! Заводите будильник пораньше, чтобы обставить «Всполох»! А теперь мяч снова у Гриффиндора, его перехватила Анджелина Джонсон, сбоку от неё летит Флинт... Ткни его в глаз, Анджелина! Профессор, это всего лишь шутка, просто шутка... О, нет, Флинт отбирает у неё мяч, разворачивается в сторону колец Гриффиндора... Давай, Вуд, останови его!

Но Флинт забросил квоффл в кольцо под громкие аплодисменты трибуны, где сидели болельщики Слизерина. А Джордан произнёс настолько нехорошее слово, что профессор МакГонаггал попыталась отобрать у него магический мегафон.

– Извините, извините, профессор! – затараторил Джордан. – Больше не повторится! Итак, Гриффиндор ведёт со счётом тридцать – десять, мяч у Гриффиндора, и...

Это был самый грязный матч, в котором когда-либо участвовал Гарри. Разъярённые тем, что сборная Гриффиндора сразу вышла вперёд, слизеринцы пытались овладеть мячом любыми средствами. Боул ударил Алисино битой и объяснил мадам Хуч, что перепутал её с бладжером. Джордж Уизли в отместку ударил Боула локтем в лицо. Мадам Хуч снова назначила два пенальти, и Вуд в зрелищном броске снова спас свои кольца, а разрыв увеличился до тридцати очков.

Снитч опять появился на поле и опять исчез. Малфой по-прежнему летал следом за Гарри, а Гарри парил над полем, оглядываясь по сторонам и убеждая себя, что Гриффиндор с минуты на минуту начнёт опережать Слизерин более чем на пятьдесят очков...

Кэти забросила ещё один мяч, и счёт стал пятьдесят — десять. Фред и Джордж Уизли, подняв биты, окружили её на тот случай, если кто-то из слизеринцев захочет отомстить ей за успех. Боул и Дерек воспользовались их отсутствием и направили оба бладжера в Вуда. Тяжёлые чёрные мячи один за другим врезались капитану гриффиндорцев в живот, и Вуд, задохнувшись, согнулся пополам и соскользнул с метлы. К счастью, он не разжал руки и потому не упал на землю, а просто повис на метле.

Мадам Хуч была вне себя от ярости.

— *Нельзя атаковать вратаря, если квоффл находится за пределами штрафной площадки!* — пронзительно завопила она, обращаясь к Дереку и Боулу. — Пенальти!

Анджелина безошибочно выполнила штрафной удар, и наконец разрыв составил пятьдесят очков. Несколько мгновений спустя Фред Уизли направил бладжер в Уоррингтона и выбил из его рук квоффл, а Анджелина подхватила его и забросила в кольцо Слизерина, увеличив счёт. Семьдесят — десять.

Зрители орали так громко, что охрипли. Преимущество Гриффиндора теперь составляло шестьдесят очков, и если бы Гарри сейчас удалось поймать снитч, то Кубок школы по квиддичу был бы в их руках. Гарри физически ощущал, как за ним следят сотни глаз; он летал над полем, оставив остальных игроков далеко внизу, а за ним, стараясь не отставать, летал Малфой.

И тут он заметил то, что искал. В двадцати футах над ним поблёскивал золотой снитч.

Гарри резко набрал скорость, в ушах засвистел ветер, он уже вытянул руку, но вдруг «Всполох» замедлил ход, и...

Гарри в ужасе оглянулся и сразу понял в чём дело. Отставший от него Малфой в отчаянии ухватился за прутья метлы Гарри и тянул её назад.

— Ты... — начал Гарри и захлебнулся от ненависти.

Он был настолько разъярён, что хотел ударить Малфоя, но не мог до него дотянуться. Малфой, тяжело дыша и напрягаясь изо всех сил, удерживал «Всполох» на месте — лицо его было залито потом, но глаза злобно сверкали. И в результате он добился того, чего хотел, — снитч снова исчез.

— Пенальти! Пенальти! В жизни не видела такого грязного приёма! — закричала мадам Хуч, подлетая к Малфою.

— ПОГАНЫЙ УБЛЮДОК! — завопил в микрофон Ли Джордан, предусмотрительно вскочив и отпрыгнув подальше от профессора МакГонаггалл. — ПОГАНЫЙ, ГЯЗНЫЙ...

Но профессор МакГонагалл вовсе не собиралась делать ему замечания. Она потрясала кулаком, со злобой глядя на Малфоя, и яростно выкрикивала что-то, не замечая, что её остроконечная шляпа упала на землю.

Алисия попыталась выполнить штрафной, но была так зла, что сильно промахнулась. Происшествие вывело гриффиндорцев из себя, а игроки Слизерина, воодушевлённые поступком Малфоя, наоборот, почувствовали себя куда увереннее.

– Мяч у Слизерина, Слизерин атакует; Монтегю забрасывает мяч, – простонал Ли Джордан. – Семьдесят – двадцать в пользу Гриффиндора...

Теперь Гарри старался не выпускать Малфоя из виду и летал рядом с ним так близко, что их колени время от времени соприкасались. Гарри не мог позволить Малфою поймать снитч.

– Отвали, Поттер! – в отчаянии завопил Малфой после того, как попытался развернуться и обнаружил, что Гарри перекрывает ему путь.

– Квоффл у Анджелины Джонсон, – донёсся до Гарри голос Ли Джордана. – Давай, Анджелина, ДАВАЙ!

Гарри огляделся. Все игроки Слизерина, кроме Малфоя, даже их вратарь, рванулись по направлению к Анджелине, пытаясь заблокировать её.

Гарри развернул «Всполох», пригнулся так низко, что практически улёгся на рукоятку метлы, и со скоростью пули устремился на слизеринцев.

– А-А-А-А!

Сборная Слизерина разлетелась в разные стороны, и Анджелина устремилась вперёд – путь был расчищен.

– ОНА ЗАБИЛА! ОНА ЗАБИЛА! – завопил Джордан. – Гриффиндор ведёт со счётом восемьдесят – двадцать!

Гарри, едва не врезавшись в трибуны, затормозил в самый последний момент, развернулся и снова взмыл над центром поля. И тут он увидел нечто, что заставило его сердце сжаться. Малфой с видом триумфатора устремился вниз – там, в нескольких футах над травой, поблёскивал крошечный золотой мячик.

Гарри направил метлу вниз, но Малфой уже был слишком далеко.

– Давай! Давай! Давай! – отчаянно вопил Гарри, подгоняя метлу. Он постепенно приближался к Малфою. Гарри, распластавшись на метле, уклонился от блаждера, который послал в него Боул. Его голова уже была на уровне ног летевшего параллельно ему Малфоя... вот они поравнялись...

Гарри всем телом резко наклонился вперёд, отрывая от метлы обе руки. Одной он оттолкнул руку Малфоя, тянущуюся к мячу, а другой...

– ДА!

Он вышел из пике, вскинув руку в воздух, и стадион взорвался аплодисментами и криками. Гарри взмыл над ревущими трибунами, в ушах его стоял странный звон, а в кулаке был крепко зажат крошечный золотой мячик, беспомощно хлопающий серебряными крылышками.

Вуд, из глаз которого ручьями текли слёзы, подлетел к Гарри, обхватил его за шею и разрыдался, уткнувшись ему в плечо. Подлетевшие следом Фред и Джордж с силой захлопали его по спине, а затем до Гарри донеслись вопли Анджелины, Алисии и Кэти: «*Кубок наш! Кубок наш!*» Сборная Гриффиндора, превратившись в многорукое и многоногое чудовище, хрипло вопя, опустилась на землю.

И тут на поле начали одна за другой накатывать алые волны болельщиков. Их кулаки, как градины, забарабанили по плечам и спинам игроков. У Гарри было такое впечатление, словно он оказался посреди бурного моря тел и вот-вот утонет в нём. А затем толпа подняла его и других игроков сборной на руки.

Гарри, взлетев над толпой и наконец оказавшись на свету, сразу увидел Хагрида, с головы до ног обвешанного алыми розетками.

– Ты разбил их, Гарри, ты их разбил! – вопил великан. – Я ещё расскажу об этом Ключу!

Потом Гарри увидел Пёрси Уизли, который, позабыв о своей привычной напыщенности и важности, прыгал как безумный. А профессор МакГонагалл рыдала громче, чем Вуд, вытирая лицо огромным флагом Гриффиндора. Пробившиеся к Гарри сквозь толпу Рон и Гермиона даже не напались что сказать и просто улыбались, глядя на него. Толпа поднесла Гарри к трибуне, на которой с гигантским Кубком в руках стоял Дамблдор.

Когда плачущий от счастья Вуд передал Гарри Кубок и он поднял его в воздух, он подумал, что в этот момент он мог бы создать самого лучшего в мире Патронуса.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ПРОРОЧЕСТВО ПРОФЕССОРА ТРЕЛОНИ

Эйфория от завоевания Кубка растянулась у Гарри на целую неделю. Казалось, ликовала даже погода – с наступлением июня дни стали жаркие и безоблачные, природа словно приглашала прогуляться по лугам или поваляться в траве, прихватив с собой несколько пинт ледяного тыквенного сока, сыграть партию-другую в плюй-камни или хотя бы просто наблюдать, как гигантский кальмар лениво рассекает гладь озера.

Но никто и помыслить не мог ни о чём подобном – надвигались экзамены, и, вместо того чтобы прохладиться в окрестностях, гриффиндорцы безвылазно сидели в замке, отчаянно пытаясь сосредоточиться на учёбе и стараясь не обращать внимание на манящие порывы летнего ветерка, залетающего в окна. Даже Фреду и Джорджу Уизли пришлось унизиться до зубрёжки – им предстояло сдавать экзамены на Ступень Обычного Волшебства. У Пёрси задача была куда серьёзнее – он готовился к сдаче КРОТа (Колдовских Реально Опустошающих Тестов). Это была самая высокая степень, получаемая в Хогвартсе. Пёрси собирался поступать на службу в Министерство магии, и ему требовались высшие оценки. Он становился всё раздражительней и строго наказывал тех, кто по вечерам нарушал тишину в общей гостиной. Лишь один человек, пожалуй, выглядел ещё более озабоченным – Гермiona.

Гарри и Рон давно уже махнули рукой на расспросы, как это ей удастся посещать несколько занятий одновременно. Но когда они увидели расписание экзаменов, составленное Гермioniой для самой себя, сдержаться было уже выше сил. Первая колонка гласила:

«Понедельник

9:00 – Арифмантика

9:00 – Трансфигурация

Обед

13:00 – Чары

13:00 – Древние руны»

– Гермiona, – очень осторожно поинтересовался Рон, помня, что, отвлекая её от занятий, в последнее время легко попасться под горячую руку, – ммм... ты уверена, что правильно записала время вот здесь?

– Что? – Гермiona сердито схватила своё расписание и пробежала глазами. – Да, уверена.

– Наверное, нет смысла выяснять, как это ты собираешься быть на двух экзаменах одновременно? – Спросил Гарри.

– Наверное, нет, – коротко ответила Гермiona. – Никто не видел моей «Нумерологии и грамматики»?

– Ну разумеется, это я её одолжил – почитать перед сном, – едва слышно пробормотал Рон.

В поисках книги Гермиона принялась рыться в грудах пергамента по всему столу, но тут из окна послышался шорох и влетела Хэдвиг, сжимая в клюве записку.

– Это от Хагрида, – сказал Гарри, разворачивая послание, – апелляция назначена на шестое.

– Это последний день экзаменов, – заметила Гермиона, всё ещё погружённая в поиски книги.

Гарри читал дальше:

– Состоится здесь. Приедет кто-то из Министерства и... и палач...

Гермиона испуганно подняла глаза:

– Они везут на апелляцию палача. Но ведь это... это означает, что у них уже всё решено!

– Да, похоже, – медленно проговорил Гарри.

– Они не посмеют! – закричал Рон. – Я *столько* времени убил, перелопатил кучу материала! Не могут они его просто так игнорировать!

Но у Гарри было скверное предчувствие, что под давлением мистера Малфоя комитет по Обезвреживанию опасных существ уже принял решение. К Дрэйко, поутихшему после гриффиндорского триумфа в Кубке по квиддичу, в последние дни явно вернулись прежняя наглость и апломб. По ехидным замечаниям, случайно долетавшим до Гарри, было ясно, что у Малфоя нет сомнений в предстоящей казни Брыклюва, и он весьма доволен тем, что поспособствовал этому. При теперешних обстоятельствах единственное, что мог сделать Гарри – изо всех сил сдерживать себя, чтобы вслед за Гермионой не закатить ему хорошую оплеуху. Но хуже всего было то, что у друзей не было ни времени, ни возможности навестить Хагрида, поскольку драконовские меры безопасности никто не отменял, а у Гарри не хватало духа пойти и забрать плащ-невидимку из подземелья под одноглазой горбуньей.

* * *

С началом экзаменационной сессии на замок опустилась удивительная, почти неестественная тишина. В понедельник, ближе к обеду бледные и замученные третьекурсники выходили с экзамена по трансфигурации, обсуждая результаты и горько жалуясь на трудность задания – требовалось превратить фарфоровый чайник в черепаху. Сетования Гермионы из-за того, что её черепаха получилась уж очень похожей на морскую вместо обычной, вызывали только всеобщее раздражение; остальным подобные проблемы казались откровенно смехотворными.

– У моей носик от чайника так и остался вместо хвоста, какой кошмар...

– Кто-нибудь слышал: *могут* черепахи дышать паром?

– Смотрю, а панцирь цвета ивовой коры. Думаете, снизят за это баллы?

Затем торопливый ленч и снова, без передышки, наверх, на экзамен по чарам. Гермиона оказалась права: профессор Флитвик и в самом деле решил вынести на экзамен Веселящие чары. Гарри, разволновавшись, слегка переборщил и довёл Рона, на котором демонстрировал своё искусство, до припадков истерического хохота, так что беднягу на целый час пришлось поместить для успокоения в отдельную комнату, прежде чем он сам смог взяться за выполнение задания. После ужина ученики поспешили в общую гостиную, но не отдыхать, а

готовиться к следующим экзаменам — по уходу за магическими существами, зельям и астрономии.

Утром первым был уход за магическими существами. Лесничий пребывал в полном расстройстве чувств, его мысли были явно где-то далеко. Он принёс в класс объёмистый чан с червеплюхами и объявил, что экзамен сдаст тот, чьи червеплюхи будут всё ещё живы к концу часа. А поскольку эти малосимпатичные существа для своего благоденствия нуждались лишь в том, чтобы их не трогали, то экзамен получился самый лёгкий из всех, а Гарри, Рон и Гермиона наконец-то получили долгожданную возможность переговорить с Хагридом.

— Ключик что-то загрустил, — вполголоса поведал лесничий, наклонившись к Гарри словно бы затем, чтобы проверить самочувствие его червеплюхов. — Взаперти, верно, слишком долго сидит... А там... Послезавтра так или иначе решится — одно или... или уж другое.

В тот же день их ожидал и экзамен по зельям, который обернулся полным провалом. Как Гарри ни бился, он не смог стусить Морочащую Закваску, и Снейп, наблюдавший за ним с мстительным удовольствием, нацарапал в своих записях нечто, подозрительно похожее на ноль.

Затем была астрономия; тёмной ночью, на площадке самой высокой из башен. В среду утром — история магии. Писали сочинение, где Гарри спешно припоминал всё, что слышал прошлым летом от Флориана Фортескью о средневековой охоте на ведьм, и в душном классе ему нестерпимо хотелось мороженого, каким Фортескью угощал его. После обеда в среду сдавали гербологию — экзамен проходил в оранжереях, на солнечном пекле, и у многих обгорели шеи. И, вернувшись в общую гостиную, все только и мечтали о блаженном часе завтрашнего дня, когда всё будет позади.

Предпоследним экзаменом — в четверг утром — была защита от Тёмных искусств. Профессор Люпин устроил самое диковинное испытание, какое только можно вообразить, — полосу препятствий на пересечённой местности. Надо было перейти вброд глубокую заводь — в ней засел гриндилоу; преодолеть цепочку канав, полных красных колпаков; прошлёпать по участку болотной топи, не поддаваясь на сбивающие с пути хитрости хинкипанка. И в конце концов, забравшись в дупло старого дуба, сразиться с боггартом.

— Превосходно, Гарри, — негромко заметил Люпин, когда мальчик, радостно улыбаясь, показался из дупла. — Высший балл.

Переполненный ощущением успеха, Гарри остался ждать Рона и Гермиону. У Рона всё шло прекрасно, пока он не добрался до хинкипанка, который умудрился-таки заманить его в трясины, куда Рон и провалился по пояс. Гермиона всё делала безупречно до самого дупла с боггартом. Побыв там минуту, она с визгом вылетела наружу.

— Гермиона! — поднял брови Люпин. — Что случилось?

— Там п-п-профессор МакГонагалл, — едва дыша, вымолвила та, указывая на дупло. — Она сказала, что я завалила все экзамены!

Успокоилась Гермиона не сразу. Едва она пришла в себя, друзья зашагали обратно в замок. Рона так и подмывало поострить в адрес боггарта Гермионы, но на парадной лестнице их ожидало зрелище, от которого все шутки одним махом выскочили из головы.

Там, наверху, слегка вспотевший под неизменной полосатой мантией, стоял Корнелиус Фадж собственной персоной и обозревал окружающий ландшафт. Увидев Гарри, он переступил с ноги на ногу.

– Рад приветствовать тебя, Гарри! С экзамена, как я понимаю? Уже почти всё сдали?

– Да, сэр, – ответил Гарри.

Гермиона и Рон, которым никогда ещё не доводилось беседовать с министром магии, в некотором замешательстве остановились сзади.

– Чудесный денёк, – продолжал Фадж, окидывая взглядом озеро. – Право, такая жалость, такая жалость...

Он печально вздохнул и вновь повернулся к Гарри:

– Я здесь с неприятной миссией, знаешь ли... Комитету по Обезвреживанию опасных существ требуется свидетель приведения в исполнение приговора взбесившемуся гиппогрифу. А так как я всё равно собирался в Хогвартс, проверить, как тут ситуация с Блэком, то меня попросили заодно принять участие...

– Значит, апелляция уже закончилась? – вмешался Рон, выходя вперёд.

– Нет-нет, рассмотрение назначено на сегодня. – Фадж с любопытством посмотрел на него.

– Так, может, вам вовсе и не придётся быть свидетелем! – с жаром воскликнул Рон. – Может, ещё гиппогрифа не казнят!

Не успел министр ответить, как из дверей замка вышли двое колдунов. Один был старец, такой древний, что, казалось, вот-вот рассыплется, второй – кряжистый верзила с тонкими чёрными усиками. Гарри сообразил, что это представители комитета по Обезвреживанию, потому что старый колдун, покосившись в сторону хижины Хагрида, пробормотал слабым голосом:

– Боже, я слишком стар для подобных вещей... Так в два часа, я правильно понял, Фадж?

Тут только Гарри обратил внимание, что у черноусого детины заткнут за пояс жуткого вида топор с широким сверкающим лезвием – он любовно поигрывал пальцами по отполированной рукояти. Рон хотел было что-то сказать, но Гермиона чувствительно толкнула его локтем в бок и решительным кивком указала на двери замка.

– Зачем ты меня остановила? – возмутился Рон, когда они шли в Большой Зал на обед. – Ты видела? Они даже топор приготовили! Какое тут, к чёрту, правосудие!

– Рон, твой отец работает в Министерстве магии. Тебе лучше в таком тоне не говорить с его начальником, – рассудительно ответила Гермиона, хотя и она была встревожена. – Если Хагрид на этот раз сохранит хладнокровие и будет ясно аргументировать свою позицию, возможно, они и не казнят Брыклюва...

Но Гарри видел, что Гермиона и сама не очень-то верит своим словам. За обеденным столом царило радостное возбуждение: ведь сегодня последний день сессии! Но Рону, Гарри и Гермионе было не до веселья.

У Гарри с Роном последним экзаменом было прорицание, у Гермионы – изучение маглов. Они вместе поднялись по мраморным ступеням, на втором этаже Гермиона

покинула друзей, а Гарри с Роном продолжили путь вверх до восьмого, где на ступеньках винтовой лестницы уже сидел почти весь их класс. Кто-то про себя вспоминал пройденное, кто-то судорожно листал учебник, пытаясь в последнюю минуту выучить весь предмет.

Рон и Гарри присели рядом с Невиллом.

— Она вызывает по одному, — понуро сообщил тот. На коленях у него лежал учебник «Как рассеять туман над будущим», открытый на странице, посвящённой магическому кристаллу. — Кто-нибудь из вас видел хоть *что-то* в этом хрустальном шаре? — спросил Невилл несчастным голосом.

— Ни разу, — мрачно ответил Рон, поглядывая на часы. Гарри знал, что Рон считает время, оставшееся до апелляции.

Очередь в кабинет предсказаний сокращалась медленно. Как только кто-то появлялся на серебряной лесенке, все бросались к нему и страшным шёпотом допытывались: «Сдал? Что она спрашивала?»

Но все в ответ молчали.

— Она сказала — ей поведал кристалл, — если я что-нибудь вам расскажу, со мной произойдёт ужасное несчастье! — пролепетал Невилл, сойдя вниз к Гарри и Рону, которые уже были у самой лестницы.

— Как удобно, — фыркнул Рон. — Я начинаю думать, что Гермiona на этот счёт права. Она, — он ткнул большим пальцем в люк над головой, — просто старая обманщица...

— Скорее всего, — кивнул Гарри, тоже взглянув на часы: было уже два. — Хорошо бы она поторопилась...

Следующей спустилась Парвати, сияя от гордости.

— Она сказала, что у меня есть все задатки ясновидящей. Я *столько* всего увидела... Ну, желаю удачи!

И она сбежала по винтовой лестнице — внизу её ожидала Лаванда.

— Рональд Уизли! — раздался сверху с нотками таинственности голос.

Рон состроил Гарри рожу и, поднявшись вверх, скрылся. Гарри остался один дожидаться своей участи. Он уселся на лестницу и привалился спиной к стене, слушая гудение мухи, колотящейся в залитое солнцем окно. Мысли его унеслись далеко, через луг, в избушку Хагрида.

Минут через двадцать на лестнице вновь показались сначала внушительного размера ноги Рона, а за ними и он сам во весь рост. Гарри поднялся навстречу:

— Ну как прошло?

— Полный бред. Ничего я не увидел, поэтому наплёл ей всякого. Не думаю, что она поверила.

— Ладно, встретимся в гостиной, — спешно сказал Гарри.

В этот миг над ними прозвучало: «Гарри Поттер!»

В кабинете наверху было очень жарко, шторы задёрнуты, в камине полыхал огонь. Гарри закашлялся, вдохнув приторно-тошнотворный запах, и пошёл между стульев и столов к месту где сидела профессор Трелони. Она ожидала его, сидя перед большим хрустальным шаром.

– Здравствуйте, мой дорогой, – проворковала она. – Будьте так любезны, загляните внутрь шара... внимательно, не торопясь... и потом скажите мне, что вы там увидели.

Гарри склонился над магическим кристаллом и напряжённо уставился на него, от души желая увидеть что-нибудь кроме вращения белого тумана. Но все его старания были напрасны.

Молчание затягивалось.

– Итак? – с деликатным нетерпением поинтересовалась профессор Трелони. – Что вы видите?

Духота становилась невыносимой, насыщенный благовониями дым из камина ел ноздри. Гарри вспомнил слова Рона и решил притвориться.

– Вижу... – начал Гарри, – что-то тёмное... М-м-м...

– На что оно похоже? – прошептала профессор Трелони. – Подумай, не спеши...

А Гарри как раз в спешке старался что-то изобрести и, конечно, подумал о Брыкляове.

– Это гиппогриф, – уверенно заявил он.

– Вот как? – всё тем же шёпотом воскликнула профессор Трелони, с живостью делая пометки в пергаменте, лежащем у неё на коленях. – Мой мальчик, вероятно, вы видите исход конфликта между бедным Хагридом и Министерством магии! Присмотритесь внимательней... У этого гиппогрифа, у него голова на месте?

– Да, – твёрдо ответил Гарри.

– Вы уверены? – с нажимом спросила профессор Трелони. – Вы в самом деле уверены, мой дорогой? Не видите ли вы, скажем, его в судорогах на земле, а позади – мрачную фигуру с занесённым топором?

– Нет! – Гарри упрямо потряс головой, ему становилось дурно.

– И ни крови? Ни рыдающего Хагрида?

– Нет! – Гарри, как никогда, хотелось покинуть эту комнату с её духотой и пряной вонью. – Гиппогриф выглядит прекрасно, он улетаёт прочь...

Профессор Трелони вздохнула.

– Ну хорошо, мой дорогой, оставим это... Я немного разочарована, но уверена: вы сделали всё, что в ваших силах...

Гарри с облегчением встал, взял сумку и уже повернулся, чтобы уйти, но тут позади него прозвучал резкий, громкий голос:

– Это произойдёт сегодня ночью.

Гарри обернулся. Профессор Трелони деревянно выпрямилась в кресле, взгляд устремился неведомо куда, нижняя челюсть отпала.

– Прошу прощения? – растерялся Гарри. Но профессор Трелони не слышала его. Глаза её закатились. Гарри в ужасе замер, казалось, прорицательница вот-вот зайдёт в припадок. Он уже думал скорее бежать за помощью в больничное крыло, но тут профессор Трелони снова заговорила тем же резким голосом, столь непохожим на её собственный:

– Тёмный Лорд одинок и брошен друзьями, покинут последователями. Его слуга провёл в заточении двенадцать лет. Сегодня вечером, до наступления полуночи, слуга обретёт свободу и выйдет в путь, чтобы воссоединиться с господином. С поддержкой верного слуги

Тёмный Лорд воспрянет вновь, ещё более великим и ужасным, чем когда-либо доселе. Вечером... до полуночи... слуга... отправится... на воссоединение... с господином...

Профессор Трелони уронила голову на грудь и захрипела, опять встрепенулась и, очнувшись, посмотрела на Гарри.

– Ой, извините меня, дорогой мальчик, – сказала она, как будто ещё до конца не проснувшись, – сегодня такая жара... Я, кажется, задремала на минутку...

Но Гарри стоял как вкопанный, не сводя с нее глаз.

– Что случилось, мой дорогой?

– Вы... Вы только что сказали, что Тёмный Лорд воспрянет вновь... Что его слуга возвращается к нему...

Профессор Трелони, похоже, сильно испугалась.

– Тёмный Лорд? Тот-Кого-Нельзя-Называть? Мой дорогой, этим не шутят. «Воспрянет вновь!..» Надо же такое...

– Но вы это сказали! Сказали, что Тёмный Лорд...

– Думаю, вы тоже слегка вздремнули, мой дорогой, – прервала его профессор Трелони. – Разумеется, я никогда не позволила бы себе предсказать *такую* нелепость!

Ошеломлённый, сбитый с толку, Гарри пошёл к люку. Спускаясь по лестнице, он не переставал спрашивать себя: неужели он слышал сейчас настоящее предсказание? Неужели профессор Трелони и впрямь ясновидящая? Или просто задумала устроить эффектную концовку экзамена?

Слова пророчества всё ещё звучали у него в голове, когда минут через пять он пробежал мимо троллей-охранников ко входу в свою башню. Навстречу ему спешили на волю гриффиндорцы, они смеялись и шутили, предвкушая долгожданный отдых. Гарри, сказав Леди пароль, протиснулся в гостиную. Там, кроме Рона и Гермионы, уже никого не было.

– Профессор Трелони, – начал было Гарри, даже не переведя дыхания, – сказала мне только что...

Но, увидев их лица, осёкся на полуслове.

– Брыклову конец, – тихо произнёс Рон. – Смотри, что прислал Хагрид.

На сей раз послание не было залито слезами, пергамент сух, но рука лесничего тряслась так, что разобрать написанное было почти невозможно.

«Програл апелляцию. Казнь на закате. Вы ничего не можете сделать.

Не приходите. Не хочу, чтобы вы это видели.

Хагрид».

– Мы обязаны пойти, – немедленно решил Гарри. – Нельзя допустить, чтобы он сидел и в одиночестве ждал палача!

– Да, но ведь на закате... – Рон уныло посмотрел в окно. – Нам ни за что не позволят... А уж про тебя, Гарри, и речи нет.

Гарри уткнул подбородок в ладони и, подумав, сказал:

– Вот если бы достать плащ-невидимку...

– А где он? – спросила Гермиона.

Гарри сказал ей где – в тоннеле под статуей одноглазой ведьмы – и объяснил, как он там очутился.

– ...если Снейп ещё раз засечёт меня где-то поблизости, проблемы будут серьёзные, – заключил он.

– Это точно, – согласилась Гермиона, вставая. – Но это если он засечёт тебя... А как этот горб открывается?

– Очень просто... – Гарри ещё не понимал, к чему она клонит. – Стукнешь по нему волшебной палочкой и говоришь: «Dissendium». Но...

Гермиона не стала дожидаться конца фразы. Пересекла быстрым шагом гостиную, толкнула портрет Полной Леди и исчезла.

– Она что, за плащом? – удивился Рон.

Да, именно так она и поступила. Спустя четверть часа Гермиона вернулась; у неё под мантией было спрятано аккуратно сложенное серебристое одеяние.

Рон был потрясён:

– Гермиона, что с тобой творится в последнее время? Ударила Малфоя, поскандалила с профессором Трелони...

Гермиона была явно польщена.

* * *

После ужина друзья не вернулись вместе со всеми в башню, а поспешили в холл. Гарри сунул плащ-невидимку под мантию и шёл, сложив руки на груди, чтобы прикрыть образовавшийся бугор. Троица прокралась в один из кабинетов, ближайший к холлу, и затаилась, ожидая, когда холл опустеет. Вот донёсся звук шагов, хлопнула дверь... Гермиона осторожно выглянула.

– Порядок, – шепнула она. – Никого. Надеваем плащ...

Тесно прижавшись друг к другу, чтобы никто не увидел летящую в воздухе руку или ногу, они миновали холл и по каменным ступеням спустились на лужайку. Солнце уже коснулось Запретного Леса, позолотив верхушки деревьев.

Добравшись до хижины, друзья постучали в дверь. Хагрид откликнулся не сразу. Наконец дверь открылась, на порог вышел бледный и дрожащий лесничий и огляделся вокруг в поисках гостя.

– Это мы, – негромко произнёс Гарри, – под плащом-невидимкой. Впусти нас и мы его снимем.

– Эх, не след бы вам приходить, – вздохнул великан, но всё же посторонился, и они оказались внутри. Хагрид тут же захлопнул дверь, и Гарри сбросил плащ.

Хагрид не рыдал, не бросился друзьям на шею, он просто выглядел совершенно потерянным, не знал, что делать, что говорить. Смотреть на его беспомощность было во сто крат тяжелее, чем на потоки слёз.

– Может, чаю хотите? – предложил он, но его громадные ручищи дрожали, и он никак не мог совладать с чайником.

– А где Брыклов? – нерешительно спросила Гермиона.

– Я... я вывел его наружу, – пробормотал Хагрид. Наливая в кувшин молоко, он половину пролил на стол: – Привязал его... там, на тыквенной грядке. Пусть он... это... в общем... посмотрит на деревья, вдохнёт свежий воздух... перед тем, как...

Тут руки Хагрида затряслись так отчаянно, что кувшин выскользнул и осколки разлетелись по всему полу.

– Я сейчас всё уберу, Хагрид. – Гермiona бросилась наводить порядок.

– Там, в шкафу, ещё один есть. – Хагрид тяжело опустился на скамью, вытирая со лба рукавом пот.

Гарри взглянул на Рона, в ответном взгляде не было никакой надежды. Гарри сел рядом с Хагридом.

– Неужели никто ничего не может сделать? – Голос Гарри сорвался в крик – А Дамблдор...

– Он пытался, – ответил Хагрид. – Но не пересилить ему комитет. Он сказал им, что Ключик в порядке, но их там заставлял этот... Малфой, вы знаете какой он... А этот палач... Макнейр... они с Малфоем старые дружки... Но вроде всё будет быстро... и сразу начисто... И я буду рядом...

Хагрид слотнул. Он обвёл взглядом хижину, как будто искал хотя бы лучик надежды или утешения.

– Дамблдор хочет сам прийти... ну, то есть быть на этом... этой... прислал сегодня утром письмо. Говорит, хочет быть со мной... в это время... Великий человек...

Гермiona, которая всё ещё искала в шкафу другой кувшин, сдавленно всхлинула.

– Мы тоже останемся с тобой, Хагрид, – заговорила она, вернувшись к столу с найденным кувшином.

– Вы вернётесь в замок. Я же сказал: не надо вам видеть. Чтобы и духу вашего не было, потому ежели... ну, Фадж и Дамблдор вас застукают, тем более без разрешения – для Гарри это пропащее дело.

Гермiona разлила чай, пряча от Хагрида бегущие по лицу слёзы. Взяв бутылку с молоком, чтобы плеснуть в кувшин, она неожиданно вскрикнула:

– Рон! Я... Я не верю! Это *Корыстик*!

– Ты о чём вообще? – Рон непонимающе посмотрел на неё.

Гермiona поднесла кувшин к столу, перевернула. Оттуда с возмущённым писком, из всех сил цепляясь за гладкие стенки, вывалился Корыстик.

– Корыстик! – растерянно произнёс Рон. – Корыстик, что ты здесь делаешь?

Он схватил сопротивляющуюся крысу и вынес её на свет. Выглядела она ужасно – ещё больше исхудала, шерсть лезла клочьями, оставляя обшипанные плечи; в руках Рона она яростно извивалась, стараясь вырваться на свободу.

– Всё в порядке, Корыстик, – уговаривал её Рон. – Тут нет кошек! Никто тебя не тронет!

Хагрид внезапно вскочил, глаза устремились к окну. Его обычно багрово-красное лицо сделалось пергаментно-бледного цвета.

– Идут...

Гарри, Рон и Гермиона разом обернулись. Вдалеке по лестнице замка спускались несколько человек. Впереди шёл Альбус Дамблдор, его серебряная борода сверкала в лучах заходящего солнца. Рядом семенил Корнелиус Фадж, за ними браво выпагивал палач Макнейр, позади всех тащился дряхлый представитель комитета по Обезвреживанию.

– Уходите скорее, – сказал Хагрид. У него, казалось, дрожала каждая жилка. – Не должны они вас тут видеть... идите... сейчас же...

Рон затолкал Корыстика в карман, а Гермиона схватила плащ.

Хагрид тяжело вздохнул:

– Я вас выведу через заднюю дверь...

Все пошли к двери, выходящей в огород позади дома. Гарри испытывал странное чувство нереальности происходящего, которое возросло ещё больше, когда в считанных ярдах¹⁰ от себя он увидел Брыклёва, привязанного за грядкой с тыквами. Гиппогриф, казалось, догадывался, что творится неладное: он водил из стороны в сторону массивным клювом и беспокойно рыл землю когтями.

– Всё в порядке, Клювик, всё в порядке, – ласково обратился к нему Хагрид, потом повернулся к друзьям: – Уходите скорее!

Но они были не в силах сдвинуться с места.

– Мы не уйдём...

– Мы им расскажем, как всё было на самом деле...

– Они не могут убить его...

– Идите! – взревел Хагрид. – Хватает бед и без ваших неприятностей!

Выбора не оставалось. Едва Гермиона накинула плащ на Гарри с Роном, у двери хижины послышались голоса. Хагрид взглянул на пустое место, где они только что исчезли из глаз.

– Бегите быстрее, – севшим голосом велел он. – Не слушайте...

И зашагал обратно в дом – в дверь уже стучали.

Медленно, словно в дурном сне, друзья побрели вокруг избушки Хагрида, и только они обогнули хижину, передняя дверь с треском захлопнулась.

– Пожалуйста, пойдёте скорее, – прошептала Гермиона. – Я этого не выдержу, не смогу...

Пошли к замку вверх по склону лужайки; солнце быстро опускалось, всё небо окрасилось в бледно-пурпурный цвет, но на западе ещё пылал рубиново-красный отсвет.

Рон остановился, как будто налетел на столб.

– Пожалуйста, Рон, – взмолилась Гермиона.

– Это Корыстик ... Вырывается... Да сиди же ты...

Рон скрючился, стараясь удержать Корыстика в кармане, но крыса словно обезумела – дико пища, она крутилась, билась, пытаясь укусить Рона за руки.

– Корыстик, это же я, Рон, дурак ты эдакий, – ругал крысу мальчик.

Со стороны хижины донёсся звук открывшейся двери и голоса людей...

– Рон, пожалуйста, идём, они уже вот-вот... – задыхаясь, просила Гермиона.

¹⁰ 1 ярд = 91.44 см

– Да, да, сейчас... Користик, *сидеть*...

Вся троица бросилась бежать. Только бы не слышать голосов за спиной. Но Рон опять остановился.

– Не могу справиться! Заткнись, Користик, нас же слышат!

Крыса визжала так, словно её резали, но всё же звуков в огороде Хагрида она, конечно, не могла заглушить. Сначала мешанина мужских голосов, затем тишина, и вдруг неожиданно – то, что ни с чем не спутаешь – короткий свист и глухой удар топора.

Гермиона пошатнулась.

– Не... не может быть! – почти беззвучно выдохнула она. – Они посмели...

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

КРЫСА, КОТ И ПЁС

Шок был настолько силён, что Гарри на минуту показалось, будто рассудок покидает его; всех троих ужас пригвоздил к месту, и они оцепенели, стоя под плащом. Последние лучи заходящего солнца заливали землю кровавым светом, в полях залегли длинные чёрные тени. Внезапно до их слуха долетел дикий вой.

– Это Хагрид, – прошептал Гарри. Не раздумывая над тем, что делает, он повернул назад, но Рон с Гермионой схватили его за руки.

– Нельзя! – Рон был блее бумаги. – Ещё хуже ему сделаем, если узнают, что мы с ним виделись...

На Гермионе тоже лица не было.

– Как... они... могли? – ловя воздух ртом, спрашивала она. – Как они могли?

– Пойдём, – сказал Рон. Зубы у него стучали. Они снова побрели к замку, стараясь двигаться как можно осторожнее. Быстро смеркалось, и к тому времени, когда друзья вышли на лужайку, свой плащ-невидимку на них набросила темнота.

– Корыстик, сиди спокойно, – приговаривал Рон вполголоса, придерживая нагрудный карман; крыса неистово рвалась на волю. Рону пришлось ещё раз остановиться, чтобы запихнуть её поглубже. – Что с тобой, крыса тупая? Сиди тихо... АЙ! Он меня укусил!

– Рон, тише, – шикнула на него Гермиона. – Через минуту здесь будет Фадж...

– Ну не хочет он... сидеть в кармане...

Корыстик явно обезумел от страха. Он как бешеный рвался из рук Рона.

– Да *что* с тобой?

И тут Гарри увидел: припадая к траве и зловеще мерцая во мраке жёлтыми глазами, к ним крался Косолап. Как он здесь оказался? Учужал ли он их, услышал ли писк Корыстика, или каким-то образом увидел – этого Гарри сказать не мог.

– Косолап! – ужаснулась Гермиона. – Брысь! Пошёл прочь!

Но кот был уже совсем рядом.

– Корыстик... НЕТ!

Поздно! Крыса вывернулась из стиснутых пальцев Рона, соскочила на землю и припустила во весь дух. Великолепным прыжком Косолап бросился за ней, и в тот же миг Рон, забыв о плаще-невидимке, тоже ринулся во тьму.

– *Рон!* – вскричала Гермиона.

Они с Гарри переглянулись и со всех ног помчались следом. Но, закутавшись в один плащ, далеко не убежишь – друзья скинули его, и он теперь висел за спиной как знамя. Впереди слышались топот Рона и его крики:

– Отвали от него... отвали... Корыстик, ко *мне*...

Возгласы сменил глухой звук падения.

– *Поймал!* Пшёл, котяра вонючий!

Гарри и Гермиона едва не перелетели через Рона, затормозив перед самым его носом. Их друг растянулся на земле, но крыса вновь была у него в кармане, и Рон обеими руками прижимал к себе съёжившийся дрожащий комок.

— Рон, скорее лезь под плащ... — Гермиона тяжело дышала. — Дамблдор... Министр... Они через минуту возвращаются...

Но друзья не успели укрыться плащом, не успели даже перевели дух, как послышались тяжёлые шаги огромных мягких лап. Прямо на них из темноты скакал гигантский угольно-чёрный пёс со светящимися белёсыми глазами.

Гарри сунул руку под мантию за волшебной палочкой, но опоздал. Сделав прыжок, пёс передними лапами ударил его в грудь, Гарри опрокинулся навзничь, ощутив на лице густую длинную шерсть и горячее дыхание зверя, перед глазами сверкнули страшные клыки.

Толчок оказался столь сильным, что пёс перекатился через Гарри. Ошеломлённый и с болью в боку (неужели сломал рёбра?), Гарри попытался встать; зверь рычал где-то совсем рядом, готовясь к новому нападению. Но Рон был уже на ногах и готов к бою. Пёс снова ринулся на них, Рон изо всех сил оттолкнул друга в сторону, и страшные челюсти, миновав Гарри, сомкнулись на вытянутой руке Уизли. Гарри бросился на зверя и обеими руками вцепился в мохнатую шкуру, но чудовище стряхнуло его и унесло Рона с такой лёгкостью, словно тот был тряпичной куклой.

Невесть откуда на Гарри обрушился ещё один удар, на сей раз по лицу, и он опять упал. Где-то рядом Гермиона взвизгнула от боли и, кажется, тоже упала. Отерев кровь, попавшую в глаза, Гарри нащупал наконец волшебную палочку.

— *Lumos!* — с трудом выговорил он.

Свет на конце палочки высветил из темноты корявый ствол дерева — погоня за Корыстиком привела их прямо под сень Дракучей Ивы, и её ветви, скрипя, словно под сильным ветром, хлестали во все стороны.

И там, у основания бугристого ствола, Гарри увидел чёрного пса; тот затаскивал Рона в широкий подземный провал меж корней. Рон отчаянно сопротивлялся, но его голова и полтуловища уже сползли в дыру.

— Рон! — закричал Гарри, кидаясь на подмогу, но здоровенная ветвь беспощадно просвистела в воздухе, и его опять отшвырнуло назад.

Теперь на поверхности осталась только нога Рона, которой он зацепился за корень, сопротивляясь собаке, тащившей его в подземелье. Словно выстрел прозвучал жуткий треск — нога сломалась и в ту же секунду пропала из виду.

— Гарри! Бежим за помощью! — воскликнула Гермиона. Мантия её была в крови — ива рассекла ей плечо.

— Нет! Эта огромная тварь может сожрать Рона, времени нет!

— Нам одним туда не пробраться...

Опять свистнула ветвь, стараясь достать их.

— Если смог пёс, сможем и мы, — пропыхтел Гарри, забегая то с одной, то с другой стороны, ища путь между злобных, полосующих воздух веток, но не смог приблизиться к корням ни на шаг.

– На помощь, на помощь, – отчаянно шептала Гермiona, переступая с ноги на ногу. – Прошу...

Откликнулся Косолап. Он по-змеиному скользнул между свирепых ветвей и передними лапами уперся в какой-то нарост на стволе Ивы.

И дерево, будто окаменев, замерло – не шевелился ни один листик.

– Косолап! – опарашено воскликнула Гермiona, до боли сжав руку Гарри. – Как он мог это знать?

– Они с той собачкой друзья, – буркнул Гарри. – Я видел их вместе. Пошли. Держи палочку наготове.

В считанные секунды они были у ствола Ивы.

Косолап первый нырнул внутрь, призывно махнув распушённым по-лисий хвостом. Гарри поспешил за ним – пролез в нору головой вперёд и по земляному накату соскользнул на пол низкого туннеля. Косолап поджидал неподалёку, его глаза сверкали в свете волшебной палочки Гарри. Ещё мгновение – и рядом приземлилась Гермiona.

– Где Рон? – испуганно прошептала она.

– Вперёд! – позвал Гарри и, пригнувшись, бросился вслед за котом.

– Куда ведёт этот туннель? – чуть слышно спросила Гермiona.

– Не знаю... Он отмечен на Карте Мародёра, но Фред с Джорджем говорили, что им никто никогда не пользовался. Он ведёт за пределы Карты, но кончается, скорее всего, в Хогсмиде...

Они очень спешили, хотя двигаться пришлось сильно пригнувшись. Впереди маячил пушистый хвост Косолапа, то исчезая, то вновь появляясь. Подземный ход всё не кончался, и, казалось, он был ничуть не короче коридора, ведущего в «Пригоршню сладостей». Но Гарри не мог думать ни о чём, кроме Рона, и того, что исполинский пёс может с ним сделать. Бежать, согнувшись вдвое, было тяжело, друзья начали задыхаться и каждый вдох отзывался болью.

Но вот туннель пошёл вверх, затем свернул, и Косолап куда-то исчез. Сбоку Гарри увидел слабый свет, падающий из какой-то дыры. Они с Гермioniой на мгновение замерли, переведя дух, подошли к ней, подняли волшебные палочки – и заглянули внутрь.

С той стороны оказалась комната – пыльная и разорённая. Обои клочьями свисали со стен, весь пол в грязи, мебель сломана, словно кто-то её крушил, окна заколочены досками.

Гарри взглянул на Гермionу, вид у неё был изрядно напуганный, но она согласно кивнула.

Гарри протиснулся в проём и огляделся. Комната была пуста, но справа виднелась открытая дверь, ведущая в полутёмный коридор. Гермiona снова сжала руку Гарри, её широко открытые глаза пробежали по забитым окнам.

– Гарри, по-моему мы в Визжащей Хижине.

Гарри тоже огляделся, рядом стояло разбитое деревянное кресло на трёх ножках и с выломанными подлокотниками. Гарри с сомнением покачал головой:

– Это не привидения натворили.

Над головами у них послышался какой-то скрип – на втором этаже явно что-то происходило. Друзья уставились в потолок, Гермiona с такой силой ухватила за руку

Гарри, что у него онемели пальцы. Обернувшись к ней, Гарри вопросительно поднял брови – Гермиона, соглашаясь, кивнула ещё раз.

Тихо вышли в прихожую и начали подниматься по шаткой лестнице. Всё вокруг покрывал толстый слой пыли, но на полу виднелась широкая чистая полоса: видно, что что-то тащили наверх, и совсем недавно.

Поднялись на тёмную площадку.

– *Nox*, – произнесли вместе как можно тише, и свет на концах палочек погас. Перед ними была единственная чуть приоткрытая дверь. Подкравшись, они слышали внутри какое-то движение, чей-то приглушённый стон и короткое басовитое мурлыканье. Друзья в последний раз обменялись взглядами и кивками.

Твёрдой рукой выставив перед собой волшебную палочку, Гарри ударом ноги широко распахнул дверь. На великолепной кровати с пыльным пологом возлежал Косолап. Увидев вошедших, он опять громко заурчал. А рядом с кроватью на полу, обхватив ладонями ногу, вывернутую под неестественным углом, сидел Рон.

Гарри и Гермиона бросились к нему.

– Рон, ты как?

– А где пёс?

– Это вообще не пёс, Гарри, – выдохнул Рон, скрипя зубами от боли. – Это ловушка...

– Что?

– Это он этот пёс... Он анимаг...

Взгляд Рона был устремлён поверх плеча друга. Гарри круто обернулся. Какой-то человек, скрытый тенью, громко захлопнул дверь в комнату.

Грива спутанных грязных волос свисала ниже плеч; не будь глаз, горевших в глубоких глазницах, его можно было бы принять за мертвеца – воскового цвета кожа так туго обтягивала кости лица, что оно походило на череп, жёлтые зубы осклалились в усмешке. Это был Сириус Блэк.

– *Expelliarmus!* – каркнул он, направив на друзей волшебную палочку Рона.

Палочки Гарри и Гермионы вырвались из рук и, взмыв в воздух, оказались у Блэка. Не сводя глаз с Гарри, он подошёл ближе.

– Я так и знал, что ты придёшь помочь другу. – Голос Блэка звучал неровно, надтреснуто, как будто он давно разучился говорить. – Твой отец сделал бы то же самое для меня... Храбрый ты парень, не побежал за преподавателями... Прими мою признательность... это всё упрощает...

Издевательское упоминание об отце обожгло Гарри точно калёным железом. В душе поднялась кипящая ненависть, не оставившая места страху; впервые в жизни он захотел взять в руку волшебную палочку не для того, чтобы защититься, а чтобы напасть и убить. Не размышляя, Гарри рванулся вперёд, но его тут же оттащили две пары рук.

– Не надо, Гарри, – полным ужаса голосом прошептала Гермиона.

Рон же, поднявшийся на ноги несмотря на боль, повернулся к Блэку.

– Если ты хочешь убить Гарри, тебе придётся убить и нас вместе с ним! – яростно крикнул он, побледнел ещё больше и от слабости его шатнуло в сторону.

Что-то вспыхнуло в тёмных глазах Блэка.

– Ты лучше ляг, – спокойно сказал он. – А то ещё больше повредишь ногу.

– Ты слышал? – спросил Рон нетвёрдым голосом. С силой вцепившись в плечо Гарри, он как-то сумел удержаться на ногах. – Тебе придётся убить всех тронх!

Усмешка Блэка стала шире.

– Только один умрёт этой ночью...

– Это почему же? – Гарри рванулся из рук Рона и Гермионы. – В прошлый раз тебя такие мелочи не волновали! Сколько ты тогда убил магглов, охотясь за Петтигрю? Что, подобрел в Азкабана?

– Гарри! – всхлипнула Гермиона. – Остановись!

– ОН УБИЛ МОИХ МАМУ И ПАПУ!!! – проревел Гарри, с огромным усилием освободился от хватки приятелей и кинулся на Блэка.

Он забыл о магии, забыл, что мал ростом, хрупок, что ему всего тринадцать, тогда как Блэк – высокий взрослый мужчина. Единственное, что он сознавал – он хочет причинить Блэку боль, какую только сможет, и ему в этот миг было всё равно, какой силы удар он получит в ответ.

То ли ошеломлённый нелепостью атаки, то ли ещё по какой причине, но Блэк не воспользовался волшебной палочкой. Одной рукой Гарри крепко схватил высохшее запястье Блэка, стараясь его обезоружить, а второй рукой, сжатой в кулак, врезал во вражескую скулу; Блэк отшатнулся к стене, увлекая с собой и Гарри.

Гермиона пронзительно завизжала, Рон испустил боевой клич. Полыхнула ослепительная вспышка – из волшебных палочек в руке Блэка хлестнула огненная струя, прошедшая за несколько дюймов от лица Гарри. Мальчик чувствовал, как жилистая рука выворачивается из его пальцев, но держался из последних сил, другой рукой люто молотя Блэка по всему, до чего мог достать.

Но тут Блэк дотянулся до горла Гарри.

– Ну уж нет, – прошипел он. – Слишком долго я ждал...

Костлявые пальцы сжимались, Гарри задыхался, очки съехали набок. Краем глаза он увидел, как где-то рядом мелькнула нога Гермионы, и Блэк неожиданно отпустил его, вскрикнув от боли; Рон повис на руке Блэка, в которой были волшебные палочки, и Гарри услышал слабый стук.

Напрягшись, он высвободился из клубка сцепившихся тел и вдруг увидел свою волшебную палочку, откатившуюся в угол. Он кинулся за ней, но...

– Ааа!

В битву вступил Косолап – все когти его передних лап глубоко впились в руку Гарри. Гарри отшвырнул его, но кот тут же бросился к волшебной палочке.

– НЕ СМЕЙ! – Гарри попытался пнуть Косолапа, но тот, возмущённо фыркнув, успел отпрыгнуть в сторону. Гарри схватил палочку и повернулся. – Отойдите! – крикнул он Рону и Гермионе.

Им повторять дважды не требовалось. Гермиона, с кровоточащей губой, отдуваясь, отбежала прочь, не забыв, однако, по пути схватить свою и Рона палочки. Рон дополз до

необъятной кровати и повалился на неё, придерживая сломанную ногу, – его лицо из просто бледного стало каким-то зеленоватым.

Блэк полулежал, прислонясь спиной к стене, его впалая грудь часто вздымалась и опускалась, глаза неотрывно следили за Гарри, который медленно подошёл к нему и направил волшебную палочку Блэку прямо в сердце.

– Что, Гарри, собираешься убить меня? – прохрипел тот.

Гарри остановился над врагом, палочка смотрела Блэку в грудь. Вокруг левого глаза беглеца расплывался багровый кровоподтёк, из носа текла кровь.

– Ты убил моих родителей. – Голос Гарри чуть дрожал, но рука с волшебной палочкой оставалась твёрдой.

Блэк смотрел на него запавшими глазами.

– Я и не отрицаю, – почти шёпотом сказал он. – Но если бы ты знал всю историю с начала до конца...

– Всю историю? – Ярость стучала у Гарри в висках. – Ты продал их Волдеморту – вот всё, что мне нужно знать!

– Тебе придётся выслушать меня. – Голос Блэка зазвучал настойчивее. – Ты пожалеешь, если не... если не поймёшь...

– Я понимаю гораздо больше, чем ты думаешь, – ответил Гарри, и его голос дрожал всё сильнее. – Ты ведь никогда не слышал, что она тогда кричала? Моя мама... Волдеморту хотел убить меня... А она пыталась его остановить... Ты виноват во всём... И всё из-за тебя...

В этот самый миг мимо Гарри метнулась рыжая молния, Косолап прыгнул на Блэка и распластался у него на груди, заслонив его. Блэк моргнул, скосил на него глаза.

– Уйди, – буркнул он, стараясь отцепить кота.

Но кот крепко вцепился когтями в мантию Блэка. Повернув к Гарри странную курносую морду, он уставился на него жёлтыми глазами. Глядя на кота, Гермиона судорожно вздохнула.

Пальцы Гарри сильнее сдавили палочку. Что же, теперь убить заодно и кота? Он явно в сговоре с Блэком... Готов умереть, защищая его. Но Гарри какое дело до этого... Блэк хочет спасти кота, этот друг значит для него больше, чем родители Гарри...

Гарри поднял палочку. Надо действовать. Пробыл наконец час отпущения. Он убьёт Блэка. Должен убить. Ему выпал редкий случай...

Секунды тянулись медленно. Гарри стоял с нацеленной палочкой, Блэк всё смотрел на него, Косолап прижимался к груди беглого узника. На кровати гневно сопел Рон, Гермиона затаила дыхание.

Вдруг внизу послышались шаги, там явно кто-то ходил.

– МЫ ЗДЕСЬ! – неожиданно крикнула Гермиона. – ЗДЕСЬ, НАВЕРХУ! С НАМИ СИРИУС БЛЭК! СКОРЕЕ!

Блэк испуганно дёрнулся, так что Косолап едва удержался. Гарри крепче стиснул палочку. «Немедленно убей!» – загремело у него в мозгу, но на лестнице уже звучали шаги, а он всё стоял, не в силах шевельнуться.

Окутанная красными искрами дверь распахнулась, Гарри стремительно обернулся. В комнату ворвался профессор Люпин – в лице ни кровинки, в поднятой руке волшебная палочка. Его горящий взгляд скользнул от Рона, лежавшего на кровати, к Гермионе, прижавшейся к стене, от неё – к Гарри, который замер с палочкой над Блэком, и остановился на самом Блэке, поверженном и окровавленном.

– *Expelliarmus!* – приказал Люпин. Волшебная палочка Гарри снова вылетела из его рук; та же участь постигла и две другие, что держала Гермиона. Люпин проворно схватил их и прошёл внутрь комнаты, не спуская глаз с Блэка. У того на груди по-прежнему сидел Косолап.

Гарри остался стоять на месте, испытывая внезапно подступившую опустошённость. Он не убил. Блэка теперь опять отдадут в руки дементоров.

Профессор Люпин заговорил необычным взволнованным голосом:

– Где он, Сириус?

Гарри поднял глаза на Люпина: что тот говорит? О ком? Гарри снова посмотрел на Блэка.

Лицо узника совершенно ничего не выражало, несколько секунд он лежал не шелохнувшись, потом очень медленно поднял руку и указал на Рона. Гарри озадаченно оглядел пространство справа и слева от приятеля, который был тоже явно сбит с толку.

– Но тогда... – Люпин глядел на Блэка так пристально, словно пытался прочесть его мысли. – Почему он до сих пор не открыл себя? Разве что... – Глаза Люпина расширились, как будто он увидел позади Блэка нечто такое, чего не видел никто другой. – Разве что это был он... Ты изменил... но не сказал мне?

Блэк, не сводя с Люпина немигающего взгляда исподлобья, чуть заметно кивнул.

– Профессор Люпин, – не вытерпел Гарри, – что здесь...

Закончить вопрос ему не удалось, он увидел такое, от чего слова застряли у него в горле. Опустив волшебную палочку, Люпин подошёл к Блэку взял за руку и помог встать – Косолап при этом слетел на пол, – после чего по-братски обнял Блэка.

У Гарри возникло ощущение, что его желудок куда-то провалился.

– ПОВЕРИТЬ НЕ МОГУ! – вкричала Гермиона.

Люпин отпустил Блэка и повернулся к ней. Гермиона вскочила, устремив на Люпина дикий взгляд.

– Вы... вы...

– Гермиона...

– Вы с ним...

– Гермиона, успокойся...

– Я никому ничего не говорила! – взорвалась Гермиона. – Я скрывала правду ради вас!

– Гермиона, пожалуйста, выслушай меня! – гаркнул Люпин. – Я всё сейчас объясню...

Гарри заколотила дрожь, но уже не от страха, а от злости.

– Я верил вам! – от волнения у него срывался голос. – А вы всё это время были его другом!

– Это не так! – возразил Люпин. – Я не был ему другом двенадцать лет... Но теперь стал им снова... Дай мне объяснить...

– НЕТ! – надрылась Гермиона. – Не верь, Гарри. Это он помогает Блэку проникать в замок, он тоже хочет тебя убить. *Он оборотень!*

Наступила звенящая тишина. Теперь все взоры были прикованы к Люпину. А он оставался на удивление спокоен, хотя и побледнел.

– Совсем на тебя не похоже, Гермиона, – сказал он. – К сожалению, верно лишь одно из трёх. Я не помогал Сириусу проникнуть в замок и, уж конечно, не желаю Гарри смерти... – Непривычная судорога пробежала по его лицу. – Но не буду спорить – я действительно оборотень.

Рон предпринял ещё одну героическую попытку подняться, но, застонав, тут же повалился обратно. Люпин с тревогой поспешил к нему, но тот лишь с отвращением отпрянул: «*Отойди от меня, оборотень!*»

Лицо Люпина окаменело. С видимым усилием он повернулся к Гермионе и спросил:

– Давно ты узнала?

– Давно, – нехотя призналась та. – Когда писала эссе для профессора Снейпа.

– Он будет в восторге, – холодно заметил Люпин. – Снейп и затеял это эссе, потому что надеялся, кто-нибудь да сообразит, что означают симптомы моей болезни... Ты, наверное, проследила по лунному календарю, что я заболеваю всегда в полнолуние? Или обратила внимание на то, что, увидев меня, богарт превращался в луну?

– И то и другое, – ответила Гермиона.

Люпин невесело засмеялся.

– Для своих лет ты самая умная ведьма, что я встречал.

– Не умная, – гневно отозвалась та. – Была бы поумнее, давно бы всем рассказала, кто вы такой!

– Да все и так знают. По крайней мере, преподаватели.

– Дамблдор пригласил вас преподавать, зная, что вы оборотень? – Рон задохнулся от изумления. – Он что, с ума сошёл?

– Многие именно так и думают, – кивнул Люпин. – Как только он ни убеждал преподавателей, что я не опасен!

– НА ЭТОТ РАЗ ОН ОШИБСЯ! – не выдержал Гарри. – ВЫ ВСЁ ВРЕМЯ ПОМОГАЛИ ЕМУ! – Он указал на Блэка.

Тот подошёл к кровати и сел, закрыв лицо трясущимися руками. Косолап вспрыгнул на постель рядом и, мурлыча, уселся беглецу на колени. Рон, придерживая ногу, отодвинулся.

– Я *не* помогал Сириусу, – повторил Люпин. – И если вы дадите наконец мне возможность, я вам всё объясню. Держите.

Определив, какая палочка кому принадлежит, он одну за другой бросил их хозяевам. Гарри растерянно поймал свою.

– Ну вот. – Люпин засунул собственную палочку за пояс. – Вы вооружены, мы – нет. Теперь вы готовы слушать?

Гарри не знал, что и думать. Может быть, это какая-то хитрость?

– Если вы не помогаете ему, как вы узнали, что он здесь? – спросил он, с ненавистью глядя на Блэка.

– Помогла Карта, – ответил Люпин. – Карта Мародёра. Я проследил по ней у себя в кабинете...

– Вы знаете, как она действует? – усомнился Гарри.

– Разумеется, знаю. – Люпин нетерпеливо взмахнул рукой. – Я ведь принимал участие в её создании. Лунатик – это я. Меня так называли друзья ещё в школе.

– Вы *создатель*...?

– Сейчас важно другое. Я весь вечер не отрывал от неё глаз, поскольку догадывался, что вы трое непременно попытаетесь тайком выбраться из замка и навестить Хагрида до казни гиппогрифа. И я оказался прав, не так ли?

Он прошёлся по комнате взад и вперёд, поднимая пыль и поглядывая на друзей.

– Скорее всего, вы укрылись старым плащом твоего отца, Гарри...

– Откуда вы знаете про плащ?

– Я много раз видел, как Джеймс исчезал с его помощью. Фокус в том, что даже если вы скрыты плащом-невидимкой, на Карте Мародёра вас всё равно видно. Я видел, как вы пересекли поле и вошли в хижину Хагрида. Через двадцать минут вы оттуда ушли и отправились обратно в замок. Но теперь с вами был ещё кое-кто.

– Никого больше не было! – возразил Гарри.

– Я не поверил своим глазам, – по-прежнему меряя комнату шагами и не обращая внимания на слова Гарри, продолжал Люпин. – Решил, что в Карте, должно быть, произошёл какой-то сбой. Как он мог оказаться с вами?

– Да не было с нами никого!

– И тут я заметил ещё одну точку. Она быстро приближалась к вам и была помечена именем Сириуса Блэка... Я видел, как вы столкнулись, наблюдал, как он затащил двоих под Дракучую Иву...

– Одного из нас! – мрачно поправил его Рон.

– Нет, Рон. Двоих.

Люпин вдруг остановился, устремив взгляд на Рона.

– Не возражаешь, если я взгляну на твою крысу? – спросил он ровным голосом.

– Что? – на секунду Рон даже забыл о больной ноге. – При чём тут Корыстик?

– Очень даже при чём, – уверил его Люпин. – Пожалуйста, покажи мне его.

Поколебавшись, Рон сунул руку под мантию, и на свет показался Корыстик – он дико метался, и Рон чуть его не упустил, поймав в последний момент за длинный лысый хвост. Косолап на коленях у Блэка вскочил и протяжно мяукнул.

Люпин подошёл к Рону. Казалось, он даже задержал дыхание – так внимательно рассматривал крысу.

– Ну что? – ещё раз спросил Рон. Он с трудом удерживал её, и ему было явно не по себе. – При чём здесь моя крыса?

– Это не крыса, – процедил сквозь зубы Сириус Блэк.

– Вы о чём? Конечно, крыса.

- Нет, не крыса, – негромко подтвердил Люпин. – Ты держишь за хвост колдуна.
- Анимага, – добавил Блэк. – по имени Питер Петтигрю.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ЛУНАТИК, БРОДЯГА, СОХАТЫЙ И ПРИХВОСТ

До друзей не сразу дошла вся абсурдность этого заявления. Минуты две все молчали. Наконец Рон произнёс вслух то, о чём Гарри только подумал:

– Вы оба чокнутые.

– Ерунда! – упавшим голосом вымолвила Гермиона.

– Питера Петтигрю нет в живых! – сказал Гарри. – Он убил его двенадцать лет назад.

Лицо бывшего узника исказила гримаса.

– Я действительно хотел убить, – зарычал он, скаля жёлтые зубы. – Да малыш Питер оказался хитрее меня... Но на этот раз у него ничего не выйдет.

И Блэк кинулся на крысу. Косолап очутился на полу, а Рон заорал не своим голосом: беглец придавил ему сломанную ногу.

– Сириус, НЕТ! – Люпин метнулся вперёд и оттащил Блэка от Рона. – ПОДОЖДИ! Так просто нельзя с этим покончить. Им нужно знать! Мы должны объяснить...

– Потом объясним! – хрипел Блэк, оттолкнув Люпина. Скрюченные пальцы когтили воздух, стараясь дотянуться до крысы, а та извивалась и визжала не хуже поросёнка, царапая Рону лицо и шею.

– У них... есть... право... знать... правду! – Люпин уже задыхался, повиснув на Блэке. – Рон считает его домашним зверьком! Во всей этой истории много такого, чего даже я не понимаю! А Гарри? Ты обязан рассказать Гарри, Сириус!

Блэк утихомирился, но его ввалившиеся глаза неотступно следили за крысой, которая сжалась в комок под защитой искусанных, исцарапанных и окровавленных рук Рона.

– Ладно, согласен, начинай ты. Рассказывай, что хочешь. Но только побыстрее, Римус. Я хочу немедленно покончить с убийцей, из-за которого столько лет провёл в Азкабанае.

– Вы просто психи, вы оба. – Рон очумело потряс головой и оглянулся за поддержкой к Гарри и Гермионе. – С меня хватит. Я ухожу.

Он попробовал подняться, опираясь на здоровую ногу, но Люпин вновь достал волшебную палочку и направил её на Корыстика.

– Тебе придётся выслушать меня до конца, Рон. И пока будешь слушать, держи покрепче Питера.

– ЭТО НЕ ПИТЕР, ЭТО МОЙ КОРЫСТИК!!! – завопил Рон.

Он попытался сунуть крысу в карман, но не тут-то было: крыса сражалась так отчаянно, что Рон свалился бы с кровати, если бы Гарри не подхватил его.

– Многие видели, как Петтигрю погиб, – сказал он, повернувшись к Люпину. – Была целая улица свидетелей...

– Да ничего они не видели! Только думают, что видели... – снова разъярился Блэк, мрачно наблюдавший, как крыса отбивается от Рона.

– Действительно, все были уверены, что Сириус убил Питера, – кивнул Люпин. – Я и сам так думал до этого вечера. Открыла мне глаза Карта Мародёра. Она никогда не лжёт. Питер жив. Рон держит его в руках.

Гарри с Роном переглянулись и тут же пришли к молчаливому согласию: Блэк и Люпин не в своём уме. В том, что они тут мелют, нет никакого смысла. Как это крыса может быть Питером Петтигрю? Допустим, после Азкабана Блэк рехнулся, но почему Люпин поддерживает его в этом безумии?

И тут вмешалась Гермиона, голос её дрожал, но она говорила спокойно, взывая к благоразумию Люпина.

– Но профессор Люпин... Корыстик никак не может быть Петтигрю... Вы же понимаете, это совершенно невозможное...

– Почему невозможно? – мирно спросил Люпин, как будто они в классе и Гермиона столкнулась с какой-то сложностью в работе с гриндилоу.

– Потому что... если бы Питер Петтигрю был анимагом, это знали бы все. Мы занимались анимагами у профессора МакГонагалл, и я много читала о них в учебниках, когда делала домашнее задание. Министерство магии ведёт учёт всем ведьмам и колдунам, которые могут превращаться в животных; есть специальный реестр, в нём сказано, в каких животных они превращаются, даны их приметы и отличия... Я нашла там профессора МакГонагалл... В этом столетии было всего семь анимагов, и имени Петтигрю в этом в списке нет...

Гарри невольно восхитился: сколько же Гермиона знает! Не зря день и ночь сидит за книгами.

– Ты опять права, Гермиона! – профессор Люпин рассмеялся. – Но, видишь ли, Министерству невдомёк, что в замке Хогвартс некогда чудили три не зарегистрированных анимага...

– Если ты собрался рассказывать им всё с сотворения мира, то поторопись, Римус, – проворчал Блэк, следя за безнадежными потугами Корыстика освободиться. – Я ждал целых двенадцать лет и дольше ждать не намерен...

– Хорошо-хорошо, Сириус, но тебе придётся кое-что добавить, я ведь знаю только, как всё начиналось...

Люпин прервал речь на полуслове – дверь в спальню позади него громко скрипнула. Все пятеро уставились на неё, Люпин сделал несколько шагов и выглянул на площадку.

– Никого...

– В доме полно привидений, – заметил Рон.

– Нет тут никаких привидений. – Люпин всё ещё озадаченно смотрел на дверь. – Их и не было никогда в Визжащей Хижине. Вой и стоны, которые когда-то слышали местные жители, издавал я.

Он отбросил с лица седеющие волосы, задумался на мгновение и заговорил:

– История начинается с того момента, как... я стал оборотнем. Ничего из этого бы не произошло, если бы меня не укусили... и если бы я не был столь безрассудным.

У Люпина был вид вполне здравомыслящего и очень усталого человека. Рон хотел было что-то сказать, но Гермиона толкнула его: «Шшш!» Она слушала рассказ с неослабевающим вниманием.

— Меня укусил оборотень, когда я был совсем маленький. Родители перепробовали всё для моего исцеления, но в те дни таких лекарств, как сейчас, ещё не было. Зелье, которое готовит профессор Снейп, — совсем недавнее открытие. Оно делает меня безопасным для окружающих. Я пью его неделю, предшествующую полнолунию, и... и после трансформации сохраняю разум. Лежу у себя в кабинете, как вполне безобидный волк, и спокойно жду, пока луна пойдёт на убыль... Но до того, как Волкогонное зелье было изобретено, раз в месяц я становился настоящим монстром. И о Хогвартсе даже не мог мечтать. Какие бы родители согласились отдать ребёнка в школу, где он будет учиться вместе с оборотнем... Но директором был Дамблдор. Он отнёсся ко мне с сочувствием, сказал, что я должен учиться и что он примет все меры предосторожности.

Люпин вздохнул и задержал взгляд на Гарри.

— Месяц назад я тебе говорил, что Дракучую Иву посадили в тот год, когда я поступил в Хогвартс. Дело в том, что её посадили именно *потому*, что я поступил в Хогвартс. Этот дом, — Люпин окинул комнату печальным взглядом, — и туннель, ведущий к нему, были построены специально для меня. Раз в месяц меня тайком отправляли сюда из замка — на время превращения. А дерево поместили у входа в туннель, чтобы никто не мог попасть ко мне, пока я опасен.

Гарри понятия не имел, к чему клонит рассказчик, но всё равно увлечённо слушал, и единственным звуком в комнате, кроме голоса Люпина, был испуганный писк Кориолана.

— В то время мои трансформации были ужасны. Превращение в оборотня очень болезненно; кусать было некого, и я царапал и грыз самого себя. Жители деревни слышали какой-то шум, завывания и думали, что это бушуют особенно неистовые духи. Дамблдор поддерживал этот слух... Даже теперь, когда в доме уже много лет всё тихо, люди не смеют приближаться к нему...

— Но если не считать превращений, то, пожалуй, я был счастлив, как никогда в жизни. Впервые у меня были друзья, трое верных друзей — Сириус Блэк, Питер Петтигрю и, разумеется, твой отец — Джеймс Поттер. Естественно, мои друзья не могли не заметить, что раз в месяц я куда-то исчезаю. Я сочинял всевозможные истории — говорил, что у меня заболела мать и надо её навестить... Больше всего на свете боялся, что, узнав кто я такой, они бросят меня. Но в конце концов они, как и ты, Гермиона, выяснили правду... Но друзья не покинули меня. Напротив, придумали нечто такое, отчего мои трансформации стали самыми счастливыми днями моей жизни — они сами стали анимагами.

— И мой отец тоже? — изумился Гарри.

— Конечно. Три года львиную долю свободного времени они тратили на то, чтобы научиться этому. Твой отец и Сириус были самыми одарёнными учениками школы, да и вообще им повезло, ведь анимагическое превращение иногда приводит к ужасным последствиям. Министерство магии ещё и поэтому зорко следит за всеми, кто пытается стать анимагом. От Питера было мало толку, но Джеймс и Сириус оказывали ему посильную

поддержку. В конце концов, на пятом курсе им это удалось. Отныне каждый мог по желанию трансформироваться в животное.

– Но чем это могло помочь вам? – недоумевала Гермиона.

– Очень многим. В своём обычном виде им тоже приходилось избегать меня. Как животные – они составляли мне компанию. Ведь оборотни опасны только для людей... Раз в месяц они ускользали из замка, укрывшись плащом-невидимкой Джеймса, и совершали превращение. Питер, как самый маленький, легко преодолевал ударную зону ветвей Ивы и нажимал сучок, который отключал дерево... Они спускались в туннель, и мы вместе проводили время. Под влиянием друзей я становился не таким опасным – тело было волчье, но разум – почти человеческим.

– Давай быстрее, Римус, – шипло поторопил его Блэк, по-прежнему не сводя с Кориистика жутковато-голодных глаз.

– Сейчас, Сириус, сейчас... Теперь, когда мы все могли превращаться в животных, открылись невероятные, захватывающие возможности. Мы покидали Хижину и всю ночь бродили в окрестностях школы или по деревне. Сириус и Джеймс перевоплощались в довольно крупных зверей и вполне могли при необходимости сдерживать оборотня... Вряд ли в Хогвартсе был хоть один ученик, знавший территорию школы и Хогсмид лучше, чем мы. Вот так нам и пришла в голову мысль составить Карту Мародёра и подписаться прозвищами. Сириус – Бродяга, Джеймс – Сохатый, а Питер – Прихвост.

– А в какое животное... – начал было Гарри, но Гермиона перебила его:

– Но ведь это же очень опасно! Гулять в деревне и вокруг замка с оборотнем... А вдруг бы друзья не смогли вас удержать и вы укусили кого-нибудь?

– Эта мысль до сих пор мучает меня, – глубоко вздохнув, сказал Люпин. – Было, было много раз – ещё бы чуть-чуть и... Потом мы хохотали над этим. Мы были молоды, неразумны и восторгались своим умом... Конечно, иногда во мне шевелилась совесть, ведь я обманул доверие Дамблдора... Он принял меня в Хогвартс, чего не сделал бы никакой другой директор, и, наверное, мысли не допускал, что я нарушаю правила, которые он установил для моей и чужой безопасности. Он не догадывался, что по моей милости трое однокурсников стали нелегальными анимагами... Но каждый раз, когда мы обсуждали план очередных ежемесячных походов, совесть угодливо молчала. И оказалось, что с тех пор я мало изменился.

Люпин нахмурился, и в его голосе зазвучало отвращение к самому себе:

– Весь этот год я боролся с собой, задавая один и тот же вопрос: рассказать ли Дамблдору, что Сириус Блэк анимаг? И не рассказывал. Почему? Потому что я слишком малодушен. Ведь это значит признаться, что я ещё в школе обманывал его, что и других заманил на путь обмана, а доверие Дамблдора для меня – всё. Он дал мне возможность учиться в Хогвартсе, когда я был мальчишкой. Дал мне работу, когда я уже отчаялся найти хоть какой-то заработок. И я убедил себя, что Сириус проникает в школу благодаря Тёмным искусствам, которым выучился у Волдеморта, а то, что он анимаг, никакой роли не играет... Вот и выходит, что Снейп абсолютно прав насчёт меня...

– Снейп? – Блэк первый раз оторвал взгляд от Кориистика и посмотрел на Люпина. – А Снейп здесь причём? – резко спросил он.

– Он здесь, Сириус, – невесело ответил Люпин. – Также преподаёт, – он взглянул на Гарри, Рона и Гермиону. – Профессор Снейп когда-то учился вместе с нами. Это он крайне рьяно противился моему назначению на должность преподавателя защиты от Тёмных искусств. Весь год твердил Дамблдору, что мне нельзя доверять. И у него были основания... Видите ли, Сириус некогда сыграл с ним одну шутку, которая едва не убила его... Без меня там тоже не обошлось...

Блэк саркастически усмехнулся:

– Он это заслужил. Шнырял вокруг, вынюхивал, чем мы, четверо, занимаемся. Жаждал, чтобы нас исключили.

– Северуса очень интересовало, куда это я пропадаю каждый месяц, – продолжил Люпин. – Мы были однокурсниками, ну и... хм... сильно недолгоблюдали друг друга. Особенно он терпеть не мог Джеймса – виновата, я думаю, зависть. Джеймс замечательно играл в квиддич... Настоящий талант. И вот однажды Снейп подсмотрел, как в канун полнолуния мадам Помфри повела меня к Дракучей Иве. Сириус шутки ради решил сказать ему, что всех-то и дел – ткнуть длинной палкой в шишку на стволе Ивы, и тогда он откроет мою тайну. Снейп, естественно, так и сделал. И отправился вслед за мной. Представляете себе, что его ожидало в Хижине: встреча с оборотнем со всеми вытекающими последствиями. Но твой отец, Гарри, узнав, что придумал Сириус, бросился за Снейпом и, крайне рискуя жизнью, увёл его из подземного хода. Снейп всё же мельком увидел меня – в самом конце туннеля. Дамблдор строго-настрого запретил ему разглашать мою тайну. Но с тех пор он знает мою особенность.

– Так вот почему Снейп вас не любит, – медленно произнёс Гарри. – Он, конечно, думает, что и вы участвовали в той шутке.

– Совершенно верно, – раздался холодный, насмешливый голос за спиной Люпина.

Это был Северус Снейп. Он сбросил с себя плащ-невидимку, его волшебная палочка была направлена прямо на Люпина.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

СЛУГА ЛОРДА ВОЛДЕМОРТА

Гермиона взвизгнула, Блэк вскочил на ноги. Гарри подпрыгнул, словно его ударило током.

– Я нашёл это у подножия Дракучей Ивы, – сказал Снейп, отбросив в сторону плащ-невидимку. Он всё время следил, чтобы волшебная палочка была нацелена в грудь Люпина. – Очень удобная вещь, Поттер, благодарю вас...

Снейп слегка запыхался, но на его лице сияло выражение плохо сдерживаемого триумфа.

– Возможно, вас удивляет, как я узнал, что вы здесь? – Глаза профессора сверкали. – Я как раз шёл в ваш кабинет, Люпин. Вы забыли вечером принять своё зелье, так что я понёс вам кубок с ним. И тут, к большому счастью – к счастью для меня, разумеется, – увидел у вас на столе некую карту. Я взглянул на неё и сразу всё понял. Вы бежали известным мне туннелем и далее исчезли.

– Северус... – воззвал Люпин, но Снейпа было не остановить.

– Сколько раз я говорил Дамблдору, что это вы помогаете старому другу Блэку проникать в замок. И вот оно, доказательство. Но мне и во сне привидеться не могло, что у вас хватит духа вновь воспользоваться этой развальной как убежищем...

– Северус, вы ошибаетесь, – настаивал Люпин. – Ведь вы слышали далеко не всё, я сейчас объясню... Сириус здесь вовсе не для того, чтобы убить Гарри...

– Этой ночью в Азкабане станет на двух узников больше. – Глаза Снейпа пылали фанатичным огнём. – Вот интересно, как это понравится Дамблдору... Он был так уверен в твоей совершеннейшей безвредности, Люпин, оборотень ты *домашний*...

– Но это же глупо, – заметил Люпин мягко. – Неужели старая школьная обида стоит того, чтобы отправить невинного человека в Азкабан?

Хлоп! Тонкие, гибкие как змеи, шнуры вылетели из волшебной палочки Снейпа и обмотали рот, запястья и лодыжки Люпина; он потерял равновесие и рухнул на пол, не в силах пошевелиться. Яростно взревев, Блэк бросился к Снейпу, но тот нацелил волшебную палочку точно ему в лоб.

– Только дай мне повод, – прошипел Снейп, – дай повод, и, клянусь, я убью тебя.

Блэк замер. Трудно было сказать, чьё лицо сильнее искажала ненависть.

Гарри оцепенело смотрел на них, не зная, что делать и кому верить. Он взглянул на друзей – Рон пребывал в полном смятении и продолжал бороться с Корыстиком; Гермиона, хотя и неуверенно, но всё же приблизилась к Снейпу и замирающим от волнения голосом спросила:

– Профессор Снейп... может... может, нет ничего страшного в том, чтобы выслушать... что они хотят... хотят сказать?

– Мисс Грэйнджер, вы уже на грани исключения из школы! – рявкнул Снейп. – Вы, Поттер и Уизли, покинув территорию школы, проводите время в компании закоренелого убийцы и оборотня. Так что раз в жизни *попридержите язык*.

– Но если... если это ошибка...

– МОЛЧАТЬ, ГЛУПАЯ ДЕВЧОНКА! – Снейпа прорвало, он вдруг будто обезумел от злости. – НЕ РАССУЖДАЙ О ТОМ, ЧЕГО НЕ ПОНИМАЕШЬ!

С его волшебной палочки, направленной в лицо Блэку, слетело несколько искр, и Гермиона умолкла.

– Месть сладка, – шепнул Снейп Блэку. – Как же я мечтал, что сам поймаю тебя...

– Ты опять жертва шуток, Северус, – прохрипел Блэк. – Если этот мальчик понесёт свою крысу в замок, – он кивнул в сторону Рона, – я пойду сам без сопротивления...

– В замок? – вкрадчиво переспросил Снейп. – Зачем же так далеко? Вот выберемся из-под Ивы, и я сразу кликну дементоров. Они будут рады видеть тебя, Блэк, очень рады... Даже одарят тебя Поцелуем...

Лицо Блэка стало мертвенно-бледным.

– Я... я всё-таки заставляю тебя выслушать, – хрипло проговорил он. – Вот эта крыса – посмотри на неё хорошенько...

Но в глазах Снейпа плясали безумные огоньки, каких Гарри никогда раньше не видел. Было ясно: никакие доводы его не проймут.

– Все за мной! – скомандовал Снейп. Щёлкнул пальцами, и концы шнура, опутавшего Люпина, оказались у него в руке. – Я притащу и оборотня. У дементоров найдётся Поцелуй и для него.

Не отдавая себе отчёта, Гарри в три прыжка пересёк комнату и загородил дверь.

– Прочь с дороги, Поттер, ты и так в серьёзной беде, – злобствовал Снейп. – Если бы я не подоспел сюда, чтобы спасти твою шкуру...

– Профессор Люпин в этом году мог бы сто раз со мной расправиться. – Гарри попытался урезонить Снейпа. – Мы были множество раз наедине во время обучения по защите от дементоров. Если он помогает Блэку, почему он меня не прикончил?

– Я не собираюсь разгадывать, что там происходит в голове у оборотня! – зашипел Снейп. – Дай пройти, Поттер!

– КАКОЙ ЖЕ ВЫ ЖАЛКИЙ! – закричал Гарри. – ПРОСТО ПОТОМУ, ЧТО ОНИ ПОДШУТИЛИ НАД ВАМИ В ШКОЛЕ ТЕПЕРЬ ВЫ НИЧЕГО НЕ ХОТИТЕ СЛУШАТЬ!!!

– МОЛЧАТЬ!!! НЕ СМЕЙ ТАК СО МНОЙ ГОВОРИТЬ!!! – безумствовал Снейп. – Каков отец таков и сын! Я только что спас твою жизнь, Поттер, ты меня на коленях благодарить должен! И если бы он тебя убил, то ты получил бы по заслугам! Умер бы, как отец, слишком самоуверенным, чтобы допустить мысль, что Блэк тебя одурачил. А теперь прочь с дороги, или я заставляю тебя! ПРОЧЬ С ДОРОГИ, ПОТТЕР!!!

Решение созрело в долю секунды. Не успел Снейп сделать шага, Гарри вскинул волшебную палочку.

– *Expelliarmus!* – крикнул он, и, надо заметить, не он один.

Рон и Гермиона с удивительным единодушием приняли то же решение.

Грянуло сразу три заклинания, раздался оглушительный взрыв, затрещала дверь, едва удержавшись на древних петлях; Снейпа сбило с ног и ударило о стену, он сполз на пол, потеряв сознание, из-под волос по лицу побежала струйка крови.

Гарри огляделся. Волшебная палочка Снейпа взлетела под потолок и упала на кровать рядом с Косолапом.

– Зря ты это сделал. – Блэк, сдвинув брови, взглянул на Гарри. – Надо было предоставить его мне...

Гарри отвёл глаза в сторону. Даже теперь он не был уверен, что поступил правильно.

– Мы напали на преподавателя... Напали на преподавателя... – в ужасе прошептала Гермиона, как зачарованная глядя на безжизненную фигуру Снейпа. – Ох, какие нас ждут неприятности...

Люпин старался освободиться от пут. Блэк поспешно наклонился, развязал его, и тот поднялся, растирая запястья.

– Спасибо, Гарри, – поблагодарил он.

– Я ещё не сказал, что верю вам, – возразил Гарри.

– Значит, пора представить веские доказательства, – заявил Блэк – Ты, парень, дай мне Питера.

Но Рон теснее прижал к груди Кориистика.

– Не подходите. – Голос его был слаб, но решителен. – Вы что, сбежали из Азкабана только затем, чтобы свернуть ему шею? – Рон повернулся к Гарри и Гермионе, ища поддержки. – Ладно, допустим, Петтигрю мог превращаться в крысу. Но ведь крыс-то миллионы. Как же он в тюрьме ухитрился узнать, какая именно и есть Питер?

– А это законный вопрос, Сириус, – заметил Люпин, слегка нахмурившись. – В самом деле, как ты узнал, где Питер?

Блэк сунул под мантию крючковатые пальцы и вынул смятый клочок газеты, разгладил его и показал всем.

Это была фотография семейства Уизли, напечатанная прошлым летом в «Ежедневном пророке». У Рона на плече сидел Кориистик.

– Как ты это достал? – поразился Люпин.

– Фадж дал, – ответил Блэк. – В прошлом году он приезжал инспектировать Азкабан и оставил мне газету. А там на первой полосе на плече у этого мальчика я увидел Питера. Я узнал его сразу... столько раз я видел его превращения. В статье было сказано, что паренёк учится в Хогвартсе – там же, где и Гарри...

– Бог мой, – прошептала Люпин, переводя взгляд с живого Кориистика на картинку и обратно. – Передняя лапа...

– Что передняя лапа? – резко спросил Рон.

– Нет одного пальца, – пояснил Блэк.

– Вот именно, – выдохнул Люпин. – Как просто... и *гениально*... Он сам себе его оттяпал?

– Перед последней трансформацией, – кивнул Блэк – Я загнал его в угол, и он заорал на всю улицу, что это я предал Лили с Джеймсом, и тут же, опередив моё проклятие, устроил взрыв, держа палочку за спиной. На двадцать футов вокруг всё в куски, все погибли, а сам он вместе с другими крысами шмыгнул в канализацию...

– Разве ты не слышал, Рон? – сказал Люпин. – От Петтигрю нашли всего лишь палец.

– Но Кориостик мог подраться с другой крысой или ещё что-нибудь. Он живёт в нашей семье испокон веков...

– А точнее, двенадцать лет, – добавил Люпин. – Тебя никогда не удивляло подобное долголетие?

– Ну... мы о нём заботились...

– Хотя, пожалуй, сейчас крыса выглядит не слишком хорошо, а? – продолжал Люпин. – Думаю, она начала худеть, узнав, что Сириус вырвался на свободу...

– Его напугал этот чокнутый кот! – Рон мотнул головой в сторону Косолапа, который лежал на кровати, продолжая урчать.

«Но ведь это не так, – внезапно подумал Гарри. – Кориостик был явно болен ещё до появления Косолапа. Спал с тела после того, как Уизли вернулись из Египта, именно после побега Блэка...»

– Кот вовсе не чокнутый, – протянув костлявую руку, Блэк погладил рыжую пухлую голову Косолапа. – Таких смывлёных котов поискать. Он мгновенно почувствовал, что это за крыса. И сразу раскусил, что я не настоящий пёс. Конечно, он не сразу стал доверять мне. В конце концов я растолковал ему, кого ищу, и он стал мне помогать.

– А как он помогал? – тихо спросила Гермиона.

– Пытался поймать Питера и принести мне, но не получалось. Тогда он выкрал для меня пароли в гриффиндорскую башню. Как я понял, он взял их из тумбочки какого-то мальчика...

У Гарри от всего услышанного стали перегреваться мозги. Ведь бред же, абсурд – и всё же...

– Но Питер сообразил, чем пахло, и сбежал... Косолап – вы так его называете? – сообщил мне, что Питер оставил кровь на простынях. Скорее всего, укусил себя. Что ж, фальсификация собственной смерти у него однажды сработала...

Последние слова действовали на Гарри как удар хлыста.

– Хотите, объясню, зачем ему потребовалось имитировать собственную смерть? Да затем, что он знал: вы собирались его убить так же, как убили моих родителей!

– Да нет же, Гарри, – попытался успокоить его Люпин.

– А теперь вы здесь, чтобы прикончить его!

– Да, именно этого я и хочу! – Блэк с ненавистью взглянул на крысу.

– Значит, я зря помешал Снейпу схватить вас.

– Гарри! – торопливо вмешался Люпин. – Да пойми ты! Всё это время мы считали, что Сириус предал твоих родителей, а Питер выследил его. На самом же деле всё было наоборот: *Питер* предал твоих отца и мать, и Сириус *его* выследил.

– НЕПРАВДА! – Гарри судорожно сжал кулаки. – ОН БЫЛ ИХ ХРАНИТЕЛЕМ ТАЙНЫ! ОН САМ СКАЗАЛ ДО ВАШЕГО ПРИХОДА, ЧТО ЭТО ОН УБИЛ ИХ!!!

Но Блэк медленно покачал головой, его ввалившиеся глаза ярко вспыхнули.

– Гарри... Я всё равно что убил их... В последнюю минуту я уговорил Лили и Джеймса переменить свой выбор, сделать Хранителем Тайны его.... Я виноват, я знаю... В ту ночь, когда они погибли, я хотел проверить, как там Питер, убедиться, в безопасности ли он. Приехал к нему в убежище, а его там нет. И никаких следов борьбы. Я заподозрил неладное и сразу же помчался к твоим родителям. Увидел их разрушенный дом, их тела и всё понял: Питер предал их. Вот в чём моя вина.

У Блэка сорвался голос, и он отвернулся.

– Довольно об этом, – суровым тоном, какого Гарри от него никогда не слышал, заговорил Люпин. – Существует лишь один способ выяснить, что произошло на самом деле. Рон, дай мне крысу.

– А что вы с ним сделаете? – с опаской спросил Рон.

– Заставим принять истинное обличье. Если это действительно крыса, ей это не повредит.

После краткой борьбы с собой Рон всё же решился, протянул Корыстика, и Люпин взял его. Корыстик визжал уже безостановочно, крутясь и барахтаясь; его маленькие чёрные глазки лезли из орбит.

– Готов, Сириус? – спросил Люпин.

Блэк взял с кровати волшебную палочку Снейпа и подошёл к старому товарищу, держащему бьющуюся в руках крысу. Повлажневшие глаза Блэка запылали огнём.

– Давай вместе? – негромко произнёс он.

– Конечно. – Люпин крепко сжал крысу одной рукой, другой поднял волшебную палочку. – Действуем на счёт «три». Раз, два, три!

Всё кругом озарилось бело-голубой вспышкой из двух волшебных палочек; на какую-то секунду Корыстик завис в воздухе, его тельце бешено извивалось, Рон взвыл, и крыса с негромким стуком упала на пол. Сверкнула ещё одна слепящая вспышка и тогда...

Как будто они наблюдали за ростом дерева в ускоренной киносъёмке. Проклянулась и стала увеличиваться голова, появились побеги-конечности. Ещё миг – и на том месте, где только что была крыса, стоял человек, скрючившийся от страха и заламывающий руки. Косолап на кровати зашипел, заворчал, шерсть у него на спине встала дыбом.

Перед ними предстал коротышка, едва ли выше Гарри и Гермионы; жидкие бесцветные волосы растрёпаны, на макушке изрядная лысина; кожа на нём висела, как на толстяке, исхудавшем в одночасье. Вид был облезлым, как у Корыстика в последнее время. Да и вообще что-то крысиное сохранилось в остром носике, в круглых водянистых глазках. Прерывисто дыша, он оглядел комнату и бросил быстрый взгляд на дверь.

– Ну здравствуй, Питер, – приветливо произнёс Люпин, как будто в Хогвартсе по три раза на дню крысы превращались в старых школьных друзей. – Давненько не виделись.

– С-с-сириус... Р-р-Римус... – даже голос у Петтигрю остался писклявым. Он вновь быстро покосился на дверь. – Мои друзья... мои старые друзья...

Рука Блэка с волшебной палочкой взлетела, но Люпин перехватил её, послав Блэку предостерегающий взгляд, и, повернувшись к Петтигрю, снова заговорил в самом непринуждённом тоне.

— Мы тут, Питер, беседовали о том, как погибли Джеймс и Лили. И вообще о той ночи. Боюсь, ты пропустил кое-какие подробности, пока визжал на кровати...

— Римус, — задыхаясь, вымолвил Петтигрю, и Гарри увидел капли пота, выступившие на его одутловатом лице. — Ты ведь не веришь ему, правда? Он пытался убить меня, Римус...

— Это мы уже слышали, — ответил Люпин уже гораздо холоднее. — Мне хотелось бы прояснить с твоей помощью несколько мелочей, если не возражаешь.

— Он явился сюда, чтобы опять попытаться меня убить! — неожиданно завопил Петтигрю, указывая на Блэка. Гарри бросилось в глаза, что он ткнул в Блэка средним пальцем — указательный на правой руке отсутствовал. — Он убил Лили и Джеймса, а теперь охотится и на меня. Помоги мне, Римус...

Блэк устремил на Петтигрю ледяной взгляд, и лицо его стало особенно похоже на череп.

— Никто не станет тебя сейчас убивать, — успокоил школьного приятеля Люпин. — Прежде надо кое в чём разобраться.

— Разобраться? — взвизгнул Петтигрю, по-прежнему украдкой озираясь и бросая взгляды то на заколоченные окна, то на единственную дверь. — Я знал, что он будет преследовать меня! Знал, что вернётся! Я двенадцать лет этого ждал!

— Ты знал, что Сириус собирается бежать из Азкабана? — сдвинул брови Люпин. — Несмотря на то, что оттуда никто никогда не убежал?

— На его стороне Тёмные силы, какие нам и не снились! — пронзительно завыл Петтигрю. — Как иначе он смог оттуда вырваться? Тот-Кого-Нельзя-Называть наверняка кое-чему его научил!

Комнату огласил невесёлый жутковатый смех Блэка.

— Значит, это Волдеморт меня кое-чему научил?

Петтигрю вздрогнул, словно Блэк пригрозил ему хлыстом.

— Что, страшно слышать имя старого хозяина? — спросил Блэк. — Не виню тебя, Питер. Его команда не очень-то была тобой довольна! Верно говорю?

— Не понимаю тебя, Сириус, — промямлил Петтигрю, дыша всё чаще; теперь всё его лицо блестело от пота.

— Не от *меня* ты прятался эти двенадцать лет, — усмехнулся Блэк. — Ты скрывался от прежних дружков Волдеморта. Я кое-что слышал в Азкабана, Питер... Все они думают, что ты мёртв, иначе тебе пришлось бы держать ответ перед ними... Они много чего интересного говорили во сне, особенно об одном обманщике, который надул их. Волдеморт ведь отправился к Поттерам по твоей наводке... и там его ожидал крах. Но не все же сторонники Волдеморта кончили дни в Азкабана, не так ли? Их ещё достаточно много, они выжидают время, прикинулись, будто осознали свои заблуждения... Пронюхай они, что ты жив, Питер...

– Не понимаю... о чём ты, – снова повторил Петтигрю. Вытер лицо рукавом и поднял глаза на Люпина. – Ведь ты не веришь этой... всей этой чепухе, Римус?

– Должен признаться, Питер, мне трудно понять, зачем невинному человеку жить двенадцать лет в облике крысы, – невозмутимо ответил Люпин.

– Невинный, но смертельно испуганный! – вновь сбился на крысиный визг Петтигрю. – Если сторонники Волдеморта настроены против меня, то лишь потому, что я отправил в Азкабан одного из их главарей – этого шпиона Сириуса Блэка!

Лицо Блэка исказилось.

– Да как ты смеешь! – Голос его зазвучал точно рык гигантского волкодава, которым он недавно был. – Я шпионил для Волдеморта? Когда ж это я пресмыкался перед теми, кто могущественнее меня? Но ты, Питер... Всё не пойму, как же я не сообразил это ещё тогда. Тебе всегда нравились большие и сильные друзья, которые покровительствовали бы тебе, так ведь? Такими были мы... Я и Римус... И Джеймс...

Петтигрю снова вытер лицо, он почти задышался.

– Я – шпион? Ты совсем, наверное, спятил... никогда... Как у тебя язык повернулся сказать такую...

– Лили и Джеймс назначили тебя Хранителем Тайны по моему настоянию, – продолжал Блэк с такой злобой, что Петтигрю попятился. – Я думал, что этот план идеален... блеф... Волдеморт будет охотиться за мной, ему и в голову не придёт, что они возьмут в Хранители такое бесталанное ничтожество, как ты. Наверное, тот момент, когда ты сдал Поттеров Волдеморту, стал звёздным часом твоей убогой жизни.

Петтигрю в смятении что-то бормотал. Гарри уловил слова «странность», «помешательство», но его внимание больше привлекла мертвенная бледность лица Петтигрю и то, как он продолжал шнырять глазами по окнам и двери.

– Профессор Люпин? – неуверенно вступила в разговор Гермиона. – Могу... могу я кое-что сказать?

– Разумеется, Гермиона, – любезно разрешил Люпин.

– Ну... Корыстик... то есть, я хочу сказать, этот... этот человек – он три года жил в спальне Гарри. Но если он работал на Сами-Знаете-Кого, как вышло, что он никогда не пытался навредить Гарри?

– Вот видите! – пискнул Петтигрю, тыча в Гермиону покалеченной рукой. – Спасибо тебе! Слышишь, Римус? Я волоска на голове Гарри не тронул! Почему, как ты думаешь?

– Я объясню, – прервал его Блэк. – Ты никогда ничего не делал без выгоды для себя. Волдеморт двенадцать лет в бегах, утратил всю свою силу, говорят, он едва жив. Но ты не будешь совершать убийство под носом Альбуса Дамблдора ради колдуна, утратившего свою силу, так ведь? Перед возвращением надо ж сначала убедиться, что он снова на площадке самый грозный хулиган. Зачем ещё ты выбрал пристанищем семью колдунов? Чтобы знать, что происходит в их мире. Вдруг старый хозяин обретёт силу – тогда ты сможешь спокойно к нему вернуться...

Петтигрю несколько раз открывал и закрывал рот – казалось, он утратил дар речи.

– Э-э-э... мистер Блэк... Сириус... – робко проговорила Гермиона.

Услыхав эти слова, Блэк вздрогнул и внимательно взглянул на девочку: очевидно, давно отвык от подобной вежливости.

– Позвольте вас спросить, как... как вам удалось выбраться из Азкабана без помощи Тёмной магии?

– Благодарю! – испуганно выдохнул ей Петтигрю, отчаянно кивая. – В самую точку! Именно это я и хотел...

Но Люпин взглядом заставил его умолкнуть. Блэк чуть нахмурился, глядя на Гермиону, но не потому, что рассердился – казалось, он обдумывает ответ.

– Сам не знаю как, – медленно произнёс он. – Думаю, единственной причиной, почему я не потерял рассудок, была мысль, что я невиновен. Это не назовёшь счастливой мыслью, дементоры не могли её высосать... но она сохранила мой разум и самосознание... помогла сохранить магические силы... а когда приходилось уж совсем круто, я превращался у себя в камере... становился собакой. Вы же знаете, дементоры ничего не видят, – он сглотнул, – они воспринимают людей только через их эмоции... И они ощущали только, что мои чувства в эти часы делаются менее... менее человеческими, менее сложными. Скорее всего, они думали, что я схожу с ума, как все остальные узники. Это их не беспокоило. Но я был очень слаб, и не было никакой надежды, что я с ними справлюсь без волшебной палочки... Но потом я увидел Питера на той фотографии... Я догадался, что он в Хогвартсе, рядом с Гарри. Идеальная позиция для нападения, если однажды он проведает, что Тёмные силы возрождаются...

Петтигрю мотал головой, безмолвно шевелил губами, но, будто загипнотизированный, не сводил глаз с Блэка.

– ...он нанесёт удар, когда появятся союзники... Продаст им последнего Поттера. Кто тогда посмеет сказать, что он предал Волдеморта? И его примут назад с почестями... Так что видите, я должен был действовать... Ведь я единственный знал, что Питер ещё жив...

Гарри вспомнились слова мистера Уизли, сказанные жене: «Стражи сообщают, Блэк говорит во сне ... всегда одни и те же слова: «Он в Хогвартсе».

– И у меня в голове как будто зажгётся свет. Дементоры не могли мне помешать. Это не было счастливым чувством, это была навязчивая идея, она придавала мне силы, проясняла ум. И однажды вечером, когда дементоры принесли еду, я выскользнул в открытую дверь в облике пса... Им настолько сложнее улавливать чувства животных, что они были сбиты с толку... Я был так истощён, что сумел пролезть сквозь решётки... В обличье пса переплыл пролив, побежал на север и так добрался до окрестностей Хогвартса... Всё это время жил в лесу... Только однажды выбрался посмотреть квиддич, конечно... Ты летаешь так же здорово, как твой отец, Гарри...

Он посмотрел на Гарри, и тот не отвёл взгляда.

– Поверь мне, – прохрипел Блэк. – Поверь, Гарри. Я не предавал Джеймса и Лили. Я бы скорее сам умер.

И Гарри поверил. Комок в горле помешал ему говорить, и он просто кивнул.

– Неправда! – Петтигрю упал на колени, словно кивок Гарри был смертным приговором. Подавшись вперёд, он пополз к Сириусу, молитвенно сложив руки. – Сириус... это же я... Питер... твой друг... ты же не станешь...

Блэк оттолкнул его, и Петтигрю опрокинулся.

– На моей мантии и без тебя хватает грязи!

– Римус! – заголосил Петтигрю, повернувшись теперь к Люпину и умоляюще извиваясь перед ним. – Ведь ты не веришь ему... Разве Сириус не сказал бы тебе, что они переменили план?

– Нет, не сказал бы, если думал, что я шпион, – ответил Люпин. – Наверное, именно поэтому ты не сказал мне, Сириус? – мимоходом заметил он поверх головы Петтигрю.

– Прости меня, Римус, – вздохнул Блэк.

– О чём разговор, Бродяга? – сказал Люпин, закатывая рукава. – Прости и ты меня, что я столько лет считал тебя шпионом.

– Да чего уж тут... – Тень улыбки скользнула по измождённому лицу Блэка. И он тоже принялся закатывать рукава. – Убьём его вместе?

– Да, вместе, – сурово произнёс Люпин.

– Вы не... вы не станете... – заверещал Петтигрю и пополз к Рону. – Рон... Разве я не был тебе добрым другом... Твоим домашним любимцем? Ты не дашь им убить меня, правда? Ты ведь на моей стороне!

Но Рон смотрел на него с отвращением:

– И я разрешал тебе спать в моей *постели*!

– Мой добрый мальчик... добрый хозяин... Ты не допустишь этого... Я был твоей крысой... ласковым зверьком...

– Крыса, как видно, получилась из тебя лучше, чем человек. И хвастать тут нечем, – жёстко оборвал его Блэк.

Рон побледнел от боли и передвинул сломанную ногу, чтобы Петтигрю не мог до неё дотянуться. Тот развернулся на коленях, подполз к Гермионе и ухватил её за край мантии.

– Милая девочка... умная девочка... Ты... ты не позволишь им... Помогии...

Гермиона выдернула мантию из его пальцев и, потрясённая, отступила назад, к стене.

Петтигрю колотила неудержимая дрожь, он медленно повернулся к Гарри.

– Гарри... Гарри... ты так похож на отца... просто вылитый Джеймс...

– КАК СМЕЕШЬ ТЫ ОБРАЩАТЬСЯ К ГАРРИ?! – В глазах Блэка полыхнуло бешенство. – СМОТРЕТЬ ЕМУ В ГЛАЗА?! ГОВОРИТЬ О ЕГО ОТЦЕ?!

– Гарри, – прошептал Петтигрю, подползая к тому и протягивая руки. – Гарри, Джеймс не стал бы меня убивать... Он бы понял, Гарри, он бы пощадил...

Блэк с Люпином ухватили Петтигрю за плечи и оттащили. Он плюхнулся на пол, глядя на них снизу вверх и трясясь от ужаса.

– Ты продал Лили и Джеймса Волдеморту. – Блэка тоже била дрожь. – Будешь ещё отрицать это?

Петтигрю зарыдал. Это было жуткое зрелище – он походил на младенца-переростка, съёжившегося на полу.

– Сириус, Сириус, что я мог поделаться? Тёмный Лорд... ты себе не представляешь... У него такая сила, что уму непостижимо... Меня запутали, Сириус, я же никогда не был храбрецом, как ты, Римус или Джеймс... Я не хотел того, что случилось... Меня вынудил Тот-Кого-Нельзя-Называть.

– НЕ ВРИ!!! – взревел Блэк. – ТЫ СЛИВАЛ ЕМУ ИНФОРМАЦИЮ ЕЩЁ ЗА ГОД ДО СМЕРТИ ЛИЛИ И ДЖЕЙМСА!!! ТЫ БЫЛ ЕГО ШПИОНОМ!!!

– Его... его власть была безгранична, – хлюпнул Петтигрю. – Что бы я выиграл, если бы стал противиться ему?

– Да. Что бы ты выиграл, Питер, в борьбе с самым злым колдуном всех времён? – Блэк клокотал от ярости. – Всего-навсего несколько невинных жизней.

– Ты не понимаешь, Сириус! – проскулил Петтигрю. – Он бы убил меня.

– ЗНАЧИТ, НАДО БЫЛО УМЕРЕТЬ!!! – прорычал Блэк. – УМЕРЕТЬ, А НЕ ПРЕДАВАТЬ ДРУЗЕЙ!!! МЫ БЫ ВСЕ ТАК ПОСТУПИЛИ РАДИ ТЕБЯ!!!

Блэк и Люпин встали плечом к плечу и подняли волшебные палочки.

– Ты должен был понимать, – произнёс Люпин тихо, – если тебя не убьёт Волдеморт, то это сделаем мы. Прощай, Питер.

Гермиона закрыла руками лицо и отвернулась.

– НЕТ! – вдруг крикнул Гарри. Он бросился вперед и загородил Петтигрю, повернувшись к волшебным палочкам. – Нельзя его убивать, – сказал он, задышавшись. – Нельзя.

И Блэк, и Люпин были потрясены.

– Из-за этого выродка ты лишился родителей, Гарри, – прохрипел Блэк. – Этот пресмыкающийся кусок дерьма хладнокровно убил бы и тебя. И даже не повёл бы бровью. Ты его сейчас слышал. Для него собственная вонючая шкура значит больше, чем вся твоя семья.

– Знаю, – тяжело дыша, сказал Гарри. – Мы отведём его в замок и передадим дементорам. Они отвезут его в Азкабан... Но не убивайте его.

– Гарри! – простонал Петтигрю и обнял его колени. – Ты... Спасибо тебе... Я не стою этого... Спасибо...

– Прочь от меня! – гневно выпалил Гарри, с омерзением сбрасывая с себя руки Петтигрю. – Я поступаю так не ради тебя. Я уверен, мой отец не захотел бы, чтобы его лучшие друзья стали убийцами из-за такого, как ты.

Никто не шелохнулся и не издал ни звука, лишь слышалось неровное, с присвистом, дыхание Петтигрю, прижавшего к груди кулачки. Блэк с Люпином переглянулись и одновременно опустили палочки.

– Ты – единственный, у кого есть право решать, – признал Блэк. – Но подумай хорошенько... подумай, что он совершил...

– Пусть его отправят в Азкабан, – повторил Гарри. – Он это заслужил, как никто.

Сзади по-прежнему слышалось сопение Петтигрю.

– Ладно, – согласился Люпин. – Гарри, отойди в сторону.

Но Гарри в сомнении не двигался с места.

– Я только свяжу его, – пояснил Люпин. – Ничего больше, клянусь.

Гарри отошёл. Из волшебной палочки Люпина вылетели тонкие шнуры, и через секунду Петтигрю дёргался на полу связанный и с заткнутым ртом.

– Но если ты попытаешься превратиться, Питер, – Блэк потрясал над ним волшебной палочкой, – мы точно тебя *убьём*. Ты согласен, Гарри?

Гарри посмотрел на жалкую фигуру, скорчившуюся на полу, и кивнул – так, чтобы Петтигрю увидел.

– Ну вот что, – Люпин перешёл на деловой тон, – я, Рон, умею сращивать кости далеко не так хорошо, как мадам Помфри, поэтому пока не добрались до больничного крыла, самое лучшее – наложить шину.

Он подошёл к Рону, коснулся сломанной ноги волшебной палочкой и тихо произнёс:

– *Ferula!*

Тотчас же ногу обмотали бинты, плотно прижав её к гипсовому лотку. Рон с помощью Люпина встал, осторожно переступил и даже не поморщился.

– Так лучше, – сказал он. – Спасибо.

– А что с профессором Снейпом? – вполголоса спросила Гермиона, глядя на распростёртую фигуру преподавателя.

– Ничего серьёзного. – Люпин склонился над ним и пощупал его пульс. – Просто вы немного... э-э-э... перестарались. Всё ещё без сознания... М-м-м... вероятно, будет лучше, если мы не станем приводить его в чувство, пока благополучно не возвратимся в замок. А доставим его туда вот так... – Он шепнул: – *Mobilicorpus!*

Как будто невидимые нити оплели запястья Снейпа, шею, колени; тело приняло вертикальное положение, но голова безвольно моталась во все стороны, словно у огромной куклы. Снейп повис в нескольких дюймах над полом, ноги его безжизненно болтались. Люпин подобрал плащ-невидимку и заботливо спрятал его в карман.

– Двоих из нас придётся приковать вот к этому. – Блэк дёрнул Петтигрю за верёвки. – На всякий случай.

– Меня, – предложил Люпин.

– И меня, – рявкнул Рон, прохромав вперёд.

Блэк прямо из воздуха сотворил увесистые наручники, Петтигрю распрямился – левая рука скована с правой Люпина, правая – с левой Рона. Лицо Рона скорбно застыло – истинную сущность Кориистика он воспринял как личное оскорбление. Косолап легко спрыгнул с кровати и возглавил выход из комнаты – его хвост, похожий на ёршик для мытья бутылок, был самодовольно задран.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

ПОЦЕЛУЙ ДЕМЕНТОРА

Никогда ещё Гарри не приходилось участвовать в такой странной процессии. Первым спускался Косолап, следом – Люпин, Петтигрю и Рон, словно участники какого-то диковинного шестиногого забега; за ними неспешно плыл профессор Снейп, стучаясь ногами о ступени, поддерживаемый в воздухе его же собственной волшебной палочкой в руке Сириуса Блэка. Гарри и Гермиона замыкали шествие.

Идти по туннелю было непросто. Люпин, Петтигрю и Рон двигались боком один за другим, причём Люпин всё время держал Петтигрю под прицелом волшебной палочки. Сириус удерживал плывущего по воздуху Снейпа в вертикальном положении, но голова Снейпа то и дело чиркала о низкий потолок. Гарри показалось, что Блэк и не думает этому помешать.

– Понимаешь, что это значит? – спросил Сириус у Гарри, когда они медленно продвигались по туннелю. – Разоблачение Петтигрю?

– Ты свободен, – ответил Гарри.

– Да... А скажи, ты знаешь, что я твой крёстный отец?

– Знаю.

– Хм-м... Твои родители назначили меня твоим опекуном, – с некоторой неловкостью продолжал Блэк, – если с ними что случится...

Гарри не верил своим ушам. Неужели Сириус предложит ему то, о чём он начал мечтать.

– Я, разумеется, пойму если ты захочешь остаться с дядей и тётей... Но ты всё-таки подумай. Моё доброе имя восстановлено ... может, если бы ты захотел ... другой дом...

В животе у Гарри словно взорвался фейерверк.

– Что... жить с тобой? – воскликнул он, ударившись головой о какой-то камень. – Уехать от Дёрзли?

– Я так и знал, что ты будешь против, – совсем смутился Блэк. – Я просто подумал...

– Ты чокнулся? – У Гарри тоже сел голос. – Да я мечтаю расстаться с Дёрзли! А дом у тебя есть? Когда можно туда поехать?

Сириус остановился и взглянул на Гарри. Голова Снейпа опять проехала по потолку, но Блэк даже внимания на это не обратил.

– Значит, ты согласен? Серьёзно?

– Конечно, серьёзно!

И Гарри первый раз увидел, как мрачное лицо Сириуса озарила улыбка. Перемена была разительна – словно кто-то другой, лет на десять моложе, вдруг проглянул сквозь изнурённую маску; и Сириус на какой-то миг стал похож на того человека, который весело смеялся на свадьбе родителей Гарри.

До конца туннеля они больше не разговаривали. Косолап выскочил наверх первый. И наверное, сразу нажал лапой сучок на Иве, так что, выбравшись из-под земли, Люпин, Петтигрю и Рон не слышали даже шелеста свирепых веток. За ними вышла Гермиона.

Блэк протолкнул Снейпа в дыру и отступил, пропуская вперёд Гарри. Наконец все оказались снаружи.

Луга были погружены в темноту, и лишь далёкие окна замка светились во мраке. Не говоря ни слова, двинулись дальше; Петтигрю по-прежнему сопел и время от времени принимался хныкать. У Гарри в голове звенело: он уедет от Дёрзли, будет жить с Сириусом Блэком, лучшим другом родителей... А что станет с Дёрзли, когда он им скажет, что будет теперь жить у преступника, которого они видели по телевизору?

— Одно неверное движение, Питер... — грозно предупредил Люпин, его волшебная палочка неизменно смотрела в бок Петтигрю.

Шли молча, огни замка медленно приближались. Снейп парил перед Блэком, подбородок его то и дело ударял в грудь. И тут...

Облака разошлись, и на землю пали неясные тени; вся компания словно окунулась в лунный свет.

Люпин, Петтигрю и Рон остановились так неожиданно, что Снейп на них натолкнулся. Сириус замер, махнув рукой Гарри и Гермионе, чтобы те не двигались.

Гарри видел силуэт Люпина, профессор точно окостенел, и тут же его руки и ноги стали дрожать.

— Господи! — ахнула Гермиона. — Он же сегодня не принял зелье! Он опасен!

— Бегите! — шепнул Блэк. — Бегите! Живо!

Но как они могли убежать: Рон-то прикован к Петтигрю и Люпину. Гарри рванулся к другу, но Блэк без церемоний обхватил его поперёк туловища и отбросил.

— Предоставь это мне... БЕГИ!

Раздался грозный рык. Лицо Люпина вытягивалось, то же происходило и с телом; плечи сузились, руки обратились в когтистые лапы, прямо на глазах он оброс шерстью. У Косолапа мех вновь встал дыбом, кот попятился.

Превращение произошло, и оборотень лягнул страшными длинными зубами. В тот же миг Сириус исчез — вместо него приготовился к прыжку огромный, похожий на медведя пёс.

Едва оборотень вырвался из наручников, пёс схватил его за холку и потащил в сторону, подальше от Рона и Петтигрю. Звери сцепились, клык к клыку, раздирая друг друга когтями.

Гарри стоял, поглощённый схваткой, ничего больше не замечая. У него за спиной раздался крик Гермионы, и Гарри, придя в себя, обернулся.

Петтигрю кинулся за упавшей волшебной палочкой Люпина; Рон, не удержавшись на своей забинтованной ноге, упал. Грохнул взрыв, вспышка света — и Рон лишился чувств. Ещё взрыв — Косолап взлетел в воздух и рухнул на землю подобно груде тряпья.

— *Expelliarmus!* — Гарри нацелил волшебную палочку на Петтигрю. Палочка Люпина взмыла в небо и пропала. — Ни с места! — крикнул он и бросился на помощь другу.

Слишком поздно. Петтигрю успел превратиться. Гарри заметил только длинный, облезлый хвост, скользнувший сквозь наручники на откинутой руке Рона, и услышал лёгкий шорох в траве.

Тишину разорвал вой и громовое рычание. Гарри оглянулся — оборотень во весь опор мчался к Запретному Лесу.

– Сириус, он сбежал, Петтигрю превратился! – что есть мочи завопил Гарри.

Морда и спина у Блэка были в крови, но при этих словах он собрал все силы и бросился за оборотнем. Спустя мгновение топот его лап уже был не слышен.

Гарри и Гермиона подбежали к Рону.

– Что он с ним сделал? – прошептала Гермиона.

Веки Рона смежились, рот открыт. Он никого не видел и не узнавал. Но он, несомненно, был жив, друзья слышали его дыхание.

– Не знаю...

Гарри в отчаянии огляделся. Блэк и Люпин исчезли, так что компанию им составлял один Снейп, всё ещё висящий в воздухе без сознания.

– Надо скорее доставить их в замок и позвать кого-то, – Гарри отбросил волосы с глаз и попытался привести мысли в порядок. – Идём...

Откуда-то из мрака донёсся визг собаки, которой причинили боль.

– Сириус... – Гарри напряжённо вгляделся во тьму.

Минуту он колебался – для Рона они сейчас ничего не могут сделать, а, судя по визгу, Блэк в беде...

Гарри пустился бежать, Гермиона – за ним. Звуки доносились со стороны озера, и они помчались туда. Гарри нёсся, не чуя ног.

Вой внезапно оборвался. Добежав до берега, они увидели Сириуса. Он снова превратился в человека и теперь стоял на четвереньках, уткнувшись лицом в ладони.

– *He-e-e-e-ет!* – умолял он. – *He-e-e-e-ет... Прошу...*

И тут Гарри увидел их. Дементоры, не меньше сотни, скользили к ним со всех сторон по берегу озера. Он повернулся к Гермионе – знакомое леденящее чувство уже пронизало его внутренности, глаза застлал туман. А из темноты надвигались всё новые группы дементоров, окружая их.

– Гермиона, подумай о чём-нибудь весёлом! – Гарри поднял волшебную палочку, отчаянно моргая, чтобы прояснить зрение. Он затряс головой: ему уже слышался слабый, но такой знакомый крик.

«Я буду жить с моим крёстным отцом. Уеду от Дёрзли». Все его мысли сосредоточились на Сириусе, и он воскликнул:

– *Expecto patronum! Expecto patronum!*

Тело Блэка сотрясла судорога, он лежал бледный, как мертвец.

«Всё будет хорошо. Я уеду с ним, мы будем жить вместе».

– *Expecto patronum!* Гермиона, повторяй! *Expecto patronum!*

– *Expecto...* – пролепетала Гермиона, – *Expecto... Expecto...*

Но толку от неё не было никакого. Кольцо смыкалось, дементоры были уже практически футах в десяти.

– *Expecto patronum!* – надрывался Гарри, силясь перекрыть нарастающий вопль в ушах. – *Expecto patronum!*

Серебряная струйка вытекла из волшебной палочки и зависла в воздухе. Краем глаза Гарри увидел, что Гермиона упала. Он остался один... совершенно один...

– *Expecto... Expecto patronum...*

Ноги подогнулись, колени его коснулись холодной травы. Перед глазами клубился туман. Страшным усилием воли он заставил себя вспомнить: Сириус невиновен... невиновен... Всё будет хорошо... Мы будем жить вместе...

– *Expecto patronum!* – Ему становилось трудно дышать.

В тусклом свете слабенького Патронуса он увидел остановившегося в двух шагах дементора. Серебристое облачко было для него непреодолимой преградой, но из-под чёрного плаща высунулась длинная, мерзкая, вся в язвах рука, она пыталась отодвинуть Патронуса.

– Нет! *Nem!* – задыхаясь, кричал Гарри. – Он невиновен... *Expecto... Expecto patronum!*

Они следили за ним, их свистящее дыхание было подобно злобным вихрям. Ближайший дементор, казалось, размышлял, что делать с Гарри. Потом поднял полусгнившие руки и откинул капюшон. Глаз не было, не было и глазниц. Вместо них – тонкая, серая, покрытая струпиями кожа, но рот имелся – зияющая воронка, всасывающая воздух со звуком, напоминающим предсмертный хрип.

Гарри оцепенел от ужаса – он был не в силах шелохнуться, вымолвить слово, Патронус было вспыхнул, но тут же угас. Всё вокруг окутал туман. Но борьбы прекращать нельзя.

– *Expecto patronum...*

Нет даже тонкой струйки. Послышался знакомый крик.

– *Expecto patronum...*

Туман сгустился. Гарри стал на ощупь искать Сириуса, нашёл его руку... Они не заберут его!

Внезапно влажные, холодные пальцы обхватили шею Гарри. Он совсем близко почуял зловонное дыхание дементора... Значит, они решили сначала избавиться от него... Крик матери вновь зазвучал в ушах. Её голос, наверное, последнее, что он слышит в жизни...

И тут сквозь туман Гарри померещилось серебряное сияние. Оно разгоралось всё ярче. Гарри ничком упал в траву...

Его тело сотрясала дрожь, и не было никаких сил пошевелиться. С большим трудом Гарри открыл глаза. Всё кругом было залито слепящим светом. Крик в ушах смолк, холод заметно отступал.

Что-то отогнало дементоров, защитило Гарри, Сириуса и Гермиону... Хриплые, всасывающие звуки затихали... воздух теплел... дементоры удалялись.

Гарри через силу приподнялся и увидел животное, излучавшее потоки света. Оно галопом уносилось прочь, прямо по глади озера. Пот заливал глаза, но Гарри пытался разглядеть, кто это... Зверь сверкал, словно единорог...

Стараясь удержать уплывающее сознание, Гарри проследил взглядом за таинственным зверем. Достигнув другого берега, он остановился.

На какой-то миг Гарри увидел рядом с ним чью-то неясную тень. Кто-то очень знакомый приветственно протянул руку, хотел погладить зверя. Кто это? Нет, этого не может быть...

Гарри ничего не понимал. Он больше не мог думать, силы оставили его, он уронил голову на траву и лишился чувств.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

СЕКРЕТ ГЕРМИОНЫ

– Потрясающе... Просто невероятно... Просто чудо, что никто не погиб... Ни о чём подобном не слышал... Какое счастье, что вы там оказались, Снейп...

– Благодарю вас, министр.

– Орден Мерлина второй степени, это я вам обещаю. Первой степени, если сумею пробить.

– Огромное вам спасибо, министр.

– Вижу, у вас глубокий порез... Работа Блэка, я полагаю?

– Нет, министр. Это Поттер, Уизли и Грэйнджер.

– Ну *нет!*

– Блэк заколдовал их, я это сразу понял. Чары Конфундус, судя по их поведению. Видимо, внушил им, что невиновен. Они не ведали, что творили... Их вмешательство, однако, могло бы помочь Блэку бежать. Похоже, они решили сами, без посторонней помощи поймать его. До сих пор им удавалось выходить сухими из воды, и, боюсь, они слишком возомнили о себе... И конечно, Поттеру директор позволяет неслыханные вольности...

– Естественно, Гарри Поттер, вы же понимаете... Мы все питаем к нему слабость...

– Тем не менее благотворно ли сказывается на нём столь чрезмерное внимание к его особе? Лично я обращаюсь с ним как с другими учениками. А любого другого ученика исключили бы, по меньшей мере временно, за то, что подверг своих товарищей такой опасности. Судите сами, министр: в нарушение всех школьных правил, после всех предосторожностей, принятых для его безопасности, гулять ночью, в обществе оборотня и убийцы... К тому же есть основания верить, что он незаконно посещал Хогсмид...

– Ну, ну, Снейп, мы разберёмся. Мальчик, без сомнения, наделал глупостей...

Гарри слушал всё это, лежа с плотно закрытыми глазами. Он чувствовал невероятную слабость. Казалось, будто слова еле ползут от ушей к мозгу, и потому было трудно что-то понять. Руки и ноги точно налиты свинцом, тяжёлые веки не поднимаются. Хотелось вечно лежать здесь, на этой удобной кровати...

– Но больше всего меня поразило поведение дементоров... У вас нет никакой догадки, что заставило их уйти, Снейп?

– Понятия не имею, министр. Когда я подошёл, они уже расходились к своим постам у выходов с территории.

– Невероятно! Между тем Блэк, Гарри и девочка...

– Все были без сознания, когда я нашёл их. Естественно, я связал Блэка, заткнул ему рот, создал носилки и доставил их всех сюда в замок.

Наступило молчание. Мысли Гарри стали понемногу оживать, и под ложечкой у него засосало....

Он открыл глаза.

Всё слегка расплывалось — кто-то снял с него очки. Он лежал в полутёмном больничном крыле. В другом конце палаты Гарри различил мадам Помфри, она стояла к нему спиной, склонившись над чьей-то постелью. Он сощурился, под рукой мадам Помфри виднелась рыжая шевелюра Рона.

Гарри приподнял голову над подушкой. Справа от него на кровати, залитой лунным светом, лежала Гермиона, глаза открыты, вся точно окаменела. Но, заметив, что Гарри очнулся, она приложила палец к губам, махнув на дверь больничного отделения. Та была прикрыта неплотно, и именно из коридора долетали голоса Снейпа и Корнелиуса Фаджа.

В полумраке палаты мадам Помфри поспешила к кровати Гарри. В руках у неё был кусок шоколада размером с добрый валун.

— А, проснулся! — просияла мадам Помфри. Она водрузила шоколад на столик возле кровати и принялась молоточком дробить его на части.

— Как Рон? — спросили Гарри и Гермиона одновременно.

— Жив, — сдержанно ответила мадам Помфри. — А что касается вас двоих, вы останетесь здесь, пока я не буду удовлетворена вашим состоянием... Поттер, что вы такое делаете?

Гарри сел, надел очки и взял волшебную палочку.

— Мне надо немедленно увидеть директора, — заявил он.

— Поттер, — ласково промолвила мадам Помфри, — всё в порядке. Блэка поймали. Он заперт наверху. Дементоры с минуты на минуту применят к нему Поцелуй...

— ЧТО?!

Гарри спрыгнул с кровати, Гермиона — за ним. Громкий возглас услышали в коридоре, в тот же миг Корнелиус Фадж со Снейпом оказались в палате.

— Гарри, что такое? — встревоженно воскликнул Фадж. — Немедленно в постель! Вы ему дали уже шоколад? — обратился министр к мадам Помфри.

— Министр, пожалуйста, — взволнованно заговорил Гарри. — Сириус Блэк невиновен! Питер Петтигрю давным-давно инсценировал свою смерть! Мы видели его сегодня ночью! Нельзя так наказывать Сириуса, он...

Но Фадж, печально улыбнувшись, покачал головой:

— Гарри, Гарри, у тебя всё в голове перепуталось. Ты прошёл через страшное испытание... Ложись скорее. Всё уже под контролем.

— НЕТ! — закричал Гарри. — ВЫ СХВАТИЛИ НЕВИНОВНОГО ЧЕЛОВЕКА!

— Министр, послушайте, пожалуйста. — Гермиона встала рядом с Гарри, устремив на Фаджа умоляющий взгляд. — Я тоже видела его... Он был крысой Рона. А на самом деле он анимаг — я говорю о Питере Петтигрю...

— Вот видите, министр, — пожал плечами Снейп. — Под Конфундусом. Оба. Блэк хорошо над ними поработал.

— МЫ НЕ ПОД КОНФУНДУСОМ! — разошёлся Гарри.

— Министр! Профессор! — сердито вмешалась мадам Помфри. — Я вынуждена настаивать, чтобы вы немедленно ушли! Поттер мой пациент, его нельзя волновать!

— Я не волнуюсь. Я пытаюсь рассказать, что произошло на самом деле! — вспыхнул Гарри. — Если б они выслушали...

Но тут мадам Помффри изловчилась и сунула ему в рот здоровенный кусок шоколада. Гарри смолк, и она силой уложила его в постель.

– А теперь, *пожалуйста*, министр... Дети нуждаются в покое. Прошу, покиньте...

Но тут дверь снова распахнулась. На сей раз вошёл Дамблдор. Неимоверным усилием Гарри проглотил шоколад и опять вскочил.

– Профессор Дамблдор, Сириус Блэк...

– Ради всех святых! – возопила мадам Помффри. – Здесь больничное крыло или что? Директор, я настаиваю...

– Прошу прощения, Поппи, но мне надо сказать два слова мистеру Поттеру и мисс Грэйнджер, – вежливо произнёс Дамблдор. – Я только что разговаривал с Сириусом Блэком...

– Догадываюсь. Он поведал вам ту же сказочку, которой заморочил голову Поттеру, – фыркнул Снейп. – Что-то там о крысе, о том, что Петтигрю жив...

– Да, действительно, так он и говорил, – кивнул Дамблдор, разглядывая Снейпа сквозь свои очки-половинки.

– Выходит, моё свидетельство ничего не значит? – зарычал Снейп. – Питера Петтигрю не было ни в Визжащей Хижине, ни на территории замка. Никаких признаков!

– Потому что вы были в обмороке, профессор! – горячо возразила Гермиона. – Вы пришли слишком поздно. И не всё слышали...

– Мисс Грэйнджер, ПРИДЕРЖИТЕ ЯЗЫК!!!

– Что это вы, Снейп, – укорил профессора Фадж. – У юной леди лёгкое помрачение рассудка. Надо быть снисходительнее...

– Мне хотелось бы поговорить с Гарри и Гермионой наедине, – твёрдо сказал Дамблдор. – Корнелиус, Северус, Поппи, будьте добры, оставьте нас.

– Но директор! – возмущённо заклокотала мадам Помффри. – Дети нуждаются в лечении, отдыхе...

– Дело не терпит отлагательств, – нахмурил брови Дамблдор. – Я вынужден настаивать.

Мадам Помффри поджала губы и удалилась к себе в кабинет, хлопнув дверью. Фадж взглянул на внушительные золотые часы, висевшие у него на жилетной цепочке.

– Дементоры сейчас подойдут. Надо встретить их. Дамблдор, увидимся наверху.

Он подошёл к двери, открыл её, приглашая Снейпа, но тот и не подумал тронуться с места.

– Вы, надеюсь, не поверили ни одному слову Блэка? – прошипел он, впившись глазами в лицо Дамблдора.

– Я хочу поговорить с Гарри и Гермионой наедине, – повторил Дамблдор.

Снейп подступил к нему на шаг.

– Сириус Блэк проявлял наклонности убийцы ещё в шестнадцать лет. Вы забыли это, директор? Забыли, что однажды он пытался убить *меня*?

– Я пока на память не жалеюсь, Северус, – спокойно отозвался Дамблдор.

Снейп повернулся на каблуках и проследовал из палаты, Фадж всё ещё придерживал для него дверь. Дамблдор повернулся к Гарри с Гермионой, и, едва дверь захлопнулась, оба наперебой заговорили:

- Профессор, Блэк говорит правду: мы сами *видели* Петтигрю...
- Он убежал, когда профессор Люпин превратился в волка...
- Стал крысой...
- Передняя лапа Петтигрю, я хочу сказать, палец. Он отрезал его...
- Это Петтигрю напал на Рона, а не Сириус...

Дамблдор поднял руку, прервав этот поток объяснений.

– Теперь ваша очередь слушать, и я попросил бы не перебивать меня, потому что времени у нас чрезвычайно мало, – начал он негромко. – Кроме ваших слов, нет никаких доказательств, подтверждающих рассказ Блэка. А слова двух тринадцатилетних колдунов, увы, никого не убедят. На улице было полно очевидцев, которые поклялись, что видели, как Сириус убил Петтигрю. Я сам свидетельствовал перед министром, что Сириус был у Поттеров Хранителем Тайны.

– Профессор Люпин может подтвердить... – не удержался Гарри.

– Профессор Люпин далеко в лесу и не в состоянии кому-либо что-либо рассказать. А когда он снова обретёт человеческий облик, будет уже поздно. Сириус будет хуже, чем мёртв. Могу добавить, что у большинства моих коллег оборотни вызывают столь мало доверия, что его поддержка едва ли поможет. Особенно если учесть, что они с Блэком старые друзья.

– Но...

– Пойми, Гарри, у нас нет времени. Версия профессора Снейпа выглядит гораздо убедительнее вашей.

– Он ненавидит Сириуса, – с отчаянием вымолвила Гермиона. – И всё из-за той глупой шутки, которую Сириус с ним сыграл...

– Согласитесь, Сириус вёл себя подозрительно. Напал на Полную Леди, проник с ножом в башню Гриффиндора. Без Петтигрю, живого или мёртвого, у нас нет ни единого шанса отменить его приговор.

– Но вы-то верите нам.

– Да, верю, – невозмутимо согласился Дамблдор. – Но я бессилён заставить других прозреть истину или отменить решение министра магии. У меня нет такой власти.

Глядя на его огорчённое лицо, Гарри почувствовал, как земля уходит у него из-под ног. Он уже давно свыкся с мыслью о всемогуществе Дамблдора и рассчитывал, что директор запросто, одним махом найдёт какое-то удивительное решение. И вот их последние надежды рушились.

– Что нам нужно, – медленно проговорил Дамблдор, и его яркие голубые глаза перебежали с Гарри на Гермиону, – так это больше *времени*.

– Но... – начала было Гермиона, и тут глаза у неё округлились. – Аа!

– Теперь внимание. – Дамблдор заговорил тихо и отчётливо. – Сириус заперт в кабинете профессора Флитвика на восьмом этаже, тринадцатое окно справа от Западной башни. Если всё сложится удачно, сегодня ночью вы спасёте больше одной невинной жизни. Но

запомните оба: *вас никто не должен видеть*. Мисс Грэйнджер, вы знаете правила и знаете, что на кону... *Вас – никто – не должен – видеть*.

Гарри понятия не имел, о чём идёт речь. А Дамблдор встал и, дойдя до двери, обернулся.

– Я закрою вас здесь. Сейчас, – он взглянул на часы, – без пяти двенадцать. Мисс Грэйнджер, вам хватит трёх оборотов. Удачи.

– Удачи? – повторил Гарри, как только за Дамблдором закрылась дверь. – Три оборота? О чём он говорил? Что мы будем делать?

Гермиона пошарила у себя за пазухой и извлекла очень длинную золотую цепь.

– Гарри, иди сюда, – велела она. – *Быстро!*

Гарри подошёл к ней, окончательно сбитый с толку. Гермиона подняла цепь перед собой, и он увидел на ней крохотные, сверкающие песочные часы.

– Так...

Она накинула цепь и ему на шею.

– Готов?

– Да что ты такое делаешь? – Гарри совершенно растерялся.

Гермиона трижды перевернула песочные часы. Темнота в палате рассеялась, и Гарри почувствовал, что очень быстро летит куда-то назад. Мимо неслись смутные цветные пятна и контуры, уши заложило – он попытался крикнуть, но не слышал своего голоса...

Под ногами вновь появилась твёрдая почва, и всё опять обрело привычные очертания...

И вот они с Гермионой стоят в пустой палате. Гарри ошарашено взглянул на Гермиону и на цепь от часов, врезающуюся ему в шею.

– Гермиона, что...?

– Сюда! – Гермиона схватила его за руку и потащила в холл и далее к чулану, где хранились швабры, щётки и вёдра, втокнула его туда, вошла сама и прикрыла за собой дверь.

– Что... Как... Гермиона, что происходит?

– Мы вернулись во времени, – шёпотом объяснила Гермиона. В темноте она сняла цепь с шеи Гарри. – На три часа.

Гарри нащупал свою ногу и что было силы ущипнул. Вышло очень больно. Да, похоже, это и впрямь не фантастический сон.

– Но...

– Ш-ш-ш! Слушай! Кто-то идёт! Думаю... Думаю, это мы!

Гермиона прижалась ухом к двери чулана.

– Шаги в холле... Да, это мы идём к Хагриду!

– Ты хочешь сказать, – прошептал Гарри, – что мы здесь, в этом чулане, и снаружи?

– Да, – кивнула Гермиона, не отрывая уха от двери. – Уверена, это мы... по звуку не больше трёх человек... и идём медленно – ведь на нас плащ-невидимка...

Она умолкла, по-прежнему напряжённо прислушиваясь:

– Мы спускаемся по парадной лестнице...

Гермиона присела на перевернутое ведро – вид у неё был очень взволнованный. Но Гарри желал услышать ответы на некоторые вопросы.

– Где ты *достала* эту песочную штуковину?

– Она называется времеворот, – вполголоса начала рассказ Гермiona, – мне её дала профессор МакГонаггалл в день нашего приезда. Благодаря этому я успевала посещать все мои занятия. Профессор МакГонаггалл взяла с меня клятву, что я ничего никому не скажу. Ей пришлось написать множество писем в Министерство магии, чтобы мне позволили пользоваться времеворотом; она убедила их, что я – идеальная ученица и никогда не применю его ни для чего, кроме учёбы... С его помощью я возвращалась назад во времени и заново использовала уже истёкшие часы – так я бывала на нескольких уроках одновременно. Но... Гарри, я пока не понимаю, чего сейчас хочет от нас Дамблдор, что именно мы должны сделать. Почему он сказал вернуться именно на три часа? Как это может помочь Сириусу?

Гарри в задумчивости посмотрел на её еле различимое в темноте лицо:

– По-моему, он хочет, чтобы мы изменили события, которые в это время произошли. Но какие? Три часа назад мы отправились к Хагриду...

– Сейчас и есть три часа назад, и мы как раз идём к Хагриду, – вставила Гермiona. – Мы сию минуту слышали, как мы уходим...

Гарри наморщил лоб: ему казалось, он чувствует, как у него вскипают мозги.

– Дамблдор сказал... сказал, что мы можем спасти больше одной невинной жизни... – И тут его осенило: – Гермiona, он нам подсказал – это Брыклов!

– Но как же это поможет Сириусу?

– Дамблдор нам точно указал, где нужно окно... это окно кабинета Флитвика! Там они держат Сириуса! Надо подняться к окну на Брыклове и вызволить Сириуса. Они улетят и оба спасутся!

Судя по лицу Гермiony, она пришла в ужас.

– Если нам это удастся и нас никто не заметит, это будет чудо!

– Но попытаться можно? – Гарри поднялся и тоже приложил ухо к двери. – Никого не слышно... Идём!

Он приоткрыл дверь чулана. Холл был пуст, из распахнутых парадных дверей на мощёный пол лился поток золотых солнечных лучей. Стараясь не шуметь, друзья выскочили из комнатки и спустились по каменным ступеням. Тени уже вытягивались, верхушки Запретного Леса окрасились последними лучами.

– А вдруг кто-то смотрит в окно... – Гермiona оглянулась на замок.

– Придётся бежать, – с решимостью сказал Гарри. – И прямо в лес. Спрячемся за деревьями и понаблюдаем.

– Согласна, но побежим вокруг теплиц, – предложила Гермiona. – Нужно держаться подальше от передней двери дома Хагрида, иначе мы нас заметим! Мы, наверное, уже возле хижины.

Так и не успев осознать сказанное, Гарри сорвался с места, Гермiona бросилась за ним. Они стремглав пронесли мимо грядок с овощами к оранжереям, секунду выждали за ними и помчались во все лопатки дальше, обогнули Дракучую Иву, спеша укрыться под пологом леса.

Оказавшись в безопасности, Гарри оглянулся — мгновение спустя подоспела запыхавшаяся Гермиона.

— Прекрасно, — переводя дух, вымолвила она. — Теперь идём к домику Хагрида. Нельзя показываться, Гарри...

Неслышно ступая, друзья пошли меж деревьев, держась опушки леса. В просветах листвы показалась хижина лесничего и до них тут же донёлся стук в дверь. Они поскорее спрятались за неохватным стволом векового дуба, выглядывая с обеих сторон. На порог вышел бледный, дрожащий Хагрид, и стал озираться в поисках стучавшего. Гарри услышал собственный голос:

— Это мы под плащом-невидимкой. Впусти нас скорее, мы его снимем.

— Эх, не след бы вам приходить, — опечалился Хагрид. Он отступил назад и поспешно прикрыл дверь.

— Это самое странное, что я делал! — воскликнул Гарри.

— Идём ближе к хижине, — прошептала Гермиона. — Надо быть рядом с Брыкловом.

Прокрались за деревьями и увидели встревоженного гиппогрифа, привязанного у тыквенной грядки.

— Сейчас? — шепнул Гарри.

— Нет! Если мы похитим его сейчас, комитет подумает, что Хагрид выпустил его на свободу! Надо, чтобы они увидели его здесь, на привязи!

— Но тогда у нас останется не больше шестидесяти секунд, — покачал головой Гарри. Затея начала казаться невыполнимой.

В это время в домике послышался звон бьющегося фарфора.

— Это Хагрид разбил кувшин, — вздохнула Гермиона. — И я сейчас найду Корыстика.

Действительно, спустя несколько минут они услышали изумлённый возглас Гермионы.

— Гермиона, а что, если... Мы ворвёмся внутрь и схватим Петтигрю? — неожиданно предложил Гарри.

— Ты что? — шёпотом произнесла Гермиона. — Мы нарушим важнейший колдовской закон. Никаких изменений во времени! Это нельзя! Ты же слышал Дамблдора: если нас увидят...

— Нас увидим лишь мы сами да Хагрид!

— Гарри, вообрази: ты видишь себя, как ты врываешься в хижину...

— Н-ну... я бы подумал, что спятил или столкнулся с Тёмной магией...

— Именно! И наверняка набросился бы на самого себя! Сам подумай! Профессор МакГонаггалл рассказывала кошмарные случаи. Колдуны иногда вмешивались в ход времени... И многие убивали себя — в прошлом или в будущем!

— Ну, ладно, — не стал спорить Гарри. — Это я так, просто подумал...

Гермиона толкнула его локтем и указала на замок. Гарри немного подвинулся, чтобы ветки не загораживали темнеющие вдалеке парадные двери, — по ступеням спускались Дамблдор, Фадж, древний старец — член комитета — и палач Макнейр.

Пальцы Гермионы стиснули плечо Гарри:

— Сейчас из хижины выйдем мы.

В самом деле, спустя мгновение задняя дверь отворилась, и Гарри увидел самого себя, Рона и Гермиону, выходящих с Хагридом. Такого он ещё никогда в жизни не ощущал – стоять за деревом и видеть самого себя на тыквенной грядке.

– Всё в порядке, Ключик, всё в порядке. – Хагрид погладил Брыкляова, и, повернувшись к друзьям, прибавил: – Уходите скорее!

– Мы не уйдём...

– Мы им расскажем, как всё было на самом деле...

– Они не могут убить его ...

– Идите! – взревел Хагрид. – Хватает бед и без ваших неприятностей!

Гарри смотрел, как Гермиона накинула мантию на него и Рона.

– Бегите быстрее. Не слушайте...

В переднюю дверь постучали. Это пожаловали свидетели и исполнитель приговора. Хагрид оглянулся вокруг и пошёл обратно в дом, оставив заднюю дверь приоткрытой. Гарри видел, как под их шагами приминалась трава, слышал удаляющийся топот трёх пар ног. Невидимые Гарри, Рон и Гермиона ушли, но Гарри и Гермиона, спрятавшиеся за деревьями, благодаря приоткрытой двери, могли слышать всё, что происходило внутри.

– Где зверь? – раздался голос Макнейра.

– Снаружи... на улице... – с трудом произнёс Хагрид.

Гарри поспешно убрал голову – в окне домика появилось лицо Макнейра, тот посмотрел на Брыкляова.

– Видите ли... хм... – послышался голос Фаджа. – Я сейчас зачитаю постановление о казни, Хагрид. Это не займёт много времени, затем вы с Макнейром подпишете его. Макнейр, вам тоже нужно послушать. Такова процедура...

Физиономия Макнейра в окне исчезла. Наступил решающий момент – теперь или никогда.

– Жди здесь, – Гарри повернулся к Гермионе. – Я сейчас всё сделаю.

Не успел Фадж рта раскрыть, как Гарри выскочил из-за дерева, перемахнул через изгородь и очутился возле Брыкляова.

– *«Согласно решению комитета по Обезвреживанию опасных существ, гиппогриф Брыкляов, в дальнейшем именуемый осуждённым, должен быть казнён шестого июня на закате...»* – монотонно бубнил Фадж.

Стараясь не моргнуть, Гарри устремил взгляд в свирепый оранжевый глаз гиппогрифа и низко поклонился. Брыкляов опустился на колени и опять встал. Гарри быстро развязал верёвку, которой Брыкляов был привязан.

– *«...приговорён к смерти через отсечение головы, каковое должно быть произведено назначенным комитетом палачом Уолденом Макнейром...»*

– Вперёд, Ключик, – чуть слышно уговаривал гиппогрифа Гарри. – Вперёд, мы хотим тебе помочь... Тихо... Тихо...

– *«...как свидетельствующие ниже...»* Хагрид, распишитесь вот тут...

Гарри всей тяжестью повис на верёвке, но гиппогриф словно врос лапами в землю.

– Пора приступать, – раздался скрипучий голос старца. – Хагрид, возможно, вам лучше остаться здесь...

– Нет, мне... это... надо быть... с ним. Не хочу, шоб... ну, он был один...

В хижине послышались шаги.

– *Клювик, ну иди!* – отчаянно шептал Гарри, изо всех сил дёргая верёвку, привязанную к опшейнику гиппогрифа, и тот наконец тронулся с места, недовольно зашелестев крыльями. Однако их всё ещё было видно из дома, так как до спасительного леса оставалось десять футов.

– Ещё одну минутку, прошу вас, Макнейр, – прозвучал голос Дамблдора. – Вам ведь тоже надо подписать.

Шаги в хижине остановились. Гарри сильнее потянул верёвку. Брыклов грозно щёлкнул клювом и прибавил ходу.

Из-за дерева выглянуло бледное лицо Гермионы.

– Скорее, Гарри! – одними губами прошептала она.

До Гарри всё ещё доносился голос Дамблдора, он что было мочи дёрнул верёвку, и Брыклов неохотно перешёл на рысь. Вот они уже поравнялись с первыми деревьями...

– Быстрее, быстрее, – взмолилась Гермиона. Она выбежала навстречу, ухватила за верёвку и тоже налегла. Гарри оглянулся через плечо – огород Хагрида пропал из виду: значит, из хижины их уже не видно.

– Стой! – прошептал он Гермионе. – Нас могут услышать...

Задняя дверь хижины со стуком распахнулась. Гарри, Гермиона и Брыклов замерли в безмолвии – даже гиппогриф, казалось, напряжённо прислушивается.

Тишину взорвал визгливый фальцет дряхлого члена комитета.

– Где он? Где зверь?

– Он был привязан здесь! – с бешенством заорал палач Макнейр. – Я же только что его видел! На этом самом месте!

– Невероятно! – воскликнул Дамблдор, явно изумлённый. В его голосе слышались нотки весёлого изумления.

– Клювик! – прохрипел Хагрид.

Раздался свист и удар топора – похоже, палач в ярости рубанул по изгороди. Тут же грянул вопль, перешедший в рыдание.

– Убежал! Убежал! Слава богу, убежал! – вопил Хагрид. – Освободился! Клювик мой, хороший, умный мальчик!

Брыклов рванул верёвку, устремясь назад, к Хагриду. Гарри с Гермионой еле удерживали его, вцепившись мёртвой хваткой и зарываясь каблуками в рыхлую лесную почву.

– Кто-то отвязал его! – рычал палач. – Надо обыскать лес и территорию замка...

– Макнейр, если Брыклова и в самом деле похитили, то неужели вы и впрямь полагаете, что похититель поведёт его пешим ходом? – В тоне Дамблдора явно звучала насмешка. – Обыскивайте небеса, если на то пошло... Хагрид, я бы не отказался от чашки чая. Или хороший стакан бренди...

– А, к'нечно, профессор. – Хагрид был сам не свой от счастья. – Заходите, заходите...

Гарри и Гермиона внимательно слушали. Они различили шаги, тихую ругань палача, стук закрывшейся двери и вновь наступившую тишину.

– Теперь что? – прошептал Гарри, осматриваясь.

– Останемся пока здесь... – Гермиона всё ещё была взбудораженной. – Подождём, когда они вернутся в замок. Улучим момент и подлетим на Брыкляве к окну за Сириусом... Его там не будет ещё часа два... Ох, и это будет сложно...

Она с тревогой оглянулась на лесную чащу. Солнце садилось. Гарри в задумчивости почесал бровь.

– Придётся сменить место, чтобы видеть Дракую Иву. Иначе не будем знать, что происходит.

– Ладно. – Гермиона ещё крепче сжала верёвку Брыклява. – Но помни: нас никто не должен увидеть.

Пошли вдоль опушки леса. Наконец нашли удобное местечко в лесной чаще, откуда была хорошо видна Ива. Быстро смеркалось.

– Это Рон! – охнула Гермиона.

По лугу неслась тёмная фигура, и в дремлющем ночном воздухе далеко разносились крики:

– Отвали от него... отвали... Коририк, ко *мне*!

Откуда ни возьмись, появились ещё двое. Гарри видел себя и Гермиону, мчащихся вслед за Роном.

– *Поймал!* Пшёл, котёра вонючий!

У Гарри сжалось сердце:

– Сириус!

Возле Ивы возник силуэт гигантского пса; на глазах друзей он сбил с ног Гарри, потом схватил Рона...

– Отсюда выглядит ещё страшнее! – сказал Гарри, глядя, как пёс втаскивает Рона в дыру между корней. – Нет, ты гляди! Ива ударила меня... теперь тебя... *Странно* это наблюдать...

Дракая Ива скрипела и хлестала нижними ветвями. Гарри с Гермионой наблюдали, как они бегают вокруг, пытаясь подобраться к корням. Дерево вдруг замерло.

– Это Косолап нажал на сучок, – сказала Гермиона.

– Мы наконец у спуска в туннель, – комментировал Гарри. – Всё, мы внутри.

Не успели они скрыться, Ива ожила. Ещё секунда-другая и совсем близко послышались шаги: Дамблдор, Макнейр, Фадж и почтенный представитель комитета возвращались обратно в замок.

– Сразу же после того, как мы спустились в туннель! – воскликнула Гермиона. – *Если* бы Дамблдор мог пойти с нами...

– Макнейр и Фадж тоже бы за ним полезли, – мрачно отозвался Гарри. – Спорим на что угодно, Фадж приказал бы Макнейру убить Сириуса на месте...

Четверо мужчин поднялись в замок по парадной лестнице. Несколько минут сцена пустовала. И вот...

– Смотри, идёт Люпин! – объявил Гарри: кто-то сбежал по каменным ступеням и со всех ног припустил к Иве. Гарри взглянул на небо – луна полностью скрылась за облаками.

Люпин поднял с земли сломанную ветку и ткнул ею в сучок на стволе. Дерево утихло, и Люпин тоже исчез в туннеле.

Гарри покачал головой:

– Если б он просто захватил плащ с собой... Лежит же прямо там... – Он обернулся к Гермионе: – Давай я сейчас выскочу и подберу его, тогда он не попадёт Снейпу в руки и...

– Гарри, *нас никто не должен видеть!*

– И ты можешь такое вынести? – рассердился Гарри. – Просто сидеть и смотреть на это? Я сбегаю за плащом.

– Гарри, *нет!*

Гермиона вцепилась сзади в его мантию – и вовремя. Над лугом разнеслось громовое пение. Это был Хагрид. Он брёл наверх, к замку, покачиваясь и горлая на пределе своей могучей глотки, размахивая в такт здоровенной бутылкой.

– *Видишь?* – укорила Гарри Гермиона. – *Видишь, что могло случиться?* Нам никому нельзя показываться на глаза! *Нет, Брыклов!*

Гиппогриф вновь неистово рвался к Хагриду, Гарри вместе с Гермионой еле удерживали его. Развесёлый Хагрид на нетвёрдых ногах поднялся в замок и исчез за дверями. Брыклов перестал вырываться, и голова его печально поникла.

Не прошло и двух минут, как двери замка вновь распахнулись, и на лестницу выскочил Снейп и бросился к Иве. У Гарри сжались кулаки. Возле дерева Снейп замедлил шаг и огляделся по сторонам. Увидел плащ-невидимку и поднял его с земли.

– Убери от него свои грязные руки! – шёпотом прорычал Гарри.

– Ш-ш-ш!

Снейп взял ту же самую ветку, что и Люпин, дотянулся до сучка на стволе и, закутавшись в плащ, нырнул в дыру между корнями.

– Ну вот, – удовлетворённо заметила Гермиона. – Теперь мы все там. Остаётся только ждать, пока мы снова появимся...

Она крепко привязала Брыклова к дереву, села на землю, выбрав место посуше, и обняла колени руками.

– Я, знаешь, чего не могу понять... Почему дементоры не забрали Сириуса? Помню, как они подошли, и тут, по-моему, я отключилась. Их было так много.

Гарри тоже сел. И рассказал то, что видел: едва дементор приблизил к нему рот, что-то большое, серебряное примчалось галопом по озеру, и дементоры отступили.

Гермиона слушала Гарри, в изумлении приоткрыв рот.

– Но что это было?

– Существует лишь одна вещь, которой под силу отогнать дементоров. Настоящий Патронус. Мощный.

– Но кто его создал?

Гарри ничего не ответил. Он воскрешал в памяти того, кто появился на другом берегу озера. У него была мысль, кто это... но как это *возможно?*

– На кого он похож? – настаивала Гермиона. – Кто-то из преподавателей?

– Нет, – ответил Гарри, – не преподаватель.

– Это был очень сильный колдун – он один отогнал всех дементоров... Но если, ты говоришь, Патронус был очень яркий, разве он не осветил его? Ты не видел...?

– Да, я его видел, – медленно проговорил Гарри. – Но... может, я только это вообразил... Соображал я плохо... Я ведь тут же потерял сознание...

– Так кто это, по-твоему, был?

– Думаю, – Гарри сглотнул, отдавая себе отчёт, как странно прозвучит его ответ. – Я думаю, это был мой отец.

Гермиона вытаращила глаза, в них Гарри прочитал тревогу и сострадание.

– Но, Гарри, твой отец... он ведь *умер*, – тихо произнесла она.

– Знаю.

– Ты думаешь, что видел его призрак?

– Нет... Он был как живой, из плоти.

– Но тогда...

– Наверное, померещилось. – Гарри потёр лоб. – Но, судя по фотографиям, точь-в-точь он...

Гермиону явно обеспокоило его душевное состояние.

– Понимаю, ты думаешь, это временное помешательство. – Гарри отвернулся, как будто хотел взглянуть на Брыкляува, который клювом копался в земле, наверное, искал червей. Но Гарри даже не видел его.

Он думал об отце и трёх его старинных друзьях... Лунатик, Бродяга, Сохатый и Прихвост... Неужели здесь были этой ночью все четверо? Все считали, что Прихвост давно погиб, а он объявился сегодня вечером. Может, и отец жив? Или это была галлюцинация? Человек был на той стороне озера, довольно далеко и всё же целый миг Гарри был уверен...

Над головой ветерок чуть слышно шелестел листьями, луна то появлялась, то скрывалась за облаками; Гермиона сидела молча, повернувшись лицом к Иве.

Наконец, по прошествии часа...

– Вот и мы! – прошептала Гермиона.

Оба вскочили на ноги, Брыкляув поднял от земли голову. Люпин, Рон и Петтигрю неуклюже выкарабкались из дыры между корнями. За ними Гермиона, следом выплыл, странно колыхаясь, бесчувственный Снейп, последними вылезли Гарри и Блэк. Вся компания двинулась вверх по склону к замку.

У Гарри заколотилось сердце. Он посмотрел на небо – в любую минуту облака могли разойтись и окрестности зальёт лунный свет.

– Гарри, – предупредила Гермиона, словно угадав его мысли. – Оставайся на месте, не то нас увидят... Мы всё равно ничего не можем сделать.

– Пусть, значит, Петтигрю сбежит ещё раз, – проворчал Гарри.

– Как ты собираешься ловить в темноте крысу? – возвала Гермиона к здравому смыслу.

– Мы вернулись во времени, чтобы спасти Сириуса. И только за этим!

– *Ладно!*

Выглянула луна. Далёкие силуэты на лугу остановились, началось какое-то движение.

– Это Люпин, – тихо сказала Гермиона. – Он превращается.

Вдруг Гарри осенило.

– Гермиона! Нам нельзя здесь оставаться! Надо немедленно уходить.

– Говорю тебе: нельзя...

– Да я о другом! Ведь Люпин побежит в лес, прямо на нас!

Гермиона ахнула.

– Скорее! – Она кинулась отвязывать Брыкляова. – Скорее отсюда! Куда нам? Где лучше спрятаться? Дементоры появятся в любую минуту...

– Обратно к Хагриду! Там сейчас никого! Давай!

Бросились бежать со всех ног, Брыкляов галопом следовал за ними. Позади раздался вой оборотня...

Вот и хижина. Гарри затормозил перед самой дверью, рывком распахнул её, Гермиона с Брыкляовом ворвались внутрь, он метнулся следом и с грохотом задвинул засов. Клык оглушительно залаял.

– Тише, Клык, это мы! – успокоила его Гермиона и почесала пса за ухом. – Это было крайне близко!

– Да...

Он посмотрел в окно. Отсюда было труднее следить за происходящим. Зато Брыкляов был вполне счастлив в доме Хагрида: улёгся перед камином, с довольным видом сложил крылья и приготовился хорошенько вздремнуть.

– Я, пожалуй, выйду, – предложил Гарри. – Отсюда ничего не увидишь. Мы можем упустить время.

Гермиона взглянула на него с подозрением.

– Да не собираюсь я вмешиваться, – заверил её Гарри. – Но если мы не будем знать, что происходит, как же мы поймём, что настало время спасти Сириуса?

– Ну... Что ж... Я подожду тебя здесь с Брыкляовом... Но, Гарри, будь осторожней. Рядом оборотень и дементоры...

Снова оказавшись снаружи, Гарри осторожно пошёл в обход хижины. Издалека донёсся жалобный вой – это дементоры окружают Сириуса; они с Гермионой подбегут к нему с минуты на минуту...

Гарри не сводил глаз с озера, сердце в грудной клетке выбивало барабанную дробь. Кто бы ни послал Патронуса, он может появиться в любое мгновение.

Стоя у двери Хагрида, Гарри заколебался. Меня никто не должен видеть. Никто и не увидит. Он сам хочет увидеть... Чтобы точно знать... А вот и дементоры. Они тут и там возникали из мрака, скользя вдоль кромки воды в другую от Гарри сторону. Ему даже не придётся к ним приближаться...

И Гарри побежал. Он думал сейчас об отце, только о нём. Вдруг всё-таки это отец. Сейчас он всё выяснит.

Озеро всё ближе и ближе, вокруг ни души. На том берегу серебром замерцали слабые вспышки – его собственные попытки создать Патронуса. У самой воды рос куст, и Гарри

спрятался за ним, глядя на всё сквозь листья. Серебряное мерцание на берегу внезапно погасло. Страшное волнение охватило его: сию минуту... вот-вот...

– Давай! – шептал он, озираясь кругом. – Где ты? Папа, давай!

Никого. Гарри вгляделся в кольцо дементоров. Один из них откинул капюшон. Сейчас явится спаситель... но помощи в этот раз не было. И тут его озарило. Он не отца видел – он видел самого *себя*. Гарри выскочил из-за куста и достал волшебную палочку.

– *Expecto patronum!* – крикнул он.

И тогда из палочки вырвалось не бесформенное туманное облако, но сверкающий серебром зверь. Гарри прищурился, стараясь разглядеть, что это. Животное напоминало лошадь. Оно галопом понеслось прямо по чёрной глади озера, нагнув голову, бросилось на дементоров и замелькало среди тёмных фигур. Дементоры отступили, начали отходить назад, во тьму... и наконец их не стало.

Патронус повернул. Помчался по недвижной поверхности воды назад, к Гарри. Это была не лошадь, не единорог. Это был олень. Он сиял так ярко, как луна в небе... Он возвращался к Гарри. У самого берега олень остановился. Его копыта не оставляли следов на мягкой земле. Он глядел на Гарри громадными серебряными глазами. Потом медленно наклонил увенчанную ветвистыми рогами голову. И Гарри догадался...

– Сохатый... – прошептал он. Протянул дрожащие пальцы к сияющему созданию, но оно в мгновение ока исчезло.

Гарри так и остался стоять с вытянутой рукой. Сердце неистово стучало. Сзади вдруг послышались шаги. Гарри обернулся – к нему спешила Гермиона, тащившая за собой Брыкляюва.

– Что ты сделал? – яростно прошептала она. – Ты же сказал, что только покараулишь.

– Я только что спас наши жизни, – ответил Гарри. – Иди сюда за этот куст... Я всё тебе объясню.

Гермиона слушала, и у неё в который раз открылся от изумления рот.

– Кто-нибудь тебя видел?

– Да. Ты что, не слушала? Тогда я видел самого себя, но подумал, что это отец! Всё в порядке!

– Гарри, не могу поверить. Ты создал Патронуса, который прогнал ВСЕХ дементоров! Это очень, *очень* продвинутая магия...

– Я знал, что у меня получится. Потому что и тогда получилось. Теперь всё ясно?

– Не знаю... Гарри, гляди на Снейпа...

Гарри выглянул из-за куста. Снейп на том берегу пришёл в себя. Накладывал носилки и уложил на них безвольные тела Гарри, Гермионы и Блэка. Четвёртые носилки, на которых лежал Рон, уже парили неподалёку. Подняв перед собой волшебную палочку, Снейп двинул свою флотилию к замку.

– Ладно. Время на исходе. – Гермиона взглянула на часы. – У нас всего сорок минут до того, как Дамблдор запретит дверь в больничное крыло. А нам надо спасти Сириуса и вернуться в палату, пока не заметили наше отсутствие...

Они ещё подождали, наблюдая, как плывущие облака отражаются в озере, и слушая шелест листвы. Брыклов, заскучав, опять занялся поисками червей.

– Как, по-твоему, его уже отвели наверх? – Гарри тоже посмотрел на часы, перевёл взгляд на замок и стал считать окна справа от Западной башни.

– Посмотри-ка! – отвлекла его Гермиона. – Кто это? Он выходит из замка!

Гарри вгляделся в темноту. Какой-то мужчина быстрым шагом шёл через луг по направлению к одному из выходов. За поясом у него что-то блеснуло.

– Макнейр! – сказал Гарри. – Пошёл за дементорами. Пора, Гермиона...

Гермиона положила руки на спину Брыклову, Гарри подсадил её, затем ступил на нижнюю ветку ближайшего дерева и, вскочив на Брыклова, сел впереди Гермионы. Взяв свободный конец верёвки, привязал его к ошейнику с другого бока. Получилось что-то вроде вожжей.

– Готова? – тихо спросил он Гермиону. – Держись за меня крепче.

И Гарри каблуками толкнул Брыклова.

Гиппогриф с места взмыл в тёмное небо. Чувствуя под собой мощные взмахи громадных крыльев, Гарри сжал коленями его бока. Гермиона, вцепившись в Гарри, испуганно шептала:

– Ой, мне это не нравится. *Совсем* не нравится...

Гарри направил Брыклова вперёд, и вскоре они уже летели у верхних этажей замка. Гарри с силой потянул левый повод, и Брыклов повернул, а Гарри стал считать пронесившиеся мимо окна.

– Тпру! – скомандовал и рывком натянул поводья.

Брыклов резко сбавил скорость, и они остановились, если не считать, что их бросало вверх-вниз в такт взмахам крыльев, удерживающих гиппогрифа в воздухе.

– Он здесь! – Гарри заметил в окне Сириуса.

Когда крылья опустились, протянул руку и осторожно постучал в стекло. Блэк поднял глаза, и у него отпала челюсть. Беглец соскочил с кресла, бросился к окну, хотел открыть, но оно было заперто.

– Отойдите назад! – махнула ему Гермиона и вынула волшебную палочку, другой рукой крепко держась за Гарри. – *Alohomora!*

Окно со звоном открылось.

– Но как?.. *Как?* – Блэк от изумления потерял голос, уставившись на гиппогрифа.

– Скорее сюда, у нас совсем мало времени. – Гарри мёртвой хваткой обхватил глянцевую шею Брыклова, удерживая его на уровне окна. – Тебе надо немедленно бежать отсюда. Дементоры уже на подходе, за ними пошёл Макнейр.

Взявшись за края рамы, Блэк высунул наружу голову и плечи – к счастью, он был очень худ – и через несколько секунд он уже сидел на спине гиппогрифа позади Гермионы.

– Отлично... Брыклов, вверх! – скомандовал Гарри, дёрнув верёвку. – На башню, вверх! Давай!

Один взмах могучих крыльев – и они снова летят ввысь, на самую верхушку Западной башни. Цокнув когтями, Брыклов приземлился на площадке, окружённой зубчатой стеной. Гарри с Гермионой тотчас соскочили с него.

– Сириус, немедленно улетай, – переводя дух, сказал Гарри. – Они вот-вот придут в кабинет Флитвика и увидят, что тебя нет.

Брыкляов скрёб лапой, потряхивая остроклювой головой.

– А что с другим мальчиком? Роном? – спросил Сириус.

– С ним будет всё нормально. Пока-то не очень, но мадам Помффри уверяет, что она его вылечит. Лети скорее!

Но Сириус всё смотрел на Гарри.

– Смогу ли я когда-нибудь отблагодарить...

– ЛЕТИ!!! – заорали одновременно Гарри и Гермиона.

Блэк развернул Брыкляова в небо.

– Мы ещё увидимся! Ты истинный сын своего отца, Гарри...

Сириус сжал каблуками бока Брыкляова. Исполинские крылья вновь развернулись, воздушная волна едва не сбила Гарри с Гермионой с ног, и гиппогриф взмыл в небо. Гарри долго провожал его взглядом. Огромная птица и её наездник становились всё меньше, меньше. Луна зашла за облако. И спасённые беглецы исчезли из виду.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

СНОВА СОВИНАЯ ПОЧТА

– Гарри! – Глядя на часы, Гермиона дёрнула его за рукав. – Ровно через десять минут Дамблдор запрет дверь. Нам нужно вернуться в больничное крыло, и чтобы нас никто не заметил.

– Да-да, – кивнул Гарри, отрывая взгляд от неба. – Пошли...

Они проскользнули в дверной проём и поспешили вниз по узкой винтовой лестнице. Дойдя до нижней ступеньки, друзья услышали голоса, Гарри и Гермиона прижались к стене и прислушались. Разговаривали, похоже, Фадж и Снейп, которые быстро шли по коридору у подножия лестницы.

– ...только надеюсь, что Дамблдор не создаст трудностей, – говорил Снейп. – Поцелуй будет произведён немедленно?

– Сразу, как Макнейр вернётся с дементорами. От этой истории с Блэком житья не стало. Жду не дождусь того часа, когда смогу сообщить в «Ежедневный пророк», что преступник наконец пойман... Полагаю, Снейп, они захотят взять у вас интервью... Надеюсь, к юному Поттеру скоро вернётся разум, и я уверен, он с удовольствием расскажет на страницах «Пророка» все подробности, как вы его спасли...

Гарри стиснул зубы: он успел различить на лице Снейпа самодовольную ухмылку. Шаги скоро стихли. Гарри и Гермиона выждали на всякий случай несколько секунд и побежали в противоположном направлении. По одной лестнице, по другой, по коридору. Вдруг впереди послышалось радостное кудахтанье.

– Пивз! – воскликнул Гарри, схватив Гермиону за руку. – Сюда!

Они нырнули в пустой класс, очень кстати оказавшийся слева от них. В тот же миг мимо проскакал Пивз, умирая от хохота.

– Он невыносим. – Гермиона прижалась ухом к двери. – Уверена, он в восторге от предвкушения расправы над Сириусом. – Она опять посмотрела на часы. – Три минуты, Гарри!

Наконец злобное веселье Пивза замолкло в отдалении. Они осторожно вышли из класса и снова стремглав бросились по коридору.

– Гермиона, а что случится... если Дамблдор закроет дверь... до нашего возвращения? – на бегу спросил Гарри.

– Боюсь даже подумать об этом! – Гермиона в очередной раз взглянула на часы. – Одна минута!

Но они уже были в коридоре, ведущем в больничное крыло.

– Хорошо, я слышу Дамблдора. Скорее, Гарри! – Гермиона едва переводила дух.

Стараясь производить как можно меньше шума, друзья вошли в больничный отсек. В дверях палаты была видна спина директора.

– Я закрою вас здесь, – услышали они его слова. – Сейчас без пяти двенадцать. Мисс Грэйнджер, вам хватит трёх оборотов. Удачи.

Дамблдор вышел из палаты, вынул волшебную палочку, чтобы запереть дверь, и повернулся. Гарри и Гермиона бросились к нему. Дамблдор посмотрел на них, и широкая улыбка блеснула под его длинными серебряными усами.

– Ну? – спросил он тихо.

– У нас получилось! – задышавшись, проговорил Гарри. – Сириус улетел на Брыкляове!

Лицо Дамблдора просияло.

– Отлично сработано... – Он внимательно прислушался к звукам, доносившимся из палаты. – Думаю, вы уже отбыли... Идите спать – я вас запру.

Гарри и Гермиона проскользнули в палату. Она была пуста, если не считать Рона, по-прежнему неподвижно лежавшего в постели. Щёлкнул замок, друзья улеглись в кровати, и Гермиона спрятала времяворот под мантию. Из кабинета секунды через две решительной поступью вышла мадам Помфри.

– Я не ослышалась? Директор ушёл? Теперь я имею право заняться моими пациентами?

Она была в весьма скверном расположении духа. Самое лучшее сейчас – немедленно начать есть шоколад. Мадам Помфри стояла над ними с грозным видом, следя за тем, чтобы её предписание исполнялось в точности. Но Гарри кусок не лез в горло. Он и Гермиона в тревожном ожидании прислушивались к каждому шороху, нервы их были напряжены до предела... И вот, когда друзья взяли по четвёртой порции, откуда-то сверху долетел вопль бешенства.

– Что ещё такое? – забеспокоилась мадам Помфри.

Гневные голоса слышались всё громче и громче. Мадам Помфри посмотрела на дверь.

– Серьёзно... Они же всех перебудят! Что они опять учудили?

Гарри пытался разобрать слова. Голоса были совсем рядом.

– Он, должно быть, дезаппарировал, Северус. Надо было оставить с ним кого-нибудь... Когда это происшествие станет достоянием гласности...

– ОН НЕ ДЕЗАППАРИРОВАЛ!!! – надрывался Снейп теперь уже в двух шагах от двери.
– В СТЕНАХ ЗАМКА НЕЛЬЗЯ АППАРИРОВАТЬ ИЛИ ДЕЗАППАРИРОВАТЬ!!! ТУТ НАВЕРНЯКА ЗАМЕЩАН ПОТТЕР!!!

– Северус! Будьте благоразумны! Гарри всё это время был заперт...

БУМ!

Дверь с грохотом распахнулась. Фадж, Снейп и Дамблдор ворвались в палату. Дамблдор единственный сохранял спокойствие. Более того, вид у него был откровенно довольный. Фадж явно сердился. Но Снейп был в ярости.

– ВЫКЛАДЫВАЙТЕ, ПОТТЕР!!! – взревел он. – ЧТО ВЫ НАТВОРИЛИ?!!

– Профессор Снейп! – возмутилась мадам Помфри. – Держите себя в руках!

– Послушайте, Снейп, – пытался утихомирить его Фадж. – Рассудите здраво. Дверь была заперта, мы сами только что видели...

– ЭТО ОНИ ПОМОГЛИ ЕМУ СБЕЖАТЬ, Я ЗНАЮ!!! – с перекошенным лицом бушевал Снейп, брызжа слюной и указывая на Гарри и Гермиону.

– Уймитесь, милейший! – рявкнул Фадж. – Вы несёте чепуху!

– ВЫ НЕ ЗНАЕТЕ ПОТТЕРА!!! ЭТО ОН СДЕЛАЛ, Я ЗНАЮ, ЭТО ОН!!!

– Довольно, Северус, – с обычной невозмутимостью вмешался Дамблдор. – Подумайте, что вы говорите. Эта дверь заперта с того момента, как я покинул палату десять минут назад. Мадам Помфри, эти ученики вставали с кроватей?

– Разумеется, нет! – оскорблённо ответила мадам Помфри. – Я не отходила от них с той самой минуты, как вы ушли!

– Вот видите, Северус, – мирно произнёс Дамблдор. – Если вы не думаете, что Гарри с Гермионой обладают способностью находиться в двух местах одновременно, я не вижу смысла более их беспокоить.

Снейп стоял, кипя бешенством; он взглянул на Фаджа, потрясённого его поведением, на Дамблдора, чьи глаза мерцали за стёклами очков, ничего не выражая, и, развернувшись с такой яростью, что мантия со свистом взметнулась за спиной, вихрем вылетел из палаты.

– Коллега, похоже, слегка неуравновешен, – заметил Фадж, глядя ему вслед. – На вашем месте, Дамблдор, я бы понаблюдал за ним.

– Уверяю вас, с ним всё в порядке, – безмятежно отозвался Дамблдор. – Просто его постигло жестокое разочарование.

– Не его одного! – горестно вздохнул Фадж. – «Ежедневный пророк» уж не упустит возможности посмаковать подробности! Загнали Блэка в угол, но всё-таки он проскользнул сквозь пальцы! Если они пронюхают ещё и про этого сбежавшего гиппогрифа, я стану всеобщим посмешищем! Ладно... Мне пора в Министерство... Сообщить о происшедшем...

– А дементоры? – спросил Дамблдор. – Надеюсь, они покинут школу?

– Да, конечно, мы уберём их. – Фадж рассеянно запустил пальцы в волосы. – Я представить себе не мог, что им взбредёт в голову применить Поцелуй к ни в чём не повинному мальчику... Совершенно распустились... Сегодня же ночью отправлю обратно в Азкабан. Не подумать ли нам о драконах на входе в школу?

– Хагриду эта мысль понравится. – И Дамблдор послал быструю улыбку Гарри и Гермионе.

Нарушители спокойствия вышли из палаты, мадам Помфри поспешила к двери и опять её заперла, после чего отправилась в кабинет, что-то недовольно ворча себе под нос.

С другого конца палаты слышался тихий стон – Рон пришёл в себя. Он сел, обхватив голову, и огляделся.

– Что... Что случилось? Гарри? Почему мы здесь? Где Сириус? Где Люпин? Что происходит?

Гарри с Гермионой переглянулись.

– Ты объясняй, – сказал Гарри и отправил в рот очередной кусок шоколада.

* * *

Назавтра в полдень вся троица покинула больничное крыло. Замок был пуст. Наступившая жара совпала с окончанием экзаменов, и все, кто мог, отправились в Хогсמיד насладиться всевозможными удовольствиями. Ни Рона, ни Гермиону Хогсמיד не привлекал и они вместе с Гарри бродили вокруг замка, обсуждая удивительные события минувшей ночи и гадая, где теперь могут быть Сириус и Брыклов. Сидя у озера и наблюдая, как гигантский

кальмар лениво вздымает над водой щупальца, Гарри на какой-то миг потерял нить беседы – он загляделся на другой берег. Ему почудился мчащийся прямо на него олень – как прошлой ночью...

На друзей упала тень, и, подняв глаза, они увидели Хагрида – лесничий вытирал от пота изрядно опухшую физиономию носовым платком размером с хорошую скатерть и лучезарно улыбался.

– Ну, понимаю... нечего радоваться... как всё вышло ночью, – загудел он. – Ну то есть, что Блэк опять сбежал, и всё такое. Но угадывайте-ка что?

– Что? – наперебой закричали все, изображая любопытство.

– Ключик! Он сбежал! Он на свободе! Я того... всю ночь праздновал...

– Как замечательно! – воскликнула Гермиона, метнув на Рона, готового расхохотаться, укоризненный взгляд.

– Да. Видно, я не привязал его как следует... – Хагрид сияющим взглядом озирает луга. – Я вот только беспокоился... утром... н-ну.. вдруг он где встретил профессора Люпина, но Люпин... говорит, никогда... то есть не ел никого в эту ночь...

– Что-что? – растерянно спросил Гарри.

– Чёрт, вы шо, не слышали? – посерьёзней Хагрид. Он понизил голос, хотя вокруг не было ни души. – Ну, Снейп, значит... всем слизеринцам сказал... я думал, все уже знают... Профессор Люпин, он ведь того – оборотень. Ну его и носило по полям... прошлой-то ночью. Теперь он, понятное дело, это... собирает вещи.

– *Собирает вещи?* – встревожился Гарри. – Почему?

– Уезжает потому что... – удивился Хагрид столь странному вопросу. – Он перво-наперво нынче же утром... уволился. Не могу, грит, подвергать риску опять.

Гарри вскочил на ноги.

– Пойду повидаясь с ним, – сказал он друзьям.

– Но если он уволен...

– Мы ничего не сможем поделать...

– Всё равно я хочу его видеть. Встретимся здесь.

* * *

Дверь в кабинет Люпина была приотворена. Он уже упаковал почти все вещи. Возле потрёпанного чемодана стоял пустой бак, где когда-то сидел гриндилоу, чемодан был открыт и почти заполнен. Люпин склонился над чем-то у себя на столе и на стук поднял взгляд.

– Я видел, что ты идёшь, – улыбнулся Люпин, указав на пергамент, который разглядывал. Это была Карта Мародёра.

– Мы сейчас говорили с Хагридом, – начал Гарри. – Он сказал, что вы уволились. Ведь это неправда?

– Боюсь, что правда, – ответил Люпин, выдвигая ящики стола и выгружая содержимое.

– Но почему? Министерство магии уверено, что вы помогали Сириусу?

Люпин подошёл к двери и закрыл её.

– Нет. Профессор Дамблдор сумел убедить Фаджа, что я хотел спасти вам жизнь. – Он вздохнул. – Но для Северуса это была последняя капля. Думаю, особенно сильно его задела потеря ордена Мерлина. Вот он и... хм... *случайно* проговорился сегодня за завтраком, что я – оборотень.

– Но вы ведь не из-за этого уезжаете?

Люпин горько усмехнулся.

– Завтра в это время прилетят совы с письмами от родителей. Они не захотят, Гарри, чтобы оборотень учил их детей. И после минувшей ночи я разделяю их точку зрения. Я мог укусить любого из вас... это не должно повториться.

– Но вы замечательный, самый лучший преподаватель защиты от Тёмных искусств! Не уезжайте!

Люпин покачал головой и ничего не ответил. Гарри искал слова, способные уговорить его остаться. Но Люпин его опередил:

– Директор утром сказал, что ночью ты спас несколько жизней, Гарри. Если я и вправе чем-то гордиться, то это тобой. Ты действительно многому научился. Расскажи о твоём Патронусе.

– Откуда вы это знаете? – изумился Гарри.

– Что же ещё могло прогнать дементоров?

Гарри рассказал ему, что произошло, и Люпин снова улыбнулся.

– Да, твой отец всегда превращался в большого оленя. Ты правильно угадал... поэтому мы и прозвали его Сохатый.

Люпин бросил последние книги в чемодан, задвинул ящики стола и повернулся к Гарри.

– Вот, возьми, я это подобрал в Визжащей Хижине пропавшей ночью. – Он протянул Гарри плащ-невидимку.

Поколебавшись, отдал мальчику и Карту Мародёра:

– Поскольку я больше не преподаватель, могу не чувствовать угрызений совести, что возвращаю тебе и это тоже. Мне она больше не пригодится, а вы с Роном и Гермионой, полагаю, найдёте ей применение.

Гарри с улыбкой взял Карту.

– Вы однажды сказали, что Лунатик, Бродяга, Сохатый и Прихвост наверняка захотели бы выманить меня из школы... вот бы они повеселились...

– Да, конечно. – Люпин закончил сборы и закрыл чемодан. – Без тени сомнения заявляю, Джеймс был бы страшно разочарован, если бы его сын не нашёл ни одного потайного выхода из замка.

В дверь кто-то постучал. Гарри поспешно засунул в карман Карту Мародёра и плащ-невидимку.

Это был профессор Дамблдор. Он ничуть не удивился, застав в кабинете Гарри.

– Ваш экипаж у ворот, Римус.

– Спасибо, директор.

Люпин поднял старый чемодан и пустой бак из-под гриндилоу.

– Что же, Гарри, прощай. Учить тебя было истинным удовольствием. Уверен, мы когда-нибудь ещё встретимся. Директор, нет необходимости провожать меня до ворот, я сам справлюсь...

Люпин, подумал Гарри, хочет покинуть школу как можно скорее.

– До свидания, Римус, – спокойно сказал Дамблдор.

Люпин взял под мышку бак, и они с Дамблдором обменялись рукопожатием. Улыбнувшись Гарри на прощанье, Люпин быстрым шагом вышел из кабинета.

Гарри сел в опустевшее кресло, хмуро уставившись в пол. Он услышал, как закрылась дверь, и поднял голову – Дамблдор был всё ещё тут.

– Почему ты так расстроен, Гарри? – спросил директор. – После этой ночи ты вправе собой гордиться.

– Я ничего толком не поменял, – с горечью заметил Гарри. – Петтигрю ведь сбежал...

– Ничего не поменял? – тихо произнёс Дамблдор. – Произошло важнейшее, Гарри. Ты помог установить истину. Спас невинного человека от ужасной судьбы...

Ужасной. Что-то шевельнулось в памяти у Гарри. «Ещё более великим и ужасным, чем когда-либо раньше...» Предсказание профессора Трелони!

– Профессор Дамблдор... Вчера во время последнего экзамена у профессора Трелони... она стала очень... очень странной...

– В самом деле? – произнёс Дамблдор. – М-м-м... Ты хочешь сказать – ещё более странной, чем обычно?

– Да-да... Голос сделался низкий, глаза закатились, и она сказала... сказала, что ещё до полуночи слуга Волдеморта вернётся к своему хозяину... Сказала, что слуга поможет ему вернуть силы. – Гарри посмотрел на Дамблдора. – А потом вдруг пришла в себя и не помнила ни слова из того, что говорила. Могло это быть... могла она действительно предвидеть будущее?

На Дамблдора история не произвела особого впечатления.

– Знаешь, Гарри, полагаю, что могла, – произнёс он задумчиво. – Чего не бывает! Выходит, она уже сделала два настоящих предсказания! Надо бы прибавить ей жалованье...

– Но... – Гарри поражённо взглянул на Дамблдора: почему он так спокойно это воспринял? – Из-за меня Сириус и профессор Люпин не убили Петтигрю! Если Волдеморт вернётся, в этом буду виноват я!

– Не будешь, – безмятежно ответил директор. – Неужели, Гарри, твоё приключение с временеворотом ничему тебя не научило? Последствия наших поступков всегда так сложны, так разнообразны, что предсказание будущего и впрямь невероятно трудная задача. И профессор Трелони – храни её Бог – живое тому доказательство. Это благороднейший поступок – то, что ты спас жизнь Петтигрю.

– А вдруг он поможет Волдеморту вновь обрести силу...!

– Петтигрю обязан тебе жизнью. Ты послал к Волдеморту того, кто перед тобой в долгу. Когда один колдун спасает жизнь другому, между ними создаётся связь... или я сильно заблуждаюсь, но вряд ли Волдеморт захочет, чтобы его слуга был в долгу у Гарри Поттера.

– Но я не хочу, чтобы между мной и Петтигрю была связь! – вскрипел Гарри. – Он предал моих родителей!

– Это самые сокровенные глубины магии, Гарри, её непостижимая суть... Но поверь: может быть, наступит день, когда ты будешь рад, что сохранил жизнь Питеру Петтигрю.

Такого Гарри не мог себе представить. Дамблдор как будто прочитал его мысли:

– Я очень хорошо знал твоего отца – и в Хогвартсе, и позже... Он тоже пощадил бы Петтигрю, я в этом уверен.

Гарри посмотрел на Дамблдора. Да, он не станет смеяться, ему можно рассказать...

– Прошлой ночью... Я подумал, это мой отец создал Патронуса... Когда я увидел на той стороне озера самого себя, то решил, что вижу его...

– Здесь несложно ошибиться, – тихо проговорил Дамблдор. – Тебе, наверное, уже надоело это слышать, но ты и в самом деле *необычайно* похож на Джеймса. От матери у тебя только глаза.

Гарри покачал головой.

– Это была глупость. Я же знал, что он умер.

– Ты думаешь, что мёртвые, которых мы любили, навсегда нас покинули? Но ведь мы их зовём, когда нам плохо. Твой отец живёт в тебе, Гарри, и он, очевидно, явил себя, когда ты так в нём нуждался. Да как иначе ты смог бы сотворить именно *такого* Патронуса? Этой ночью Сохатый вновь вышел в поле.

До Гарри не сразу дошло значение сказанных Дамблдором слов.

– Сириус мне поведал вчера, как они стали анимагами, – улыбнулся директор. – Неслыханное достижение! Как, впрочем, и то, что они сумели скрыть его от меня. Тогда-то я и вспомнил, как необычно выглядел тот твой Патронус. Помнишь, который атаковал Малфоя на матче Гриффиндор – Рэйвенкло. И ты вправду видел отца этой ночью, Гарри. Ты нашёл его в своём сердце.

И Дамблдор вышел из кабинета, оставив Гарри в полном смятении.

* * *

Кроме Гарри, Рона, Гермионы и профессора Дамблдора, никто в «Хогвартсе» не знал доподлинно, что случилось с Сириусом и Брыкловым. В последние дни перед каникулами Гарри услышал множество версий о том, что тогда произошло, но ни одна из них не была близка к истине.

Малфоя исчезновение Брыклова привело в ярость. Ясно как божий день: Хагрид нашёл способ тайком отправить гиппогрифа в какое-то укрытие. Непереносимое оскорбление – лесничий обвёл вокруг пальца старшего и младшего Малфоев. А вот Пёрси Уизли больше возмущало бегство Сириуса Блэка.

– Если буду работать в Министерстве, предложу массу проектов по укреплению магического правопорядка! – распространялся он перед единственным слушателем – его подружкой Пенелопой.

Несмотря на прекрасную погоду и всеобщее веселье, несмотря на то, что друзья совершили почти невозможное для спасения Сириуса, Гарри никогда ещё не встречал конец учебного года в столь скверном расположении духа.

Разумеется, не одного его огорчил уход профессора Люпина. Весь класс переживал отставку профессора.

– Кого же они нам дадут в будущем году? – уныло вопрошал Шеймас Финниган.

– Может, вампира, – размышлял Дин Томас.

Но не только отъезд Люпина расстраивал Гарри. Он постоянно думал о пророчестве профессора Трелони: где прячется Петтигрю, добрался ли он до тайного убежища Волдеморта. Но что особенно отравляло жизнь – близившаяся встреча с Дёрзли.

Всего полчаса – но какие восхитительные – он верил, что отныне будет жить у Сириуса, друга родителей... прекраснее этого была только мысль, что отец жив. Однако, отсутствие новостей о Блэке радовало: значит, его не поймали. Но, думая о доме, который, казалось, уже есть, а теперь стал недостижимой мечтой, Гарри чуть ли не впадал в отчаяние.

Результаты экзаменов были объявлены в последний день семестра. Гарри, Рон и Гермиона всё сдали успешно. Гарри был очень удивлён, что не провалился на зельях, и заподозрил, что без вмешательства Дамблдора не обошлось.

В последнюю неделю поведение Снейпа было и впрямь тревожно: и раньше неприязнь Снейпа к нему была сильна, но теперь перешла все границы. Когда он глядел на Гарри, уголки его тонкого рта злобно подёргивались, пальцы сжимались и разжимались, как будто хотели сомкнуться на горле мальчика.

Пёрси отлично сдал КРОТа, а Фред и Джордж вполне сносно прошли СОВ. Гриффиндор, в основном благодаря великолепному выступлению на матче за квиддичный кубок, выиграл кубок школы вот уже третий год подряд. Так что прощальный банкет проходил среди красно-золотого убранства, и гриффиндорский стол был самым шумным из всех. Даже Гарри, на время забыв о Дёрзли, ел, пил и смеялся наравне со всеми гриффиндорцами.

* * *

Когда на следующее утро «Хогвартс-Экспресс» отошёл от станции, Гермиона поведала друзьям неожиданную новость.

– У меня сегодня был разговор с профессором МакГонагалл... перед самым завтраком. Я решила бросить изучение магглов.

– Но ты ведь сдала экзамен с тремястами двадцатью процентами! – сказал Рон.

– Знаю, – вздохнула Гермиона. – Но ещё одного такого года мне не выдержать. С этим времеворотом я чуть с ума не сошла... короче, я сдаюсь. Без прорицания и магглов я опять буду учиться по нормальному расписанию.

– До сих пор не могу *смириться* с мыслью, что ты не рассказала нам про времеворот, – обиженно пробурчал Рон. – Мы ведь твои *друзья*...

– Но я дала слово не говорить *никому*, – сказала Гермиона.

Гарри наблюдал, как башни Хогвартса постепенно скрываются за горой. Он увидит их опять лишь через два долгих месяца...

– Не вешай нос, Гарри! – Гермиона с участием посмотрела на него.

– Я не вешаю, – поспешно отозвался тот. – Просто задумался о каникулах.

– Я тоже о них думаю, – заметил Рон. – Гарри, ты обязательно приедешь к нам. Я договорюсь с мамой и папой и позвоню тебе – теперь я знаю, как пользоваться фелетоном...

– *Телефоном*, Рон, – поправила его Гермиона. – Вот тебе бы не помешало заняться изучением магглов на четвертом курсе.

Рон это проигнорировал.

– Этим летом Чемпионат мира по квиддичу! Что скажешь, Гарри? Приедешь к нам, обязательно туда отправимся! Папа нам запросто достанет билеты.

Эти слова сразу же подняли настроение Гарри!

– Да... Готов поспорить, что Дёрзли с радостью меня отпустят. Наверное, не забыли, как я надул тётушку Мардж.

Приободрившись, Гарри сыграл с Роном и Гермионой несколько партий в «Разрывной Щелчок». А когда появилась ведьма с чайным столиком на колёсах, он заказал плотный обед – правда, без всякого шоколада.

Но только после полудня начались события, которые окончательно рассеяли мрачные мысли Гарри.

– Гарри, – вдруг сказала Гермиона, глядя поверх его плеча, – что там такое у тебя за окном?

Обернувшись, Гарри посмотрел наружу. За стеклом металось что-то маленькое и серое. Он встал, присмотрелся – крошечная сова несла письмо, которое было чересчур велико для неё. Она была так мала, что едва справлялась с воздушным потоком, обтекающим вагон. Гарри быстро опустил раму, высунул руку и поймал малютку – по ощущению она напоминала пушистый снитч. Он осторожно внёс её внутрь. Уронив письмо на сиденье Гарри, сова весело заметалась по купе, явно довольная, что выполнила поручение. Величественная Хэвиг неодобрительно щёлкнула клювом. Косолап привстал, следя за гостями хищными жёлтыми глазами. Заметив это, Рон осторожно поймал сову, и Косолап остался ни с чем.

Гарри подобрал письмо, оно было адресовано ему. Он вскрыл его и ахнул:

– От Сириуса!

– Что? – в один голос воскликнули Рон и Гермиона. – Читай вслух!

«Дорогой Гарри!

Надеюсь, ты получишь это письмо ещё до того, как встретишься с дядей и тёттей.

Не знаю, как они относятся к совиной почте.

Мы с Брыкловом в надёжном месте. Не хочу говорить где – на случай, если письмо попадёт не в те руки. Эта сова – не самый лучший почтальон. Но я не смог здесь найти ничего лучшего, и вдобавок, она, похоже, искала работу.

Скорее всего, дементоры всё ещё ищут меня, но здесь найти у них шансов нет. Планирую на днях мельком показаться одному-другому магглу, как можно дальше от Хогвартса. Так что охрану замка в ближайшее время снимут.

Я кое-что не успел тебе рассказать во время нашей короткой встречи. Это я прислал тебе «Всполох»...

– Вот видите! – торжествующе произнесла Гермиона. – Я же говорила, что это от него!

– Да, но слезы-то он не накладывал! – возразил Рон. – Ой!

Крохотная сова, которая дружелюбно ухала, уютно устроившись у него в руке, ухватила Рона за палец – хотела, наверное, выразить ему свою симпатию.

«...Косолап отнёс мой заказ на почту от твоего имени. Но золото я распорядился взять в «Гринготтсе» из моего личного сейфа номер семьсот одиннадцать. Считай это подарком от крёстного отца за все тринадцать лет рождения.

И прости меня, что я тебя напугал той ночью, год назад, когда ты ушёл из дома дяди. Я хотел хоть одним глазком взглянуть на тебя перед дальней дорогой на север.

Но, боюсь, мой вид встревожил тебя.

Посылаю ещё кое-что, это скрасит твой четвёртый год в Хогвартсе.

Если я вдруг понадобится, черкни словечко. Твоя сова найдёт меня.

Вскоре напишу снова.

Сириус».

Гарри с нетерпением заглянул в конверт. Там был ещё один кусок пергамента. Он быстро пробежал его глазами, и так ему стало тепло и хорошо, словно он залпом выпил бутылку горячего сливочного пива.

«...Я, Сириус Блэк, крёстный отец Гарри Поттера, настоящим разрешаю ему посещение деревни Хогсмид по выходным.»

– Для Дамблдора этого будет достаточно! – ликовал Гарри. – Подождите, здесь ещё постскрипtum...

«P.S.

Думаю, твой друг Рон, пожелает взять эту сову, ведь по моей вине у него больше нет крысы.»

У Рона широко открылись глаза. Миниатюрная сова возбуждённо заухала.

– Взять эту сову? – повторил он с сомнением в голосе. Мгновение внимательно разглядывал сову, перевёл взгляд на Гарри и вдруг, к величайшему изумлению Гермионы, поднёс птицу к Косолапу, чтобы тот обнюхал.

– Ты как считаешь? – спросил он у кота. – Это настоящая сова?

Косолап заурчал.

– Вот и отлично, – удовлетворённо кивнул Рон. – Сова моя!

Гарри читал и перечитывал письмо Сириуса всю дорогу до вокзала Кингс-Кросс. Он всё ещё сжимал его в руке, когда они с Роном и Гермионой миновали барьер платформы девять и три четверти. Гарри тут же заметил дядю Вернона – он стоял, держась подальше от мистера и миссис Уизли, и подозрительно на них поглядывал. Увидев Гарри, миссис Уизли радостно бросилась к нему, и самые худшие опасения дядюшки подтвердились.

– Я позвоню тебе насчёт Чемпионата! – крикнул Рон вслед Гарри, который уже простился с друзьями и катил тележку, нагруженную чемоданом и клеткой с Хэдвиг, к дяде Вернону. Тот приветствовал мальчика в обычной манере.

– Что ещё? – со злобой буркнул он, уставившись на конверт в руке Гарри. – Если я опять должен что-то подписывать, поищи себе кого другого...

– Нет-нет, – успокоил его Гарри. – Это письмо от моего крёстного отца!

– Крёстного отца? – мгновенно рассвирепел дядя Вернон. – Нет у тебя никакого крёстного отца!

– Есть! – просиял Гарри. – Он был лучшим другом моих родителей. Его осудили как убийцу, но он сбежал из тюрьмы для колдунов и сейчас скрывается. Но со мной он поддерживает связь... Беспокоится обо мне... Следит, чтобы мне было хорошо...

И, улыбнувшись тому ужасу, который отразился на лице дяди Вернона, Гарри зашагал к выходу со станции. Стоявшая на чемодане клетка с Хэдвиг сильно гремела, и, кажется, это лето обещало быть гораздо приятнее предыдущего.

[КОНЕЦ ТРЕТЬЕЙ КНИГИ.]

Перечень заклинаний:

- Accio* (Аксио) – притягивает к себе предметы.
- Aguamenti* (Агуамэнти) – производит воду.
- Alohomora* (Алохомора) – отпирает замки.
- Anapneo* (Анапнео) – прочищает дыхательные пути.
- Aparecium* (Апарэснум) – обнаруживает невидимые чернила.
- Avada Kedavra* (Авада Кедавра) – смертельное проклятие.
- Aviz* (Авис) – создаёт стаю птичек.
- Cave inimicum* (Кавэ инимикум) – чары, создающие барьер, скрывающий создателя от посторонних глаз.
- Colloportus* (Коллопортус) – запечатывает двери.
- Confringo* (Конфринго) – взрывает объект.
- Conjunctivitus* (Конджанктивайтус) – ослепляет противника.
- Confundo* (Конфундо) – Конфундус (дезориентация) сбивает человека с толка.
- Crucio* (Крусио) – Крусиатус (пытка) мучает противника.
- Defodio* (Дефодио) – расширяет отверстия.
- Deletrius* (Делитриус) – расщепляет или удаляет объекты.
- Densaugeo* (Денсогио) – быстрый рост передних зубов.
- Deprimo* (Депримо) – убирает, ломает препятствие.
- Descendo* (Дессэндо) – опускает, роняет предметы.
- Dissendium* (Диссенднум) – открывает скрытый в статуе вход.
- Diffindo* (Диффиндо) – заклятие ножниц, разрезает ткань.
- Duro* (Дьюро) – превращает предметы в камень.
- Engorgio* (Энгорджио) – увеличивает предмет.
- Episkey* (Эписки) – прекращает кровотечение, вправляет кости.
- Erecto* (Эрэкто) – раскрывает раздвижные предметы.
- Evanesco* (Иванэско) – исчезновение объекта.
- Expecto patronum* (Экспекто патронум) – создаёт Патронус.
- Expelliarmus* (Экспеллиармус) – разоружает противника.
- Expellimellius* (Экспеллимеллиус) – поджигает объект.
- Expulso* (Экспулсо) – взрывает объект.
- Ferula* (Ферула) – накладывает шину на повреждённую конечность.
- Finite* (Финитэ), *Finite Incantatem* (Финитэ Инкантатэм) – прекращает действия заклинаний.
- Flagrante* (Флагрэнтэ) – раскаляет предмет.
- Flagrate* (Флэгратэ) – помечает предмет светящимся крестом.
- Furnunculus* (Фурнанкулюс) – вызывает на теле противника нарывы.
- Geminio* (Джеминио) – создаёт копию вещи.
- Glisseo* (Глиссео) – превращает ступени в покатую горку.
- Homenum Revelio* (Хоменум ревилио) – обнаружение человека.
- Impedimenta* (Импедимента) – заклятие помех (затормаживает или отбрасывает объект).

Imperio (Имперно) – Империус (подвластие) управляет противником.
Impervius (Импервиус) – водоотталкивающее заклятие.
Incarcerous (Инкарсэрос) – связывает противника верёвками.
Incendio (Инсендио) – поджигает объект.
Langlock (Лэнглок) – язык противника прилипает к нёбу.
Legilimens (Леджилименс) – проникновение в сознание.
Levicorpus (Левикорпус) – подвешивает противника вниз головой.
Liberacorpus (Либеракорпус) – выключает действие Левикорпус.
Locomotor (Локомотор) – передвигает предметы.
Locomotor Mortis (Локомотор мортис) – склеивает ноги противника.
Lumos (Люмос) – вызывает свет из палочки.
Meteoljinx recanto (Метеолоджинкс реканто) – останавливает атмосферные осадки.
Mobilicorpus (Мобилиарбус), *Mobilicorpus* (Мобиликорпус) – перемещение конкретных предметов по воздуху.
Morsmordre (Морсмордрэ) – создаёт Тёмную Метку.
Muffliato (Маффлиато) – уши противника заполняются гудением.
Nox (Нокс) – выключает действие *Lumos*.
Oblivate (Обливиатэ) – стирает память.
Obscuro (Обскюро) – завязывает глаза.
Oppugno (Оппugno) – заставляет животных атаковать противника.
Orchideous (Оркидеус) – создаёт букет орхидей.
Petrificus Totalus (Петрификус Тоталус) – парализует противника.
Piertotum Locomotor (Пнертотум локомотор) – заставляет двигаться статуи и доспехи.
Portus (Портус) – активизирует портключ.
Prior Incantato (Прайор инкантато) – Прайори инкантатэм – показывает последние заклинания волшебной палочки.
Protego (Протэго) – щитовые чары.
Quietus (Кваetus) – выключает действие *Sonorus*.
Reductio (Редюсио) – уменьшает объект.
Reducto (Редакто) – разбивает предмет.
Relashio (Релашно) – освобождение объекта от чего-то удерживающего.
Rennervate (Рэннэрватэ) – приводит в сознание.
Reparo (Репаро) – восстанавливает разбитое.
Rictusempra (Риктусемпра) – чары щекотки.
Riddikulus (Риддикулус) – заклинание против богарта.
Scourgify (Скёрджифай) – очищающее заклятие.
Sectumsempra (Сектумсемпра) – ранит как мечом.
Serpensortia (Серпенсортia) – создаёт змею.
Silencio (Силенсио) – заклятие немоты.
Sonorus (Сонорус) – увеличивает громкость голоса.

Specialis Revelio (Спешиалис ревиллио) – чары для обнаружения заклинаний, наложенных на предметы или зелья.

Stupefy (Стюпифай) – парализует противника.

Tarantallegra (Гаранталлегра) – ноги противника пускаются в безудержный пляс.

Tergeo (Тэрджэо) – очищающее заклятие.

Waddiwasi (Ваддивази) – заставляет предмет лететь в противника.

Wingardium Leviosa (Вингардиум Левиоса) – левитационное заклятие.

Аннотация

Двенадцать долгих лет в Азкабана – мрачной тюрьме магического мира – содержался всем известный узник по имени Сириус Блэк. Его обвиняли в убийстве тринадцати человек и считали наследником Лорда Волдеморта. И вот он бежал, и из оставленных им следов ясно, что на этот раз убийца поставил целью избавиться от Гарри Поттера. Теперь Гарри в опасности, даже за стенами своей колдовской школы, даже в окружении друзей – потому что среди них есть предатель, готовый открыть убийце путь в Хогвартс.